ЗВЕЗДЫ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ХУЭЙ ХУ

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ
«ТУМАННОСТЬ»
ЗА ЛУЧШИЙ НФ-РОМАН

ПЛАСТИКОВЫЙ ОКЕАН

Пластиковый океан

Ху Хуэй

Аннотация
Хуэй Ху. Пластиковый океан
(1) Юный инуит
(2) Потомок рыбаков
(3) Защитники животных
(4) На льдине
(5) Разочарованный ученый
(6) Погоня
(7) В море
(8) Нападение на лабораторию
(9) Подлинный пункт назначения
(10) Результаты эксперимента
(11) Охота на китов
(12) Оползень
(13) Жизнь на корабле
(14) Возвращение домой
(15) Безумие
(16) Осажденная деревня
(17) Безвыходное положение
(18) Роды
(19) Расшифровка
(20) Отъезд (1)

(21) Отъезд (2)
(22) Настоящее решение
(23) Домашний арест
(24) Встреча
(25) Суд
(26) Иголка в стоге сена
(27) «Карл Рейн»
(28) Высадка на «Хаякагэ мару»
(29) Что случилось после побега
(30) Странная плоть
(31) Месть
(32) Новости о «Карле Рейне»
(33) Страшный ответ
(34) Великий исход
(35) Встреча
(36) Тесный контакт
(37) Большой взрыв
(38) Рука помощи
(39) Запасной план
(40) Помощь извне
(41) Незваные гости
(42) Новый план
(43) Погоня
Эпилог
Год спустя

Аннотация

Недалекое будущее. Юный инуит Кована идет охотиться на тюленей, чтобы пройти инициацию, как его предки. Но у него ничего не получается, к тому же он оказывается на огромной льдине, отколовшейся от материка, вместе с белым медведем, пораженным загадочной болезнью. Выпускник университета Ватанабэ Ю отправляется в море вместе с рыбаками родной деревни. Он еще не знает, какими кошмарами обернется его решение, и сам скрывает немало секретов. Биоинженер Ли Шили работает над выведением растительных гибридов, способных разлагать пластик, и добивается поразительных, но чрезвычайно разрушительных результатов. Ральф Гейбл, бывший солдат, а ныне активист, занимающийся спасением дельфинов, совершает аварийную посадку на странном безжизненном острове посреди Тихого океана, которого нет ни на одной карте. И все они вскоре столкнутся с чем-то ужасным, новой формой жизни, идеально приспособленной для существования на изменившейся Земле,

чье появление может стать концом для всей планеты.

Хуэй Ху
Пластиковый океан

灰狐

固体海洋

Copyright © 2018 by
© Наталья Власова, перевод, 2025
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

* * *

(1) Юный инуит [1]

Рано утром Кована тихонько вышел из дома, пропитавшегося пивными парами. Чужаки на все голоса храпели в гостевой. Костер у двери не потух до конца, и темно-красные угли вспыхивали и гасли, словно борясь за жизнь.

Солнце висело в воздухе, почти такое же тусклое, как угасающий костер. Оно парило в небе уже два месяца, но пройдет еще один, и оно нырнет за горизонт, оставив после себя долгую темную ночь.

Это место называется Тигит, и оно служит домом для Кованы и еще восьмидесяти одного инуита.

Но Кована осмотрелся и не смог найти ничего, что принадлежало бы им. По рассказам дедушки, предки его племени были очень сильными, жили в иглу, построенных из снега, и носили шубы из шкур тюленей, на которых охотились. Настоящие инуиты преследовали китов на каяках, пронзали их черепа длинными костяными копьями, а

[1] Примечания: 1

Инуиты — самоназвание эскимосов, коренных обитателей Арктики (*Здесь и далее примечания переводчика*).

затем в одиночку тащили добычу обратно в свои деревни, получая похвалу от сородичей.

Но теперь, когда их землю обнаружили чужаки, все изменилось. Гости привезли много вещей, и теперь инуиты жили в домах из камня и пластмассовых ракушек, носили клетчатые рубашки из хлопка — а ведь Кована даже никогда не видел, как выглядит этот самый хлопок.

Чужаки пригоняли с юга вереницы грузовиков, груженных всякой всячиной, которую раздавали местным. Никому больше не нужно охотиться, женщины теперь не сдирают шкуру с туш тюленей — а если и делают это, то исключительно ради развлечения туристов, — вдобавок инуиты селят гостей у себя в обмен на деликатесы и одежду, а также различные интересные гаджеты.

Кована не нравится, что его народ забыл свои традиции.

Он вытащил из сугроба в углу то, что заранее приберег: рюкзак со снаряжением и самодельное костяное копье. От теплого и уютного дома Кована отделяла всего одна стена, а за ней отопление, пиво, душевая и телевизор, показывающий восемь каналов.

Но не в таком месте должны жить его родичи.

Кована должен выполнить свою миссию и

стать настоящим инуитом, чтобы спокойно наслаждаться комфортом.

Он закинул рюкзак на спину и стиснул костяное копье. Квадроцикл, который подарил ему чужак, стоял под навесом. Кована дотронулся до руля, но не поехал.

Надо полагаться на свои силы.

Он твердой походкой зашагал к северному леднику.

Хотя он никогда не общался с метеорологами, но подспудно чувствовал, что климат в последние годы становится теплее: стоя у дверей дома, видел, как вдалеке пробиваются зеленые сорняки — это уже не та белизна, которую Кована помнил. Снег с каждым годом отступает, и даже ледниковый пояс лопается, покрываясь мелкими кусками плавучего льда.

С появлением чужаков, мигрировавших туда-сюда, ледниковый пояс претерпевал и другие изменения. Раньше на подходе к нему приходилось распускать волосы и прятать за ними глаза, чтобы не развилась снежная слепота при виде бескрайних ледяных полей. Но теперь кромка ледника уже не такая монотонная, на поверхности видны разноцветные пятна — это пластмассовый мусор. Другие обломки, а порой

даже целые пластиковые бутылки, плавали в Северном Ледовитом океане, куда течения приносили их на волнах из далекого Тихого, и они оставались здесь.

Как и прочие вещи, что приносили с собой чужаки.

Кована ступил на ледник, шипы на ботинках крепко впились в поверхность. Он слегка согнул ноги, перенес центр тяжести и шаг за шагом медленно отправился вперед. Не хотелось признаваться, но альпинистские ботинки с кошками марки «Скрапа» оказались гораздо надежнее сделанных вручную шипов из оленьих рогов. Ему придется таким образом преодолеть семь километров, чтобы добраться до цели — лежбища тюленей. Он поймает и убьет тюленя так, как это делали предки, и пожертвует его жизнь богам, чтобы доказать чистоту своей крови.

Как же тяжело охотиться на этих толстых и глупых созданий, издающих звук, похожий на смех! Кована спланировал в уме тысячи охотничьих уловок и сейчас уверенно шагал, двигаясь к цели и наблюдая, как в выдыхаемом им тумане мерцает линия далекого ледника.

Во второй половине дня он добрался до места. Остановился и нашел участок с подветренной

стороны, где планировал собраться с силами для предстоящей битвы.

В рюкзаке он припас вяленую лосятину и воду, упаковав все так, как это делали чужаки. Металлический термос с водой слишком много весил, но зато у Кованы была возможность пить горячую воду, над которой поднимался пар, а не отбивать кубики льда, чтобы утолить жажду. Прижавшись спиной ко льду, Кована глотал лосятину всухомятку, согреваясь изнутри водой, и удивлялся, как его предки выживали на этой ледяной равнине. Некоторые штуковины, которые привезли с собой чужаки, пусть странные и противоречащие традициям, были очень удобными.

Кована неожиданно размечтался: он снова оказался в теплом каменном доме, на него дует теплый воздух, он пьет пиво и слушает истории о других мирах, которые рассказывают чужаки.

Наконец он заставил себя вернуться в реальность и встал против ветра. В лицо вновь ударил холод, пробрался сквозь щели в костюме, остужая тело.

Кована чувствовал, что стал настоящим инуитом.

Взрослый тюлень может весить до ста пятидесяти килограммов и достигать двух метров в длину.

Когда Кована подошел к месту их обитания и увидел сотни собравшихся вместе животных, он понял, что стоит за этими цифрами.

Огромные звери лежали на краю ледника, некоторые отдыхали, некоторые соскальзывали со льда в воду, а потом снова выскакивали на сушу. В воде плавало множество тюленей и горы пластиковых отходов. Когда животные выпрыгивали из воды, к их телам прилипали кусочки пластика, и тюлени казались разноцветными.

Кована осторожно подобрался к лежбищу. Его тревожил скрип зимнего костюма, но он быстро понял, что тюлени особо и не реагируют на его приближение, а потому осмелел, выпрямился и вошел прямо в стадо.

Тюлени не только не спрятались, но даже подвинули свои жирные тела поближе к нему. Через некоторое время вокруг него сгрудилась целая дюжина животных. Они устроились у ног Кованы, а некоторые даже тянули головы, чтобы потереться о его икры.

Один прислонился к Кована, перевернулся и улегся кверху брюхом. Его живот был испещрен мелкими шрамами и пестрыми шишками. Он порезался о пластиковый мусор, пока скользил на животе по льду. Хотя раны были неглубокими,

осколки навсегда остались в теле, когда царапина затянулась.

Юный инуит сжал костяное копье, высоко поднял его и снова опустил.

Он вышел из стада, медленно переступая через тела, и тюлень поменьше громко крикнул ему вслед.

Кована отступил еще на несколько шагов.

Краем глаза заметил, как сугроб рядом с ним зашевелился.

Кована резко развернулся и увидел перед собой белого медведя.

Он был ошеломлен, костяное копье едва не выпало из рук. Затем посмотрел в глаза зверю, опасаясь, что тот навалится на него всем весом, если он зазевается.

Хищник уставился на Кована, и секунд через десять инуит немного успокоился, а потом заметил кое-что странное.

Медведь был слишком худым, прямо-таки скелет, обтянутый шкурой, и слегка дрожал от свистящего холодного ветра.

Дедушка говорил, что белые медведи редко захаживают в этот район, поэтому инуиты могут прокормиться, охотясь на тюленей и лосей.

Здесь, где царил Северный Ледовитый океан,

они не только не могли найти пропитание, но даже оказывались на грани смерти.

Однако конкретно этот медведь вовсе не обладал величием, свойственным его виду: уголки глаз опущены, мутные глаза не были грозны, а при каждом вдохе под белоснежным мехом проступали ребра. Что еще хуже, большая часть морды с левой стороны распухла, и это вздутие тянулось от угла пасти к шее. В месте опухоли вся шерсть выпала, обнажив бугристую розовую кожу.

Вероятно, из-за этой странной болезни он не мог нормально охотиться, поэтому пришел сюда.

Кована подождал еще немного, но белый медведь все так же не реагировал. Юноша убрал копье, вытащил из рюкзака остатки вяленой лосятины и осторожно сунул под нос зверю.

Тот учуял аромат, повел носом и одним движением слизнул мясо, пару раз пожевал и проглотил.

Он не двинулся с места, но глаза, казалось, немного смягчились. Кована легонько потрепал хищника по морде, а белый медведь расслабился и лег, подогнув передние лапы, как ездовая собака в деревне.

Кована достал из рюкзака колбасу в пласти-

ковой упаковке, которую привезли чужаки, и ножом попытался прорезать пластик.

Внезапно он ощутил под ногами толчок.

Пошатнулся, чуть было не упав, но устоял. Заметил, как тюлени, лениво нежившиеся на льду, изогнулись, подпрыгнули и нырнули в море.

Затем его ушей достиг глухой и продолжительный гул, напоминавший вздох тысячелетнего ледника. Кована даже не догадывался, что в двух тысячах восьмистах метрах от него образовалась сквозная трещина и тот кусок льда, на котором он стоял, отвалился от основной массы.

Гладкая поверхность под ногами медленно накренилась, новый одинокий айсберг скорректировал собственный центр тяжести, чтобы принять более удобное положение.

Кована удержался, но вращение не прекращалось, а ускорилось. Тот конец, где стоял юный инуит, задирался, и ледник превратился в огромный ледяной склон.

Белый медведь тоже почуял опасность, встал и посмотрел на человека. Затем бросился к краю.

Кована на мгновение замер, потом развернулся и помчался что есть сил за хищником.

Айсберг продолжал опрокидываться, и в нескольких километрах от них раздавался

скрежет от трения пласта в месте разлома, увеличивавшегося с каждой минутой. Быстро поднимающийся ледник оставил брешь, и морская вода хлынула внутрь с громким гулом.

Возможно, помог тот кусок вяленого мяса, но ослабевший белый медведь вприпрыжку побежал вперед.

Кована погнался за зверем, но расстояние между ними увеличивалось, а ледяная поверхность теперь напирала на него, будто скала.

Белый медведь исчез за кромкой стены, а Кована осталось совсем чуть-чуть. Он подался вперед и глубоко вдохнул. Холодный воздух хлынул прямо в легкие, но он почувствовал обжигающий жар, словно вся грудь горела огнем.

Четыре шага, три шага, два… Кована поскользнулся и упал. Быстро съехал вниз по наклонной глади. До поверхности воды было двадцать метров, но в ней плавали обломки льда, и если бы Кована сейчас упал, то погиб бы еще до того, как оказался в океане.

В отчаянии он выхватил ледоруб, висевший на поясе, и ударил наугад. Острие вошло в айсберг, замедлив падение, но удар был слишком слабым, вскоре Кована сорвался и снова соскользнул вниз. Он снова вонзил ледоруб в лед. На этот раз

получилось лучше.

Поверхность превратилась в отвесную скалу, и юноша теперь болтался в десяти метрах от поверхности океана. Огромный ледник повернулся под нужным углом и начал выравниваться. Кована начал подниматься, орудуя ледорубом и опираясь на шипы ботинок. Когда айсберг снова развернулся, инуит уже успел закрепиться на месте.

Ледник качнулся взад и вперед несколько раз, прежде чем наконец нашел баланс.

В это время Кована подобрался к самой кромке ледяной стены.

Белый медведь лежал на краю обрыва и смотрел на человека сверху вниз. Увидев, что тот забрасывает ледоруб прямо перед его мордой, зверь в панике поднялся, отодвинулся в сторону, снова улегся и пристально посмотрел на инуита.

— Братишка, не мог мне помочь, что ли? — проворчал Кована, добравшись до края и подтянувшись на руках, чтобы перелезть на другую сторону.

На леднике еще оставались небольшие лужицы воды, но Кована было все равно, он лежал в одной из них рядом с белым медведем, тяжело дыша, и не мог прийти в себя.

Потом перевернулся на живот и высунул голову за край, как белый медведь, чтобы понять, насколько далеко находится от воды. После того как айсберг нашел баланс, большая его часть снова погрузилась под воду, а над ее поверхностью осталась лишь его верхушка.

Тюлени, которые только что в панике разбегались, вернулись и теперь плавали кругами в нескольких метрах от Кованы. Казалось, они хотели вернуться на ледник, чтобы продолжить лениво валяться, но не могли найти подходящее место, чтобы десантироваться на него.

— Найдите себе другое место. — Кована помахал тюленям, почти забыв, что всего несколько минут назад хотел убить одного из них.

Он повернул назад и полез вверх по склону. Казалось, облака немного рассеялись, и небо прояснилось. Кована долго оглядывался по сторонам, не узнавая путь, по которому пришел сюда, но это уже не имело значения: он увидел, что глыба льда, на которой он сейчас находился, оторвалась от основного массива и уплывала все дальше и дальше, превратившись в изолированный остров.

После долгих размышлений Кована пришел к выводу: обратного пути нет. Но на смену разо-

чарованию пришло воодушевление — новое приключение только началось!

Он вернулся и проверил снаряжение. К счастью, все оказалось на месте, даже копье, мешавшее бежать, уцелело, отчего Кована почувствовал себя гораздо спокойнее.

Сидя рядом с белым медведем, он вынул последнюю колбасу и разделил ее на две части, половину отдал зверю, вторую съел сам.

— Остались только мы с тобой, — сказал Кована, жуя, — не ешь меня, я наловлю для тебя рыбы, ладно?

Белый медведь проглотил колбасу, облизнулся, посмотрел вдаль желтыми глазами и довольно засопел.

Низко висевшее солнце выглянуло из-за редких облаков, окрасив мерцающую воду в серебристый цвет.

(2) Потомок рыбаков

Сначала пришлось на самолете лететь из аэропорта Кансай в аэропорт Нанки Сирахама в префектуре Вакаяма, а затем еще три часа трястись на автобусе, чтобы добраться до поселка Унадзава. Ватанабэ Ю дремал, прислонившись к стеклу. Унадзава расположен в самой южной части полуострова Кии на побережье Тихого океана. Еще в дороге запах океана чувствовался в воздухе, дувшем через окно.

За поворотом перед ним вдруг разверзлась бескрайняя водная гладь, загородив собой весь мир, волны грохотали, создавая иллюзию, будто Ватанабэ Ю едет в поезде.

В Унадзаве больше никто не выходил, автобус оставил его в гордом одиночестве у автовокзала, а сам продолжил путь до следующего поселка.

Ничего не изменилось с тех пор, как четыре года назад Ватанабэ Ю приехал сюда впервые. Хотя шум волн ни на минуту не смолкал, он даровал ощущение умиротворения и спокойствия.

Полагаясь на собственную память, Ватанабэ Ю прошел по ровной и всегда мокрой тропинке ми-

мо рыбацких хибарок и добрался до дома своих дяди и тети.

Те жили в конце улицы в маленьком двухэтажном доме, и на верхнем этаже за окном вялились на солнце кальмары. По сравнению с прошлым разом строение, казалось, обветшало и усохло. А может, это просто я вырос, подумал Ватанабэ Ю и постучал.

Тетя открыла, смерила взглядом молодого человека на пороге, но не сразу узнала его. В Унадзаву частенько наведывались незнакомцы. Она молчала и смотрела на гостя настороженно. Точно так же, как четыре года назад, когда Ватанабэ Ю впервые приехал сюда.

— Тетя, это я, А-Ю, — сказал Ватанабэ, протягивая ей подарок, купленный в аэропорту Кансай.

— О-о-о-о! — протянула тетя, словно бы давая себе время вспомнить, а потом схватила племянника за руку. — Что стоишь? Заходи скорее!

Ватанабэ Ю последовал за тетей, разулся у входа и поднялся по скрипучей лестнице. Обстановка в гостиной площадью в десять дзё [2] была совсем простой, здесь стояли только полки да телевизор. Гость поставил подарок у стены и уселся на пол.

---

[2] Примечания: 2

Дзё — татами, традиционно площадь жилых помещений в Японии мерят именно в татами. Размеры татами 88 × 176 см.

Тетя принесла горячий чай и села напротив него. До приезда Ватанабэ Ю боялся, не припомнят ли родственники, что в прошлый раз они не попрощались, но, к его удивлению, тетя даже словом об этом не обмолвилась.

Ю кашлянул:

— Тетя, давно не виделись.

— У нас все в порядке. Дядя пошел выпить. Скоро рыболовный сезон. Посмотрим, что может получиться.

— Ага. — Ватанабэ Ю сделал глоток чая и пожал плечами. Морской бриз, дувший из окна, приносил прохладу. — А сейчас вообще много возможностей?

Тетя вздохнула:

— Намного меньше, чем раньше, рыбы поубавилось, да и покупателей тоже.

Он кивнул, нахмурился, подумал и решил сразу перейти к делу:

— Тетя, на этот раз я здесь, чтобы попросить вас об услуге.

— О какой?

— Я хочу вместе с дядей выйти в море.

— Ты… — Тетка оглядела племянника с ног до головы. — Забудь. Это очень тяжело, ты не выдержишь.

— Тетя, мне нужно. — Ватанабэ Ю достал из кармана диплом. — Я только что окончил факультет морской биологии Нагойского университета, но толком не выходил в море. Тетя, для меня это важно.

Женщина взяла диплом и открыла его. Читать она не умела, но нежно провела кончиками пальцев по чернилам на светло-желтой бумаге и улыбнулась.

— Давай-ка отыщем твоего дядю и застолбим тебе место на корабле.

— А где он?

— Где ж ему быть? Пьет.

Во всем этом поселке была только одна лавка-идзакая [3], торгующая спиртным, и дядя любил в свободное время пропустить там по паре стопок вместе с другими рыбаками.

Тетя взяла Ватанабэ Ю за руку и быстро пошла в сторону лавки, держа в другой руке его диплом. Племянник несколько раз порывался забрать документ, но не нашел подходящего случая открыть рот.

Они откинули занавеску, загораживающую вход в лавку, и с порога увидели его дядю Вата-

---

[3] Примечания: 3

Лавка-идзакая — тип японского неформального питейного заведения, в котором посетители выпивают после рабочего дня.

набэ Рё, который в расстегнутой рубахе сидел с несколькими толстыми мужиками. Они выпивали и болтали. При виде супруги дядя отставил стопку [4] и недовольно поинтересовался:

— Ты чего тут забыла?

— Ты посмотри, кто приехал! — Тетка подтолкнула племянника вперед.

— Дядя! — подал голос молодой человек.

— А, это ты… — равнодушно протянул дядя.

— Ого, А-Рё, это откуда у вас в семье такой дельный парень? — громко спросил один из его собутыльников.

— Сын старшего брата.

Все были в курсе конфликта между отцом Ватанабэ Ю и его братом, а потому в лавке повисло молчание.

— Ты только посмотри на это! — Тетя сунула Рё диплом под нос.

Дядя взял документ, открыл, потом протянул худощавому мужчине, сидевшему за тем же столиком:

— Эй, Кэйта, что тут написано?

Человек, к которому он обратился, взглянул на обложку:

---

[4] Примечания: 4

Речь о специальной стопке для саке, которая называется по-японски «отёко».

— Это университетский диплом.

— Диплом? — переспросил Рё, глядя на племянника. — Университетский диплом?

Кэйта кивнул.

— Нагойский университет, — сказал Ватанабэ Ю.

Дядя внезапно вскочил с места и крепко обнял племянника, потом схватил его за руку, вытащил в центр лавки и громко объявил:

— Видали, в семье Ватанабэ есть свой студент!

— Я уже выпустился, — поправил Ю.

— Не важно. — Дядя притянул его к себе. — Давай-ка выпей с нами стопочку, тебе же уже есть восемнадцать?

— Двадцать два.

— Значит, уже можно пить, давай отпразднуем сегодня! — Лицо дяди расплылось в улыбке.

Рё поставил стопку саке перед Ватанабэ Ю. Тот не мог отказаться, поэтому пришлось выпить залпом. Жидкость потекла по горлу, оставляя огненный след.

Дядя успел налить вторую, Ю взглянул на тетю, и она поспешила на помощь племяннику:

— Не спеши напиваться, дорогой. Ю хотел кое-что с тобой обсудить.

Дядя замер и скривился, не понимая, взять

стопку или отодвинуть, и, наконец, сам выпил саке и спросил:

— В чем дело?

— Я хочу пойти с тобой в море, — быстро сказал Ю.

— В море? — Рот дяди дважды дернулся, он огляделся, опустил голову и ничего не сказал.

Ватанабэ Ю подумал, что дядя против, и принялся объяснять.

Сидевший рядом бородатый мужик внезапно заговорил, причем так громко, что голос, казалось, гремел:

— Рё, не волнуйся, поплывете с племянником вместе со мной.

— Фудзивара, ты серьезно? — переспросил дядя, и у него загорелись глаза.

— Конечно! Не смотри на меня так. Когда я тебе врал?

— Всегда! — прошептал Кэйта, и все расхохотались.

Фудзивара тоже пару раз хохотнул, затем перестал улыбаться и серьезно сказал:

— Да, но только ты отвечаешь за этого молодого человека. И... — Фудзивара посмотрел на Ю. — Этот малый новичок, поэтому ему смогут предложить в три раза меньше.

Дядя открыл рот, словно хотел что-то сказать, но в итоге только кивнул.

Тетка ткнула племянника в спину, и он шагнул вперед, чтобы поблагодарить Фудзивару, но тот лишь отмахнулся:

— Не благодари! И не думай, что жизнь на море так же комфортна, как в городе. Если ты не справишься, то сбежать не получится.

— Нет, я уверен в себе, — твердо заявил Ватанабэ Ю.

— Хорошо. Если ты и правда хочешь меня отблагодарить, то можешь купить несколько токкури [5] саке. В семье Ватанабэ студент! Давайте отпразднуем! — предложил Фудзивара с полуулыбкой, спрятанной в бороде, и остальные поддержали его предложение.

Ватанабэ Ю вопросительно посмотрел на дядю, ища его совета, но тот хлопнул по столу:

— Давайте-ка, и поскорее!

Проницательный хозяин лавки уже приготовил саке. Ватанабэ Ю не знал здешних правил, поэтому просто расплатился и поставил на стол шесть токкури.

— Ладно, идите, вам не обязательно сидеть тут

---

[5] Примечания: 5

Токкури — название кувшина для саке.

с нами, — сказал дядя.

Тетка послушно увела племянника. В дверях он вдруг кое-что вспомнил, обернулся и спросил Фудзивару:

— Дядюшка, а когда мы выйдем в море?

— Скоро! — громко рассмеялся Фудзивара. — Дня через четыре.

Они вышли из лавки и пошли по каменистой дороге. Поселок был совсем маленьким и все жители друг друга знали, а потому новости о том, что сюда наведался городской студент, уже разнеслась по округе. А сейчас он еще и в море собирается, как простой деревенский парень, и это еще на какое-то время даст местным пищу для разговоров.

Некоторые люди даже останавливались, чтобы поглазеть на Ватанабэ Ю, и тетка приветствовала их, перекидывалась парой слов, а затем шла дальше.

Ватанабэ Ю помалкивал. До этого они с тетей встречались всего раз, четыре года назад.

По слухам, отец и дядя очень сильно поссорились, семья Ю уехала, и с тех пор с родней они не общались.

Четыре года назад Ватанабэ Ю поступил в университет и беззаботно проводил каникулы. Не

сообщив отцу, он самолично отправился в путешествие на поиск своих корней. По намекам, которые пару раз мелькнули в разговорах отца с матерью, он преодолел весь путь до поселка Унадзава. Впервые он увидел каких-то других родственников, кроме родителей.

Дядя и тетя — обыкновенные рыбаки, которые имели дело исключительно с морем, приземленные и неуклюжие. Они отнеслись к приезду племянника без отвращения, но и радости особой не испытывали, а лишь вежливо пригласили Ватанабэ Ю за стол. Еда была простой — рис и сашими, к которым подали домашний соевый соус. На столе стояли толстые фаянсовые миски, и они втроем молча ели, в темноте раздавался только стук деревянных палочек.

В тот день после ужина дядя курил у стены, а тетя убирала со стола. Ватанабэ Ю вышел за дверь и встал на обочину, глядя, как волны приносят к ногам белую пену. Влажный ветер, соленый и пахнущий рыбой, обдувал лицо. Он вдруг ощутил то, чего никогда не испытывал в городе — это было чувство дома.

В то время он был чистым душой, безрассудным юношей, и эта внезапная эмоция полностью овладела им. Он чувствовал, что это место — его

судьба, а океан был для него всем.

Когда последний луч солнца поглотила морская пучина, тетя вышла на поиски Ватанабэ Ю. Но на берегу никого не оказалось, племянник уехал. Он вернулся в то место, которое раньше называл домом, и твердо сказал отцу, что бросит экономический факультет и вместо этого начнет изучать морскую биологию.

Отец пришел в ярость, но сыну было все равно.

Четыре года спустя он многое знал об океане, и его чувства к поселку Унадзава также изменились. Он понимал, почему отец и дядя в ссоре, и сделал выбор.

Четыре года назад он нашел в этой деревне дом.

Но теперь решил все здесь разрушить.

Дядя вернулся очень поздно, пьяный, взглянул на приготовленный ужин, махнул рукой и пошел спать.

Ватанабэ Ю и тетя сели есть без него, а потом тетя вымыла посуду и постелила племяннику на татами в гостиной.

Тот не стал навязывать свою помощь, вышел на улицу, радуясь вечернему бризу. Тетя встревоженно последовала за ним, вероятно, испугавшись, что он снова исчезнет, не попро-

щавшись.

— Возвращайся, хочу посмотреть на океан, — сказал Ватанабэ Ю.

— Ты ведь не… — Тетка с подозрением посмотрела на племянника.

— Нет, — серьезно ответил он. — Обещаю!

— Хорошо. На улице ветрено, не стой тут слишком долго.

— Ладно!

Когда она ушла, Ватанабэ Ю огляделся, желая убедиться, что рядом никого нет. Потом достал из кармана брюк мобильник — не тот, которым обычно пользовался, а старенькую «Нокию» с кнопками и монохромным пиксельным экраном, но достаточно мощную, чтобы долгое время обходиться без подзарядки.

Он напечатал: «Шаг первый завершен» и нажал «Отправить».

Через некоторое время удалил текстовое сообщение из отправленных, выключил телефон и вернулся в дом.

Яркая луна отражалась в морской глади металлическим блеском.

(3) Защитники животных

Погода в ноябре на Гавайях стоит приятная, земля купается в ласковом солнечном свете. Нужно просто улечься на пляже в шезлонг, и можно наслаждаться ощущением власти над миром.

Добавьте стакан виски, и вы бог.

Ральф Гейбл тихонько покачал бокал, и кубики льда с хрустом столкнулись друг с другом.

Пришло сообщение. Ральф проверил телефон. Ага, японский студентик уже приступил к выполнению задания, очень хорошо. На душе стало намного веселее.

Наискосок от него сидели две блондинки. Одна из них, в красно-синем полосатом бикини, с улыбкой смотрела на него.

Ральф слегка приподнял солнцезащитные очки и вежливо кивнул.

Девушка повернула голову и сказала пару слов подруге, после чего обе разразились звонким смехом. Затем блондинка встала, обернула бледно-лиловое парео вокруг талии и двинулась в сторону Ральфа, держа в руке бокал вина.

Гейбл откинулся на спинку и облокотился на

шезлонг, чтобы пресс был заметнее. Он посмотрел на приближавшуюся женщину. Ее светлые волосы были собраны в простой хвост, подбородок заострен, а брови и глаза совсем как у Шарлиз Терон в тридцать лет. Еле заметные веснушки смягчали ее внешность, делая более милой. Морской бриз развевал парео, и длинные ноги блестели на солнце.

Ральфу уже исполнилось сорок два года, но его тело казалось намного крепче, чем у большинства обычных парней на пике формы, в этом он был достаточно уверен, и это могли подтвердить многие женщины.

Он отпил виски и стал ждать.

— Пункт D, Ральф, — прошептал Энди Райли ему на ухо.

— Да?

— Да, подойдешь через три минуты, сунешь банкноту в сто баксов и скажешь: «Здесь красивее или на Большом Барьерном рифе?»

— Черт возьми, пароль да еще и сто баксов? У нас хватит денег?

— Может, тогда закажешь отель классом пониже на пару звезд? Сэкономишь немного.

— Забудь.

Ральф встал и сам подошел к блондинке:

— Ты прекрасна, но у меня кое-какие дела. Могу в другой раз угостить тебя выпивкой?

Девица замерла на несколько секунд, а потом процедила: «Мудак» и выплеснула вино в лицо Ральфу.

Пункт D — пункт проката снаряжения для дайвинга. Его владелец — молодой человек со смуглой кожей и густыми кустистыми бровями, по внешности которого не определить, местный ли он или индеец.

Ральф вручил парню стодолларовую купюру и сказал:

— Здесь красивее или на Большом Барьерном рифе?

Продавец взял деньги, посмотрел на номинал, фыркнул:

— Чувак, сколько ты выпил с утра? Я не хочу, чтобы ты утонул в море в моем водолазном костюме.

— Я всего один глоток успел сделать, остальное в меня плеснула одна девица, — сказал Ральф, — так здесь красивее или на Большом Барьерном рифе?

— Разумеется, Большой Барьерный риф красивее, самый длинный коралловый риф в мире. — Владелец проката покачал головой и

хмыкнул: — Вот уж правда, не понимаю, что у вас на уме.

Как-то не похоже на «отзыв-пароль», решил Ральф.

— Черт возьми, забудь! — Он выхватил стодолларовую купюру и вытащил двадцатку. — Мне нужен гидрокостюм!

На коралловом рифе толпились туристы, большинство из них начали фотографировать, даже не надев гидрокостюмы.

— Энди, сука, нет никакого пароля?!

— Конечно, нет. Гидрокостюмы может взять любой желающий. Я просто потакаю твоей страсти к теории заговоров, и все.

— Иди к черту, — выругался Ральф и отключился прежде, чем Энди успел рассмеяться.

Гейбл вернулся в отель с водолазным снаряжением. В комнате и на кровати царил настоящий кавардак. Он обыскал номер, но винные бутылки на полу оказались пусты, запаса алкоголя не осталось.

В баре в вестибюле отеля было пустынно. Ральф попросил у бармена бокал виски. Как только ему налили выпить, рядом материализовалась женщина, похожая на кошку, и промурлыкала:

— Почему бы тебе не купить выпить и мне?

Ральф повернулся, и она широко ему улыбнулась. Копна золотистых завитков, волнами ниспадающих на гладкие плечи, широкий лоб и крупный нос, но прелестные глаза. Ральф к такому давно привык. Поднял руку, бармен сразу все понял и налил женщине бокал вина.

Гейбл размышлял, с чего начать разговор, и тут женщина первой заговорила:

— Ты меня не помнишь!

Сердце Ральфа вдруг упало. Он продолжал улыбаться, разглядывая незнакомку, и тут вспомнил, что в последний раз, когда приезжал сюда, провел два дня с этой милой дамой. Она дрессировала дельфинов, и именно от нее он узнал, как попасть в дельфинарий.

— Мэри? Нет? Молли? Хм… — Ральф попытался отыскать в памяти имя собеседницы.

— Меня зовут Маша. — Она по-прежнему ослепительно улыбалась. — Снова наблюдаешь за дельфинами?

— Ну да, — Ральф сделал глоток виски, — а ты все еще их дрессируешь?

Маша кивнула и с грустью посмотрела прямо перед собой. Ральф растерялся, не понимая, что сказать: через несколько дней он выпустит дельфинов на свободу, а она потеряет работу. Он

покачал головой, чтобы избавиться от чувства вины.

Потом обнял Машу за плечи:

— Пойдем, я помню, что тебе нравится ресторан на вершине горы.

Ночью Ральф тихо встал с постели, пока Маша крепко спала. Выскользнул из комнаты со снаряжением для дайвинга. Всю ночь по улицам сновали орды туристов. Он надел водолазную маску, прежде чем выйти, чтобы его лицо не мелькало на туристических фотографиях, размещенных в сети, которые смотрят миллиарды человек.

Вода вокруг коралловых рифов была прозрачной, солнце пробивалось сквозь морскую гладь, напоминающую синеву драгоценных камней, а любопытные разноцветные рыбки окружали не менее любопытных туристов.

Ральф заплыл в расщелину внутри коралловых образований, подальше от толп туристов, и нырнул в толщу воды. На мысе стоял отель «Валай», самый большой и роскошный на острове. Гостей радовал высококлассный дизайн, отменный сервис и роскошные номера, но помимо этого в отеле была и особая услуга — шоу дельфинов.

Бассейн, где их держали, находился у самого мо-

ря, но здесь все было куда проще, чем в отделе, и не соблюдались особые меры предосторожности.

Ральф выбрался на берег, поднялся по тропинке вверх, небрежно сел на край бетонного бассейна и снял маску. Энди, проводя сбор данных, выяснил, что гидрокостюмы, которые сдают в пункте проката D, той же модели, что и у местных дрессировщиков. Так что все равно, пусть даже его кто-то и заметит.

Он включил передатчик:

— Энди, я на месте.

— Где тебя носит?

— Ну извини, такси по дну моря не бывает.

— Сколько там животных?

— Двенадцать.

Ральф сделал несколько снимков с помощью экшн-камеры, которую носил с собой, и отправил Энди.

— Твою ж мать, условия и правда просто трындец, столько дельфинов в такой клетушке, — выругался Энди.

— Ну, теперь все в наших руках. Когда?

— Послезавтра.

— Хорошо, тогда не беспокой меня эти два дня.

Ральф бултыхал ногами в бассейне, и один дельфин, приняв его за смотрителя, высунул

голову из воды и нежно коснулся ступни, в ответ Ральф похлопал его по спине.

— До послезавтра, дружок.

В ожидании задания можно было лишь прикидываться обычным туристом. Маша оказалась весьма прилипчивой особой, и Ральф понимал, что вскоре причинит ей боль и у него не будет другого выбора, кроме как тайком сбежать, а потому сейчас он ее всячески развлекал.

Яхта прыгала по волнам и стрелой неслась вперед. Ральф и Маша стояли на носу, зажмурившись от ветра. Волны разбивались на множество водяных капелек, переливавшихся в солнечных лучах всеми цветами радуги.

— Давай сфотографируемся вместе! — Маша схватила Ральфа за руку, прижалась к нему и подняла смартфон. На экране они, сонные, прижимались друг к другу щеками, а над их головами вспыхнула яркая радуга.

— Это никуда не годится… — Ральф отодвинул телефон. — Давай лучше я тебя щелкну!

Грубовато. В итоге Маша не просто обиделась, но еще и разошлась не на шутку.

— Не хочешь, чтоб тебя кто-то видел? — Она обняла Ральфа за шею и прошептала на ухо: — Наверное, ты у нас известный человек.

Он пожал плечами:

— Как скажешь…

— Мне все равно, сегодня ты мой. — Маша подалась вперед и засунула язык Ральфу в рот.

— Посмотрите туда! — крикнул кто-то.

Ральф и Маша повернулись и увидели огромный хвост, торчащий из воды перед левым бортом, который яростно шлепнул по воде. Обманчиво медленное движение заключало в себе огромную силу, и морская вода пошла волнами до десяти метров высотой. Туристы, никогда не видевшие подобной сцены, заохали, в том числе и Маша.

Секунд через десять они стали свидетелями еще более эффектной сцены: обладатель хвоста, взрослый горбатый кит, прорвался сквозь воду и высоко подпрыгнул. В этот момент время как будто остановилось, кит раскинулся в небе, словно свободная птица, а капельки воды парили вокруг, очерчивая красивые дуги, как нитки хрустальных ожерелий.

Он нырнул обратно в воду, подняв фонтан брызг, за ним последовали два кита поменьше, которые вместе выскочили, развернулись в воздухе, двигаясь слаженно, как будто их дрессировали в цирке.

С другого борта к представлению присоединились многочисленные дельфины, которые следовали за носом яхты и выпрыгивали из воды вместе с волнами. Дельфины прыгают не так высоко, как киты, просто зависают в воздухе на короткое время, затем плюхаются в воду и снова выпрыгивают. Похоже на прыжки в море.

Туристы метались от левого борта к правому, чтобы их сфотографировать.

— Тупые дельфины! — Раздался сиплый голос с носа яхты, пока остальные наслаждались этим чудом природы.

Ральф посмотрел туда и увидел светловолосого молодого человека, лежащего на палубе и орущего на дельфинов, а рядом с ним хихикали несколько красавиц с модельными фигурами.

— Плывите сюда! Смотрите, что у меня есть! — продолжал горланить блондин. Он поднял бутылку, на треть заполненную янтарной жидкостью.

Рядом с яхтой резвилась группа длиннорылых дельфинов: это умные, добрые и смелые существа, которые любят людей и с удовольствием общаются с туристами. Но до жути наивные.

Когда они услышали крик блондина, то прильнули к борту с веселыми криками.

Парень кинул бутылку за борт.

Та разбилась, жидкость полилась дельфину прямо на голову, и сильный удар явно оглушил несчастного. Он резко остановился, и на него начали напирать другие дельфины, вызвав хаос.

Блондин и девицы заржали еще громче.

Яхта оставила оглушенного дельфина позади, и Ральф видел только нежно-розовое пятно, качающееся на воде.

— Эй! — Ральф ринулся на нос. — Ты что творишь?

Блондин взглянул в его сторону, но не ответил, продолжая забавляться со своими подружками.

— Что случилось? — Маша запаниковала, увидев выражение лица Ральфа.

— Ничего. — Тот мягко оттолкнул ее. — Я собираюсь нарваться на неприятности, тебе лучше со мной не ходить.

Машу ужаснуло серьезное выражение его лица. Будь перед ней кто-то другой, она бы пококетничала, промурлыкала несколько ласковых словечек, чтобы остановить мужчину, но холод в глазах Ральфа заставил ее колебаться, и оставалось лишь беспомощно наблюдать, как этот загадочный человек движется навстречу хаосу.

Когда он был уже почти на носу, ему преградил

дорогу высокий мужик.

— Это частная территория, не подходите ближе, — буркнул здоровяк, уперев руки в бока и демонстрируя серебристый кольт модели M1191 в кобуре под мышкой. За этим громилой сидел еще один, даже повыше, и смотрел на Ральфа.

— Ой, извините, я видел, как кто-то что-то бросил на мою территорию.

— А где ваша территория?

— В океане, — пояснил Ральф. — Он занимает большую часть пятьсот десяти миллионов квадратных километров Земли. В мире семь миллиардов человек, и на каждого жителя планеты приходится в среднем семьдесят тысяч квадратных метров воды. Конечно, конкретно этот может быть и вашим. Вот скажите, если кто-то что-то бросит на вашу территорию, вы проигнорируете это?

— Слушай, забулдыга, мне наплевать на твою теорию. Это частная территория, вход воспрещен! — Здоровяк оттолкнул Ральфа, обернулся и посмотрел на своих коллег — мол, ребята, будем обсуждать этого пьяного психа за ужином.

Но Ральф не дал здоровяку такого шанса. Пока тот отвлекся, он чиркнул ему ножом по горлу и вытащил пистолет из кобуры. Громила рухнул

на колени, схватившись за шею от боли, трахею заблокировали мышцы, сократившиеся от удара, он изо всех сил пытался сделать вдох и ничем не мог ответить на нападение. Горло будет болеть несколько часов, а осипнет он еще на полмесяца.

Другой телохранитель увидел, что его коллега внезапно опустился на колени, и понял, что дела плохи. Когда он потянулся за своим пистолетом, дуло кольта уже нацелили ему в лицо. Тело у него обмякло, затем голова резко заболела, и он вырубился на палубе.

Ральф оглушил телохранителя прикладом, разрядил магазин, снял затвор, и через секунду пистолет грудой деталей лежал на земле.

Блондин, который утратил весь свой грозный вид, спрятался за двух красавиц и дрожащим голосом сказал:

— Вы что… собираетесь делать?

— Я же сказал, не кидай за борт мусор.

— Простите…

— Этого мало… — сказал Ральф, улыбаясь.

— Тогда что еще вы хотите?

— Эй! Сюда! — Ральф позвал дельфинов, и, услышав зов, несколько из них с энтузиазмом подплыли ближе. Он велел блондину: — Прыгай!

— Что?

— Я сказал, прыгай!

— Вы… — Блондин глянул через борт, а затем на Ральфа: — Вы…

— Я не шучу, — сказал Ральф. — Только сними ботинки и ремень, а не то поранишь дельфинов.

— Вы…

— Не заставляй меня повторять.

Блондин понимал, что на этот раз ему не отвертеться, снял ботинки и брюки, оставшись в белье. Несколько дельфинов выжидающе смотрели на него из воды.

— Они спасут тебя, — сказал Ральф.

— Подождите меня, — сказал блондин и спрыгнул.

Первый телохранитель немного очухался, растолкал потерявшего сознание товарища, они со злостью посмотрели на Ральфа и вместе сиганули с яхты.

Длиннорылые дельфины давно обитают в этом районе, людей не боятся и часто играют с дайверами и туристами. Увидев, что три человека спрыгнули с лодки, несколько молодых выбились из стаи и с любопытством принялись кружить вокруг блондина и телохранителей. Более смелый боднул блондина головой.

— Уйди, гадина. — Тот раздраженно шлепнул

по воде, но дельфины решили, что он с ними играет, и принялись атаковать человека с разных углов.

Пассажиры на борту злорадствовали, решив, что так этой троице и надо, и наперебой обсуждали произошедшее.

Ральф вернулся, и, увидев, что лицо Маши побледнело от испуга, улыбнулся, и сказал:

— Ничего, не бойся, это всего лишь хулиганы.

— Нет, этот парень — сын председателя совета директоров отеля, и весь остров фактически принадлежит ему. Того здоровяка зовут Фернандо, он раньше служил в спецназе, таких ребят не стоит трогать. Тебе лучше уехать отсюда, — сказала она дрожащим голосом.

— Все в порядке, я тоже не так прост. — Ральф погладил Машу по спине и поспешил ответить: — По крайней мере, пока мы на яхте, они нас не достанут.

— Что тебя так разозлило? — спросила Маша.

— Дельфины — умные животные, они мне нравятся, — сказал Ральф. — Не люблю, когда над ними издеваются.

Маша вздохнула:

— Значит, ты и меня ненавидишь?

Ральф выпрямился:

— Конечно нет, почему ты так говоришь?

— Я дрессирую дельфинов, — тихо сказала Маша, — моя работа — издеваться над ними.

Ральф неловко улыбнулся. Он ненавидел дельцов, которые держат дельфинов в неволе и заставляют их выступать на потеху публики. Маша — всего лишь дрессировщица, которая хочет получать зарплату, даже сравнивать нечего.

— Конечно нет, ты же любишь дельфинов, не так ли? — сказал Ральф.

— О! — прошептала Маша. — Я была бы счастлива выбраться отсюда.

— Что?

— Я сыта по горло… — Маша посмотрела на бескрайнее море. — Работаю дрессировщиком дельфинов уже девятый год, и зарплата неплохая. Я обучаю их всяким трюкам, работаю с детьми и всегда думала, если как можно больше людей увидят дельфинов и полюбят их, то научатся защищать и среду их обитания. В прошлом году Цири заболела, у нее развилась депрессия. Я даже не знала, что у дельфинов бывает депрессия. Содержание в неволе и запрет на плавание в море наносит им вред.

Маша заплакала. Ральф смахнул ее слезы.

Она застенчиво сказала:

— Извини, давай о чем-нибудь веселом.

— Все в порядке, все наладится, — утешил Ральф, в глубине души расслабившись. Раньше он волновался, что его действия нанесут урон Маше, но, похоже, они дадут ей возможность пораньше свинтить отсюда, что неплохо.

Шоу дельфинов начиналось вечером, и заходящее солнце окрасило все вокруг в золотистые тона, даже брызги воды в бассейне ярко искрились.

Двенадцать дельфинов пересекали бассейн из одного конца в другой, ожидая приказа дрессировщика начать представление. Только после шоу они получат полноценный ужин. Голод — инструмент, которым пользовались для их укрощения. Конечно, далеко не единственный.

Сейчас был пик туристического сезона, и на трибунах сидела куча зрителей. Дети радостно смеялись, обнимая плюшевых дельфинов, купленных в сувенирном магазине. Родители радостно болтали вполголоса, ожидая начала шоу.

Ральф сидел на трибуне как обычный турист. Вернувшись на остров, он покинул Машу, якобы чтобы избежать мести богатенького сыночка. Теперь, в кепке и с бутылкой пива, он смотрел последнее шоу дельфинов на этом острове.

Прямо напротив него Маша и еще несколько дрессировщиц в сексуальных купальниках выводили дельфинов к зрителям.

Восемь фейерверков вдоль бортика бассейна с треском вспыхнули искрами, и шоу началось. Дельфины быстро разделились на две команды и поплыли друг к другу с разных концов бассейна. При приближении к центру бассейна все двенадцать одновременно выскочили из воды, брызги воды, сверкающие, как бриллианты, образовали в воздухе дугу. Когда один дельфин подпрыгнул, добравшись до самой высокой точки, синий фейерверк взорвался и устремился прямо к зрителям, напугав некоторых туристов до крика. В последний момент он изменил направление, пролетел над трибунами, не причинив никому никакого вреда.

Фейерверки направляли почти невидимые нанопровода, и хотя представление выглядело крайне эффектно, это было крайне опасно для дельфинов во время тренировок. Если неверно рассчитать время и угол прыжка, дельфина могло порезать нанопроволокой. Хотя дельфины — умные животные, им приходилось учиться на опыте через боль и множество травм. Сейчас двенадцать животных двигались как одно. Неяс-

но, сколько раз они терпели неудачу, прежде чем смогли достичь такого уровня.

От яркого фейерверка в глазах зрителей зарябило. Они все еще были в шоке, а картинка перед ними снова изменилась. Теперь из бортика бассейна торчало несколько механических рук. На конце каждой виднелся круг диаметром сто двадцать сантиметров, круги плавно двигались на разной высоте. Дельфины выстраивались в ряд и прыгали через них по очереди. На дне бассейна зажегся светодиодный экран, на котором показывали звездное небо, отчего создавалось впечатление, что дельфины парят в воздухе.

Туристов очаровала эта сказочная сцена, они вытащили мобильные телефоны и радовались представлению, не забывая делать фотографии.

Этот номер был очень долгим, и дельфинам не давали времени на отдых, они так и продолжали бесконечно петлять и прыгать. Механические руки вокруг бассейна ритмично меняли положение в зависимости от картинки на дне. Солнце нырнуло в море, исчез последний золотой луч, звездное небо теперь висело и над головами. Ральф взглянул на часы. Шоу достигло кульминации.

— Начинаем, — шепнул он в гарнитуру.

— Хорошо! — весело отозвался Энди.

Картинка на светодиодном экране на дне бассейна сменилась на реальное видео: люди на грубых дизельных катерах загоняли дельфинов, в небо поднимался столп черного дыма, а море было окрашено в красный цвет от крови. Сотни дельфинов рыбаки заперли в маленьких и тесных клетках, ожидая выбора покупателей. Отобранных отправляли на дрессировку, чтобы после упорных и непрекращающихся тренировок показать их зрителям…

Кадры на экране искажала вода, но подлинность не вызывала сомнений. Туристы начали перешептываться, недоумевая, с чего вдруг на шоу такое показывают. Но до них дошло, что в этой необычной картинке содержится какой-то более глубокий смысл, и они подняли мобильные телефоны выше, записывая все, что происходило в бассейне. В нынешний век, когда каждый сам себе журналист, у всех развилось острое чутье на новости. Через десять минут все, что здесь произошло, появится в Интернете, а в течение дня эти кадры облетят весь мир. Самое большее через две недели благодаря социальным сетям кто-нибудь раскопает, что за темные делишки творятся за фасадом отеля, и Ральфу сами предложат помощь множество способных бездельников.

Остальное уже сделают «изнеженные защитники животных».

Но можно точно сказать, что шоу дельфинов в этом отеле больше устраивать не будут.

Маша успокаивала одного из дельфинов. Его звали Пике, он лишь недавно присоединился к команде и часто нервничал. В перерыве между выступлениями подплывал к Маше, чтобы она его приласкала. Дрессировщица смотрела на трибуны, поглаживая Пике по спине. Довольные лица зрителей — самая большая награда для нее и ее дельфинов. Но сегодня что-то пошло не так, и внимание туристов, похоже, было приковано к чему-то другому. Маша повернула голову и увидела кадры на экране.

На трибуны вышли несколько охранников, чтобы вывести туристов. Другие сотрудники с рациями в руках тихонько ругались и расхаживали вокруг в поисках подозрительных личностей.

Ральф тихо сидел в углу, спокойно наблюдая за происходящим. Оборудование в бассейне с дельфинами полностью под контролем «трояна» Энди, его внедрили в систему благодаря девушке по имени Дорис, она же Дай Фэй, которая провела Ральфа в серверную отеля. Подходящее место для «подсадки» вирусов.

В темноте среди всего этого хаоса роботизированные руки медленно изменили траекторию движения, подгоняя дельфинов ближе к бортику. Хорошо обученные, те смотрели только вверх, а потому не заметили жестоких картин под водой. Последнее кольцо остановилось на краю бассейна. Ральф заранее разорвал заградительную сеть, так что когда дельфины совершат последний прыжок, они будут свободны.

Дельфины выстроились в шеренгу и прыгали через кольца, пока не добрались до последнего. Оно замерло в воздухе и не двигалось. Дельфины на мгновение засомневались, но решились выпрыгнуть из воды. Только упали они не в бассейн, а в море.

То было холоднее, вода полна всяких странных запахов, но все это так знакомо… После минутной паники дельфины поняли, что они во внешнем мире. Свобода звала их издалека, они дважды обогнули мыс, где стоял отель, и, не раздумывая, исчезли во мраке.

Задача выполнена. Ральф поднялся, чтобы покинуть трибуну, воспользовавшись паникой. В это время в центре бассейна раздался пронзительный крик. Звук был коротким и звонким, как детский смех. Оставшийся в бассейне дельфин,

потеряв своих и не понимая, что делать дальше, растерялся, высунул голову из воды и просил о помощи.

На его зов повернулась Маша. Она была ошеломлена и не сразу смогла поверить, что бассейн пуст. Даже обежала его, пытаясь убедить себя, что дельфины просто прячутся в тени на дне, и потому их не видно.

Увы.

Пике следовал за ней вдоль бортика, тихонько поскуливая. Для человеческого уха звук казался печальным, но трудно сказать, что он означает у дельфинов. Глядя на Пике, Ральф почувствовал внезапный прилив сочувствия, но быстро напомнил себе, что нельзя судить о дельфине по человеческим меркам.

Маша тоже услышала плач. Она присела на корточки у бортика и снова легонько похлопала дельфина по макушке. Тот повернулся в воде, забрызгав девушку. Маша улыбнулась и отклонилась, как обычно делала. Но в следующую секунду вдруг вспомнила, что одиннадцать дельфинов, которые были вместе день и ночь, исчезли. Поколебалась немного, а потом прыгнула в бассейн и прижалась к Пике. Он плавал на спине, а она придерживала его за плавник.

Ральф ничем не мог облегчить печаль девушки и подумал, что можно просто оставить Машу с Пике, которого она искренне любила. Но оставить одинокого дельфина среди людей было жестоко.

Он отогнал эту мысль и спустился к бассейну:

— Нужна помощь?

— А? Что? — Маша встрепенулась, словно очнувшись ото сна. — Это ты?

Зрителей вывели, охранник переговаривался по рации с серверной, спрашивая, почему на светодиодный экран вывели какое-то левое видео, а еще несколько дрессировщиков стояли на выходе и тихо о чем-то совещались. Экран погас, а освещение во время представления выключили для создания атмосферы, так что территорию вокруг бассейна окутал полумрак.

Ральф протянул руку и ласково сказал:

— Вылезай.

Маша на мгновение задумалась, затем протянула руку и позволила Ральфу вытащить ее из воды.

— Замерзла?

Она покачала головой и посмотрела на Ральфа. Его улыбка согрела девушку.

— Можно я его покормлю? — спросил Ральф игривым тоном, потом выудил рыбку из аквариума

по соседству и потряс ею перед Машей.

Та на мгновение замерла, затем кивнула.

— Он такой милашка, да? — Ральф прошел мимо бассейна, маня дельфина. Пике радостно завопил, высунул верхнюю часть тела из воды и последовал за человеком.

Ральф шел все дальше и дальше по краю бассейна, почти в темноту.

Маша вдруг вспомнила, что там нет сетки, и хотела напомнить доброму парню об этом, но когда он поднял руку, рыба превратилась в маленькую серебряную точку в темноте. Дельфин выпрыгнул из воды, устремившись за ней.

Но Маша не услышала плеска от падения.

Она подскочила к сломанному ограждению, откуда Ральф смотрел вниз. В тусклом свете дрессировщица увидела кольцо, свисающее над краем бассейна, и вдруг поняла, что произошло.

— Ты… почему ты еще тут?

— Извини, — сказал Ральф, — я не хотел тебе навредить, но я здесь только для того, чтобы спасти дельфинов.

— Будь осторожен! — Маша хотела еще что-то спросить, но на ее глазах Ральф обернулся, а потом прыгнул и исчез в темно-синей воде внизу.

Под покровом ночи он обогнул мыс, чтобы

вернуться на пляж. Там сразу в нескольких местах одновременно шли гуляния. Люди с разным цветом кожи, приехавшие из разных мест, собрались вместе, они были не знакомы, но словно бы видели себя друг в друге. Алкоголь помогал слегка разбавить это ощущение нереальности. Когда они увидели, что на пляж из моря выбрался Ральф в рубашке, брюках и кроссовках, то приняли его в свой круг, разрешив присоединиться к общему веселью, поскольку у большинства из участников вечеринки на пляже был опыт купания по пьяни в одежде.

Ральф пробирался сквозь толпу, смеясь, крича, залпом глотая холодное пиво, и ушел, никем не замеченный.

Он вернулся в отель, принял душ и переоделся в сухую одежду, потом включил компьютер, запустил программу, которую поставил Энди, и позвонил ему с компьютера.

— Как дела?

— В Интернете уже появилось видео отеля, но охват пока небольшой, это займет некоторое время. А у тебя там как? — сказал Энди.

— Никаких внештатных ситуаций. Эффективность повыше, чем у этого идиота Дуга Уилсона. Короче, все в порядке. Думаю, сейчас ищут ди-

версантов.

— Я стер тебя со всех видео, не волнуйся.

— Я выйду немного пройтись, они меня не узнают, верно?

— Ну… — Энди нахмурился. — Да.

— Хорошо, пока.

— Ты…

Ральф отключил телефон раньше, чем Энди начал читать нотации, привел себя в порядок перед зеркалом и вышел из комнаты.

На белоснежном пляже за отелем шла вечеринка, аборигены танцевали развеселый танец хула, а туристы хлопали в такт, а по окончании все громко аплодировали, выпивали, и веселье продолжалось.

Кутеж будет стоять до раннего утра.

Ральф стоял чуть поодаль, спокойно наблюдая за происходящим. Лица людей раскраснелись, то ли из-за отблесков, то ли из-за горящего пламени, то ли из-за алкоголя. Искры от костра уносились в небо, сливаясь со звездами.

Он вспомнил предыдущее шоу дельфинов и задумался, что случилось с ними после возвращения в море. За шесть лет Ральф спас восьмисот сорока одного дельфина по всему миру, но это число не имеет никакого значения ни для них

самих, ни для мира. На Земле остается еще бесчисленное множество таких центров, которые в открытую устраивают представления, а годовой объем торговли дельфинами куда больше этой цифры. Единственное, что Ральф получил, так это прозвище «Рьяного защитника дельфинов».

Он внезапно почувствовал усталость, желание поучаствовать в ночной жизни куда-то испарилось. Ральф развернулся, готовый покинуть пляж.

В тени отеля чуть поодаль началась какая-то возня.

Он прищурился и уставился туда. Ральф слишком долго смотрел на костер, и глаза не сразу приспособились к темноте, но внутренним чутьем почувствовал, что у кого-то проблемы. Затем увидел какого-то человека в пальмовой роще в парке отеля, за которым гналась целая группа людей, так что расклад был явно не в пользу убегавшего. Преследователи мчались через рощу, расталкивая прохожих, но не сбавляли скорости.

Ральф прикинул, куда бежит человек, и двинулся в том направлении, чтобы перехватить его.

Приблизившись, он рассмотрел беглеца внимательнее. Это оказалась невысокая женщина, которая петляла, время от времени оглядываясь,

и явно боялась, что ее настигнут преследователи.

Гонолулу многие считают местом отдыха, в том числе и преступники. Кто знает, сколько тут инкогнито отдыхает богатых, влиятельных и знатных людей? И хотя это отнюдь не центр мировой преступности, его, вероятно, можно рассматривать как курорт для ушедших на покой криминальных авторитетов.

Не зная, на какие неприятности нарвалась незнакомка, Ральф ускорил шаг. Женщина пробежала в свете уличного фонаря, который озарил ее золотые кудри, широкий лоб, большой нос, очаровательные глаза, расширившиеся от паники и утратившие былую игривость.

Это же Маша!

Во что она вляпалась? Уж не из-за него ли? Ральф посмотрел на преследователей, чуть притормаживая.

Вдоль дорожки стоял ряд бунгало с соломенными крышами, типичных для отелей на Гавайях. Когда Маша поравнялась с ним, Ральф окликнул ее тихонько из темноты.

Она повернулась на звук, споткнулась обо что-то, едва не упала, и Ральф оттащил ее в сторону. Теперь преследователи потеряли их из виду.

— Это ты! — Выпалив эти два слова, она буквально рухнула на Ральфа, тяжело дыша.

— Что случилось?

— Они знают, что ты… это все устроил… они… ищут… тебя, — задыхаясь, прошелестела Маша.

— Они считают, что ты тоже замешана?

— Тут же камеры на каждом шагу. Они знают, что я была с тобой.

Проклятый Энди не подумал об этом.

Маша сглотнула слюну и пробормотала.

— Уходи, а не то… — Она на мгновение замерла и в изумлении продолжила: — Боже, это вовсе не счастливая случайность, меня отпустили нарочно, чтобы выманить тебя…

В свете звезд Ральф увидел, что глаза у нее покраснели и опухли, а на лбу расплылось кровавое пятно.

— Не важно! Ты сильно пострадала? — Ральф протянул руку к лицу Маши, пытаясь утешить девушку, попавшую из-за него в беду.

— Я в порядке, — твердо сказала она, держа его за руку.

Шаги приблизились:

— Куда она делась? Найдите! — раздался чей-то хриплый голос.

— Они за все заплатят, — пообещал Ральф.

— Просто беги, не создавай еще больше проблем, — нервно сказала Маша.

Ральф улыбнулся и обнял ее за плечи. Она вся тряслась от страха за свою жизнь.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что для меня сделала.

Маша в замешательстве посмотрела на него.

— Отвлеки их, чтобы я оказался позади, — попросил он с улыбкой и высвободил свою руку.

Маша в ответ тоже улыбнулась:

— Я бегаю по десять километров каждый день, так что это ерунда! — Она выпрямилась. — Да и кулаки у моего бывшего мужа намного тверже, чем у этих…

— Хорошо, тогда беги!

Маша посмотрела на Ральфа, встала на цыпочки и поцеловала его:

— По лицу меня ударил тот, что в белой рубашке.

— Понял!

Она попятилась, затем повернулась и выбежала из тени. Бежала не слишком быстро, легко подпрыгивая на каждом шагу, как маленькая девочка, возвращающаяся после уроков.

— Не переигрывай, — тихо шепнул ей Ральф.

Маша начала кричать:

— Помогите! Помогите!

Преследователей привлек ее крик, и они метнулись следом. Вокруг бунгало туристов было мало, а спрятанный в траве фонарь излучал тусклый желтый свет, оставляя за собой полумрак. Головорезы совсем потеряли голову, решив, что игра в кошки-мышки скоро закончится. Они и не догадывались, что сами стали добычей.

Ральф лежал ничком в траве, сливаясь с темнотой. После того, как один из громил протопотал мимо, он встал и двинулся за ним, бесшумный, как тень. Бандит услышал, как шуршит трава, и уже решил, что это все он, но потом остановился, а трава так и продолжала шуршать. Прежде чем он успел среагировать, мощная рука обвилась вокруг его шеи, как питон, сжав так сильно, что он не мог дышать.

Через несколько секунд Ральф опустил потерявшего сознание головореза и начал приближаться к следующей цели.

Маша добежала до конца дорожки, где из утеса выступала в море платформа, настил которой был изготовлен из закаленного стекла. Через него виднелась белая пена, которую поднимали волны, ударяющиеся о риф внизу, на расстоянии семидесяти метров. Несколько туристов любо-

вались ночным небом, обдуваемые морским бризом, и появление Маши нарушило их спокойствие. Девушка выбежала на платформу и вдруг обнаружила, что почвы под ногами больше нет, она висит в воздухе, а внизу плещется черная вода.

От страха высоты у Маши подкосились ноги, и она упала на стеклянный пол. Хотела встать, но конечности стали словно ватные. Преследователи увидели ее бледное лицо и решили, что она просто ужасно напугана.

— Фернандо, я действительно не знаю этого человека, — взмолилась Маша, но начальника службы безопасности отеля это совершенно не волновало.

Он замедлил шаг и двинулся к дрессировщице с победоносным видом.

Пройдя несколько шагов, он понял, что никто из его подчиненных не следует за ним.

— Это ты у нас в белой рубашке? — внезапно раздался над его ухом чей-то голос.

Тот был негромким, но Фернандо отскочил в сторону, словно его ударили током, и потянулся к пистолету под мышкой.

Но чья-то ладонь прижала его руку к телу, вытащить пистолет не представлялось возможным.

Перед Фернандо возникло чье-то лицо, очень близко, и его глазам потребовалось время, чтобы привыкнуть к темноте. Это был тот самый человек, которого он искал.

— Это ты…

Стоило Фернандо открыть рот, как Ральф чиркнул по его шее ножом, как сделал накануне, но в этот раз рана была более серьезной.

Ральф посмотрел на главаря, схватившегося за шею, обмякшего и опустившегося на колени, а потом спросил:

— Мы где-то встречались?

Начальник службы безопасности разевал рот, но из горла вырывался только свист. Он уставился на Ральфа, вены на лбу вздулись, а глаза сверкали от гнева. Он возненавидел Ральфа за то, что он его дважды унизил. Потом глубоко вздохнул, затем с трудом опустил руку, оторвав ее от раны на горле, и вытащил пистолет, но силы утекали из-за нехватки кислорода. Рука безжизненно повисла вдоль тела, дуло смотрело в землю.

Стоя перед уже безобидным Фернандо, Ральф успел сказать:

— Ты очень упорный, я тебя уважаю…

Раздался выстрел.

Пуля попала в стекло и рикошетом отлетела

в темноту.

На стеклянном полу под ногами Ральфа появилось белое пятно, а затем от него расползлась сеточка трещин, которые быстро разбегались, словно живые, образуя узор, похожий на паутину. Ральф сделал шаг назад, чтобы не попасть в ловушку. Но тут увидел направленное на него дуло пистолета.

Фернандо, казалось, был в полуобморочном состоянии, но ненависть к Ральфу придала ему сил, и он сумел-таки поднять оружие. Руки его тряслись, но на таком близком расстоянии Ральф побоялся дергаться, поэтому просто поднял вверх обе ладони.

На лице главаря появилась улыбка, но тут об его голову разбилась бутылка дешевого виски, и начальник службы безопасности тяжело упал навзничь, потеряв сознание.

— Вроде ты обещал, что мы выпьем, когда все закончится? — Маша держала отбитое горлышко бутылки, с которого капала кровь. Она подошла и пнула Фернандо несколько раз, и только тогда успокоилась.

Туристы на платформе не поняли, что происходит, но когда увидели, как миниатюрная девушка сбила с ног здоровяка, начали кричать.

— Ладно, пошли. — Ральф обнял Машу сзади и оттащил ее от Фернандо. Он взял ее за руку, склонил голову и повел прочь с платформы. Они снова вернулись в полумрак пальмовой рощи рядом с бунгало.

— Прости, — сказал Ральф.

— Все в порядке, мой бывший муж доставлял больше проблем, чем ты, — сказала Маша.

— Нет, я про то, что из-за меня ты потеряла работу.

Маша покачала головой и улыбнулась:

— Я давно уже хотела уволиться, ты просто помог мне принять решение.

— И что будешь делать?

— Что-нибудь придумаю. Возможно, устроюсь в какой-нибудь бассейн тренером.

Ральф улыбнулся: эта девушка оказалась намного сильнее, чем он себе представлял.

Маша встала на цыпочки и поцеловала его.

— От тебя веет опасностью, и это очаровательно, но я просто хочу жить тихо-мирно, так что давай остановимся.

Ральф смутился. Обычно это была его реплика.

Маша моргнула и двинулась прочь. Исходивший от нее неповторимый запах океана растворился в воздухе, и звук шагов по траве

постепенно стих. Бледно-желтый фонарь, поблескивая, освещал крепкие ягодицы удалявшейся девушки.

Ральф надул губы, повернулся и пошел в другом направлении.

(4) На льдине

На третий день пошел сильный снег, все пространство между небом и землей заполнили пушистые хлопья: настоящая стена из снежинок, ни единого просвета.

Однако даже в солнечные дни Кована не мог сбежать с этого ледяного острова.

От непрекращающегося шума ветра и волн закладывало уши, а бескрайний снег лишил молодого инуита всех чувств, кроме холода.

Завеса вдруг изменилась, как будто кто-то приподнял ее уголок, но за ней открывалась лишь серо-белая муть. Кована моргнул и присмотрелся, но ничего толком увидел. Вероятно, его ослепила окружающая белизна. Он пошевелил одеревеневшими пальцами, спрятанными в рукавах, чтобы хоть немного размять их.

Нет, он что-то уловил краем глаза и быстро развернулся в нужную сторону. На фоне сильной метели к нему медленно двигалась белая тень.

Густую шерсть белого медведя покрывал снег, выделялись лишь глаза и нос. Зверь сделал круг, будто намеренно избегая взгляда юного инуита,

и тихо, словно призрак, приблизился к нему.

Плохо дело.

Кована напрягся. На этой большой ледяной глыбе у белого медведя не было другой пищи, кроме него.

Он вытащил руку из рукава и потянулся к костяному копью у ног. Но оружие примерзло к поверхности льда, а окоченевшими пальцами не получалось его ухватить.

Белый медведь остановился, как будто действия Кованы его заинтересовали, а потом принялся неторопливо прохаживаться взад-вперед метрах в десяти от него.

Парень пристально смотрел на белого медведя, не смея даже моргнуть, поскольку боялся зазеваться и снова потерять его из виду.

Он сел на землю, опять нащупал костяное копье и попытался упереться в него ногами.

Еще раз, второй, третий… Подошвы скользнули вперед, ему удалось оторвать копье от поверхности, однако из-за слишком сильного движения оружие отбросило очень далеко, и когда Кована обернулся, костяное копье уже исчезло в сугробе, оставив лишь еле заметный серый след.

Он поднялся и поднял ледоруб, чтобы защититься. Хотя белый медведь был дико худым,

кожа да кости, ледоруб выглядел жалким по сравнению со зверем. Кование для пущей храбрости нужно было копье. Пристально глядя на зверя, он начал боком перемещаться в сторону сугроба.

Белый медведь двигался следом, сохраняя дистанцию между ними.

Ветер усилился, и снежинки чертили в воздухе странные линии. Кована слишком долго смотрел на них, ему начало казаться, будто все вокруг исказилось, от чего у него закружилась голова. Он устал, психоделический белый мир вызывал сонливость. Кована ускорил шаг, пытаясь найти копье, пока не лишится остатков воли.

Метель за пару минут погребла под собой оружие. Кована поддел древко носком ботинка, затем восстановил равновесие, и после нескольких неудачных попыток наконец поднял копье.

Белый медведь не набросился на него, как представлял себе Кована. Инуит крепко сжал оружие и сосредоточился на острие, обращенном к зверю, чтобы упорядочить мысли. Острое, словно гвоздь, костяное копье укрепит его волю, и тогда ему будут не страшны ни бешеный ветер, ни слепящий снег, ни постоянный шум волн.

— Давай, — прошипел Кована, а затем повысил голос, поскольку кровь вскипела от смелости,

которую ему даровало копье: — Ну давай же!

Белый медведь сделал в его сторону шаг. Второй.

Кована сжал древко, присел и принял боевую стойку. Зашкаливавший адреналин заставлял сердце биться чаще, ему стало жарко, и он продолжал рычать и подбадривать себя.

Но белый медведь, не издавая ни единого звука, двигался медленно и размеренно, не приближаясь при этом к Кована. Когда он прошел мимо взбудораженного парня, то оглянулся и посмотрел на инуита, и в его запавших глазах не было намерения убить.

Кована остолбенел, в этот момент белый медведь был уже не зверем, не охотником. В его глазах инуит увидел мудрость и душу. А он-то тут устроил целое представление на пустом месте.

Зверь шел дальше, то и дело останавливаясь, чтобы дождаться человека. Юный инуит следовал за ним. Он не знал, куда ведет его белый медведь, но чувствовал, что обязан не отставать.

Кована смотрел на белый силуэт, который двигался к своей цели, борясь с порывами ветра. Именно таким он сам хотел быть: решительным, смелым и не страшащимся испытаний.

— Могли, подожди меня! — Кована услышал

собственный крик и замер.

Инуиты не боятся смерти, потому что дух живет вечно, а души умерших предков всегда возвращаются в свои семьи, чтобы вселиться в тела потомков.

Имя Могли многое значило для Кованы: это лучший охотник в деревне, самый смелый человек на арктических льдах и дед Кованы. В белом медведе Кована узрел Могли, душу отважного инуитского воина.

Кована убрал костяное копье, быстро преодолел несколько шагов и пошел бок о бок со зверем.

Они двигались сквозь густую снежную пелену, шум прибоя становился все громче и громче, и мир перед ними внезапно обрел краски. Теперь они стояли на краю плавучего ледяного острова, белые волны бились о его край, а под сине-серой морской гладью плавали невероятное количество рыб.

Они сбивались в плотные косяки, огибали остров с обеих сторон, их было так много, что поверхность воды, насколько мог видеть глаз, окрасилась огненно-красным, как закат в середине лета за полярным кругом.

Белый медведь лег и смотрел, как проплывает рыба, из распухшей и деформированной пасти

вывалился розовый язык, он с трудом облизывал губы.

— Ты… пригласил меня на рыбалку? — удивился Кована, но потом сам же ответил: — Ну да, конечно, мы же договаривались.

Он широко расставил ноги, снял с плеча копье и высоко поднял его. В океане слишком много рыбы, целиться необязательно — Кована вонзил острие в воду, но первый удар попал мимо цели.

Кована посмотрел на белого медведя и застенчиво рассмеялся, он словно бы учился ловить рыбу под присмотром своего деда.

Потом ударил во второй раз и по дрожащему древку понял, что в этот раз все получилось.

Попавшийся арктический голец был длиной с руку Кованы, он отчаянно дергался всем телом, желая выжить, и чуть было не соскользнул с копья, когда Кована вытаскивал его из воды. Кована крепко сжал оружие и положил рыбину перед Могли, своим дедом.

Белый медведь прижал гольца одной лапой, вспорол ему брюхо и с аппетитом съел.

Кована тихо стоял рядом, наблюдая, как Могли доедает рыбу.

В мгновение ока от нее не осталось и следа. Зверь слизнул кровь с лап, выразительно посмот-

рел на косяк под водой и снова на Кована.

— Еще одну? — спросил тот, повернулся, направился к кромке льда и вытащил еще одну рыбу.

Четыре рыбины спустя Могли наконец наелся. Когда Кована положил перед ним пятую, медведь приподнялся и оттолкнул ее кончиком носа.

— Не будешь? Тогда моя очередь.

Кована отложил копье и сел рядом с Могли. Он эти дни питался только сухой пищей, которую прихватил с собой, и глотал кубики льда, чтобы утолить жажду, так что желудок уже онемел. Но глядя, как Могли с жадностью ест, Кована и сам почувствовал, что у него разыгрался аппетит.

Он вытащил из рюкзака швейцарский армейский нож, который подарили чужаки, отрезал длинную полоску рыбы и сунул в рот.

В Гренландии лед и снег покрывают почти всю землю. Растения не могут расти тут из-за холода. Раньше в месте обитания инуитов был только один вид арктических ягод, которые можно употреблять в пищу, так что у людей развивался авитаминоз. Поскольку термическая обработка разрушает некоторые витамины в мясе, инуиты выработали привычку употреблять мясо животных и рыбу в сыром виде.

Но пока Кована рос, в деревне появились чужа-

ки. Они привезли полуфабрикаты, морковь, лук и огонь. У Кованы было мало шансов питаться, как истинный инуит. Он усердно жевал, и ощущение от плотной сочной сырой рыбы в горле показалось настолько приятным, что он даже хмыкнул от удовольствия.

Он отрезал еще кусок и уже собирался положить его в рот, когда заметил, что Могли улегся рядом и с любопытством поглядывает на сверкающее лезвие в его руке.

Кована задумался на некоторое время:

— Не пользоваться ножом?

Белый медведь промолчал, он дышал носом, отчего перед мордой повисло белое облачко.

Кована убрал нож, взял рыбу и принялся есть ее так, как это делал Могли.

В какой-то момент снег прекратился, темные тучи рассеялись, открыв бескрайний океан. Круглое красное солнце висело над горизонтом. Над головой пламенел закат, а в воде алели косяки гольцов, окружающие плавучий ледяной остров. Кована вытер рот рукавом, встал лицом к солнцу и почувствовал тепло на всем теле.

Он даже не предполагал, что станет свидетелем такого зрелища, и не представлял, что внешний мир настолько потрясающий. Океан был так

безбрежен, что Кована, даже стоя на цыпочках, не видел его края.

— Ого! Подойди, посмотри, это… так… красиво! — Он взволнованно подпрыгивал, но не мог найти слов, чтобы описать свое настроение.

Могли подошел и встал рядом с Кованой, некоторое время смотрел на закат, но в его глазах затаилась печаль. Он протяжно вздохнул, развернулся, нашел возвышенное место с подветренной стороны и прилег отдохнуть.

Других льдин вокруг плавучего острова не было.

Похоже, они уже далеко от дома.

Кована не знал, куда направляется айсберг и где конечная цель их путешествия.

Он вспомнил легендарную сцену, когда его предки ступили на Северный полюс, фактически с голыми руками, не зная, что ждет дальше.

Он снова станет настоящим инуитом. Начнет все с нуля.

Разве он не этого хотел?

Кована оглянулся на Могли и в этот момент еще сильнее убедился, что это дух его деда, вселившийся в белого медведя, помогает ему осуществить мечту. Кована свернулся калачиком, зарывшись в густой мех Могли, и белый медведь

фыркнул, но не стал противиться.

Человек и зверь устроились бок о бок на плавучем острове, который океанское течение уносило в неизвестном направлении. На небе больше было не видно знакомого северного сияния, и даже созвездия переместились в непривычное положение. Кована рыбачил каждый день, чтобы прокормить себя и Могли, а когда хотелось пить, откалывал кусок льда и держал во рту.

Не было понятно, сколько дней прошло, как не было и конца бескрайнему океану. Лишь одна вещь напоминала Кована, что их путешествие когда-нибудь закончится. Плавучий остров постепенно уменьшался в размерах.

От теплого течения ледник таял, и с каждым днем места становилась меньше, чем днем ранее.

Как только плавучий остров стал размером с футбольное поле, перед глазами инуита внезапно вспыхнули краски — черная, синяя, красная и зеленая.

— Это суша, — радостно сообщил Кована. — Мы спасены!

(5) Разочарованный ученый

Ли Шили толкнул наружную дверь, встал под воздушную завесу и довольно долго стоял, прежде чем войти в лабораторию.

Вся процедура выглядела так, словно он — астронавт, только что вернувшийся на космический корабль после выхода в открытый космос. На самом деле это просто было требование для всех, кто заходил сюда снаружи.

Лаборатория располагалась рядом с огромной свалкой, куда свозили городские бытовые отходы. Целый день вокруг стоял невыносимый кислый запах, и всякий раз, когда Ли Шили возвращался в лабораторию, ему приходилось подолгу стоять под воздушной завесой, чтобы хоть немного выветрить вонь, исходившую от тела.

— Ну как? Работает? — Ли Шили поднялся на второй этаж и, войдя в серверную, поставил контейнер на стол.

Чэнь Янь пожал плечами. Ответ был очевиден. Он играл в какую-то стрелялку, истребляя врагов на экране.

Ли Шили вздохнул:

— Это тебе. Не забудь поесть.

Потом спустился, чтобы проверить культивационную, заглянул внутрь через стекло на двери. Прошло четыре недели, но культиватор не подавал признаков жизни. Похоже, эта опытная партия тоже не удалась.

С момента появления технологии геномного редактирования белком NgAgo ученые добились больших успехов в области исследования и редактирования ДНК. Технология позволяла использовать нуклеазу белка-аргонавта для произвольного редактирования последовательностей ДНК, благодаря чему ученые могли брать различные функции организмов и смешивать их вместе, словно появилась возможность создать легендарную Химеру или Сфинкса мановением руки. Но это возможно только теоретически. ДНК каждого существа закалялась в природе миллионы лет и сформировала совершенную и самосогласованную систему. Любые фрагменты чужеродных генов могли вызывать ошибки в экспрессии, и тогда клетки либо оказывались бесполезны, либо вступали в конфликт друг с другом.

Ли Шили и Чэн Янь присоединились к команде

проекта «Цзяньму» [6] Ся Цяна три года назад, команда ставила перед собой целью культивировать зеленое растение, способное разлагать пластик. Они провели десятки тысяч экспериментов и перепробовали все мыслимые методы, но ни один из испытуемых образцов не прожил достаточно, чтобы дать ростки.

С момента открытия технологии геномного редактирования NgAgo ее постоянно обновляли и исследовали, и теперь она стала идеальным инструментом генного программирования, прямо как волшебная палочка Бога, позволяющая ученым создавать по желанию гены и жизнь. Хотя только одна лаборатория в Германии успешно выращивала синтетических кур, способных нести яйца в фиолетовой скорлупе, все верили, что эта технология всенепременно изменит мир. Так что проблема точно была не в инструменте.

Некоторые люди после череды неудач приходили к ужасному выводу: они недостаточно талантливы.

Один приятель Ли Шили тоже угодил в эту ловушку: решил, что напрочь лишен способностей,

---

[6] Примечания: 6

Цзяньму — в древнекитайской мифологии чудесное дерево, которое, по легенде, является центром неба и земли, и по этому дереву великие предки поднимались на небо и опускались на землю.

и проводил эксперименты без особой надежды на успех. Каждый раз он просто заканчивал опыт ради галочки, а остальное время тратил на бессмысленные смешные видео и мультики. Он часто смеялся без причины, сидя в одиночестве. Ли Шили и Чэнь Янь считали, что парень съехал с катушек.

В прошлом году тот ушел, не попрощавшись, и больше не давал о себе знать.

Жить в таком режиме было очень непросто. Они работали в закрытой лаборатории уже несколько лет. Да, не нужно заботиться о еде, одежде и жилье, но их преследовали сплошные неудачи.

Ли Шили боялся, что однажды вдруг потеряет уверенность в будущем, как и тот его коллега. Он снова посмотрел на культивационную, вздохнул и начал мысленно планировать следующий эксперимент.

Когда он проходил мимо главного входа, дверь открылась, вошел Ся Цян и встал под воздушные струи.

— Учитель [7] Ся, — окликнул его Ли Шили. Впервые за неделю он увидел руководителя про-

---

[7] Примечания: 7

Учитель, или *Лао*, — традиционное обращение к педагогам и научным работникам.

ектной группы.

— Ага! — хмыкнул в ответ тот. — Как продвигается эксперимент?

— Все так же… — Ли Шили хотел что-то добавить, но Ся Цян, казалось, даже не слушал. Он быстро прошел мимо Ли Шили и поднялся наверх.

Профессору Ся было уже за шестьдесят, но этот невысокого роста старик двигался очень быстро. В мгновение ока он взлетел вверх по лестнице, и Ли Шили уперся взглядом в его лысоватый затылок.

Он сделал несколько быстрых шагов, чтобы не отставать от профессора. Тот уже был наверху. Ли Шили вспомнил, что Чэнь Янь играет в серверной в компьютер, и крикнул из-за спины Ся Цяна:

— Чэнь Янь! Учитель Ся пришел…

Крик Ли Шили заставил Ся Цяна остановиться и обернуться:

— Сяо [8] Ли, о чем ты там говорил?

— Что эта партия все еще не работает.

— О… — вздохнул профессор. — Это нормально, ты должен набраться терпения.

---

[8] Примечания: 8

Обращение «Сяо» перед фамилией используется старшими в адрес младших, вышестоящими в адрес подчиненных.

Чэнь Янь в серверной уже вывел на экран данные. При появлении начальника он лениво поздоровался.

Но начальнику было все равно, он достал ключ, чтобы открыть дверь своего кабинета, вошел и захлопнул за собой дверь.

Ли Шили хотел обсудить с руководителем пересмотр эксперимента, но от хлопка прикусил язык. Ошарашенно постоял немного, и из компьютера Чэнь Яня позади него раздался звук взрыва.

— Брат, мы не можем всегда так делать, — пожаловался Ли Шили Чэнь Яню.

Тот уставился в экран и убил еще двух врагов, прежде чем нажать на паузу. Он обернулся и посмотрел на коллегу:

— Ты больше не можешь этого выносить?

— Почему ты никуда не торопишься? — спросил Ли Шили. На самом деле он много раз задавал этот вопрос Чэнь Яню.

— А куда торопиться? Я тебе сколько раз уже говорил! Борьба с мусором должна стать карьерой на всю жизнь! — Хотя Чэнь Янь играл с большим энтузиазмом, но когда доходило до реального дела, быстро терял запал.

— Но нельзя же вечно топтаться на месте, — посетовал Ли Шили.

— Это потому, что ты слишком полагаешься на него. — Чэнь Янь потянулся в компьютерном кресле. — Уж не знаю, какие ты читал книги за последние десять лет, но ты слишком зависим. Ты же знаешь все, что нужно. Теперь, если покопаться в справочниках и литературе самостоятельно, нет необходимости ждать, пока Лао Ся даст подсказки. А у него и без этого есть о чем поволноваться.

— Но… — Ли Шили снова посмотрел на дверь кабинета, вздохнул и не стал дальше спорить. В словах Чэнь Яня был здравый смысл, и Ли Шили все понимал, но профессор Ся вечно разъезжал по командировкам и не заглядывал в лабораторию, поэтому Ли Шили всегда чувствовал себя опустошенным.

Тема разложения пластика актуальна во всем мире. Люди производят сотни миллионов тонн пластиковых отходов каждый год, и потребуются сотни или даже тысячи лет, чтобы те разложились естественным образом.

Если так пойдет и дальше, через несколько лет земля будет покрыта «белым мусором», полиэтиленовыми пакетами и упаковками.

Даже в условиях надвигающегося кризиса изучение разложения пластмассы по-прежнему не

получает того внимания, которое заслуживает. Ся Цян как-то сказал, что ежегодное финансирование исследований Ли Шили составляет менее одной трети от финансирования проекта по оптимизации условий жизни бездомных кошек и собак в Экологическом институте по соседству.

Профессору приходилось колесить с лекциями, участвовать в различных мероприятиях, и он изо всех сил старался рассказать о вреде, который пластиковые отходы наносят людям, чтобы собрать дополнительные средства и субсидировать исследовательский институт. Жаль, что сам Ся Цян уже попахивал нафталином, а тема разложения пластика казалась людям слишком скучной. Старик постоянно с кем-то встречался, но толку от этого было чуть.

Ли Шили всегда считал, что для профессора будет лучше вернуться в лабораторию, под его руководством лично он еще минимум два года сможет совершать крупные прорывы в экспериментах. Искать финансирование с готовыми результатами легче, чем с пустыми руками.

Он как-то сказал об этом Чэнь Яню, но тот лишь улыбнулся и ответил, что Ли Шили слишком наивен и в мире полно вещей, которые не окупаются.

Ли Шили психологически не мог принять такое утверждение, но доказательств, опровергающих его, не было.

Дверь кабинета открылась, снова захлопнулась, и на лестнице послышались шаги. Ли Шили не успел и глазом моргнуть, как Ся Цян уже покинул лабораторию.

Ли Шили протяжно вздохнул.

Чэнь Янь проговорил с улыбкой:

— Братишка, да не мрачней ты так. Два варианта… — Он поднял два пальца. — Первый — принять реальность, как я, и радоваться небольшим удовольствиям, чтобы перемежать эти унылые эксперименты. Второй — тратить все время только на исследования, мыслить независимо и стремиться к прорывам. Не зацикливайся на благосклонности профессора Ся, тебе что, в детстве не хватало отцовской любви?

Последние слова Чэнь Яня пронзили Ли Шили, как игла. Он тут же вспылил:

— Ага, если твой отец так сильно тебя любит, почему ты спрятался на этой помойке?

С этими словами он сердито спустился, чтобы разработать план эксперимента, а наверху тем временем прозвучал еще один взрыв.

Семья Чэнь Яня была довольно обеспечен-

ной. «Если с работой не заладится, возвращайся унаследовать семейный бизнес», — так они говорили.

Подобное заявление другим показалось бы шуткой, но для Чэнь Яня все так и было. Его родители владели несколькими компаниями и зданиями в Гуанчжоу, и на одной только арендной плате ежегодно получали ВВП небольшого округа. Но Чэнь Янь не был согласен вести праздную жизнь молодого богача, ему хотелось внести свой вклад в развитие человечества, поэтому он присоединился к команде Ся Цяна.

Правда, Ли Шили считал, что все это лишь красивые слова, а на самом деле его коллега хотел спрятаться и вырваться из-под контроля своей семьи.

Что плохого в том, чтобы быть боссом?

Весь день Ли Шили провел в тишине, зарывшись в книги, и лишь часы на компьютере напомнили, что на улице темнеет.

Он собрал бумаги и поднялся наверх, чтобы проверить, как там Чэнь Янь. Тот сосредоточился на игре, но Ли Шили ничего не сказал и собирался уйти.

— Подожди, — внезапно сказал Чэнь Янь.

— Что?

— Принеси мне завтра еду из KFC, я хочу жареные куриные ножки, — сказал Чэнь Янь. — Сразу две порции, я угощаю.

Видимо, это извинение.

Ли Шили вздохнул:

— Ладно.

Чэнь Янь был на два года старше, ему почти исполнилось тридцать лет, но он практически не мог позаботиться о себе, так как с детства привык, что с ним все носятся, как с писаной торбой, и не научился прибирать свои вещи. На второй год работы в исследовательской группе его выгнал арендодатель из-за свинарника в комнате. В результате он просто стал жить в здании лаборатории и почти никогда не выходил наружу.

Сначала он потратился на то, чтобы нанять домработницу, которая занималась бы его бытом, но лаборатория находилась довольно далеко от города, да еще и бок о бок со свалкой, и вонь здесь стояла несусветная, поэтому через несколько дней женщина не выдержала и попросила расчет.

Позже эта почетная миссия перешла к Ли Шили: он каждый день приносил еду своему приятелю, а каждую неделю относил его грязную одежду в прачечную. За это Чэнь Янь платил Ли Шили,

причем даже чуть выше зарплаты в лаборатории. Но что поделать, аренда в городе была слишком дорогой, а Ли Шили не хотел жить на помойке, как Чэнь Янь.

Выйдя из здания лаборатории, Ли Шили почувствовал резкий кисловатый запах, и быстро надел маску. Этот смрад висел над лабораторным корпусом, а до огромной свалки оставалось чуть более трехсот метров.

Уже была осень, но погода стояла теплая. Городской мусор бродил и гнил, воняло так, словно рядом сдох скунс, предварительно сожрав две тонны дуриана.

— Мы вынуждены каждый день смотреть, как у нас на глазах растут горы бытовых отходов, и это напоминает о тяжелой ответственности, лежащей на наших плечах, — сказал как-то Ся Цян, и Ли Шили до сих пор помнил, что чуть не заплакал о волнения, услышав эти слова.

Только позже он понял, что аренда здания рядом с мусорной свалкой экономит кругленькую сумму.

Первоначально здесь находилась углеобогатительная фабрика, расположенная рядом с шахтой. Та когда-то была градообразующим предприятием, и более десяти лет уголь выкапывали

из-под земли и развозили к потребителям на грузовиках. Но как только экономика по всей стране взлетела и начала быстро развиваться, угольная шахта быстро истощилась. Рабочих распустили, а фабрика, естественно, перестала работать и постепенно пришла в запустение.

Через несколько лет город изменил генеральный план и нашел применение этому изрешеченному дырами участку земли. Теперь он превратился в мусорный полигон площадью более тридцати тысяч квадратных метров, способный перерабатывать двести семьдесят тонн бытовых отходов в год, став одной из крупнейших свалок в провинции.

Когда Ли Шили впервые приехал сюда несколько лет назад, мусорная свалка была еще большой ямой, и бытовой мусор просто сбрасывали туда, перемежая слоями глины и полиэтиленовой пленки, а затем засыпая следующей партией.

У такого способа много недостатков, но это лучшее, что придумали люди. С момента открытия целлулоида в тысяча восемьсот шестьдесят девятом году пластик стал нашим любимчиком и источником многих проблем.

Мы проявили незаурядный ум, синтезировали в лабораториях пластмассы с различными

характеристиками: сверхмягкие, твердые, эластичные, прозрачные, стеклянные, кожаные… Ими можно заменить почти всё. При этом люди отвратительно тупы, они заполняют свои жизни пластиком и устраивают свалку у себя под ногами, переслаивая полимер полиэтиленовой пленкой, буквально смешивают пластик с пластиком, а затем закрывают глаза и утверждают, что его больше нет.

За последние три года свалка почти достигла предела, первоначальную яму глубиной в десятки метров засыпали до самого верха. Власти планировали закрыть ее в июле следующего года и найти еще одну большую яму для захоронения мусора на севере города. Они, как белки, готовятся к зимовке, повсюду ищут места, где можно спрятать орешки, но оставляют после себя отнюдь не запасы на голодную зиму, а яд для будущих поколений.

Вдалеке с грохотом подъехали несколько тяжелых грузовиков, один за другим они сбрасывали на помойку собранный со всего города мусор. Порыв ветра принес еще более едкий запах, а несколько полиэтиленовых пакетов полетели по небу, словно плавающие в море медузы.

Мусоросжигательный отсек рядом с лабо-

раторией начал дымить. Это Чэнь Янь начал избавляться от отходов, произведенных в сегодняшнем эксперименте, и результаты неудачных опытов в сорока культивационных резервуарах скоро превратятся в пепел.

Завтра будет еще один день бесчисленных перезапусков.

(6) Погоня

Ральф вернулся к себе, все еще чувствуя вину за Машу. Перед ним два выхода: первый — напиться и забыть, второй — уехать и вообще выкинуть все из головы.

Он взял с журнального столика оставшиеся полбутылки виски, а на улице взорвался фейерверк, и в янтарной жидкости отразились яркие сполохи. Он встряхнул бутылку, посмотрел на маленькие волны внутри, а потом с грохотом поставил бутылку на стол.

— Энди, — окликнул Ральф своего помощника.

— Ральф, ты по вечерам заводишь новых друзей, а я смотрю сериалы. Разве мы не договорились не беспокоить друг друга?

— И какой же сериал так тебя увлек?

— До финала «Троп мертвых» осталось всего девять серий.

— Завтра в записи посмотришь, мне пора валить отсюда, и тебе надо все тут подчистить, — сказал Ральф.

— Вообще-то твой отъезд намечен на послезавтра.

— Личность раскрыта, — Ральф начал собирать вещи.

— Ну как так… — проворчал Энди, — Личность Трента Джонсона мне дорого обошлась.

Ральф напрасно пожал плечами, ведь Энди этого не видел:

— Ну что поделать. Кое-кого успел обидеть.

— Ты кого-то испугался?! — с любопытством спросил Энди.

— Конечно нет, но… Нельзя было слишком переусердствовать, а то навредил бы другому человеку.

— Небось девке какой-нибудь, — хмыкнул Энди.

— Заткнись!

— В этом нет ничего стыдного, по крайней мере, это показывает, что в крови Ральфа Гейбла все еще есть немного человечности.

— Да ты задолбал! — взревел Ральф. — Все, пока! Остальное на твоей совести.

— Понятно, капитан.

В это время на пляже снова стали запускать фейерверки, в воздух взмывали красные и зеленые языки пламени, окрашивая скромный гостиничный номер в яркие цвета, отчего он казался еще более пустым.

Тени на стене мерцали, то исчезая, то появляясь, удлинялись и укорачивались. Но когда фейерверк стих, Ральф остался в номере один.

Издалека долетали чьи-то крики, здесь и ночью не было ни минуты покоя.

Он собрал вещи и вышел.

Арендованный «лендровер» выехал на шоссе H1, оставив шум и суету пляжа позади.

Ральфу нравилась личность Трента Джонсона, второго сына владельца фабрики автозапчастей в Детройте, сварливого, невежественного любителя выпивки. Правда, у Ральфа не было богатого отца, а в остальном Трент на него походил.

Уехав с острова, он снова стал Ральфом Гейблом, бывшим «морским котиком».

Он доехал до аэропорта, сыграло еще одно преимущество быть Трентом Джонсоном — он мог позволить себе арендовать самолет.

Через тридцать минут после того, как Ральф покинул отель, дверь номера распахнулась от пинка и на пороге появился крепкий мужчина. Это был капитан службы безопасности отеля Фернандо. Он весь день искал своего обидчика, просматривая записи с камер на острове, и когда наконец нашел, враг уже сбежал.

— Ищите! Выясните, куда он делся! — хрипло

взревел Фернандо. Горло жгло огнем, но куда сильнее было обожжено чувство собственного достоинства.

Он что-то еще хрюкнул, а потом влетел в комнату и грубо обшарил ящики. Это скорее было похоже не на поиск улик, а на выплеск гнева из-за неудачи. Если и оставались какие-то зацепки, то теперь скорее всего они смешались с осколками стекла и деревянными щепками, которыми был усыпан пол.

Ральф загнал машину на стоянку аэропорта, откуда на следующий день ее заберут сотрудники компании по прокату автомобилей. Однако дежурные в аэропорту отнеслись к его появлению без особого энтузиазма, они с суровым лицом размахивали руками и снова и снова повторяли правила безопасности полетов, мол, на дворе глухая ночь, взлетать нельзя.

Когда это озвучили в четвертый раз, Ральф достал из кошелька двести долларов и сунул в руку дежурного сотрудника. Тот, не сводя глаз с денег, продолжил, как попугай, твердить правила безопасности. Ральфу ничего не оставалось, как удвоить вознаграждение, и тогда дежурный кивнул.

Арендованная «Цессна 172R» стояла рядом с

взлетно-посадочной полосой, на ней бортпроводник зажег огни, и мирно спавший аэропорт в мгновение ока залило светом. Ральф подкатился к ее началу, границы которой обозначили два ряда молочно-белых огоньков, тускневших вдали, почти сливаясь со звездами.

— Взлет разрешен, — раздался по рации ленивый голос беспринципного дежурного, и самолет начал выруливать на полосу.

Через боковой иллюминатор Ральф увидел луч света, скользящий в сторону аэропорта — должно быть, подъезжала еще одна машина. Похоже, нерасторопный диспетчер сейчас получит очередную прибавку к зарплате.

Гейбл сосредоточился на том, что видел перед собой, самолет набирал скорость, огни превратились в непрерывную полосу света, и в поле зрения появился ряд горизонтальных красных вспышек, обозначавших конец взлетно-посадочной полосы.

Внезапно в наушниках раздался какой-то хруст, еле слышный на фоне рева двигателя. Ральф рефлекторно наклонил голову, а потом почувствовал какой-то сквозняк.

Он посмотрел и увидел маленькую дырочку в иллюминаторе с левой стороны, через которую

в кабину со свистом дул соленый ночной гавайский ветер.

А потом Ральф увидел искры, отскочившие от крыла.

Пуля!

Он повернул голову и через широкое заднее окно увидел черный «Кадиллак-Эскалейд», преследовавший самолет со свирепостью и скоростью гепарда. Вокруг него полыхало пламя, которое выплевывал автомат, рев двигателя заглушал звук очереди, но не мог перебороть мощь пуль.

— Твою ж мать! — выругался Ральф. Еще одна пуля попала в кабину, оставив пару сквозных отверстий в заднем и левом иллюминаторах. Ральф вжал шею в плечи, съежился и выжал газ до максимума.

Двигатели взревели, самолет затрясло, но он набирал скорость не так быстро, как «кадиллак», спроектированный для земли.

Машина подбиралась все ближе и ближе, и пули застучали по фюзеляжу, как сильный град в грозу. Ральф высунул голову. Теперь была хорошо видна красная предупреждающая линия в конце взлетно-посадочной полосы.

Скорость самолета достигла семидесяти девяти

узлов, Ральф дернул рычаг на себя, и нос слегка приподнялся, но из-за того, что крыло пробило пулями в нескольких местах, ему не хватило подъемной силы оторваться от земли, нужно было еще ускориться.

«Кадиллак» нагонял самолет. Ральф, рискуя попасть под удар, выглянул наружу. Преследователи двигались левее борта.

Фернандо перегнулся с переднего пассажирского сиденья с пистолетом-пулеметом MP7 в руке и взял Ральфа на мушку. Остальные перестали стрелять по его приказу, поскольку начальник был полон решимости собственноручно добить врага.

Лунный свет посеребрил контуры пистолета, на губах противника играла улыбка — такое выражение лица было хорошо знакомо Ральфу.

Если Фернандо нажмет на курок, с такого расстояния он прострелит корпус насквозь.

Однако автомобиль внезапно остановился, раздался визг шин, а Фернандо пришлось уцепиться за кузов, чтобы его не выбросило.

После того как машина остановилась, он забрался обратно в кабину, схватил водителя за грудки и приставил пистолет к его носу:

— Что, черт возьми, ты творишь?!

— Босс, вы гляньте, что там! — водитель поднял руки, демонстрируя свою невиновность, и изо всех сил старался высунуть голову из окна.

Передняя часть «кадиллака» пересекла предупредительную линию, образованную красными огнями. Несколько фонарей широкие шины стерли в порошок. В свете фар было видно конец полосы, тот скорее напоминал пляж, усеянный камнями всех размеров и форм. На столь пересеченной местности даже такой внедорожник, как у них, на высокой скорости имеет все шансы перевернуться.

Фернандо выругался, резко оттолкнул водителя и вылез из машины. Самолет уже улетел далеко, его красные и синие огни превратились в размытые точки и напоминали обыкновенные звезды на небе.

Оставив преследователей и аэродром позади, «Цессна» кружила в воздухе. Взлетно-посадочная полоса, аэродром и мемориал памяти авианосца «Миссури» казались теперь просто условными обозначениями, словно на спутниковых снимках.

Ральф помахал рукой земле, представил, как ругается мексиканец, и с удовлетворением полетел на восток.

Пули оставили немало пробоин в фюзеляже, дул ночной ветер, и Ральфа охватила дрожь. Три отверстия на стекле кабины медленно обрастали паутиной трещин.

Это, вероятно, будет стоить больших денег — ну и ладно, пусть Энди займется компенсацией. Их организация, занимавшаяся спасением дельфинов, получала деньги от благотворителей, помешанных на защите животных. Хотя средств хватало, Энди всегда очень вдумчиво относился к деньгам. Ральф представил, как вытянется физиономия товарища, когда тот увидит счет, и подумал, что вся эта заваруха того стоила.

Он включил интерком, намереваясь рассказать Энди о том, что произошло, — разумеется, опустив некоторые делали. Прежде чем Ральф возьмет курс на Детройт, Энди оценит степень повреждения самолета, а затем определит предельно допустимую дальность. В любом случае, пусть и не мечтает о спокойном сне.

— Энди, я собираюсь лететь обратно, но тут кое-что случилось, короче, ситуация не очень хорошая… — Ральф сделал вид, что встревожен.

Он подождал некоторое время, однако не получил ответа. Потом повторил свое сообщение, но радио упорно молчало, немое, как океанские

глубины. Он несколько раз переключил каналы, но даже помех не слышал. Снял наушники, чтобы убедиться, что в переговорное устройство не попала шальная пуля.

Вскоре Ральф обнаружил, что не только радио, но и GPS, и спутниковая навигация не работают. А вот это уже нехорошо. Молясь про себя, он осмотрел кабину. Так, вышел из строя автопилот, закрылки открываются и закрываются с небольшой задержкой, остальное вроде в норме.

Топливный бак полон, спасибо бригаде аэропорта, которая на совесть выполнила свою работу. Ральф сжал рычаг управления и, руководствуясь своими знаниями о звездных картах, направил самолет на восток. Длинная извилистая береговая линия Америки как раз на востоке, скрытая во мраке, да и солнце вот-вот появится и уже не исчезнет, оптимистично подумал Ральф.

После двухчасового полета холод уже не мог остановить навалившуюся на Ральфа сонливость, он почувствовал, что годы неумолимы и он дико устал от всей этой ночной беготни. Ральф принялся мурлыкать себе под нос мотив — без текста, только одну мелодию — откуда-то из недр памяти. Когда-то он играл с группой, и вроде тогда они все сохли по девушке по имени Маша

и даже написали о ней песню…

Он снова подумал о той, другой Маше, о ее подтянутом теле, бойком характере, вечно улыбающихся глазах, золотистых волосах…

Золотистых…

Перед глазами Ральфа появился свет, он открыл глаза и увидел, что оттуда, где смыкаются море и небо, выскочило солнце. Наступило раннее утро.

Он пролетел четыре часа в полусне. Хорошая новость заключалась в том, что самолет не разбился в Тихом океане, плохая — Ральф был полностью дезориентирован.

Еще хуже то, что указатель уровня топлива достиг критической отметки.

Утреннее солнце светило в кабину, разгоняя ночной холод и ослепляя пилота.

Когда на горизонте показался грубый контур, какая-то невнятная белая линия, Ральф решил, что это просто волна. Самолет пролетел еще немного, прежде чем Ральф понял, что по правую руку и правда есть суша.

Некоторое время он щурился, хотел убедиться, что это не иллюзия, вызванная усталостью и солнечным светом.

Это остров.

Ральф изменил курс и полетел прямо к нему.

Солнце сместилось в сторону, теперь оно не так обжигало глаза, и он мог рассмотреть все получше.

Это не остров, это… айсберг?

Чем ближе он подлетал, тем лучше видел, что большая часть айсберга находится над уровнем моря, он сине-белый и крупнее обычного острова. Действительно ли это огромный айсберг? Южный полюс далеко от Гавайев, неужели эта глыба настолько отклонилась от курса?

Ральф огляделся. Кроме солнца у него не было никаких ориентиров.

«Цессна» пролетела над островом. Ральф даже представить себе не мог, насколько тот велик. Под крылом простиралась бескрайняя бело-синяя земля, никакой не «остров», а настоящий континент.

Ральф летел вдоль береговой линии Белого континента. Четкая, сине-белая, она тянулась, насколько хватало глаз. Двигатель дважды кашлянул, и система запищала: топливо почти закончилось.

Ральф снизил высоту, пытаясь найти подходящее место для посадки. Он рассмотрел землю внизу, неровную, разноцветную, вообще не годную для приземления. Это не монолит, а мозаика

из огромного количества мелких пластиковых отходов. Их сбрасывали в воду с кораблей, и мусорная куча дрейфовала посреди Тихого океана — по оценке Ральфа, ее размер составлял не менее пятисот километров в диаметре.

Он снова поднял самолет, глядя вниз на гору отходов в печали и отчаянии. Тихоокеанское мусорное пятно. Ральф вспомнил, как Энди упоминал о нем. Восьмой рукотворный континент. Тихоокеанские течения собирают неразлагаемые отходы и накапливают их здесь. Альтернативный «памятник» эволюции человека. Здесь можно отыскать следы всех остальных полимеров, начиная с целлулоида, первого пластика, использованного человеком, до новейшей биосинтетики.

Здесь не было никаких признаков жизни, и у Ральфа внезапно пересохло во рту от этой белизны. Потому что, хоть это и был океан, цвет напомнил Ральфу высохшие скелеты верблюдов, которые он видел много лет назад в пустыне.

Сбиться с курса — сущая ерунда, пока он может найти любой клочок земли, любой островок. Он везде бы выкрутился благодаря навыкам выживания, но только не здесь. Что делать на белом континенте, Ральф не имел ни малейшего

представления. Ему стало плохо, хотелось одного — поскорее убраться отсюда.

Он завис над белизной, пытаясь найти глазами настоящий остров, чтобы выбраться из этой мертвой зоны. Но топлива почти не осталось, и когда он попытался повернуть на север, четырехцилиндровый двигатель, сердце самолета, последний раз чихнул и заглох.

Тут в дело вступило земное притяжение, и «Цессна» заскользила вниз, а Ральф только и мог, что удерживать ее в воздухе, вцепившись мертвой хваткой в штурвал, чтобы не рухнуть прямо на гигантскую кучу мусора внизу. Но ему удастся отсрочить подобный исход максимум на три-пять минут.

В панике Ральф заметил открытую площадку. Отчаяние охватило его, времени на колебания не осталось, и он направил самолет в ту сторону.

С воздуха та выглядела как трапеция правильной формы с центральной осью длиной три-четыре километра и очень ровной поверхностью. Если выбрать правильное направление, то она может послужить отличной посадочной полосой. Неужели кто-то мог построить аэропорт на этом мусорном континенте?

Ральф пригляделся: там, внизу, не было ни

лишних зданий, ни ангаров, ни башен, просто открытая местность. Похоже, это не аэропорт, так что… У него не было времени на размышления, поскольку самолет снижался все быстрее и быстрее, и Ральф уже не мог контролировать процесс, оставалось лишь нацелиться по диагонали на пустошь и попытаться не плюхнуться на брюхо.

Пространства достаточно, чтобы «Цессна» смогла вырулить и снизить скорость.

По мере потери высоты Ральф крепче сжимал штурвал и смотрел, как земля приближается. Белая поверхность отражала золотой утренний свет, оказалось, она не совсем плоская, а покрыта бесконечно повторяющимися узорами, как джемпер, который связала бабушка.

Однако было уже слишком поздно, самолет несся прямо к земле, и Ральфу оставалось лишь молча молиться, чтобы удар не оказался слишком сильным.

Он был опытным пилотом, но даже с учетом его навыков «Цессне» с трудом удавалось сохранять правильное положение, и первыми земли коснулись передние шасси.

При обычных обстоятельствах это было бы даже неплохо.

Но не сейчас.

Земля здесь имела другие характеристики, кроме странных волнистых участков: она была мягкой.

Передние шасси погрузились в нее сразу же после касания, но фюзеляж сохранил огромную инерцию. Самолет клюнул носом вперед, хвост задрался вверх, и машина перевернулась. Особого удара не последовало, мягкая поверхность подбросила самолет, и он проскользил по инерции.

Ральф после пары ударов потерял сознание, он был пристегнут ремнем безопасности, но конечности болтались в воздухе, как руки и ноги тряпичной куклы, когда самолет кувыркался и кренился, пока не израсходовал всю кинетическую энергию в этом бешеном вращении.

Очнулся Ральф ближе к вечеру, с трудом расстегнул ремень и тяжело упал на крышу кабины. Левая рука сильно болела, но, к счастью, не была сломана. Он выбрался из самолета и прислонился к фюзеляжу, чтобы устроиться поудобнее. В ящике для мусора нашлись кое-какие средства для оказания первой помощи и галеты. Ральф распылил немного анестетика на рану, и после заморозки рука уже не так сильно ныла. Затем съел дневной запас печенья и снова погрузился в сон.

Когда солнце садилось за горизонт, оставляя на небе лишь намек на закат, Ральф проснулся. Он восстановил силы и, несмотря на боль во всем теле, по крайней мере, был жив.

«Что ж, пора подумать, как добраться до дома», — сказал он себе, перекатившись и поднявшись на ноги.

При падении у самолета отломилось одно крыло, и теперь оно торчало в нескольких десятках метров от Ральфа. Фюзеляж остался цел благодаря мягкой земле.

Если эту субстанцию под ногами вообще можно было назвать землей.

Ральф собрал припасы, а затем сосредоточился на том, что же все-таки у него под ногами. Почва определенно была искусственной, и в свете заходящего солнца явственно проступала сложная и правильная текстура, фрактальный узор с удивительной математической красотой, сотканный из волокон толщиной в указательный палец, каждое из которых — Ральф перерезал одну из них — состояло из десятков более тонких нитей.

Большинство были полупрозрачными с примесью красного, зеленого или какого-то другого оттенка и оказались очень прочными, как будто выплавленными из пластикового мусора вокруг.

В результате сложных процессов получился вот такой огромный ковер, плавающий в Тихом океане.

Ральф встал и всмотрелся вдаль: отсюда «остров» казался еще огромнее, чем с воздуха, удивительный ковер был виден, насколько хватало глаз.

Кто же создал это место?

Ральф размышлял, когда непонятное ощущение сороконожкой проползло по его затылку, отчего он почувствовал покалывание во всем теле, как будто кто-то наблюдал за ним.

Он дернулся, и тут сзади появились два силуэта. Эти существа стояли спиной к западу, скрытые в тени, но Ральф знал, что они пристально его рассматривают.

— Здравствуйте! — крикнул он, но ответа не последовало.

Он убрал нож и раскинул руки, стараясь выглядеть как можно дружелюбнее.

Вокруг стояла тишина, не было слышно ни звука, пока Ральф двигался по странному плетеному ковру. Он сделал еще шаг к двум теням. Слышал собственное учащенное дыхание и отчетливо чувствовал, как сердце бешено колотится в груди.

Это было давно забытое чувство. Страх.

Лунный свет пробился сквозь прореху в облаках, осветив этот странный то ли остров, то ли континент, и Ральф рассмотрел стоявшие перед ним фигуры.

Мальчик с копьем и… белый медведь.

(7) В море

Вот уж не думал, что такое возможно, но нежиться в фурако [9] под проливным дождем — это что-то с чем-то.

Было бы просто здорово, если бы не эти пьяницы под боком.

Прошла неделя в доме дяди, и Ватанабэ Ю маялся от безделья. Дядя говорил, что, поскольку он скоро выйдет в море, нужно найти общий язык с остальной командой, но на деле таскал племянника в лавку только для того, чтобы тот платил за выпивку.

Ватанабэ Ю эти траты не особо заботили, ему выдали достаточно денег еще до приезда сюда. Но средства не все решают в таком маленьком поселке, нужно стать настоящим рыбаком, чтобы считаться своим среди этих людей.

Проставляться — отличная идея, и за несколько дней все очень хорошо узнали Ватанабэ Ю, и даже Фудзивара с его свирепым лицом стал разговаривать с выпускником гораздо мягче.

Хотя, оглядываясь назад, можно сказать, что

---

[9] Примечания: 9

Фурако — бочка с горячей водой в японской бане.

они даже чересчур сблизились.

— Вот скажи мне, Ю, ты студент университета, с чего вдруг ты решил стать рыбаком, если в городе у тебя была легкая работа? Что, не справился? — гудел Фудзивара, обняв Ватанабэ Ю и буквально захлебываясь саке.

Они отмокали в бочке с горячей водой, с поверхности поднимался дымок, а крупные капли дождя падали, обдавая их головы и лица прохладой.

Парень попытался вывернуться из цепких рук собутыльника, но тот притянул его ближе, прижавшись всем телом к спине Ватанабэ Ю, и его кожа казалась холодной в горячей воде.

Хотя Ватанабэ Ю понимал, что это всего лишь грубоватый способ проявить доброту, он все равно почувствовал мурашки по всему телу.

— Я хочу потренироваться.

— Потренироваться? — Фудзивара ощетинился: — Что ты имеешь в виду?

— Просто потренироваться… — откуда-то издалека сказал Кэйта, его лицо было неразборчиво в тумане.

— Потренироваться, значит… — Фудзивара широко улыбнулся, обнажив полный рот гниющих желтых зубов, словно это были сломанные колья, брошенные на пустыре. — Это я хорошо умею,

правда, Рё?

Дядя посмотрел на племянника, как будто тот сказал что-то, чего не следовало говорить, а затем пробормотал:

— Да, да.

— Жаль, что это тебе в итоге не помогло, все такой же бесполезный, как и был… — Фудзивара хрюкнул.

Дядя опустил голову и ничего не ответил.

Раздался взрыв смеха.

— Фудзивара! — Хозяин бани появился у входа и крикнул в туман: — Тебе звонят!

— Иду! — Громила вылез из бочки и, даже не обернувшись полотенцем, в чем мать родила пошлепал к телефону.

— Уже скоро, — сообщил Кэйта.

Остальные одобрительно закивали.

— Скоро что? — спросил Ватанабэ Ю.

— Скоро выходить в море, А-Ю, — пояснил дядя. — Совсем скоро!

Через пару минут вернулся Фудзивара:

— Через три дня выходим! Так что хватит отмокать тут, быстро по домам, собирайтесь!

В течение следующих нескольких дней деревня стала оживленной, и рыбаки, которые пили каждый день, мгновенно протрезвели и посвежели от

всех этих головокружительных приготовлений. Ватанабэ Ю хвостиком ходил за дядей, пока тот готовился к рейсу, наблюдая, как Рё методично перебирает вещи, собирает и упаковывает их, расставляет все по местам. Не то что в предыдущие дни, когда он деградировал в лавке-идзакае.

На четвертый день Ватанабэ Ю впервые увидел «Кувата мару», рыбацкое судно средних размеров, на котором ему предстояло плыть в этот раз. Стоя на пирсе, он удивился, увидев, как корабль показался в лучах восходящего солнца.

— Он такой большой? — спросил Ватанабэ. — Я думал, мы поплывем на деревенской рыбацкой лодке.

Дядя, глядя на приближающуюся лодку, обхватил себя руками:

— Качество воды значительно ухудшилось, загрязнение настолько сильное, что рыба дохнет только так, поэтому нет другого выбора, кроме как отплыть далеко и попытать счастья.

— И насколько далеко?

— Очень! — протянул дядя зычным голосом, но, судя по тому, что происходило в течение нескольких последних дней, Ватанабэ Ю не сомневался, что Рё понятия не имеет, куда они направляются.

— Далеко плыть? — спросил Ватанабэ Ю, обернувшись к Кэйта.

— Очень, — с улыбкой ответил Кэйта, потом сделал паузу на несколько секунд и продолжил: — Мы плывем через Тихий океан в Америку.

— Для чего? — поинтересовался Ватанабэ Ю. — Сколько дней вы пробудете в море?

— Около трех или четырех месяцев. — Кэйта повернулся к нему. — Ты куда-то торопишься?

— Нет, — ответил Ватанабэ Ю.

Пока они разговаривали, судно причалило, и он еще сильнее ощутил, насколько оно большое.

Корабль был более сорока метров в длину, его ржавый корпус занимал весь обзор. Ватанабэ Ю сделал дюжину шагов назад и задрал голову, и только тогда смог увидеть радиолокатор на носу.

— Сколько человек может перевозить это судно?

— Человек двадцать-тридцать. Оно принадлежит хозяину района рыболовного промысла. Вся команда — рыбаки с нескольких окрестных деревень. С миру по нитке, вот тебе и флот.

Ю пересчитал людей вокруг себя, вместе с ним получилось одиннадцать.

— А там есть еще… — начал было говорить он, но судно уже причалило к берегу.

Фудзивара крикнул:

— Начинаем погрузку!

Все засуетились. С корабля только успели перебросить трап, как кто-то уже спрыгнул на него, неся тяжелый мешок с вещами.

Ю поднял свои вещи на борт и дико устал. У него болели ноги, спина одеревенела от постоянных наклонов, когда он забирался на трап и потом слезал с него. Он стоял на носу судна, крутясь и поворачиваясь, наблюдая, как остальные, словно муравьи, перетаскивают весь свой скарб на борт.

Куча личных вещей, овощи, еда и пресная вода, паек на одиннадцать взрослых мужчин на целых четыре месяца — все это нужно было перенести в трюм и сложить.

— Эй, студент, ты собрался надсмотрщиком работать? — За спиной внезапно раздался чей-то голос, подобный раскату грома, напугав Ватанабэ Ю.

— Нет… — Он обернулся и увидел Фудзивару.

— Тогда давай за дело! Еще кучу всего грузить!

— Я просто хотел передохнуть минутку, сейчас пойду, — оправдывался Ватанабэ Ю.

Но Фудзивара пропустил мимо ушей его слова, аккуратно поставил мешок, который тащил на плече, на палубу, похлопал его, повернулся и

схватил студента за воротник. Его рот, полный гнилых зубов, распахнулся перед глазами Ватанабэ Ю:

— Послушай, парень, сегодня твой первый урок. Здесь нет такого слова, как усталость. Хочешь лениться? Тогда тащи свою задницу обратно в город, пока не поздно. Как только этот корабль покинет доки, у тебя больше не будет шанса дезертировать, — злобно прошипел Фудзивара. — Для твоего же блага, и для моего, проваливай…

— Нет! — Ватанабэ выплюнул это слово. — Я знаю, что мне делать.

Он оттолкнул руку Фудзивары, повернулся и побежал вниз по трапу, подхватил большой мешок с грузовика и перекинул через плечо. Но мешок оказался гораздо тяжелее, чем он ожидал, и молодой человек едва не упал вместе с ним на землю. Кто-то прошел мимо него, бросив холодный взгляд, и даже дядя не замедлил шаг.

Ю выровнял дыхание, сделал еще одно усилие и наконец выпрямился, а потом шагнул вместе с огромным мешком на трап и поковылял наверх.

Все вещи погрузили к двум или трем часам дня. Ватанабэ Ю рухнул на палубу, его ноги и все мышцы стали как ватные. Дядя сел рядом

и достал онигири [10] и сушеную рыбу, которую приготовила тетя. Но племянник не хотел даже шевелиться, он тряхнул головой и закрыл глаза, но почувствовал, что даже так в голове все кружится, и снова открыл их.

— В море очень сильно устаешь, — сказал дядя, доедая свой бенто [11] и посматривая через борт на воду. — Это только первый день, а ты уже сейчас выбился из сил, что будешь делать потом?

— Я справлюсь… — промямлил Ватанабэ Ю, но дрожащий голос выдавал его усталость.

— Я все равно не понимаю, зачем ты приехал сюда и подписался на эти мучения. Если так уж хочется посмотреть на море, надо было купить любой круиз, как это делают богачи.

— Я пытался спасти вас, ребята… — сказал Ватанабэ Ю.

— Что ты сказал?

— А? Ничего. — Ватанабэ Ю понял, что проболтался. Он перевернулся и сел, огляделся вокруг, чтобы убедиться, что никто ничего не заметил. Ему стало немного легче. — Я решил попробовать на собственной шкуре, как жили мои предки — в

---

[10] Примечания: 10

Онигири — рисовые треугольники с начинкой.

[11] Примечания: 11

Бенто — японский термин для упакованной порционно еды.

конце концов, в моих жилах течет рыбацкая кровь.

Дядя расхохотался:

— Никто в этой деревне не гордится тем, что он рыбак! Это просто то, что преподнесла жизнь. Вот уж не думал, что ты почтешь это за честь. — Он разжевал очередной онигири, проглотил, запивая водой, затем сказал: — Раз настаиваешь, я больше ничего не скажу, но я не думаю, что ты продержишься даже пару дней.

— Для начала я продержусь сегодня. — Ватанабэ Ю снова тяжело опустился на палубу.

Он лежал недолго, поскольку вскоре раздался громкий голос Фудзивары:

— Так, так, так, все сюда, все сюда!

Все мужчины Унадзавы побросали работу и поспешили к Фудзиваре.

Тот стоял в тени судна, рядом с ним маячили еще двое. Один из них был на голову выше высокого Фудзивары, он был одет в грубую толстовку, обтягивающую литые мышцы. Второй оказался гораздо ниже ростом, примерно как Ватанабэ Ю, весь седой, сухопарый, на вид лет пятидесяти. Он согнулся в три погибели и тяжело дышал, как будто в следующее мгновение мог внезапно закашляться.

— Это все ваши? — спросил высокий, голос у него оказался на удивление мягким.

— Да!

— Сколько в этот раз?

Фудзивара принялся пересчитывать, тыкая пальцем, но тут встрял Кэйта:

— Одиннадцать.

Высокий нахмурился.

— А я оставил под тебя только десять мест.

— Один парнишка приехал в поисках временной подработки, — очень вежливо сообщил Фудзивара, зыркнув в сторону Ватанабэ Ю.

Высокий проследил за его взглядом, пару раз осмотрел студента от макушки до пят и сказал:

— С виду неженка. Работать-то хоть может?

— Могу! — Ватанабэ Ю выпятил грудь.

— Говорит, что может, — поддакнул Фудзивара.

Высокий покивал.

— Ладно. Когда докажешь, что ты что-то можешь, тогда выделим тебе койку, а пока спать придется на голом полу.

— Понятно, — сказал Ватанабэ Ю.

— Отлично! — Высокий повернулся к Фудзиваре. — Ваши каюты с пятой по десятую. Идите!

— Вы все слышали? Идите! Вещи возьмите! —

заорал Фудзивара.

Жители Унадзавы взвалили на спину свои вещи и поднялись по трапу на борт.

Когда они удалились на некоторое расстояние, Ватанабэ Ю тихонько спросил у Кэйты:

— Этот высокий парень — капитан судна?

— Не, это старший помощник Ямада, а вот седой — это капитан Миура.

Каюты с пятой по десятую находились по правому борту, каюты по левому борту уже успел кто-то занять, некоторые двери были открыты, и оттуда высунулось несколько голов.

— О, братишка Ямагути, и ты здесь!

— Кого я вижу! Исикава! Мы больше года не виделись!

Все члены команды были знакомы друг с другом и оживленно обменивались приветствиями, после чего рыбаки Унадзавы разбрелись по своим каютам разбирать вещи.

Ватанабэ Ю вместе с дядей и Кэйтой распределили в десятую каюту.

Та была два метра на полтора и высотой всего два, этакий деревянный ящик. С левой стороны двухэтажная койка, а с правой — небольшой письменный стол, над которым горела маленькая лампа, похожая на солнце в сумерках.

Дядя и Кэйта вошли первыми, Ватанабэ Ю хотел последовать за ними, но места в каюте на троих уже не хватило, и он остался ждать снаружи.

Он смог войти только тогда, когда они разобрали вещи. Кэйта лежал на верхней койке, дядя сидел, скрестив ноги, на нижней. Ю оставалось полтора метра пространства, и когда он лег, то соседям уже было некуда спуститься с коек, даже ноги свесить места не оставалось.

Пол был холодным и твердым, и дядя настаивал на том, чтобы племянник подстелил одеяло, но Ю было лень двигаться. Он отмахнулся, даже не вслушиваясь в то, что говорит дядя, и заснул.

Когда он снова проснулся, все тело болело, как будто его сбил грузовик. Но это было еще не самое неприятное. Из-за недостатка места он мог занимать только одно положение, и нижняя половина тела онемела от отсутствия движения, как будто превратилась в протезы. Когда Ватанабэ Ю медленно сел, кровь снова прилила к конечностям, и онемевшие бедра словно покрылись укусами тысяч муравьев, неприятно было и двигаться, и сидеть без движения. Парню пришлось прислониться, скрючившись, к маленькому столу и ждать, пока тело придет в норму.

Дядя и Кэйта уже спали, громко храпя, темно-зе-

леное одеяло прикрывало живот Кэйты, а дядино сбилось в комок на краю койки.

Ю укрыл дядю одеялом и, прихрамывая, вышел из каюты.

Корабль отплыл уже некоторое время назад и быстро несся по волнам под ясным ночным небом.

На палубе собрались члены команды, которым тоже не спалось, они расселись маленькими группами. Ватанабэ окинул их быстрым взглядом и, не заметив знакомых лиц, нашел свободный угол и присел на корточки. Морской бриз обдувал ему лицо. «Кувата мару» словно бы лучилось энергией: старое разбитое судно прорывалось сквозь волны и двигалось вглубь океана.

(8) Нападение на лабораторию

Одно из преимуществ работы в лаборатории, где трудятся всего три человека, заключается в том, что не нужно быть слишком пунктуальным. Когда Ли Шили добрался до работы, было уже девять часов. Он издалека увидел дым от мусоросжигательной печи и понял, что Чэнь Янь на месте.

Только подъезжая на велосипеде к лаборатории, он понял, что дела плохи. У входа собралось около дюжины людей, которые сбились в компании по двое и по трое, они болтали друг с другом, даже не надев масок, как будто это не вонючая свалка, а площадь в центре города.

Ли Шили поставил велосипед на стоянку, взял в руки рюкзак, пакет из KFC и пошел в сторону лаборатории.

Из окна на втором этаже показалось лицо Чэнь Яня, который махал рукой Ли Шили. Тот не стал задумываться о том, что имеет в виду старший товарищ, он просто хотел побыстрее попасть на рабочее место. Ли Шили достал ключ и приготовился открыть дверь.

По звону ключей группа, стоявшая у входа в лабораторию, поняла, что этот высокий, худой молодой человек и есть их цель, и все тут же столпились вокруг.

— Вы что творите, ребята?

Ли Шили огляделся и обнаружил, что на него напирают эти непонятные визитеры.

Он напрягся, вспомнив школьные годы, когда над ним издевалась группа хулиганов-двоечников.

— Ты здесь работаешь? — спросила девушка на несколько лет старше Ли Шили, одетая в дорогущий красный спортивный костюм, который совершенно не подходил обстановке.

— Да.

— Вы понимаете, что с вами не так, ребята? — громко спросил какой-то мужчина.

Ли Шили выпрямился и огляделся, люди держали в руках плакаты с лозунгами «Защити окружающую среду, защити свой дом».

Ли Шили и сам вступил в такую организацию еще в школе и митинговал на улицах, чтобы уменьшить выбросы углекислого газа, и ратовал за то, чтоб всем пересесть на велосипеды. Но почему экологи собрались у лаборатории?

— С нами? А что с нами не так? — недоумевал

Ли Шили.

— Молодой человек, возможно, вами воспользовались, и это не ваша вина, — сказал Ли Шили какой-то парень в клетчатой рубашке примерно одних с ним лет, но со стариковскими интонациями. — Это место нужно закрыть!

— Закрыть?

— Да, закрыть! — повторил парень в клетчатой рубашке. — Вы причиняете людям вред, вас нужно остановить!

— Мы никому не вредим, это лаборатория, мы проводим исследования пластиковых отходов, — объяснил Ли Шили.

— Какой смысл с ним вообще разговаривать? — Женщина средних лет с химией на голове оттолкнула Клетчатую рубашку и протиснулась вперед, сунув под нос Ли Шили плоский экран. На экране была изображена их лаборатория, а из трубы валил белый дым.

— Что это? — спросила кучерявая женщина.

— Труба.

— А это?

— Камера сжигания.

— И что вы сжигаете?

— Мусор.

Когда Ли Шили без малейших колебаний под-

твердил, что занимается сжиганием мусора, Кучерявая не могла скрыть разочарования.

— А вы знаете об опасности сжигания мусора?

Ну, на этот вопрос Ли Шили ответить раз плюнуть, так что он без запинки протараторил:

— Раньше вред от сжигания мусора действительно был очень велик, в процессе выделялось более двадцати вредных соединений, например бензол, ацетон, полициклические ароматические углеводороды, диоксины, полихлорбензол, частицы PM10, PM2.5 [12], но в настоящее время мусоросжигательные установки оснащены саже…

— Слышали? PM2.5! — Кучерявая внезапно перебила Ли Шили и победоносно посмотрела на окружавших их людей.

Все остальные с торжественным видом закивали.

— Нет, вы, наверное, неправильно поняли… — Ли Шили понял, что его слова истолковали превратно, и все еще хотел объяснить.

— Парень, если вы понимаете, что то, что вы делаете, загрязняет окружающую среду, то почему продолжаете? — спросила Кучерявая, наклонив

---

[12] Примечания: 12

PM — это сокращенное английское Particulate Matter — твердые частицы, цифрой обозначается размер.

голову, чтобы посмотреть на Ли Шили.

— Я…

— Если ты не знал, то, скорее всего, делал это ради денег, — проворчал Клетчатая рубашка. — А вот если знал, то, значит, совести у тебя нет!

— Да нет же, мы тут не сжигаем мусор! — запротестовал Ли Шили.

— Ты ж только что сам подтвердил, что вы сжигаете мусор! — взревела Кучерявая.

— Да-да, — подтвердила толпа.

— Я… я хотел сказать… — Толпа напирала, и сердце Ли Шили рвалось из груди. Он открыл рот и почувствовал, как немеет язык: — Я имел в виду…

— Заткнись! Зачем вы тут мусор жжете?

— Вы нам всем вредите!

— У моего соседа в прошлом месяце обнаружили рак, и это все из-за вас!

Люди окружили Ли Шили, они кричали и ругались, некоторые тыкали в него пальцами, делали больно, но он не смел пошевелиться. Лишь в панике смотрел на мрачные лица, желая защититься, но не зная, с чего начать.

Болезненные воспоминания о подростковом возрасте внезапно нахлынули на него, и Ли Шили напрягся. Он гордился своим умом, но никогда не

мог понять, почему в детстве одноклассники его избивали, когда он получал хорошие оценки.

Теперь это чувство вернулось. На лицах людей вокруг была написана справедливая ярость, и Ли Шили почувствовал, что, наверное, сделал что-то не так, иначе быть не могло.

Вдруг кто-то выхватил ключи из его рук и пошел открывать дверь.

— Вы что делаете?! — пробормотал Ли Шили в оцепенении.

При виде отрытой двери собравшиеся потеряли к нему интерес и ввалились в лабораторию.

— Мы хотим убедиться, не сжигаете ли вы мусор! Ни у кого нет права разрушать окружающую среду!

— Мусоросжигатель вон там!

— Там внутри что-то горит.

— Громите!

Экологи осматривали лабораторию. Через некоторое время изнутри раздался грохот, а затем звон бьющегося стекла.

«Это мой эксперимент!» — мысленно закричал Ли Шили, пытаясь восстановить контроль над собственным телом.

— Не трогайте! — крикнул он, вбегая в лабораторию.

Экологи рассредоточились на первом этаже в поисках чего-нибудь подозрительного. Кто-то оступился и опрокинул термос, стоявший в предбаннике, что и вызвало весь этот переполох.

К счастью, это не экспериментальная установка. Ли Шили почувствовал облегчение.

Еще несколько человек хотели подняться на второй этаж, чтобы посмотреть, что там, но путь им преградил Чэнь Янь.

Он был одет в майку и широкие шорты, в руках вертел невесть откуда взявшийся большой гаечный ключ. Экологи попятились.

— Туда нельзя, это лаборатория по моделированию процессов, комплект оборудования стоит несколько миллионов. Любой из вас, кто прикоснется к нему, будет нести ответственность! — громким голосом известил Чэнь Янь.

Сразу было видно, что у старшего товарища имелся определенный опыт. Чэнь Янь размахивал гаечным ключом, постепенно оттесняя толпу от лаборатории в главный зал, словно умелая овчарка, гуртующая скот.

Ли Шили и Чэнь Янь переглянулись и уже собирались образумить непрошенных гостей и убедить уйти. И тут из другого конца коридора раздался чей-то крик:

— Нашли! Улики здесь!

Экологи бросились в другой конец коридора, где находилась комната культивирования с более чем сотней генетически отредактированных зародышей растений в маленьких горшочках, наполненных мусором и расставленных на полке.

В комнате было удушающе жарко и влажно, а вытяжной вентилятор лениво вращался, имитируя суровую среду в глубине мусорной свалки, чтобы отобрать растения, способные выжить на свалке и разлагать при этом пластик.

В такой среде городские бытовые отходы начали бродить, создавая сильный, удушливый, кислый запах.

— Не открывайте его! — крикнул Ли Шили. Содержимое инкубатора не представляло опасности, но если бы газ внутри вырвался наружу, пострадали бы все.

Однако защитники окружающей среды не послушали Ли Шили и решили, что здесь что-то не так.

Кучерявая тетка бросила на него пустой взгляд и с вызывающим видом пошла дергать тяжелую герметичную дверь.

Ли Шили сделал несколько быстрых шагов, но, к сожалению, не успел остановить ее.

Дверь инкубатора открылась, и в лицо Кучерявой ударил сильный запах перебродивших бытовых отходов. Женщина на мгновение замерла и поперхнулась от вони.

Ли Шили подоспел как раз вовремя, чтобы увидеть, как она падает навзничь, и поспешно протянул руки, чтобы помочь ей. Однако он сам нетвердо стоял на ногах и вдобавок неверно рассчитал вес тетки, поэтому не смог удержать ее, а вместе с ней рухнул на пол.

Ли Шили пытался выбраться из-под нее, когда кто-то крикнул:

— Наших бьют!

Ли Шили ощутил легкость, когда несколько экологов помогли своей соратнице подняться. Он приподнял голову, и по лицу его ударила красная кроссовка.

Прежде чем он потерял сознание, он услышал чей-то крик:

— Бей!

— Ли Шили! Ли Шили! — Услышав чей-то оклик, он открыл глаза. Лоб ныл от боли, щеки были липкими, а когда он коснулся их, то на руке остались следы свернувшейся крови.

Перед глазами все плыло.

— Ли Шили! — Кто-то позвал его снова, и он

повернул голову влево. Над ним склонился Чэнь Янь.

Ли Шили сел.

— Что случилось?

— Они ушли.

— Кто? — переспросил Ли Шили, а потом до него дошло, что речь идет об экологах.

Он встал. Левый глаз слегка опух. Ли Шили поднял руку…

— Стой! Не три! — раздался издалека голос Чэнь Яня. — У тебя слишком грязные руки!

Ли Шили опустил взгляд. Одежда была грязной, на ней налип какой-то пластиковый мусор, по ткани расплывались круги едкой жижи, и выглядело это отвратительно.

— Почему бы тебе сначала не пойти и не принять душ? Поговорим позже.

Ли Шили кивнул и потащился в душ на втором этаже, Чэнь Янь последовал за ним, взяв футболку из своей комнаты и повесив на дверь душевой:

— Я в нее уже не влезаю. Надень пока!

После душа Ли Шили почувствовал себя гораздо бодрее. Он посмотрел в зеркало, на лбу красовался порез, правда неглубокий, левый глаз немного опух, вероятно, от удара. Кроме того, болели спина и бедра, но он не знал, из-за чего.

Когда он спустился вниз, старший товарищ неуклюже прибирался в лаборатории, сметая мусор из одного конца коридора в другой и оставляя после себя даже больший беспорядок, чем до уборки.

— Почему они на меня накинулись? — Голова Ли Шили пульсировала от боли. — Братишка, брось, я потом уберу!

Чэнь Янь подошел, осмотрел рану и сказал:

— Тебе не нужно было на них реагировать изначально. Они заводятся на пустом месте.

— Я думал… — Ли Шили чувствовал себя немного виноватым, что группа отобрала у него ключ, чтобы попасть в лабораторию.

— Не волнуйся, убытков особо нет. Эта часть лаборатории не пострадала. Я их отсюда выгнал. Но они устроили беспорядок в инкубаторе и разбили мусоросжигательную установку.

Ли Шили глубоко вздохнул.

— Я сходил на свалку, одолжил грузовик, и мне помогли кое-что вывезти. — Чэнь Янь похлопал коллегу по плечу: — Есть свои плюсы в соседстве со свалкой. На, попей водички. Полиция приедет попозже.

— Ты вызвал полицию?

— Да, лабораторное оборудование испорчено,

нужен полицейский протокол, подтверждающий, что его разбили, пусть ущерб не такой большой, но нужны документы, чтобы претендовать на страховую выплату, — медленно пояснил Чэнь Янь. Здесь он был куда опытнее Ли Шили.

— А ты поговорил с Лао Ся?

— Да. Он на острове Хайнань, читает лекции, прямо сейчас вернуться не может, так что пока мы сами тут наведем порядок.

Ясное дело, профессору плевать, что у них тут происходит.

Ли Шили испытал разочарование, потер рану на лбу и вдруг злобно сказал:

— Разбей мне башку, я и сам давно собирался это сделать.

— Что за чушь ты опять несешь, тебе и так уже пробили голову, — спокойно сказал Чэнь Янь.

Ли Шили посмотрел на него:

— Братишка, я действительно не думаю, что у меня тут есть какие-то перспективы. Эксперименты оказались бесплодными, а Ся мысленно где-то в другом месте. Мы так хотели сделать что-то значимое, а в итоге эти придурки разгромили лабораторию.

— Не такая уж большая потеря, — хмыкнул Чэнь Янь.

Чем больше Ли Шили размышлял об этом, тем больше чувствовал себя неудачником, а беспомощность и страх, который он испытал в окружении экологов, все еще отзывались в сердце. Он встал и сказал:

— Я ухожу. Хватит с меня!

— Ну что ты мелешь? Присядь!

Не обращая внимания на Чэнь Яня, Ли Шили осмотрелся и заметил, что пакет KFC, который он купил для своего друга по пути на работу, валяется у двери, смятый и растоптанный, и содержимое его явно несъедобно. Он взял пакет и выбросил куриные ножки, коробку и пластиковый пакет в контейнеры для раздельного сбора мусора.

Даже если вы живете на свалке, сортировка — это очень полезная привычка.

— Это от вас поступил вызов? — спросил кто-то у двери, и когда Ли Шили обернулся, то увидел, что там стоят два полицейских, закрывающие рукавами носы.

— Да, это я сообщил о происшествии, — сказал Чэнь Янь.

Он повел полицейских на «место преступления», чтобы посмотреть, что там и как. Ли Шили с любопытством последовал за ним, пока раздумав уходить.

— А вас кто ударил? — спросил полицейский.

— Наверное, меня пнули, не помню… — ответил Ли Шили.

Полки в инкубаторе были разбиты, повсюду раскидан мусор, большую часть забрали мусорщики, но кое-что осталось на полу и стенах.

Но запах инкубатора все еще был настолько сильным, что полицейские, постояв некоторое время, не выдержали.

— Вы что тут делаете вообще? — спросил полицейский.

— Мы проводим эксперимент, чтобы вывести растение, которое сумеет разлагать пластиковые отходы, — объяснил Чэнь Янь.

— Хорошо, — сказал полицейский. — Тут я вас поддерживаю, ребята.

Они отвели полицейских еще раз осмотреть мусоросжигательную печь — дверь и загрузочное отверстие были покорежены, система зажигания и топливный насос сломаны, но после замены деталей все заработало. В двери камеры пробили дыру, некоторые правила безопасности, висевшие на стене, экологи сорвали, но других повреждений было не видно.

К счастью, когда пришли вандалы, печь уже потухла: если бы кто-то вошел во время процесса,

могли бы возникнуть большие проблемы.

Полицейский подробно описал все, что произошло, составил перечень всех повреждений в блокноте, затем ткнул пальцем вверх:

— Все ли камеры в лаборатории работают?

Чэнь Янь хлопнул себя по лбу:

— Как я мог забыть, что за лабораторией все еще ведется наблюдение?!

Они привели двух полицейских в серверную на втором этаже. Чэнь Янь заикался:

— Я обычно дежурю здесь… господа полицейские…

— Это ваше личное дело, нас сейчас интересует только происшествие, — сказал полицейский.

Чэнь Янь включил систему наблюдения и перемотал время на несколько минут назад. На экране было видно, как дюжина людей окружила дверь инкубатора, а Ли Шили метнулся к кучерявой женщине. На видео он излишне торопился, а лицо было настолько искажено, что и правда казалось, будто ученый задумал что-то плохое.

И вот он подбежал к женщине, а та закатила глаза и рухнула в обморок, Ли Шили протянул руку, чтобы помочь, и они оба одновременно упали на землю. Затем толпа начала клокотать, их лица исказились от зловония. В разгар хаоса

кто-то нанес Ли Шили точный удар в голову.

Экологи ворвались внутрь, выбили дверь и принялись громить инкубатор, хватая все, что попадалось под руку. Погром продолжался около десяти минут, и когда им надоело, один за другим они покинули помещение.

Затем на мониторе появился Чэнь Янь, который растолкал Ли Шили.

Камера записала все происходящее, и всех было хорошо видно.

Полицейские попросили Чэнь Яня сделать копию видеозаписи с камеры наблюдения на флешку.

— Мы объявим в розыск этих людей, а затем будем проводить разбирательство с каждым из них отдельно. Вам позвоним, когда будут новости, — сказал полицейский Чэнь Яню.

— Хорошо, вы уж постарайтесь!

Чэнь Янь и Ли Шили вывели полицейских за дверь лаборатории и, стоя на пороге, смотрели вслед полицейской машине.

На улице было серо, издалека надвигались тяжелые кучевые облака. Похоже, скоро польет сильный дождь.

Ли Шили вдруг вспомнил о чем-то и, повернувшись, рванулся обратно в лабораторию. Чэнь Янь

последовал за ним:

— Сяо Ли, ты чего?

Тот вернулся в серверную, выдвинул стул и заставил Чэнь Яня сесть.

— Поставь-ка запись еще раз.

Чэнь Янь с недоумением пожал плечами, но просьбу коллеги исполнил.

— Останови, — велел Ли Шили. — Отмотай-ка назад немного.

Чэнь Янь принялся перематывать видео кадр за кадром, и тут Ли Шили, ткнув пальцем в экран, воскликнул:

— Смотри сюда!

В просвете между экологами виднелся опрокинутый на землю экспериментальный образец — маленькое зеленое пятно посреди хаоса.

Чэнь Янь вытянул шею, едва ли не носом прижавшись к экрану.

— Не может быть, как ты это увидел?!

Зелеными были только две или три пикселя, невозможно было разобрать очертания. Это мог быть узор на пластиковой упаковке или обрывок бумаги.

Но оставалась и еще одна возможность: они наконец-то продвинулись в своем эксперименте.

(9) Подлинный пункт назначения

Жизнь на борту «Кувата мару» оказалась не такой ужасной, как представлялось при посадке: не слишком тяжелой, не слишком утомительной и даже скучной. Каждый день только сон и еда, а матросы собирались в трюмах и смотрели один и тот же фильм десятки раз. Другие играли в карты или бесцельно бродили, и так продолжалось в течение десяти дней.

Ватанабэ поручили драить палубу: он сбрасывал ведра с борта, зачерпывал воду и поднимал на веревке. В нем оставалась от силы треть, и Ю молча выплескивал ее на палубу и тер шваброй, пока не станет сухо.

Он сам вызвался на эту работу, потому что первые пару дней больше всех пачкал все вокруг — Ватанабэ Ю мучила морская болезнь.

Судно не было особо большим, и на нем не трясло. Ю поначалу ничего не чувствовал, кроме духоты и слабости в ногах. Но на второй вечер, когда матросы собрались на палубе за ужином, у него закружилась голова и зазвенело в ушах, но не от шума волн, а от неприятного ощуще-

ния внутри черепной коробки. Он проглотил несколько комков вареного риса и пару кусочков маринованной рыбы, но тут в груди поднялась внезапная волна тошноты, и его фонтаном вырвало прямо на палубу.

Рыбаки особо не удивились, просто встали и медленно отошли от Ватанабэ Ю. Другие разразились смехом, а люди вокруг совали друг другу деньги, видимо, заключили какое-то пари.

Первый помощник Ямада зашагал к Ватанабэ Ю, который выпрямился и вытер рукавом уголок рта. Во рту стало кисло, он заставил себя сглотнуть неприятный привкус, глядя на мрачную физиономию Ямады.

— Я думал, ты сможешь продержаться три дня, — процедил тот. — Из-за тебя я потерял пять тысяч йен.

— Простите, — пробормотал Ю, опустив голову и борясь с неприятным ощущением в желудке.

— Придется тебя наказать. — Ямада махнул рукой, и кто-то принес давно приготовленный набор — швабру и ведро — и поставил его перед ним. — Отныне ты драишь палубы.

— Хорошо… — Ватанабэ Ю взял ведро и швабру. — Простите, Ямада-сан, а сколько раз в день убирать?

— Да сколько хочешь, я тебя не ограничиваю, главное, чтоб я не нашел грязи. — Первый помощник достал несколько купюр и сунул их рыбаку, с которым заключил пари, затем отвернулся, не глядя больше на новичка.

В университете было не так тяжко, как на борту судна. Здесь никто не мог дать совет Ватанабэ Ю, и даже дядя сторонился племянника, боясь запятнать свою репутацию общением с незадачливым матросом. К счастью, Кэйта время от времени подсказывал, что делать и чего не делать, но и он не решался подойти слишком близко. Ю не стремился расширять круг общения, пусть народ издали наблюдает за салагой-неумехой. Он именно этого и хотел.

Ватанабэ Ю поднял еще одно ведро воды из моря и плеснул на палубу, чтобы вытереть пятно птичьего помета. Несколько чаек, парящих над головой, уже три или четыре дня летали вместе с «Кувата мару», расправив крылья и скользя против воздушных потоков, внося хоть какое-то разнообразие в монотонную жизнь. Кэйта сказал, это признак того, что суша рядом. Ватанабэ Ю спросил, что это за суша, но Кэйта вместо ответа лишь рассмеялся.

Матросов, кажется, немного взволновало по-

явление чаек, но Ватанабэ Ю радоваться не приходилось. Присутствие птиц означало, что в любой момент на палубу мог упасть птичий помет. Если его не убрать в течение двух минут, то мимо обязательно пройдет кто-то рангом повыше Ватанабэ — то есть любой — и устроит ему выволочку.

Вытерев птичий помет, парень набрал еще одно ведро воды. Во время перерыва он облокотился о поручень и прищурился, глядя вдаль. Морская болезнь отступила, от солнечного ожога кожа на шее и плечах покраснела, а воротник неудобно топорщился. Однако от постоянного тягания ведер с водой мышцы рук обозначились четче, он сбросил вес и стал значительно худее, но сильнее.

Кто-то прошел мимо Ватанабэ Ю и протянул ему жевательную резинку. В этой скукотищи маленькая пластинка жвачки заряжала моряков бодростью, и некоторые жевали ее едва ли не круглосуточно.

Ватанабэ Ю улыбнулся и кивнул в ответ. Уже несколько человек проявили к нему доброту, но пока что до настоящего моряка ему было еще очень далеко.

Он отколупал обертку и засунул в карман брюк,

не собираясь выбрасывать мусор за борт, хотя прекрасно понимал, что, куда бы он ни засунул бумажку на этом корабле, она все равно окажется в море.

Даже этот кусочек жвачки во рту тоже окажется в море, и какая-нибудь невезучая черепаха или рыба проглотит его и задохнется.

Он жевал, ощущая во рту кислый вкус лимона. Давным-давно моряки брали с собой в море много лимонов, чтобы получить достаточно витаминов для избавления от цинги, гнилых зубов и грибка стопы. Теперь он смотрел на рыбаков, которые громко говорили о женщинах и богатой жизни, которой им никогда не видать, и понимал, что им не хватает чего-то такого, что не компенсировать витаминами.

Ватанабэ Ю витал мыслями где-то далеко, когда на корабле вдруг раздался сигнал к сбору, ленивые матросы поднялись, как заведенные игрушечные солдатики, и на палубе стало оживленно.

— Что происходит? — спросил Ю у проходившего мимо рыбака.

— Собирайся, — велел тот, надув из жвачки пузырь, а потом запустив ее за борт корабля, как пулю. — Скоро приступим.

— Начнем ловить рыбу?

— Не, пересядем на другое судно.

— В смысле? — У Ватанабэ Ю крутились на языке вопросы, но рыбак уже ушел заниматься своими делами.

Парень оглядывался по сторонам: на горизонте показались несколько мачт, затем зелено-белая рубка. Мимо проходил еще один член команды, Ватанабэ Ю привлек его внимание и спросил:

— Что это за корабль? Мы на него переберемся?

— Скоро узнаешь, — ответил моряк.

Его глухой голос показался Ватанабэ Ю кирпичом, засунутым ему в глотку, откуда тот ухнул прямо в желудок. Парень повернул голову направо, а там стоял Ямада и смотрел на него сверху вниз.

— Простите, господин первый помощник.

— Хочешь разузнать побольше об этом корабле? Тогда жду тебя с твоими манатками через пять минут, и я позволю тебе первым подняться на борт.

— Что? — Ватанабэ Ю сначала не понял, это он серьезно или шутит, и уставился на Ямаду, не зная, идти ему или остаться.

— Четыре минуты и сорок секунд, — отчеканил

Ямада.

— Есть! — Ватанабэ Ю выплюнул жвачку в руку и быстро побежал в свою каюту собрать вещи.

Он действительно первым взошел на борт «Хаякагэ мару» [13], но от такой «чести» мурашки побежали по спине.

Корабль оказался в три раза больше и в три раза новее предыдущего, со свежим новым корпусом, выкрашенным в зеленый и белый цвета. На пустой палубе никого не было, лишь пара членов первоначального экипажа «Хаякагэ мару» стояли на платформе за мостиком и смотрели вниз. Ватанабэ Ю чувствовал себя зверем в собачьем загоне, находящимся в их власти.

На просторной палубе лежали инструменты: копья толщиной два-три метра с колючками и странные пилы, покрытые зубами, похожими на акульи, с огромными рукоятками в каких-то странных пятнах, а лезвия выглядели так, будто их только что отполировали, и светились жутким холодом.

Один за другим моряки тоже поднялись на борт «Хаякагэ мару» и теперь ждали на палубе. Трап убрали, и «Кувата мару» дало длинный свисток.

---

[13] Примечания: 13

Название корабля переводится как «Стремительная тень».

Ватанабэ Ю замер у борта, который был намного выше первого судна, как раз на уровне рулевой рубки. Капитан Миура стоял снаружи, запахнувшись в куртку, а первый помощник Ямада маячил позади него. Раздался свисток, «Кувата мару» медленно развернулось, и на мгновение взгляды Ватанабэ Ю и Ямады встретились, и он впервые увидел еле заметную улыбку на лице моряка.

— Они что, отплывают отсюда? — обратился Ю к Кэйте.

— Ага, — кивнул тот. — Будут ждать нас в Инверкаргилле [14], потом приплывем обратно и вернемся домой на «Кувата мару».

— А куда мы сейчас?

— Эй! — Чья-то рука сомкнулась вокруг Ватанабэ Ю, и громкий голос Фудзивары прозвучал в его ушах: — Видишь? — Фудзивара протянул другую руку и указал на безоблачное небо вдали: — Вот туда мы и плывем, на Южный полюс!

Парень повернул голову, чтобы посмотреть на Фудзивару. Они не сказали друг другу ни слова за все время путешествия, но теперь вдруг снова стали приятелями.

---

[14] Примечания: 14

Инверкаргилл — город в Новой Зеландии.

— На Южный полюс… — повторил Ватанабэ. — А я думал…

— Что ты там думал, малец? — Фудзивара прижал его к себе. — Ты думал, мы обычные рыбаки?

— Я думал, мы плывем… — Ватанабэ Ю резко осекся, поняв, что едва себя не выдал.

— Ты думал, куда мы плывем? Бороздить моря и ловить мелкую рыбешку, чтобы потом продать ее по дешевке? — Фудзивара рассмеялся громче: — Нет, настоящий мужик должен делать то, что положено делать настоящему мужику!

Он наклонился к уху Ватанабэ Ю — от прикосновения колючей бороды у того побежали мурашки отвращения — и заговорщицки сообщил:

— Мы здесь, чтобы охотиться на китов.

Оказалось, он на китобойном судне.

Ватанабэ Ю дернулся, внезапно осознав предназначение тех огромных орудий, и, несмотря на то, что на «Кувата мару» регулярно слышал намеки от других членов команды, сейчас, когда прозвучал ответ Фудзивары, ранее виденные кошмарные сцены обрели яркость.

А еще он вспомнил, как впервые увидел на видео охоту японских рыбаков на дельфинов, вспомнил, как вся бухта окрасилась в алый от

их крови. Люди на кадрах стояли на палубе без всяких эмоций, просто тыча в воду копьями, двигаясь быстро и мощно, словно роботы. Копье быстро пронзало поверхность, поднималось и снова опускалось. Под поверхностью воды оно пронзало сразу несколько дельфинов. Эти раны часто не смертельны, и дельфины, не понимая своей участи, терпят мучительную боль и расплываются в поисках спасения, но тут их пронзает второе копье, потом третье, четвертое, пока их жизни не утекают в океан с последними каплями крови.

Из воды выныривает детеныш дельфина, издавая характерный крик. Он выпрыгивает на мель на скалистом берегу, отчаянно сопротивляясь, но безрезультатно. Ватанабэ видел, как смерть забрала маленького дельфина, оставив кровавое пятно.

Ю боролся со слезами, и каждый удар копья словно вонзался ему в грудь, а когда запись подошла к концу, он почувствовал, что конечности закоченели, словно вся кровь превратилась в холодную морскую воду, а сам он стал таким же безжизненным, как тот сизый трупик. Он нажал кнопку повтора, и видео началось снова: море из синего превратилось в красное, дельфины

снова погибали от рук людей… Он пересматривал запись побоища бесчисленное количество раз, думая, что станет легче. Но нервы становились все чувствительнее, он помнил каждый кадр и мог различить каждый пиксель.

Внезапно он испытал дежа вю, заметив кое-что на одном из мелькающих кадров: дорожка из зеленого камня, скромный двухэтажный дом, сушеные кальмары за окном и простые на вид, но какие-то заторможенные жители деревни.

Ватанабэ Ю узнал это место — Унадзава, родной поселок отца.

Он встретился с ним лицом к лицу. Между Ватанабэ Ю и отцом в течение трех лет шла холодная война, с тех пор как сын по собственной инициативе поехал к тете и дяде и, никого не слушая, перешел на другую специальность.

Ватанабэ Ю написал смс и договорился о встрече в чайной рядом с офисом отца. Они сидели напротив друг друга с суровыми лицами, ни один из них не заговорил первым. После долгих колебаний сын решил перейти к делу. Он открыл рот и спросил обо всем, что его интересовало: история Унадзавы, конфликт между отцом и дядей, все-все-все.

Родитель, всегда суровый, буквально задрожал,

чашка выскользнула из его рук и опрокинулась на стол, темно-красный чай растекся по столу на пол, словно кровавое море.

Вопросы разрушили суровый образ, который отец с таким трудом создавал на протяжении десятилетий, и он, закрыв лицо руками, разрыдался.

Долгие годы холодной войны между ним и Ватанабэ Ю полностью испортили отношения между ними, и теперь сын отстраненно наблюдал за происходящим, уже догадываясь, что стоит за ссорой отца с дядей и почему он ушел из дома.

Ю заметил, что на лице отца появилось бесчисленное количество морщин, а большая часть ухоженных волос поседела. Он машинально протянул руку, хотел убедиться, что это не иллюзия, но на полпути отдернул ее, не давая рассеяться гневу.

Отец не заметил этого порыва, а потом начал торопливо рассказывать, как заключенный, признающийся в преступлении перед полицейским.

Когда отец и дядя были молоды, они вместе с деревенскими старейшинами ходили в море, отслеживали мигрирующих дельфинов и охотились на них. Нет, это была не охота, а зверская бойня, даже если бы все жители деревни вышли

в море, то не вместили бы столько дельфинов в свои маленькие лодки, так что они забирали лишь часть, а остальные трупы опускались на дно моря.

Рассказывая об этом, отец поднял руку с воображаемым копьем и сделал резкое движение. Он не мог стереть прошлое из памяти.

Мясо дельфина было невкусным, в деревне его ели мало, но каждый год местные жители устраивали массовую охоту. Отец спрашивал у старейшин почему, и одни говорили, что это традиция, другие — что это подношение морским богам, а третьи — что так учат будущие поколения. Отец не нашел ответа, но тот сам собой возник в его мозгу: это бойня, просто чтобы удовлетворить жестокость деревенских людей. Такой вывод отцу не понравился, ему не хотелось, чтобы он сам или его потомки жили в таком примитивном и варварском месте. После долгих раздумий он ушел из дома и стал предателем в глазах деревни.

Закончив рассказ, отец испустил протяжный вздох, как будто чувство вины, тяготившее его сердце, ослабло. А потом взглянул на сына, ожидая вердикта.

Ватанабэ Ю крутил в руках чашку и долго мол-

чал. Он пришел к отцу только для того, чтобы узнать у него правду об их родных местах, но полученный ответ настолько превзошел все его ожидания, что он даже засомневался в своих намерениях. И чего хотел отец: добиться его прощения или же просто выговориться?

Наконец, тот вздохнул и поднялся с места. Ватанабэ Ю встал напротив. Отец действительно сильно сдал. Сын помнил его властным человеком, а теперь видел лишь сутулого старика с наметившимися морщинами.

— Пап… — Ватанабэ Ю открыл рот, но не знал, что сказать.

— Не нужно ничего говорить. — Отец махнул рукой и вдруг шагнул вперед, обнял сына и отпрянул, прежде чем тот успел отреагировать.

— Я…

— Делай, что задумал, — сказал отец. — Наплюй на мое мнение, ты уже знаешь, что я тоже был хулиганом в твои годы.

Ватанабэ Ю смотрел ему вслед, но не произнес ни слова. Слова больше не могли выразить мысли, он должен был что-то сделать, для себя, для родителя, для дельфинов.

— Что! Струхнул, да? Ха! Мы собираемся сразиться с самым массивным существом в мире! —

Увидев, что Ватанабэ Ю впал в задумчивость, Фудзивара решил, что новичок шокирован, и весело рассмеялся.

Парень последовал его примеру, пару раз сухо хохотнув, ища возможность увернуться от Фудзивары и найти Кэйту среди моряков. В его глазах Кэйта был единственным, кто проявил к нему хоть какую-то доброту и был готов общаться на равных.

— Это правда, что мы здесь, чтобы охотиться на китов?

— Конечно! — Тот похлопал Ватанабэ Ю по плечу. — Поздравляю с успешной сдачей экзамена.

Ю вопросительно посмотрел на него.

— Эти несколько дней были твоим обрядом посвящения, и теперь ты стал одним из нас.

Парень почесал в затылке:

— Неужели? — Теперь, когда можно было не сосредотачиваться на чертовой церемонии посвящения, он продолжил: — Мы идем на китобойный промысел?

— Конечно!

— Я думал… — пробормотал Ватанабэ Ю. — Просто тетя упоминала, что местные в основном выходят в море охотиться на дельфинов.

Кэйта поднял очки:

— Дело не только в чертовых зоозащитниках, просто это опасно для жизни, в наши дни рискованно заниматься таким в Японском море. На этот раз нам всем пришлось замаскироваться под обычные рыболовецкие суда, потом пересесть на другой корабль и выйти в океан, отправиться в места лова, чтобы избежать зоозащитников, — а то стоит только сообщить наш маршрут, и тогда мы вернемся из поездки с пустыми руками.

— Но разве китобойное судно такого размера… не будет сильнее бросаться в глаза? — спросил Ватанабэ Ю.

— Оно выходит в море как обычное грузовое, — Кэйта указал на замысловатые знаки на корпусе.

Дядя поставил свой багаж на палубу и буркнул под нос:

— Ю, помоги мне занести вещи в каюту.

— А где она?

— Пойдем со мной. — В какой-то момент к ним снова подошел Фудзивара. — Теперь у тебя есть своя койка, мальчик мой.

Он улыбался, как будто иметь личную койку было большой честью. Но для них, вероятно, так и есть.

Фудзивара шел впереди, Ю следовал за ним, неся багаж сразу за двоих, рядом шагал Кэйта,

который не переставал озираться; их земляки сбились в группу, а на небольшом расстоянии от них двигались группы рыбаков из двух других поселков.

— Что здесь происходит? — спросил Ватанабэ Ю.

— О, это наше маленькое внутреннее соревнование, — пояснил Кэйта. — На этом корабле жители нескольких деревень сражаются друг против друга — каждый день вечером мы смотрим, у какой группы самый большой улов.

— Мы были первыми два года подряд, так что в этом году нам никак нельзя опускать руки, — добавил дядя.

— Это все благодаря Рё! — Фудзивара присоединился к разговору, толкнув дядю плечом. — Твой дядя — меткий стрелок, попадает сто раз из ста!

Ватанабэ Ю усмехнулся и опустил голову, но тут к горлу подступила волна тошноты: на палубе под ногами расползлось большое коричнево-черное пятно, и он догадался, что это такое. Замедлил шаг, не желая наступить на него, но когда поднял голову, то увидел, что вся палуба покрыта похожими пятнами и бежать некуда.

Повсюду кровь китов.

(10) Результаты эксперимента

— Какой это инкубатор? — спросил Ли Шили.

— Слишком мутно, невозможно разглядеть. — Чэнь Янь воспроизводил видео кадр за кадром, но зеленая точка просто промелькнула, и больше ее не было видно.

— Это полка слева?

— Не понимаю, — Чэнь Янь покачал головой.

— Посмотри внимательнее, — сказал Ли Шили.

Он вернулся к компьютеру и открыл записи своих экспериментов: «Левый ряд 23–35, 37 и 38 — добавлены фрагменты двух синтетических ферментов бактерии Ideonella sakaiensis [15] в корневую систему, добавлены фрагменты водорослей, чтобы позволить выживать в морской воде, и изменен переключатель другой синтетазы, чтобы разлагать ПВХ. Другие дополнения…»

От этого неожиданного открытия угасший энтузиазм Ли Шили снова вспыхнул, и ученый, забыв о былом разочаровании, тут же уселся за компьютер и начал просматривать данные.

---

[15] Примечания: 15

Ideonella sakaiensis — бактерия, способная разрушать ПЭТ-пластик, которую открыл японский ученый Ода Кохэй.

Чэнь Янь подошел и протянул руку, чтобы выключить монитор.

— Братишка, ты чего?

— Хватит на сегодня…

— Что? Почему? Мы с таким трудом добились хоть каких-то результатов, — озабоченно сказал Ли Шили, оттолкнув руку от монитора, но Чэнь Янь просто выдернул шнур питания.

— Даже если есть результаты, сейчас не стоит торопиться… Помоги мне прибраться в лаборатории, воняет просто жуть.

Ли Шили почесал голову, его коллега был прав: в комнате с культурами внизу все еще царил беспорядок, и если там не прибраться, то лаборатория скоро станет непригодной для людей.

— А еще у меня с утра в животе пусто, — продолжил Чэнь Янь. Обед, который Ли Шили купил ему, растоптали экологи, а другой еды не было.

Ли Шили нехотя оставил рабочее место и спустился вниз вместе со старшим товарищем, чтобы убраться в лаборатории. Затем они вернулись в город и сначала отправились в квартиру Ли Шили, чтобы принять душ и смыть омерзительный запах, а затем нашли небольшой ресторанчик, чтобы перекусить, естественно за счет Чэнь

Яня [16].

Только во второй половине дня, и то по настоянию Ли Шили, они снова вернулись на работу.

— Эй, говорю же, не нужно в этом деле торопиться, куда ты спешишь? — ворчал Чэнь Янь. — Стоило бы пропустить по паре стаканчиков, чтобы отпраздновать. Вот уж правда, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

— Сначала надо разобраться, что там и как. — Ли Шили ускорил шаг и первым вошел в лабораторию, уселся за компьютер и с головой погрузился в работу, начав просматривать свои заметки.

В течение следующих нескольких дней он повторял последние опыты в соответствии с лабораторным журналом, но новые растения не появлялись. Даже Чэнь Янь перестал рубиться в компьютерные игры и безостановочно повторял шаги эксперимента. Ся Цян звонил несколько раз, чтобы спросить его о состоянии лаборатории, и, услышав, что все в порядке, с чистой совестью отправился в Шэньчжэнь. Там находился крупнейший в мире центр по переработке отходов

---

[16] Примечания: 16

У китайцев принято приглашать в ресторан на свой счет, это может быть способом выразить симпатию, выказать уважение и т. п.

с пропускной способностью пять тысяч тонн в день, и профессор хотел сделать презентацию на третью годовщину открытия центра, чтобы люди вспомнили об опасности пластика.

— Какой смысл ему мчаться туда и читать лекцию? — пробормотал Ли Шили, недоумевая, почему профессор чихать хотел на лабораторию.

— Вы двое смотрите на вещи с совершенно разных точек зрения. В следующий раз, когда у вас будет возможность, вам лучше пропустить пару рюмок и поговорить по душам. Нехорошо, что тебя это постоянно гнетет. — Чэнь Янь все еще выглядел так, будто ему все безразлично.

— Я знаю, что он желает нам добра, но… — Ли Шили хотел продолжить, но Чэнь Янь внезапно поднял руку и прервал его.

Он закрыл глаза и с силой втянул воздух носом.

— Что опять не так? — спросил Ли Шили.

Его коллега поднял голову и продолжил принюхиваться:

— Ты чувствуешь этот запах?

— Какой?

— Пахнет спиртом…

— Тебе, наверное, просто выпить охота, — хмыкнул Ли Шили, но в этот момент, как и Чэнь

Янь, уловил еле различимый аромат в воздухе, который отличался от мусорной вони, пропитавшей лабораторию насквозь. Тот был приятным и свежим.

Чэнь Янь встал и отправился по следу, принюхиваясь на ходу, как служебная собака, выискивающая наркотики. Он вышел на улицу.

Ли Шили побрел за ним.

На улице сильнее пахло мусором, но и запах алкоголя тоже стал отчетливее.

Чэнь Янь стоял рядом с тем, что осталось от низкой стены фабрики, и смотрел через щель на свалку. По извилистой дорожке в ее центре ехало несколько тяжелых грузовиков, бесчисленные обрывки были разбросаны по земле, образуя абстрактную картину.

У подножия свалки лежал зеленый комок чего-то, чему здесь явно было не место.

— Смотри!

Ли Шили сомневался.

— Что теоретически производит полиэтилентерефталат при расщеплении? — спросил Чэнь Янь.

— Углекислый газ, воду, этанол, — тут же ответил Ли Шили. Когда они только начали эксперимент, то обсуждали, что побочным

продуктом разложения пластиковых отходов является спирт, и задавались вопросом, рискнет ли кто-нибудь его выпить.

— Понюхай, там есть растения, а в воздухе витает запах алкоголя, так что, как по мне, вероятность процентов восемьдесят, что идет какой-то процесс.

Ли Шили одобрительно кивнул:

— Надо взять образцы, это сэкономит нам время на проведение экспериментов.

— Хорошо, я вернусь и принесу коробку. — Чэнь Янь побежал обратно в лабораторию.

Ли Шили смотрел на зеленое пятно, не ожидая вот так увидеть результаты, о которых так грезил.

Он перемахнул через стену. Изначально высота здесь была в несколько этажей, но по мере накопления отходов свалка росла и уже почти сравнялась с краем угольной шахты. Под тонким слоем земли лежала полиэтиленовая пленка, оказавшаяся очень скользкой. Ли Шили на нетвердых ногах поковылял в сторону зеленого пятна. Он ожидал, что куча под ногами будет рыхлой, но мусор спрессовали настолько сильно, что по нему могли бы без проблем проехать даже тяжелые грузовики.

Вскоре стало ясно, что у растения такие же сердцевидные листья, как у сциндапсуса, но с желтоватыми полосками на каждом, а еще они были немного крупнее.

Сциндапсус — это лиана, она разрастается высоко, но дает воздушные корни, чтобы стебель мог удержаться на новом месте. Очень живучая и легко приживается, если отломить часть стебля и поместить его в подходящую среду, именно поэтому Ли Шили выбрал ее в качестве основного материала.

Растение раскинулось на довольно большой площади, его ветви качались на ветру под солнцем.

Запах алкоголя стал сильнее: значит, это именно то, о чем они подумали.

Чэнь Янь тоже спрыгнул со стены и побежал к Ли Шили.

Тот оглянулся, как вдруг почувствовал, что растение еще чуть-чуть расползлось, — или ему только показалось? Прошла всего неделя с тех пор, как экологи разгромили лабораторию, Чэнь Янь в тот день выбрасывал мусор, и был всего один росток, а теперь такая огромная площадь… Похоже, скорость роста у гибрида крайне велика.

Мимо проехал грузовик на разгрузку. При виде

Ли Шили водитель остановился, посигналил и крикнул:

— Эй! Ты что тут забыл, а?

Ли Шили махнул рукой водителю:

— Я просто посмотреть!

— Нельзя здесь просто так шататься, даже если вони не боишься.

— Я из вон того института. Гляньте на эту зелень!

Водитель тоже заметил растения и буркнул себе под нос:

— Вот уж не думал, что тут что-то может расти. — Он повернулся к Ли Шили: — Ребята, валите отсюда!

— Да-да, сейчас, — ответил тот.

Водитель посигналил еще два раза и уехал.

К этому времени подбежал Чэнь Янь, держа в руках коробку для сбора образцов:

— Давайте возьмем немного для анализа. Приятный запах!

Ли Шили взял ее и, оглянувшись, увидел прямо перед собой желто-зеленые листья. До того, как водитель грузовика посигналил, зелень была в десятке метров, так что…

Он поднял голову и увидел, что грузовик исчез.

Ли Шили посмотрел на Чэнь Яня:

— У тебя голова не кружится?

— Кружится? — удивился Чэнь Янь. — Нет, ты о чем вообще?

— Только что рядом со мной проезжал грузовик, ты его видел?

— Ну да…

— Значит, это мне не приглючилось…

— Слушай, и правда. — Чэнь Янь заметил, что что-то не так. — А где этот грузовик-то? — Он встал на цыпочки и огляделся. — Кажется, только что зелени было меньше…

Пока они разговаривали, растения окружили их, и стебли поползли вверх по Ли Шили, пуская корни.

Он поднял ногу, корни и стебли издали тихий щелчок и отвалились один за другим, после чего поднял другую.

Опустив ее, он почувствовал что-то еще, но не мог с уверенностью сказать, что именно. Ли Шили замер, наблюдая, как зелень, шурша, продолжает расти, проносится мимо, словно стая крыс, убегающих, почуяв землетрясение.

А это и было землетрясение. Толчок пришел откуда-то снизу, тупой и мощный, как от проходящего под землей поезда. Ли Шили выпрямился и посмотрел на напарника, который почувствовал

то же самое.

— Что… — Ли Шили только успел открыть рот, как позади него раздался громкий хлопок, и земля, которую облепляла зелень, вздыбилась и разорвалась в мгновение ока. Огромная сила выплеснула спрессованный мусор в небо, как при извержении вулкана.

— Вот черт! — заорал Чэнь Янь.

Ли Шили замер, воздух наполнился летящим мусором и пластиковыми пакетами, а перед ним образовался огромный кратер, более пятидесяти метров в диаметре и такой же глубокий.

Ли Шили гордился своим высоким интеллектом, о чем свидетельствовали бесчисленные почетные грамоты, полученные во время учебы. Но сейчас он пялился на происходящее, как последний кретин: его мозг просто не мог переварить происходящее. Медленно повернув голову, как марионетка, он посмотрел на Чэнь Яня, надеясь получить от старшего товарища хоть какой-то ответ. Но тот смотрел прямо в глубокую яму, даже не замечая товарища.

Любопытство заставило Ли Шили двинуться вперед, чтобы посмотреть, что находится в яме.

В этот момент многослойная спрессованная свалка рухнула.

Корни зелени глубоко внутри нее разложили большую часть пластика, образовав огромную каверну. В процессе разложения выделялся постоянный поток углекислого газа, и, сжавшись до предела, он извергся, как кола при неаккуратном откручивании крышки. Вибрации и ферменты, выделяемые синтетическими растениями, ослабили структуру твердой свалки, и гигантская яма начала разрушаться, словно омут.

— Бежим! — Чэнь Янь подскочил и потянул Ли Шили, который брел в сторону кратера.

Они мчались по пышной зелени, словно по толстому зеленому ковру, но было жутко подумать, что может произойти. Эта зияющая ямища преследовала их, как хищная пасть, пожирающая все. Возможно, грузовик давно провалился на дно.

Наконец, они прорвались сквозь зелень, а Ли Шили вдруг почувствовал, что ему больно бежать. Когда он посмотрел вниз, то обнаружил, что на верхней части кроссовок сохранилось лишь несколько кусочков ткани, а пластиковая подошва и пластиковый логотип исчезли.

— Неужели эта зелень настолько сильно все разлагает? — спросил Ли Шили на бегу.

— Что еще ты добавил?

— Если бы я знал!

Чэнь Янь тоже лишился обуви, он помог хромающему Ли Шили перелезть через стену, а потом вскарабкался на нее сам.

Молодые люди сидели бок о бок на краю, свесив босые ноги, и это было бы даже приятно, если бы не ужасающее зрелище, представшее перед ними.

Глубокая яма, занимающая две трети свалки, все еще расширялась, но скорость замедлилась. Остальную часть территории покрывали синтетические растения, а на краю мусорки они энергично тянулись вверх, пытаясь добраться до людей, так что Ли Шили испуганно поджал ноги.

— Что же мы натворили! — пробормотал он себе под нос, вставая и оглядывая все вокруг. Зелень расстилалась по всему пространству перед ним, она буйно разрасталась, бесчисленные листья плавно покачивались, и этот шелест напоминал жутких марширующих амазонских муравьев на канале «Природа».

— Может, сообщим Лао Ся? — спросил Ли Шили.

— Да, стоит рассказать.

— А в полицию надо позвонить?

Чэнь Янь потер переносицу:

— Лучше пусть Лао Ся сам решит.

(11) Охота на китов

Жизнь на «Хаякагэ мару» кардинально отличалась от жизни на «Кувата мару», и каждому человеку здесь отводилось свое место. Ватанабэ Ю никто не задвигал на второй план из-за того, что он новичок, о нем заботились, и по приказу Фудзивары его и Кэйту поставили в группу, ответственную за разделку китовых туш.

Кэйта вручил Ватанабэ Ю длинный зазубренный нож:

— Этим можно легко разрезать китовый жир, наша задача — разделить тушу на большие куски шириной в метр, а потом их разрежут на более мелкие части.

Несмотря на всю свою воспитанность, Кэйта орудовал зазубренным ножом с большой энергией и, похоже, был в этом деле настоящим мастером.

Ватанабэ Ю поднял нож, тот весил несколько килограммов, вся тяжесть приходилась на острие лезвия, а длинная деревянная рукоятка казалась легкой. Ватанабэ Ю дважды взмахнул им, но Кэйта поспешил остановить его и крикнул:

— Стоп! Сначала научись держать нож, а не размахивай им туда-сюда. — Он закатал рукава, обнажив сильные загорелые руки. — Видишь? — И указал на левую, где от локтя до запястья тянулся длинный шрам, окруженный еле заметными следами от швов, которые делали его похожим на сороконожку. — Когда я в первый раз разделывал тушу, то не удержал рукоятку, и когда лезвие наткнулось на кость, оно отскочило и попало вот сюда. На этой посудине не предусмотрено никаких средств для лечения, а вернуться не было никакой возможности. Оставалось только ждать смерти, но брат Фудзивара просто завалил меня на палубу. У нас тогда не было никакой анестезии, но ему плевать было на то, что я сопротивлялся, он просто уселся сверху, нашел леску и заштопал рану. Видишь… — он поднял руку, чтобы Ватанабэ Ю мог рассмотреть получше. — Я обязан жизнью брату Фудзиваре.

— Очень тонкий шов… — парень, произнося эту фразу, витал мыслями в другом месте, но тут же понял, что она далека от истины и два раза торопливо кашлянул: — Даже не догадывался, что Фудзивара такой скрупулезный.

— Не смотри, что старший брат постоянно всех пугает, на самом деле у него доброе сердце. —

Кэйта сдвинул очки: — Он и тебя все стращал, но с того момента, как согласился взять тебя в море, всегда заботился.

Ватанабэ Ю на мгновение задумался, и ему показалось, что это действительно так. Фудзивара постоянно грозился его наказать, но дальше слов дело не шло. Потом отвернулся и увидел, как «человек с добрым сердцем» колотит пустым ведром какого-то ленивого рыбака.

Ватанабэ не удержался и громко засмеялся, но Кэйта неправильно расценил этот смех и решил, что новичок ему не верит.

— Ты ведь и правда первый выходец из нашего поселка, который окончил университет, и наедине со мной Фудзивара много раз тебя хвалил. И еще ты не похож на городских пижонов: за десять дней на «Кувата мару» ни разу не пожаловался. Это все заметили.

Кэйта говорил искренне, и Ватанабэ даже смутился и отмахнулся:

— Да это пустяки.

Фудзивара прекратил ругать рыбака и пошел в их сторону. Оба сразу замолчали.

Ватанабэ упражнялся, орудуя зазубренным ножом, повторяя все за Кэйта и украдкой поглядывая на Фудзивару. Капитан потирал подбородок

и с одобрительным выражением смотрел на него. Ю почувствовал, что этот грубиян и правда выделяет его, как и сказал Кэйта, и внутри поднялась волна благодарности. Но при мысли о том, чем они занимаются, по спине снова пробежал холодок.

С каждым днем по мере приближения судна к антарктическому региону погода становилось все холоднее, и Ватанабэ не ожидал, что они заплывут так далеко, а потому взятой с собой одежды не хватало, чтобы защититься от холода. У Фудзивары «случайно» оказался лишний комплект зимней одежды, и он настоял на том, чтобы одолжить его новичку.

— Вся команда занята делом, а ты тут один клацаешь зубами в каюте? На этом корабле неудачники не нужны, — пробурчал он суровым тоном, пихая Ватанабэ Ю зимнюю куртку.

Тот попытался отказаться, но руки Фудзивары застыли, словно два бетонных столба. Ватанабэ Ю пришлось вкалывать на палубе в термокостюме на два размера больше.

Холодало, но рыбаки работали с энтузиазмом. Они находились на борту современного экспедиционного судна, но горланили песни своих предков, которые давным-давно выходили в море

на долбленых лодках.

В день встречи с ними дежурили рыбаки из Саннантё, и в три часа дня из моря в сторону корабля вырвалась струя воды. Тут же прозвучал сигнал, и Ватанабэ Ю выбежал из каюты и вместе с остальными жителями Унадзавы поднялся на помост лоцманской рубки, наблюдая за тем, как рыбаки Саннантё приступают к работе.

Когда «Хаякагэ мару» подплыло поближе, Ватанабэ увидел трех малых полосатиков, кормящихся на поверхности. Они отличаются от крупных китов: малые полосатики выпрыгивают из воды, затем широко разевают пасть, чтобы проглотить все, что плавает на поверхности воды: микроорганизмы, мелких рыб, креветок и прочее. Насколько Ватанабэ помнил, малые полосатики могут выпрыгивать из воды десятки раз в час во время еды.

Очень активный вид и отличная мишень.

Ватанабэ увидел, что кто-то забрался на одну из платформ, торчащих из палубы в носовой части корабля, где были установлены два больших торпедных орудия.

— С помощью этого охотятся? — спросил он.

Находившийся рядом Кэйта кивнул:

— Это китобойная пушка.

Не успел парень задать следующий вопрос, как наводчик из Саннантё на деле показал, какой из него охотник.

Раздался громкий взрыв, из дула вырвался белый дым, и в сторону полосатика вылетел огромный гарпун.

Ватанабэ Ю невольно вытянул шею, пытаясь понять, что же будет с китом.

Его дядя Рё сцепил руки на груди и пренебрежительно покачал головой. Как он и ожидал, наводчик промахнулся, сталь лишь скользнула по голове полосатика и упала в воду. Охотник с досадой махнул рукой, и двое рыбаков за его спиной начали крутить лебедку, чтобы достать гарпун.

В этот момент раздался еще один выстрел, но и этот попал в воду.

Наводчик запустил четыре гарпуна подряд, и все мимо. Шум испугал китов, и два из них нырнули под воду и исчезли. Только один остался — не обращая внимания на случившееся, он по-прежнему весело прыгал прямо у носа корабля, то и дело взмывая в воздух, словно демонстрируя свои навыки перед экипажем.

Ба-бах! Прозвучал пятый выстрел, и дядя хрюкнул. По траектории полета Ватанабэ Ю понял, что

в этот раз гарпун попадет в цель.

Сердце его бешено колотилось в груди: невыносимо было видеть то, как калечат полосатика, и одновременно хотелось засвидетельствовать жестокую сцену своими глазами. Секунда показалась ему часом, он смотрел на происходящее в недоумении. Гарпун метнулся черной тенью, похожей на хищного сокола, прочертил изящную дугу и вонзился прямо в несчастного кита.

Ватанабэ Ю задрожал всем телом, как от удара током. Гарпун был оснащен электрошоком, и после попадания в кита пустили электрический ток высокой интенсивности. Однако заряд все равно не смог сразу оглушить животное, оно пыталось вырваться на свободу, но один конец гарпуна, с раскрывшимися лапами, крепко застрял в его теле, а другой был прикреплен к лебедке на судне. Рыбаки не спешили наматывать трос, они легли на носу судна и наблюдали, ожидая, когда у кита закончатся силы.

Ватанабэ Ю, словно в тумане, тоже встал на носу и смотрел, как кит дергается что есть силы, тросы то напрягались, то ослабевали, полосатик трепыхался, но не мог спастись от смерти. Из раны хлынула кровь, и вся видимая поверхность воды окрасилась в темно-багровый цвет.

Из глубин памяти Ватанабэ Ю снова всплыла сцена жестокой расправы над дельфинами, и он задрожал, пробормотав под нос: «Это слишком жестоко».

Стоявший рядом с ним рыбак с волнением наблюдал за последней схваткой умирающего кита. Услышав слова парня, он повернул голову и закатил глаза:

— Ты называешь это жестокостью? В старину китобойные суда использовали пороховые гарпуны, которые взрывались при попадании, мне довелось видеть китов, которые пытались спастись, уплывая с наполовину оторванными головами.

Ватанабэ Ю изо всех сил старался сдержать гнев, крепко вцепился в поручни, медленно развернулся в сторону рыбака, как зомби, но ничего не сказал, лишь пристально посмотрел на него. Этот взгляд выдал его потаенные мысли. Китобой замер, не понимая, почему в глазах новичка появилось такое зловещее выражение, но не стал слишком углубляться в размышления по этому поводу, а переключил свое внимание на кита.

Обессиленный кит плавал на поверхности воды, неподвижный, словно уже умер. Только тогда раздался приказ вращать лебедки и медленно

подтягивать канаты, и полосатика по специально устроенному в носовой части судна желобу вытащили на палубу, где несколько рыбаков подошли к нему, чтобы снять мерки.

При длине более восьми метров и массе в одиннадцать тонн этот экземпляр не считался крупным представителем своего вида, но для Ватанабэ Ю, впервые видевшим кита так близко, это было самое прекрасное создание, которое только мог сотворить Бог.

Но оно умирало.

Неизвестно, сколько крови скопилось в этом гиганте, однако вода окрасилась в темно-багровый цвет, а после того, как кита вытащили на палубу, из всех его ран продолжали бить алые струи, быстро перепачкав все вокруг.

В океане кит уже израсходовал силы, а после того, как его затащили на корабль, огромный вес не позволял совершать никаких движений. Однако сердце все еще билось, пытаясь снабдить кровью гигантское тело.

Ватанабэ Ю смотрел на кита снизу вверх и чувствовал, как сильно бьется сердце великана, а тело еще слегка подрагивает. Он лежал на боку, безжизненно уставившись одним глазом в небо, а группа рыбаков уже окружила его, словно

муравьи, нашедшие пищу и принялась разделывать.

«Он еще жив!» — крикнул Ватанабэ про себя, не осмеливаясь выдать свое волнение.

Молодой человек запрокинул голову и уставился в небо, позволив холодному антарктическому бризу охладить гнев, бушевавший в душе. Он вспомнил о своей миссии, хотя она и оказалась немного не такой, как он планировал, но реальная и жестокая сцена на китобойном судне должна была сыграть важную роль в защите морской фауны. Его рука потянулась в карман, чтобы незаметно для окружающих прикрепить миниатюрную камеру к воротнику. Ватанабэ Ю стоял лицом к палубе, чтобы камера могла запечатлеть все на пленке. Отсюда было видно происходящее на палубе внизу: огромное и прекрасное существо в мгновение ока разделали, китовое мясо перевезли на нескольких тележках в трюм, остался лишь окровавленный скелет с болтавшимися на нем кусками мяса, словно объедки после пира вороньей стаи. Вскоре кости, занимавшие много места и не представлявшие особой ценности, выгрузили обратно в воду через желоб в носовой части судна. Несколько рыбаков поспешно смыли кровь с палубы, и, если не

считать въевшихся бурых пятен, ничто не напоминало о произошедшем.

Фудзивара подошел к Ватанабэ Ю и с силой хлопнул его по плечу:

— Ну что, малыш, завтра мы им покажем.

Тот, не выдержав, перегнулся через поручни, и его вырвало.

(12) Оползень

Ли Шили положил трубку и пожал плечами:

— У Лао Ся выключен телефон.

— Может, опять летит куда-то? — предположил Чэнь Янь.

Они стояли, слегка покачиваясь, и смотрели на изумрудный лес перед собой: такое чувство, будто перед ними раскинулись прерии. Зеленые маслянистые листья шелестели на ветру, словно волны. В воздухе больше не пахло мусором, их окутывал слабый аромат вина.

Возможно, перед ними раскинулось то самое «волшебное дерево Цзяньму», которое они так долго искали. Ли Шили ликовал, потянулся, принял более удобное положение и теперь полулежал, глядя на сказочные растения, которые сам же и взрастил.

— Твой мобильник! — Чэнь Янь ткнул пальцем в его сотовый.

На корпусе телефона появилось несколько неровных ямок, как будто его чем-то разъело.

— Это оно, да? — Ли Шили поднял ногу и снял остатки кроссовки, болтавшиеся на ноге. — Смот-

ри, все пластмассовые элементы исчезли, даже синтетическая краска на ткани распалась.

— Это именно то, что нам нужно.

— Но моя кожа цела, никаких ран или язв, — Ли Шили продемонстрировал ногу Чэнь Яню.

— Значит… эта штуковина не ест людей.

— Но почему она растет с такой чудовищной скоростью? Быстрее, чем мы бежали. Да и каталаза, с которой мы работали, не позволяет так быстро разрушать пластик.

Чэнь Янь повесил голову, о чем-то задумавшись.

— Чэнь Янь! — окликнул его Ли Шили. — А что, если эта способность никак не связана с добавленными нами фрагментами?

— Тогда с чем?

— Возможно, она заложена в ДНК, и мы просто включили ее по ошибке.

Чэнь Янь на мгновение застыл, но тут же разразился смехом:

— Ты никак уверовал в волю случая?

— Сколько времени прошло с тех пор, как синтезировали пластмассу, и почему в природе уже давно существуют организмы, способные расщеплять полимеры, а сами люди не способны создать ничего подобного?

— То есть ты хочешь сказать, Господь давно знал, что человечество может пасть жертвой пластика, поэтому заранее оставил секретное оружие?

— Я… — промямлил Ли Шили. Мысли путались, и он не мог размотать эту ниточку. — Забудь. Болтаю всякую чушь!

— Вот и не надо размышлять о всякой ерунде. — Чэнь Янь в шутку ткнул коллегу кулаком. — Совсем ты чего-то….

— Хорошо, хорошо, давай вернемся в лабораторию. Если у тебя есть запасная обувь, одолжи, пожалуйста.

— Только шлепки.

К этому времени солнце уже клонилось на запад, и рост зелени, казалось, немного замедлился: самые крупные листья в центре, похожие на банановые, раскинулись пышным ковром, но почти все были испещрены желтыми пятнами, словно вот-вот пожухнут. Растения стремительно распространялись, но, судя по всему, если перестать подкармливать их мусором, они быстро завянут. Эта мысль неожиданно пришла в голову Ли Шили, и он вернулся на край платформы.

Зелень перестала разрастаться, остановившись перед стеной из бетона и камней, и теперь пере-

варивала отвоеванный пластиковый мусор.

— Ты идешь? — спросил Чэнь Янь.

— Я хочу посмотреть, что из них получится в итоге.

— Хорошо, я вернусь переобуться. — Напарник покинул платформу и вернулся в лабораторию, оставив Ли Шили одного.

Вокруг стояла мертвая тишина, не было слышно даже шелеста буйно разросшихся листьев. Холодный ветер дул в лицо. Ли Шили окончательно пришел в себя и, глядя на гигантский зеленый бархатный ковер под ногами, впервые осознал: эта чудесная жизнь — его творение.

Если все и дальше пойдет в том же темпе, зелень, скорее всего, завянет к завтрашнему утру, поэтому нужно поторопиться и собрать хоть какие-то образцы. Растения способны разлагать пластик, могут выживать без почвы и быстро увядают, лишившись запасов полимеров, так что в общем отвечают тем немногим требованиям, которые ученые ставили в ходе эксперимента; конечно, если бы удалось скорректировать скорость распространения и не дать гибриду разрастаться в таком бешеном темпе, было бы еще лучше.

Ли Шили поднялся, хотел найти, где спуститься, чтобы собрать несколько образцов, и тут у

него очень громко заурчал живот.

— Пару метров пробежал и уже проголодался, — пробормотал он себе под нос.

Снова раздалось урчание, но более продолжительное, он прислушался, склонив голову набок, и убедился, что его живот тут не при чем.

Звук шел откуда-то из-под земли.

На глубине ста семидесяти метров под ногами Ли Шили находилась давно заброшенная шахта.

Ее история насчитывала более пятидесяти лет, после смены десятка владельцев она приобрела замысловатую форму. Приходили все новые и новые люди, делая большие деньги. В конце концов шахту вывели из строя, и теперь она была заброшена.

Позже городские власти привлекли специалистов для обследования территории, и после засыпки нескольких ям на поверхности, чтобы обеспечить безопасность, на этом месте построили полигон. Однако недра шахты остались и походили на муравьиное гнездо.

Синтетическая зелень не начала постепенно терять свою жизнеспособность, как это казалось, а пустила корни глубоко в землю в поисках необходимых «питательных веществ».

Там, внизу, до сих пор сохранились медные про-

вода. Поливинилхлорид, служивший изоляцией для них, стал единственной пищей для растения. Бесчисленное множество корней устремилось под землю, расшатывая и так хрупкую структуру шахты.

И вот одна штольня обрушилась, эхо разнеслось по соседним, словно отрыжка.

За этим последовало еще несколько обвалов: мусор летел вниз, вызывая цепную реакцию, в результате которой в земле образовалась огромная дыра. Наконец, безымянный холм, непосредственно примыкающий к полигону, не выдержал.

Этот звук походил на приглушенный раскат грома, доносящийся сквозь далекие темные тучи и скатывающийся с вершины горы. Десятки тысяч тонн породы сползали вниз по зоне разлома, сначала небыстро, но неудержимо.

Изначально зеленый склон мгновенно окрасился в грязно-коричневатый цвет, а каменистый грунт посыпался вниз в огромную воронку.

По сравнению с половиной горы она казалась всего лишь небольшой ямой. Грязь и камни засыпали ее и понеслись дальше.

Только тогда Ли Шили понял, что надо спасаться, и бросился наутек, не обращая внимания на то,

что бежать босиком очень больно и неудобно.

— Чэнь Янь! Чэнь Янь! — орал он на бегу.

— Что? — Тот высунул голову из окна на втором этаже.

— Беги! — Ли Шили замедлил шаг, и тут слой почвы поглотил разрушенную стену. Он снова заорал Чэнь Яню: — Не тупи! Быстрее! Оползень!

Напарник не стал мешкать, его голова исчезла из окна, и через минуту он выбежал из здания лаборатории.

Каменистый слой почвы продолжал сползать, дымовая труба упала по диагонали прямо на крышу лаборатории.

Чэнь Янь поморщился:

— Твою мать! Хорошо, что успел выбраться!

Не успел он договорить, как здание лаборатории посыпалось вниз, сложившись как картонная коробка.

Из-за неравномерной плотности почвы скорость оползня была сразу и быстрой, и медленной, более быстрые и мелкие камни перекатывались через большие булыжники, катились и подпрыгивали, вырывались наружу, как пули из дробовика.

Ли Шили бежал изо всех сил, перед глазами темнело, кроссовки впереди удалялись от него.

Столько лет он пускал на учебу и работу все то время, которое другие тратили на тренировки, на учебу, и вот теперь его настигло возмездие.

— Подожди! — Ли Шили хотел окликнуть Чэнь Яня и помочь ему. В это время в икру попал кусок гравия размером с яйцо, и он упал.

Через пару секунд Чэнь Янь понял, что Ли Шили отстал, он вернулся и помог ему подняться.

Пыль заволокла все вокруг, и ученые не могли понять, куда двигаются в темноте. Они прикрыли рты и носы одеждой и вслепую ковыляли в случайном направлении, ища путь к спасению.

Через некоторое время пыль осела. Оказалось, оползень остановился в семи-восьми метрах позади них.

Все наработки были погребены под камнями, грязью, синтетической зеленью и обломками здания.

— Ничего не осталось, — пробормотал Ли Шили.

— Мои сохраненки! — Чэнь Янь хлопнул себя по лбу. — Я же часов двадцать наиграл.

— Мы потеряли архив за несколько лет, а тебя это волнует? — Ли Шили недовольно посмотрел на старшего товарища.

И тут на них упал луч света.

Ли Шили поднял руку, чтобы загородиться от блеска слишком ярких фар, когда по горной дороге к ним подъехал седан.

— Что он здесь делает? — пробормотал Ли Шили.

Профессор Ся по своей природе был очень медлителен, и передачи переключал с отставанием, а потому двигатель успевал раскрутиться на четыре с лишним тысячи оборотов. Издали казалось, что ревет мощный спортивный автомобиль, а при ближайшем рассмотрении это оказывалась старенькая «джетта».

Дверца открылась, Ся Цян выбрался из машины, знакомая дорога была полностью засыпана камнями и землей.

Из темноты вынырнули Ли Шили и Чэнь Янь.

— Профессор Ся, зачем вы приехали?

— О вас беспокоился. — Он сощурил глаза, разглядывая своих подчиненных в свете фар. — Ого, вы так сильно пострадали! Вас избили те люди?

— Нет, нет, не волнуйтесь, учитель, это не они. — Чэнь Янь поднял руку и махнул в сторону того места, где раньше стояла лаборатория. — Теперь у нас есть проблема посерьезнее, чем экологи.

Ся Цян вглядывался в темноту, но там видне-

лись лишь смутные очертания.

— Что случилось? Оползень? — Профессор приподнял очки. — Дождя не было, с чего вдруг оползень?

— Это не оползень, это обрушение, — пояснил Ли Шили. — Гора обрушилась. Наша лаборатория, все экспериментальные данные и готовые образцы погребены под кучей обломков.

— Что ты сказал? — Ся Цян ушам своим не верил. — Наша лаборатория…

Он пригладил свои редкие волосы и быстро пошел к развалинам.

Профессор быстро выбрался за пределы освещенной зоны, и Ли Шили с Чэнь Янем, опасаясь, что их учителю грозит какая-нибудь опасность, бросились следом.

Ся Цян почесывал голову, бормоча себе под нос:

— Что же делать? Что мы можем предпринять? Как вообще такое могло случиться?

Ли Шили вздохнул и переглянулся с Чэнь Янем. Профессор был настоящим корифеем в своей области, но при этом ужасным упрямцем, и любил брать быка за рога. В научных вопросах это отличное качество. Однако в жизни такой характер доставлял ему немало страданий.

Теперь, когда произошло нечто непонятное, он не мог поверить своим глазам и, судя по прошлому опыту, готов был впасть в панику.

Ли Шили и Чэнь Янь, встав по обе стороны от старика, помогли профессору вернуться к пятну света, один бил его в грудь, другой похлопывал по спине. Они долго ждали, надеясь, что Ся Цян очнется и снова станет их опорой, но сначала им нужно было успокоить его.

— Нестрашно, лабораторию мы застраховали, так что ущерба никакого, — тараторил Ли Шили.

— Да, хотя наши данные и погребены под землей, толку от них немного, все равно за эти годы мы особого успеха не добились, — поддакнул Чэнь Янь. Напарник многозначительно посмотрел на него.

Ся Цян медленно прислонился к капоту, выдохнул и спросил Ли Шили:

— Ничего не осталось?

Он кивнул:

— Ничего, но…

Чэнь Янь понял, что тот собирается сказать, и несколько раз помахал рукой, чтобы приятель замолчал.

Но Ли Шили ничего не мог с собой поделать, ему отчаянно хотелось поделиться с профессором

радостной новостью.

— У нас получилось! — Как только слова прозвучали, Ли Шили обнаружил, что не так уж им и рад.

— Что? — непонимающим тоном спросил Ся Цян.

Ли Шили рассказал профессору Ся обо всем, что произошло, начиная с налета экологов, обнаружения следов растения на записи с камеры наблюдения, а затем про заросли «Цзяньму», которые расползлись по всей свалке, а потом про оползень, который погреб под собой лабораторию.

Хотя доказательств не осталось, Ли Шили своими глазами видел, что они выбрали правильное направление. В их идее нет ничего плохого, и если у них будет больше времени, они смогут культивировать «Цзяньму», растение, способное расщеплять пластиковые отходы, сделать его безопасным и управляемым.

Теперь все было готово, и если Ся Цян изыщет средства на возобновление исследований, Ли Шили подключится к работе. Он верил, что меньше чем через год, а то и через полгода, сумеет разрешить проблему всего человечества.

Профессор протяжно вздохнул, поднял очки и

посмотрел в ту сторону, где когда-то находилось их здание:

— Не волнуйтесь, я что-нибудь придумаю.

— Что можно придумать? — Ли Шили забеспокоился. — Хотя данных больше нет, но идея понятна, и если найдется новая лаборатория, мы можем приступить немедленно.

Чэнь Янь похлопал Ли Шили по плечу:

— Думаешь, лаборатория находится просто по щелчку?

— Но…

— Ладно, не будем пока об этом. — Чэнь Янь перебил Ли Шили. — Учитель Ся только что узнал эту новость, ему нужно время ее переварить.

Профессор смотрел перед собой и молчал, не зная, что сказать. Через некоторое время Чэнь Янь неуверенно протянул руку и помахал ею перед лицом Ся Цяна. Тот вздрогнул, а потом его лицо приобрело сосредоточенный вид, как будто он только что пробудился от кошмара.

— Не волнуйтесь, ребята, — сказал старик. — Все будет хорошо.

Ли Шили хотел услышать совсем не это.

— Профессор Ся, когда мы сможем возобновить работу?

Ся Цян выглядел смущенным:

— Сяо Ли, я понимаю, что ты торопишься, но восстановить лабораторию — это не дело пары дней. — Он встал и еще раз посмотрел на обвалившийся холм. — Это место нужно восстановить, а был ли обвал вызван нашими экспериментами, или нет, еще предстоит выяснить. Кроме того, финансирование, открытие новой лаборатории… нужно решать проблемы по мере поступления.

— Но… не следует откладывать.

Чэнь Янь похлопал приятеля по плечу:

— Не торопись, спешка — не вариант.

Ли Шили открыл рот и снова закрыл его, радость от удачного эксперимента испарилась.

— Давай сначала вернемся в город, мне придется пожить у тебя несколько дней, — сказал Чэнь Янь.

— Хорошо, без проблем, — лениво отозвался Ли Шили.

Они вдвоем сели в машину профессора на пассажирские сиденья, а Ся Цян плюхнулся на место водителя, повернулся к подчиненным и сказал:

— Ребята, вы пока отдохните, я собираюсь подать заявку на новый проект и сообщу вам, когда его утвердят.

Профессор завел машину, вдруг что-то вспомнил и обратился к Ли Шили:

— Слушай, Сяо Ли, а твоя родная деревня ведь на побережье?

— Да, а что? — Профессор никогда не запоминал такие детали, поэтому Ли Шили стало немного не по себе от столь неожиданного вопроса.

— Насколько я помню, ты не навещал родных последние несколько лет, почему бы тебе не съездить домой? — Ся Цян развернул машину.

— Поехать домой? Что случилось?

— В этот раз, когда я ездил с лекциями, то обнаружил, что на побережье дела обстоят не слишком хорошо, так что ты мог бы вернуться и посмотреть.

— О чем вы? — спросил Ли Шили.

Ся Цян держал руль обеими руками, сосредоточив внимание на грунтовой дороге перед ним, и через некоторое время медленно проговорил:

— Да так, ерунда.

(13) Жизнь на корабле

Фудзивара позвал двух человек и проводил Ватанабэ Ю обратно в каюту. Тот все еще раздумывал, какое бы оправдание придумать, но Фудзивара опередил его:

— Снова морская болезнь одолела, да? Да и судно сегодня шло немного тяжело, пока мы преследовали китов.

Ватанабэ Ю смог только с горькой улыбкой кивнуть в знак признательности.

— Тогда отдохни. — Уже выходя, Фудзивара бросил через плечо: — Но завтра больше так не делай. Перед командой ты должен вести себя как мужчина.

— Да, я понимаю. — Ватанабэ Ю хотел одного — чтобы начальник ушел и он смог проверить качество видеозаписи. Он с напускной слабостью закрыл глаза.

Фудзивара медленно закрыл дверь, и его шаги стихли в коридоре.

Ватанабэ Ю перевернулся на спину и отцепил крошечную, размером с пуговицу, камеру. Видео уже хранилось в мобильном телефоне, но сейчас,

посреди океана, отправить его было нельзя, и выложить запись он мог только в обратном рейсе.

Он достал из-под матраса флешку, чтобы перенести видео на нее. Только включил мобильник, как раздался стук в дверь, и Ватанабэ Ю поспешно откинулся на спинку кровати и накрылся одеялом, прикрыв половину лица.

— Кто там?

— Это я, — раздался голос его дяди Рё.

— О, дядя! Заходи.

— Тебе лучше?

— Намного! — Ватанабэ Ю дважды кашлянул. Это была правда.

— Ты привык к морю? — спросил дядя.

— Я… — Внезапно он осознал, что дядя впервые поинтересовался его состоянием, хотя они пробыли в плавании больше месяца.

— Молодым людям полезно потрудиться. Твой отец уехал из дома, потому что испугался трудностей.

— Глупости! — в сердцах ругнулся Ватанабэ Ю.

— Но теперь… — дядя вдруг смущенно хохотнул. — Твой отец в большом городе, карьеру построил, сын вон у него какой…

— Ммм… — Ватанабэ Ю не знал, что на это ответить, поэтому просто глупо улыбнулся.

— Как дела у твоего папы?

— Очень хорошо. Мы тут с ним повздорили, он бывает жестким.

— Да, он может с кем угодно поссориться. — Лицо дяди слегка вытянулось. — Я ни разу его не переспорил с самого детства.

— В споре исход особо сути не меняет.

— Похоже, ты тоже в этом особо не преуспел.

Ватанабэ Ю горько улыбнулся.

— Отец был против приезда сюда?

Племянник замер, затем кивнул.

— Он всегда смотрел на нас свысока, — сказал дядя. — Раньше мы могли назвать твоего отца предателем, а теперь все деревенские ему завидуют.

— Тут такое дело… — Ватанабэ Ю хотел сказать пару слов в защиту отца, но не знал, как это сформулировать, открыл рот и снова закрыл.

— Команда о тебе хорошего мнения, они ждали, что ты отступишь в какой-то момент, но ты справился.

— Это все ерунда.

— Нет, это важно, — возразил дядя, поднимаясь. — Отдыхай, завтра наша очередь.

— Я в порядке.

— Вот и славно. — Дядя кивнул и вышел из

каюты.

Когда дядя ушел, Ватанабэ Ю осторожно сохранил видео на флешку, спрятавшись под одеялом, и убрал телефон.

На палубе рыбаки праздновали итоги первого дня, и смех, пробиваясь сквозь слои палубы, достигал его каюты и превращался в гулкий шум.

Ватанабэ Ю перевернулся на спину и закрыл глаза. Перед его мысленным взором разворачивалась увиденная сцена: взрывы китобойных пушек, стремительно летящие гарпуны, кровь, ручьями льющаяся на палубу, и обнаженное бьющееся сердце. Эти образы в сочетании с громкими звуками временами пугали и раздражали Ватанабэ Ю. Засыпал он в оцепенении, но то и дело просыпался, чтобы спастись от хаоса сновидений.

На следующий день встал рано, голова еще немного кружилась, его знобило, пришлось надеть еще и свою летнюю одежду под термокостюм, который ему одолжил Фудзивара, но это не помогло.

Он плотнее закутался в одежду, которая была велика на два размера, и последовал за остальными в столовую на завтрак. Набив желудок, почувствовал себя лучше, но ему по-прежнему

было холодно. Потрогал лоб — все ясно, у него жар.

— Что случилось? — участливо спросил Кэйта. — Ты выглядишь неважнецки.

— Ничего, — покачал головой Ватанабэ Ю. — Наверное, меня еще немного укачивает.

— Сегодня мы открываем сезон. Держись!

— Разумеется! — он выдавил из себя улыбку.

Они собрались на палубе и заняли места в соответствии с распределением обязанностей. Кэйта и Ватанабэ Ю, которые должны были разделывать туши пойманных китов, ждали в сторонке. У последнего спину, плечи и бедра ломило от лихорадки, и даже за ножом он нагнулся медленнее обычного, а когда поднял его, тот показался значительно тяжелее, чем в предыдущий раз.

— Эй, студентик!

Ватанабэ Ю поднял голову — это был Фудзивара, стоявший наверху.

— Да! — громко ответил он.

— Поднимайся сюда!

Ватанабэ Ю сделал то, что ему велели. Он задыхался от усталости после подъема, пот выступил на спине и мгновенно превратился в холодные капельки воды, стекающие вдоль позвоночника.

— Все еще укачивает?

— Нет, мне лучше, — соврал Ватанабэ Ю.

Фудзивара несколько мгновений изучал его, а потом сказал:

— Твоя задача сегодня — наблюдать. Физическая работа отменяется!

— Но я… близорукий.

— Я не знаю, что это значит, но делай то, что тебе приказали. — Фудзивара сверкнул глазами.

Смысл слов Фудзивары был очевиден даже дураку, и человек, которому изначально поручили эту работу, — насколько Ватанабэ Ю помнил, его звали Ямадзаки или как-то в этом роде — не высказал никаких возражений, лишь улыбнулся и похлопал парня по плечу, после чего спустился с платформы и присоединился к тем, кто отвечал за разделку.

Ватанабэ Ю направился к смотровой площадке и, проходя мимо Фудзивары, шепнул:

— Спасибо.

— Хватит болтать, иди уже! — громко ответил тот.

(14) Возвращение домой

Ли Шили восхищала способность Чэнь Яня принимать все как данность.

Прошло полмесяца. Тот жил в квартире, которую арендовал Ли Шили, занимал его компьютер, сидел в Интернете, просматривал микроблоги, играл в игры, то есть делал все то же самое, что и в лаборатории.

В простой квартире кроме компьютера других развлечений не было, Ли Шили оставалось уходить на прогулки, чтобы убить время, но это было даже хорошо, ведь после поступления в университет он и забыл о свободной жизни.

Ся Цян в тот же день отправил их в город и больше не выходил на связь, однако перед отъездом заверил: «Не волнуйтесь, лаборатория снова откроется, но на подготовку потребуется время, так что вы пока сидите спокойно, а зарплату вам будут платить как обычно, так что не стоит беспокоиться».

Оползень в районе заброшенной шахты обсуждали дня три, но поскольку он не нанес никакого ущерба, его расценили как стихийное бедствие,

и вскоре все забыли о случившемся. Работники свалки, правда, рассказывали о каких-то безумных растениях, но у большинства из них не было выхода в Интернет и связи со СМИ, к тому же свалка канула в небытие, нужно было срочно искать работу, поэтому никто не обратил внимания на скромную лабораторию, некогда ютившуюся возле мусорного полигона.

Только после этого Ли Шили и Чэнь Янь слегка расслабились.

— Ты собираешься домой или нет? — поинтересовался Чэнь Янь, не отрываясь от игры. — Мы хоть с отцом и в ссоре, но все равно придется ехать на новогодние каникулы, заодно попрошу у него немного денег. А ты, братан, три года домой не возвращался, не понимаю, что ты там себе думаешь.

— Я не то чтобы не хотел, мама не разрешает. — Ли Шили развел руками. — В позапрошлом году она сказала, что строит дом и ей негде жить. В прошлом году она сообщила, что ремонтирует дом, а до этого уже не помню, что она такое говорила, но не разрешила мне вернуться.

— А ты прям весь из себя почтительный

сын [17],– с сарказмом заметил Чэнь Янь.

— Но я же из-за того, чтобы с экспериментами все успеть, — оправдывался Ли Шили.

— Ну, сейчас-то нет никаких экспериментов. Не хочу накаркать, конечно, но Лао Ся тебя не просто так отправил, он наверняка что-то знает.

— Я звонил маме, ничего там такого. — От расспросов Чэнь Яня у Ли Шили голова шла кругом. Он открыл дверь со словами: — Пойду проветрюсь. Тебе что-нибудь нужно?

— Обед. Купи побольше всего. Я угощаю.

Район, где снимал квартиру Ли Шили, относился к старому городу с простыми домами и узкими улочками. В пятнадцати минутах ходьбы от дома находился небольшой парк, где по утрам гуляли толпы пенсионеров, которые помимо прочего занимались гимнастикой тайцзицюань. Ли Шили сел на скамейку в парке и принялся наблюдать за потоком людей: вот женщина средних лет выгуливает собаку на тротуаре, вот молодая мама толкает коляску, а потом вытаскивают малыша погреться на солнышке, вот парочка болтает в тенечке.

---

[17] Примечания: 17

Сыно`вья почтительность (сяо) является центральным понятием в конфуцианской этике и философии и важной составляющей традиционного мышления китайцев.

Оказывается, такая она — жизнь.

Он заразился незамысловатым счастьем этих людей, улыбнулся и, преисполнившись веры в собственные силы, пошел дальше, а потом вдруг оказался в каком-то незнакомом месте и остро ощутил голод.

Это был жилой массив: с обеих сторон дома выходившие на улицу окна защищала сеткой из нержавеющей стали. Первые этажи занимали маленькие ресторанчики или магазины, где можно было купить все необходимое. Ли Шили никогда здесь не бывал, зашел наугад и сделал заказ:

— Две порции остро-кислой лапши с собой.

— Хорошо! — Владелец ресторана крикнул в сторону кухни с ярким сычуаньским акцентом: — Две порции остро-кислой лапши с собой! С вас двадцать четыре юаня.

В ресторане резко пахло бобовой пастой. Ли Шили несколько раз подряд чихнул, а когда открыл глаза, хозяин уже упаковал заказ и протянул со словами:

— Палочки нужны?

Он постарался на славу. Горячую лапшу положил в белый контейнер из вспененного полистирола с прозрачной крышкой из поливинилхлорида, а потом каждый контейнер дополнительно

обернул полиэтиленовым пакетом и поставил в большой пластиковый, причем не в один, а сразу два, чтобы ручки не порвались.

Ли Шили уставился на завернутый в полиэтилен обед и замер.

— Эй! Ваша лапша! — Хозяин дважды повторил это с зычным сычуаньским акцентом, пока Ли Шили не опомнился и не взял заказ из его рук, при этом пластиковый пакет громко зашуршал.

Он вернулся в квартиру и поставил еду на стол.

— О! Острая лапша! Как ты узнал, что мне хочется остренького? — Чэнь Янь развернул полиэтиленовый пакет и уже собирался приступить к еде, когда заметил, что Ли Шили замер и смотрит перед собой. — Ты чего?

— За этот обед мы потребили четыре пластиковых пакета и два комплекта одноразовых ланч-боксов.

Чэнь Янь опустил глаза:

— Ну да.

— Ты помнишь, зачем мы вообще занимались тем экспериментами?

— Деньги выделяли. Работа не бей лежачего. Ну, и с народом не надо взаимодействовать, — сказал Чэнь Янь.

— Я серьезно.

— Лично я… — Чэнь Янь умолк, решив не раздувать пламя. — А про себя что можешь сказать?

— Я пытался найти решение проблемы загрязнения окружающей среды пластиком.

— Верно, и тебе это удалось.

— Отнюдь! Я все еще произвожу мусор. — Ли Шили откинулся на спинку дивана: — Какая ирония.

— Ты есть будешь или нет? — спросил Чэнь Янь.

— Что-то аппетита нет.

— Уф… — Чэнь Янь вздохнул, прошел на кухню и вымыл две миски, вынув их из засаленной раковины. Потом переложил лапшу в миску и подал одну Ли Шили: — Так нормально?

— Ты себя обманываешь, полиэтиленовые пакеты не исчезнут.

— Это ты обманываешь себя и других. Если ты перестанешь есть, пластиковые пакеты исчезнут? Хватить трепаться, ешь быстрее, как закончишь — посуду помоешь.

Ли Шили посмотрел на горячую лапшу, нехотя взял палочки и начал жевать.

— Последние полмесяца нас никто не искал, так что, наверное, все в порядке, — сказал Ли Шили.

— Так и с самого начала все было норм, — ответил Чэнь Янь, с жадностью поглощая свою порцию.

— И что дальше планируешь делать?

— Я? Лао Ся не слишком надежный товарищ, я не могу его вечно ждать, так что попросил нескольких однокурсников поспрашивать о работе, но, ты ж понимаешь, они такие же ботаники, как и мы, и у них проблемы с коммуникацией, так что придется запастись терпением. Лапша просто супер! — Чэнь Яню так сильно обожгло рот, что перехватило дыхание, но он все равно сделал большой глоток. — А ты?

— Я? — Ли Шили перестал подбирать лапшу палочками, вообще-то он еще не думал о будущем. В его фантазиях Ся Цян в ближайшем будущем открывал еще одну маленькую и обшарпанную лабораторию, где Ли Шили по-прежнему работал под началом старого профессора, который почти не показывался, бок о бок с этим неряшливым сынком богатых родителей.

Но оказалось, что это лишь фантазия, раз даже Чэнь Янь был готов двигаться дальше.

Ли Шили посмотрел на серое небо за окном, а затем на острую лапшу в миске перед собой:

— Для начала съезжу домой.

— Наконец-то решился? Когда уезжаешь?

— Э-э-э… через несколько дней. Где, кстати, вокзал? — Последние несколько лет он курсировал исключительно между съемной квартирой и лабораторией и никуда не уезжал, так что даже забыл, как добраться до дома.

— Можно я поживу тут немного, пока ты в отъезде? — спросил Чэнь Янь.

— Хорошо, без проблем, можешь оставаться столько, сколько захочешь. — Ли Шили раздражали расспросы Чэнь Яня, он встал и выбросил едва тронутую лапшу в мусорное ведро: — Мне слишком остро. Пойду вздремну.

То, что Чэнь Янь решил искать работу, не давало покоя Ли Шили до самой посадки в поезд. В вагоне он немного расслабился, но не потому, что перестал об этом думать, а потому что его куда больше беспокоила предстоящая поездка.

Он не был дома уже три года, родители по телефону запрещали приезжать, впрочем, он и сам не особо рвался на родину. Сейчас он в таком возрасте, что по возвращении на него накинется целый рой тетушек, допытываясь, есть ли у него девушка и когда он собирается жениться.

Ли Шили полностью сосредоточился на исследованиях, вариантов пообщаться с представи-

тельницами прекрасного пола ему выпадало мало, а все потенциальные объекты ухаживаний работали на свалке, и от них так несло кислятиной, что это отбивало любые мысли о развитии отношений.

Один день еще можно прятаться, но не две же недели, рано или поздно придется пообщаться с родней, и они снова насядут с женитьбой.

Поезд покинул город, проехал по длинному темному тоннелю, а затем выехал на горную местность. Вершины гор покрывала буйная растительность, а в солнечном свете пики сияли зеленым светом, словно огромные кристаллы изумруда.

— Ух ты! Как красиво! — взволнованно воскликнул маленький ребенок на соседнем сиденье. Прижавшись лицом к окну и встав на цыпочки, он жадно вглядывался в открывшийся пейзаж.

Однако такая сцена напомнила Ли Шили об обезумевшей зелени, которая буйно разрасталась, пожирая все вокруг. Он поморщился, так как вид за окном вызвал волну тошноты, и пересел в центр, чтобы отдохнуть. Кто-то из попутчиков быстро занял его место, чтобы полюбоваться видом из окна.

Ритмично стучали колеса, гудели рельсы. Сей-

час уже всюду ходили скоростные экспрессы, но единственным прямым поездом до его дома был этот старинный зеленый состав, и все из-за отдаленности родного округа. Большинство пассажиров ехали домой или на заработки, но немало и тех, кто оказался в этом поезде из ностальгии.

Хотя Лушань не относился к крупным городам, он считался развивающимся, и Ли Шили сначала здесь отучился, а потом начал работать. Он привык к городской жизни: Интернет, фастфуд, метро, экспресс-доставка, общение по мобильным телефонам и в социальных сетях.

Однако по мере продвижения поезда ему казалось, что он все сильнее удаляется от привычной жизни, сигнал мобильного телефона был прерывистым, а молодые веселые лица в поезде постепенно сменялись постными физиономиями крепко сбитых рабочих. Вагон заполонил запах пота и вонючих ног, а расстояние между Ли Шили и домом неумолимо сокращалось.

Поезд выплюнул его на пустынной станции и с грохотом умчался прочь. Дверь на выход была открыта, дежурный контролер лениво посмотрел на одинокого путешественника и вернулся к странному журналу, который держал в руках.

Ли Шили вышел из холодного и тихого здания, сделал несколько шагов, опустив голову, и вдруг понял, что под его ногами пол аккуратно вымощен мраморной плиткой. Он оглянулся: вокзал уже не производил впечатления разваливающейся халупы, это было современное здание, не лишенное стиля, а входная дверь так ярко светилась на стеклянном фасаде, ослепляя Ли Шили, что у него закружилась голова, и он было подумал, что вышел не на той станции. Только увидев над головой плакат, на котором красовались огромные слова «Станция Шамэнь», он удостоверился, что вышел, где нужно.

Ли Шили перешел дорогу, и у него создалось впечатление, что и скромный автовокзал напротив железнодорожного тоже изменился, здание выглядело высоким и величественным, и хотя от него веяло холодом, при этом ощущалась и некая торжественность.

Он дважды прошелся по территории туда-сюда, прежде чем увидел на одной из остановок знак «Деревня Цзянкоу», по привычке встал под ним и принялся ждать автобус. Но время шло, автобус все не приходил, более того — вокруг почти никого не было.

Ли Шили постоял еще немного, и тут к нему

подъехал трехколесный мотоцикл, из трубы которого валил дым, а за рулем сидел бородатый мужик.

— Парень, тебе куда?

Ли Шили огляделся по сторонам. Хотя он уже давно вырос, но начитался в Интернете всяких рассказов о мошенниках и постоянно был начеку. Видя, что Ли Шили словно воды в рот набрал, водила нажал на газ и погнал прочь, но через пару минут вернулся.

— Слушай, парень, я тебя отвезу подешевле, куда тебе надо, с утра еще ни одного пассажира.

Ли Шили изучил водилу. На нем были мешковатые брюки, застиранные до такого состояния, что изначальный цвет уже не угадывался, и коричневая куртка. Лицо суровое, но дурным человеком он не выглядел.

— Цзянкоу. — Ли Шили специально произнес название на родном диалекте.

Настал черед водителя осматривать Ли Шили с ног до головы.

— Местный, что ли?

Тот кивнул.

— Ну, залезай. Для тебя спеццена. Шестьдесят.

— Раньше всегда за десять доезжал.

— Когда то было?

Пять лет назад? Или шесть? Ли Шили отмахнулся.

— Ладно! Поехали уже!

Дорога в родную деревню тоже отличалась от той, что он помнил. Не было больше ухабистой грунтовки. Ли Шили точно помнил, что в середине пути нужно было скатываться под гору, а потом заезжать на крутой склон. Но сейчас ничего подобного не осталось — перед ними простиралась ровная асфальтированная дорога, пусть и неширокая, и трехколесный мотоцикл мчался по ней на всех скоростях, причем его почти не трясло. И даже через большую яму был перекинут мостик. Ли Шили заподозрил, что водила везет его вовсе не в Цзянкоу.

— А ты сам-то из Цзянкоу? — поинтересовался водитель.

— Ага, — ответил Ли Шили, но рев мотора заглушил его слова, пришлось повысить голос и повторить.

— И сколько ты дома не был?

— Несколько лет.

— За эти несколько лет в Цзянкоу произошли большие перемены.

— Ясное дело. Как я посмотрю, в нашем округе Шамэнь тоже все изменилось.

— Да, экономика бурно развивалась последние несколько лет, в первую очередь, речь идет о развитии инфраструктуры. Когда дороги хорошие, то можно ввозить товары и вывозить что-то. В итоге уровень жизни повышается.

— Вы и про эту дорогу? Раньше тут были сплошные колдобины.

Водитель на мгновение задумался:

— А вот и нет. Эту дорогу построили жители Цзянкоу за свой счет.

— То есть они разбогатели?

— Было, да сплыло, — отрезал водила.

— В смысле? — переспросил Ли Шили.

Водитель не ответил, замедлил ход и буркнул:

— Приехали.

— Уже? — Ли Шили поднял голову. Перед ними красовалась огромная мемориальная арка с названием деревни. — Так быстро?!

— Надо куда-то поближе подвезти?

— Нет. Отсюда сам дойду. — Он расплатился с водителем и прошел через арку, волоча чемодан.

Деревня совершенно изменилась, асфальтовая дорога вела прямо к въезду, а дальше всю территорию пересекали ровные и прямые бетонные дороги. Исчезли прежние низкие домики, их заменили аккуратные небольшие двухэтажные

дома, а кое-где даже возвели четырехэтажные здания. По обеим сторонам дороги тянулись зубчатые ограждения, за которыми высились зеленые изгороди, между тополями желтой краской нарисованы квадраты, обозначавшие место для парковки. Похоже, деревня действительно разбогатела.

Ли Шили шел все быстрее и быстрее, но все вокруг кардинально отличалось от того, что он помнил, знакомые ориентиры исчезли — большая красная арка семьи Чжан, похожий на мопса каменный лев перед домом Лао Чу. Оставалось полагаться на смутное чутье, которое направляло его к собственному дому. На удивление, обычно оживленная деревня сейчас пустовала. Ли Шили хотел спросить дорогу, но было не у кого.

Он подошел к своим воротам, но не решился войти. Низкой обшарпанной халупы не было, вместо нее высилось двухэтажное здание, дверь заменили на черную железную, и на ней болталось большое кольцо, как в городе на официальных учреждениях.

Его родные построили новый дом, причем довольно роскошный.

Верхняя часть была облицована бордовой плиткой. Ли Шили дотронулся до нее. Она была

такой чистой и гладкой, что остались отпечатки пальцев. Он глубоко вздохнул и взялся за кольцо. Дверь оказалась не заперта и при легком нажатии отворилась. Ли Шили сначала сунул внутрь голову, а потом шагнул за порог собственного дома.

Во дворе ощущение было уже совсем другим. Оказалось, роскошное двухэтажное здание — всего лишь заготовка, и если посмотреть на него под другим углом, становилось ясно, что часть стены не окрашена, а окна зияют, словно пустые глазницы.

— Мам! Пап! — крикнул Ли Шили, стоя посреди двора.

— Кто там? — Голос донесся из старой одноэтажной пристройки на краю двора, которая служила складом.

Оттуда вышел мужчина с очень смуглой кожей, седой как лунь, его лицо испещряли морщины, и он казался худее и старше, чем помнил Ли Шили.

— Пап! Это я! — крикнул он.

(15) Безумие

Обзорная площадка была скрыта от посторонних глаз, ее обдувал со всех сторон сильный бриз. Поднявшись на нее, Ватанабэ Ю не смог справиться с ознобом: термокостюм не пропускал ветер, но холод все равно просачивался сквозь слои защиты и проникал прямо в кости.

Ватанабэ Ю ухватился за металлические поручни и посмотрел в сторону левого борта: море казалось бескрайним, над ним нависало серое небо, а вдалеке клубился густой туман.

Второй матрос, которому поручили наблюдение, стоял на другом конце платформы, следя за правым бортом.

— Ты б оделся потеплее, мы тут собираемся торчать весь день! — сказал он Ватанабэ.

У того не осталось сил ответить, и он топтался на месте, чтобы хоть немного согреться. Здесь наверху оказалось холодно, как в морозилке, лучше уж было спуститься вниз и помахать этим огромным ножом, так хотя бы теплее.

Перед его глазами появились какие-то цветные пятна, размытые, как пиксели на экране.

Ватанабэ Ю прищурился, поле зрения сузилось до линии, отделяющей их от серого фона, и он рассмотрел несколько белых точек, неподвижно плавающих на поверхности моря. Немного пораскинув мозгами, в итоге вспомнил, что корабль уже почти добрался до Антарктиды, так что белые точки — не что иное, как льдины.

При этой мысли он невольно поежился от прокатившейся по телу волне дрожи.

В это время второй наблюдатель вдруг крикнул:

— Дельфины! На тринадцать часов!

Ватанабэ Ю испугался, поспешно посмотрел в нужную сторону, и точно — в сером море мелькнули маленькие черные точки.

На палубе поднялась суматоха, еще большая, чем если бы рыбаки заметили кита. Все рассредоточились вдоль бортов корабля.

— Что это такое?

— Плывем охотиться на дельфинов, — пояснил второй наблюдатель, — что-то вроде разминки перед китами.

Ватанабэ Ю вытянул шею, чтобы посмотреть вниз: четыре скоростных катера, которые висели по обоим бортам, на стропах медленно опускались на воду.

— Все поплывут? — он окинул взглядом все вокруг: на корабле было шесть катеров, и на оставшихся двух почти не было места.

Его напарник бросил на него быстрый взгляд:

— Ты тоже хочешь? — Он подтолкнул Ватанабэ. — Тогда спускайся, чего ждешь?

Тот спустился на вторую палубу, где стоял Фудзивара.

— Куда намылился? — спросил Фудзивара.

— Я… тоже…

— Тебе нельзя.

— Но… он сказал… — промямлил Ватанабэ Ю, тыча пальцем вверх все еще с опаской, хотя его мнение о Фудзиваре несколько изменилось за последние пару дней.

— Дело не в том, что я тебе запрещаю, — зашептал Фудзивара, — они плывут на скоростном катере, ветер и волны очень сильные, ты всего несколько дней на борту, не выдержишь.

Парень понял, что имел в виду старший, и причина была достаточно веской, так что возразить не получилось. Ничего не оставалось, как тащиться обратно на смотровую площадку.

— Все ж уплыли ловить дельфинов, бесполезно подниматься! — крикнул Фудзивара ему в спину. — Иди на нос корабля, оттуда хорошо все

видать!

Ватанабэ Ю так и сделал.

Катера приблизились к стае дельфинов и разделились, чтобы окружить их. Ватанабэ Ю достал скрытую камеру и прицепил ее к воротнику, приготовившись снимать то, что сейчас произойдет.

— Ты что тут делаешь? — раздался над головой голос.

Ватанабэ Ю так перепугался, что чуть не уронил камеру в море, и поднял голову:

— Дядя? Почему ты здесь? Разве ты не уплыл со всеми охотиться на дельфинов?

— Я работаю наводчиком, присматриваю за этой штукой.

— Наводчиком?

— Конечно! Не смотри на меня так, я лучший стрелок на этом корабле! — с гордостью сообщил Рё.

— Тогда ты, должно быть, настоящий спец. — Ю потихоньку передвигался, чтобы спрятаться от его глаз и скрыть миниатюрную камеру.

Дядя сказал:

— Смотри, начинается!

Один катер разделил группу дельфинов на более мелкие. После этого другие сделали круг и снова вернулись, двигаясь, как тяжелая кава-

лерия, окружающая строй пехоты в фильме о средневековье.

Перед глазами Ватанабэ Ю предстала сцена из того видеофильма, но на этот раз было гораздо больнее, ведь тогда он не слышал ни маниакального хохота рыбаков, убивающих дельфинов, ни грохота катеров, врезающихся в них, ни отчаянного вопля животных. Океанический бриз донес запах крови, когда парень вцепился за поручни и стиснул зубы.

— Эти юнцы думают, что справятся, пару раз взмахнув ножом! — Дядя презрительно смотрел на бойню перед собой. — Они еще с этим не баловались. — Он похлопал по китобойной пушке, стоявшей на платформе. — Вот это хорошая штука. Ничего, что кит такой большой, когда я пульну, ему хана! Кстати, сам можешь убедиться, твой дядя — наводчик номер один на этом корабле…

Пока Рё продолжал хвастаться, Ватанабэ Ю, сдерживая гнев, сказал как ни в чем не бывало:

— Очень круто, дядя!

Облава подходила к концу, в воде плавало множество трупов. Около десятка дельфинов вырвались из окружения и отчаянно уплывали,

рыбаки не стали преследовать их, подобрали несколько мертвых дельфинов и погрузили на катера. Остальные так и остались плавать кверху брюхом на поверхности воды.

— Почему они так сделали? — спросил Ватанабэ Ю.

— Продать! — легко ответил дядя.

До приезда сюда Ватанабэ Ю знал, что в деревне охотились на дельфинов, отчасти для того, чтобы выдать их мясо за китовое, но он не думал, что даже сейчас, когда корабль доплыл аж до Южного полюса, чтобы заняться китобойным промыслом, они будут делать то же самое.

Дядя сделал небольшую паузу, решив, что племянник может не понять, и продолжил:

— Если в ближайшие дни нам не повезет, эти дельфины пойдут в зачет. Если же нам попадется еще несколько крупных китов, эти туши просто выкинут.

— Я думал, что китобойный промысел сродни религии! — воскликнул Ватанабэ Ю.

Дядя на мгновение замер, посмотрел на него и произнес:

— Наша религия — покорение стихии.

Ватанабэ Ю хмыкнул и отвернулся. Он смотрел на океан, где четыре катера, груженные добычей,

возвращались с триумфом. Рыбаки нестройно пели песню, восхваляющую удачную охоту.

Вдруг из моря поднялась огромная стена и встала между ними и судном. Стена поднималась все выше и выше, оторвалась от поверхности воды, а затем рухнула.

Это был взрослый горбатый кит.

В тот момент, когда Ватанабэ Ю опознал его, над головой раздались радостные вопли дяди.

Размахивая руками, тот позвал Фудзивару, который находился на середине палубы:

— Фудзивара! Горбач!

Оставшиеся на корабле члены команды тоже услышали крик Рё и, не дожидаясь команды Фудзивары, быстро и без лишних слов заняли свои посты. Судно начало разгоняться. Теперь уже было не важно, кто из какой деревни.

Горбатый кит с громким всплеском ушел под воду. Два скоростных катера пострадали: один опрокинулся под напором волн, поднятых горбачом, и упал в море вверх дном. Другой катер кит разбил вдребезги. Рыбакам удалось спастись только благодаря тому, что они спрыгнули за борт до удара и теперь цеплялись за плававшие вокруг обломки. Дельфины упали обратно в океан: теперь охотник и добыча оказались в

одинаковой ситуации.

— Дядя!

— Да вижу я! — рявкнул Рё, стоя на платформе в носовой части корабля. Его руки сжимали рычаг управления китобойной пушкой, он всматривался в море, ожидая, когда горбач покажется в следующий раз, чтобы пальнуть в него гарпуном.

Исчез трусливый и развратный дядюшка, он перевоплотился в совершенно другого человека, холодного и мрачного, уверенного в себе, в мастера, способного убить одним ударом.

— Что стоишь, как вкопанный? Поднимайся! — прикрикнул, не отводя взгляда от кита.

Ю поднялся и встал позади дяди.

— Встань вон там. Будешь управлять лебедкой! Просто жми зеленую кнопку, когда я прикажу.

Парень кивнул.

Два уцелевших катера разделились, один метнулся спасать остальных членов команды, а другой остался рядом с горбатым китом. С судна спустили еще один.

— Странно все это… — нахмурился дядя.

Ю кивнул, а потом быстро ответил:

— Да, редко такое бывает, чтобы горбатый кит нападал на людей.

— Может быть, он пытается защитить дельфинов?

— Защитить? Дядя, киты и дельфины — разные виды, никакой дружбы между ними не бывает.

— Хм, и то правда. Ну и ладно. — Рё скрипнул зубами и сказал: — Ему все равно крышка.

Горбатый кит снова нырнул, и даже катер, следивший за гигантом, не смог обнаружить его следов. Большинство моряков, упавших в воду, спасли, и теперь они сидели в лодке, дрожа и в панике озираясь по сторонам.

Море постепенно успокаивалось.

— Он уплыл? — спросил Ватанабэ Ю.

— Лучше бы уплыл… но нет… — Дядя не дождался появления добычи и утратил бдительность. Он только успел открыть рот, как под поверхностью воды прямо перед ними появилась тень, после чего обнажился горб кита, вдоль которого бугрились опухоли.

— Давай! — громко прорычал Рё, управляя гарпуном.

Горбач неожиданно нацелился прямо на них, он плыл очень быстро и в мгновение ока оказался под платформой пушки, гарпуну не хватило угла наклона, и выстрелить не представлялось возможным.

Дядя чертыхнулся и с силой пнул по ограждению.

Кит врезался в носовую часть. Хотя вес гиганта составлял почти тридцать тонн, это было ничто по сравнению с двумя тысячами тонн водоизмещения, и удар не нанес судну никакого ущерба.

Ватанабэ Ю ухватился за поручни и посмотрел вниз: кит разбил себе голову, огромная рана пересекала макушку, окровавленный слой подкожного жира был вывернут наружу. Похоже, горбача и самого ошеломил этот удар, и вместо того, чтобы нырнуть назад, он медленно поплыл в сторону, едва не попав под прицел гарпуна.

— Вот же идиот! — ругнулся Ю, понимая, что ничем хорошим это для кита не закончится.

— Не то слово! — Дядя хохотнул и нажал на спусковой крючок. Пушка громко бахнула, и гарпун попал точно в цель.

От боли кит очнулся и нырнул под воду, исчезнув в глубинах вместе с гарпуном и привязанным к нему тросом.

Тот, свернувшийся клубком у ног Ватанабэ Ю, быстро разматывался. Парень вопросительно посмотрел на дядю:

— Поднимаем?

— Нет, — сухо бросил тот. — Китобойный

промысел похож на рыбалку. С китом нельзя вступать в открытую схватку, веревка и гарпун не выдержат. Надо ждать, пока он устанет и прекратит сопротивляться.

Дядя посмотрел на поверхность моря, потом на трос, все еще немного волнуясь. Он сказал племяннику:

— Побудь здесь, а я попробую еще раз. Помни, четко выполняй мои приказы и включи лебедку, когда я скажу.

Рё быстро взобрался на соседнюю платформу и встал за китобойным орудием. От такого серьезного занятия дядя становился спокойным, как опытный охотник, и Ватанабэ Ю не мог отделаться от мысли: как давно они этим занимаются?

Рыбаки на палубе тоже почувствовали, что кит — не обычный противник, и столпились на носу судна, чтобы поглазеть на происходящее.

Ватанабэ Ю поморщился: как только началась охота на дельфинов, он находился в возбужденном состоянии. Ненавидел всех на борту за то, что они превратили бойню в развлечение, с шутками и прибаутками угробили несколько десятков жизней. Но, с другой стороны, он ведь один из них, поскольку решил, что единственный способ осветить происходящее здесь — поучаствовать

лично. Он не боялся запачкать руки, кровь кита давно окрасила все его тело.

Это противоречие привело Ю в отрешенное состояние: он холодно наблюдал за происходящим, при этом чувствовал, как внутри него кипит ярость, но оставался спокойным, как бы глядя на всех, включая себя, со стороны.

Он смотрел на море, надеясь увидеть появление горбача и желая, чтобы тот просто сбежал. Пока Ватанабэ Ю терзали два совершенно противоположных настроения, он пережил целую гамму чувств: волнение, возбуждение, гнев и чувство вины смешивались друг с другом, ему стало жарко, пока он перемещался вверх и вниз между платформами, он уже вспотел, но не обращал на это внимание. Просто замер и ждал, не шевелясь, пот остывал, отчего одежда прилипала к коже.

Трос давно не двигался, один его конец уходил в море.

Может быть, горбач спасся?

Ватанабэ Ю посмотрел на дядю, на лице которого тоже читалось сомнение: поведение кита было настолько ненормальным, что совершенно не поддавалось пониманию опытного китобоя.

Катера уже успели спасти всех упавших за борт и повернули обратно. Тот же, который пресле-

довал горбача, кружил в растерянности и готов был вернуться.

В тот момент, когда все уже думали, что цель сбежала, трос натянулся.

Ватанабэ Ю был ближе всех и тут же переключил внимание на лебедку.

Трос уплывал вдаль.

Парень проследил за траекторией движения, и вдруг у него возникло дурное предчувствие: последний катер находился прямо на пути колосса.

— Берегись! — крикнул Ватанабэ Ю, но на таком расстоянии предупреждение растворилось в ветре и волнах.

Люди на катере, похоже, тоже уловили намерения кита, и двое, решив не рисковать, без колебаний прыгнули в воду, но когда трос прошел под катером, горбач так и не показался.

Ватанабэ Ю услышал свой протяжный вздох.

Трос перестал разматываться.

На долю секунды он с силой натянулся, отчего в воздухе разлился глухой гул. Последний катер постигла более трагическая участь, чем первый: его подбросило в воздух вместе с экипажем, после чего он перевернулся. В этот момент из воды выскочил и кит: трос натянулся до предела, но животное по инерции продолжало двигаться

вперед.

Трос с резким свистом лопнул, и свободный конец резко отлетел назад, Ватанабэ Ю проявил недюжинную проворность, резко сгруппировался, однако чуть-чуть не успел, и его тело пронзила боль.

Хорошо, что он сегодня достаточно тепло оделся, а потому порезов не осталось, но удар все равно оказался достаточно сильным.

Кит не обратил внимания на барахтавшихся в воде людей, сделал круг и понесся тараном на судно.

Ватанабэ Ю мгновенно раскусил план и посмотрел на дядю, стоявшего на соседней платформе, тот выглядел так, словно тоже ожидал, что горбач вот-вот нанесет очередной удар по судну. Рё крепко сжимал китобойную пушку, дуло которой все время было нацелено на кита.

Не важно, выстрелят ли в него сразу или он успеет протаранить корабль, жизнь горбача, скорее всего, закончится здесь. Ватанабэ Ю наблюдал за происходящим, ожидая исхода.

Кит набирал скорость, его горб показался над водой. Гарпун по-прежнему торчал из спины, однако почти вылез, а оборванный трос развевался на ветру, как боевой флаг. Словно одинокий ры-

царь, горбач сделал последний рывок в сторону корабля.

Раздался залп. Второй гарпун вонзился киту прямо в голову, но это, похоже, не возымело ни малейшего эффекта. Кит даже скорость не снизил и несся вперед.

— Дядя?

— Все нормально. — После выстрела тот отпустил пушку и неторопливо облокотился на перила платформы с выражением лица, которое, казалось, красноречиво свидетельствовало, что исход противостояния уже решен.

Кит ударился о нос корабля, еще сильнее качнув судно, но после этого затих и застыл, словно остров, на поверхности воды.

Ватанабэ Ю вытянул шею и посмотрел вниз: гарпун, выпущенный дядей, глубоко вонзился в область мозга. Горбач из последних сил пытался атаковать китобойное судно, но не успел и умер.

Рё даже не пришлось проверять, он просто нажал кнопку лебедки, и трос начал медленно сматываться, затаскивая горбатого кита наверх.

— Приступайте к разделке! — крикнул дядя.

Рыбаки, с нетерпением ожидавшие этого, в ответ взревели.

(16) Осажденная деревня

— Ох! — воскликнул отец. — А-Ли, ты что тут делаешь, почему не позвонил, не предупредил, мы ж ничего не приготовили!

Старик потянул Ли Шили в сторону дома.

— Попросим маму приготовить что-нибудь из твоих любимых блюд.

Отец силком довел его до дверей и остановился.

— Папа, что, черт возьми, происходит?

Родитель вздохнул и покачал головой.

— Заходи, это долгая история.

Потолок был настолько низким, что Ли Шили дотягивался до него макушкой, стоило ему выпрямиться, так что пришлось пригнуться. В комнате висела энергосберегающая лампа, излучавшая бледный люминесцентный свет, посередине стоял обеденный стол, на столе громоздились несколько комплектов посуды и палочек для еды, чуть поодаль теснились вплотную друг к другу две кровати, а дальше высилась целая гора хаотично сваленных вещей. Вероятно, их вынесли, чтобы построить дом, но в итоге этому скарбу так

и не суждено было увидеть белый свет…

— Давай, садись быстрее! — Отец выхватил сумку из рук Ли Шили, бросил ее в угол рядом с кроватью, налил стакан воды и поставил на обеденный стол, а затем уселся напротив сына.

Только тогда сын заметил, что прямо напротив обеденного стола стоит большой телевизор с плоским экраном, почти во всю стену, и это, пожалуй, единственное, что могло развлечь хозяев в этой халупе.

Все это было слишком неожиданно.

Естественно, отец включил телевизор, и комната мгновенно наполнилась разноцветным светом. Он зажег сигарету и сделал затяжку, а затем поднял глаза и сквозь дым посмотрел на Ли Шили.

— Ох, сынок! — Отец выключил телевизор. — Совсем я из ума выжил, привык как захожу, так сразу врубать телик, даже про тебя забыл. Погоди, я схожу к соседям, скажу матери, чтоб она еще пару каких блюд добавила. — Старик поднялся с места.

— Пап, не нужно. Что будет, то и поем, я перекусил в дороге. Слушай, а почему надо готовить в каком-то другом помещении?

— Ох, ты же еще не видел! Наш-то дом снесли, а

новый, с кухней, пока не построили, приходится готовить у Ванов…

— Что вообще тут происходит? — спросил Ли Шили.

Отец сделал затяжку, от яркого огонька на конце сигареты на сетчатке Ли Шили осталась тень.

— Ты помнишь Чжан Дачжу, деревенского старосту, который после окончания средней школы уехал на заработки?

Ли Шили кивнул.

— Так вот, он вернулся и заявил, что хочет организовать морскую плантацию, чтоб мы разводили морские ушки, омаров и трепангов. Поначалу никто не воспринял его слова всерьез, все продолжали выходить в море на промысел. Однако несколько родственников Дачжу к нему прислушались и всего за один год разбогатели, а потом мы все вместе взялись за это дело. Наша семья также отгородила участок земли, чтобы разводить омаров и морские ушки. Тяжко пришлось, но мы прилично зарабатывали. — Отец выдохнул дым, глаза затуманились, мысли, казалось, вернулись к тем дням, когда несколько лет назад он заколачивал большие деньги. — Несколько соседних деревень последовали нашему примеру. Мы привыкли кормиться за счет моря.

Но зачем уходить в рейс и ловить рыбу, если можно заработать дома? Мы торговали морепродуктами, чтобы их можно было вывезти отсюда, деревня потратила более миллиона юаней на строительство дороги. В то время деньги сами текли в руки, так что тратили мы их с легкостью. Семья Чжан Дачжу снесла дом и построила новый, четырехэтажный. Остальные тоже начали сносить старые дома и строить новое жилье, и мы не исключение… Если бы я тогда не послушал твою мать, мы бы…

— Что я опять тебе сделала?

Услышав ее голос, отец улыбнулся и замолчал.

Мать внесла большой таз.

— Ты не хочешь есть…

Она осеклась, поняв, что муж не один и у них гость. Ли Шили наклонился вперед и подставил лицо свету:

— Мама.

— Сынок? Сынок! — Мать с грохотом поставила таз на стол, подскочила к Ли Шили и принялась его разглядывать со всех сторон. — Ты чего так похудел? Питался черт-те чем? Почему ты вернулся? Когда? Почему не предупредил? Голоден, поди? Садись скорее! — Мать посмотрела на миску с рисом и смутилась. Она встала между Ли Шили и

обеденным столом: — Подожди, я мигом! Сбегаю к Ванам еще что-нибудь приготовлю.

— Мама, все в порядке, ты поешь сама. — Ли Шили усадил мать и поставил перед родителями тарелки и палочки для еды.

В миске с рисом лежало несколько пожелтевших пампушек, приготовленных на пару, и какая-то тушеная смесь. Когда Ли Шили был ребенком, они почти каждый день ели это на обед.

Он положил немного еды в миску и внимательно осмотрел ее при свете энергосберегающей лампы, но так и не смог определить, что это за серые комочки. Подцепил палочками кусок и попробовал: нечто солоноватое, жирное, с горьковатым землистым привкусом. Он заставил себя прожевать и проглотить, а затем отложил палочки.

— Кушай, сынок, почему не кушаешь? — сказала мама.

— Я не голоден. Перекусил в дороге.

Ли Шили встал, вышел на улицу, остановился во дворе. Недавно построенное двухэтажное здание действительно показалось ему просторным. Площадь гостиной составляла около двадцати квадратных метров. В Лушане такой дом стоил бы пару миллионов. Ли Шили погладил цементную

стену. Стройку заливал свет, здесь пахло ветхостью, стены потрескались еще до того, как дом начали использовать, а на полу виднелись пятна, оставленные временем. Тут все стоит уже давно.

— Этот этаж предназначался для тебя и твоей будущей жены. — За спиной раздался голос отца. — А мы с матерью поселились бы наверху.

— Я же не планировал возвращаться. — Ли Шили задумался на мгновение, а потом сказал: — Несколько лет назад вы мне запретили приезжать. Из-за этого?

Отец помолчал, вздохнул, сел на корточки под карнизом и зажег очередную сигарету:

— Ты неплохо устроился в большом городе. Если бы постарался, то руководство тебя бы продвинуло. Мама не разрешила мне с тобой говорить, боялась, ты будешь волноваться. Все пошло наперекосяк, потому что я был слишком жаден, и в итоге я все испортил… — Отец стряхнул пепел с сигареты. — Если бы мы и дальше столько зарабатывали на разведении морских ушек и омаров, то через пару лет могли бы купить тебе квартиру в городе…

Ли Шили посмотрел на отца. Старик выглядел серьезным, он явно не шутил.

— Правда?

— Правда, я действительно отлично тогда зарабатывал.

— А потом что случилось?

Отец достал сигарету и закурил:

— Пойдем, покажу.

Они вышли из дома и пошли на восток по цементной дороге. Миновав ряд домов и пройдя еще семьсот-восемьсот метров, оказались на берегу моря.

Попав в деревню, Ли Шили почувствовал, что с ней что-то не так. Еле уловимое ощущение исходило не от новых домов и не от неестественной тишины. Это было какое-то неописуемое чувство, как будто смотришь на мир сквозь матовое стекло и он кажется ненастоящим. Теперь он понял, в чем дело: отсутствовал запах моря!

Их деревня называлась Цзянкоу [18], потому что река Чжунцзян впадала рядом в море, и на протяжении нескольких поколений ее жители занимались рыбной ловлей. Влажный и соленый запах, принесенный морским бризом, был местной визитной карточкой. Ли Шили вырос, слушая шум прилива, но теперь ничто о нем не напоминало.

---

[18] Примечания: 18

Цзянкоу — устье реки (*кит.*).

Отец и сын шли гуськом, Ли Шили всматривался вдаль, но за черным горизонтом не видел и следа моря.

— Папа, что случилось?

— Да вот что. — Отец остановился и указал вперед.

Они сошли с дороги и стояли на каменистом берегу, но это был не берег. Черная линия горизонта, которую ученый заприметил издалека, оказалась горой пластикового мусора.

Он покрывал всю поверхность моря, и даже кромку воды нельзя было найти с первого взгляда. Неподалеку виднелось несколько отделенных бетонными ограждениями запруд, где жители деревни выращивали омаров и другие морские деликатесы, но и они теперь превратились в помойки.

— Из-за этого?

— Ну, река высохла несколько лет назад, и воды вообще не осталось. Иначе она могла бы смыть мусор, но теперь, будь то ветер, или дождь, или даже тайфуны, этот пластик не сдвинуть с места.

Оказалось, вот что имел в виду профессор Ся, когда отправлял его домой.

Отец рассказал, что, когда жители Цзянкоу только начали разбивать морские плантации, к

берегу начал прибиваться пластик. Бесчисленные пакеты, бутылки и презервативы покрывали воду. Морские обитатели оказались под слоем мусора и не видели белого света.

Деревня быстро пришла в упадок, поскольку большая часть средств ее жители вложили в морские плантации. В результате семья Ли Шили построила новый дом только наполовину, из-за нехватки средств пришлось заморозить строительство. Некоторые жители надеялись, что мусор уплывет так же, как и приплыл. Но они ждут уже два года, а отходы и ныне там, они не просто заполонили плантации, но даже отрезали выход к морю — если попытаться пробраться сквозь него, то мотор мог в любой момент запутаться в пластиковых пакетах, и тогда даже весла не помогут. Жители деревни обратились за помощью к городским властям, но загрязнение пластиком — мировая проблема, и никто не смог предложить никаких дельных решений. Да, можно убирать мусор вручную и с помощью спецтехники, но стоимость подобных работ превысит доходы города за последние несколько лет, да и все равно это лишь временное решение.

Семья Чжан Дачжу скопила приличную сумму и, видя, что Цзянкоу потихоньку умирает, пере-

бралась в город, где зажила припеваючи. Позже отсюда один за другим уехали и другие односельчане, осталось около десяти семей.

Отец говорил медленно, выпуская колечки дыма, а в конце протяжно вздохнул:

— Мы тогда собирались отложить деньги для тебя, скопили более двухсот тысяч юаней. Но все соседи стоили новое жилье, только наша семья жила в ветхом старом домишке, мне было стыдно смотреть в глаза окружающим. Я решил, раз морские деликатесы хорошо продаются и приносят деньги, то можно сначала построить дом, а потом накопить денег для тебя. Твоя мама была категорически против, мы с ней каждый день собачились без остановки… Если бы я ее послушался…

Ли Шили слушал, опустив голову, затем пнул камень. Тот дважды отскочил от земли и упал в пластиковое море.

— И что ты собираешься делать?

Отец нерешительно фыркнул и наконец сказал:

— Мы с матерью изначально планировали подождать еще полгода. Если все пропало, то мы… — Он вскинул голову и посмотрел на сына. — Мы планировали приехать в город во время

китайского Нового года, а после праздников искать работу.

— Но…

— Ну, у нас остались кое-какие деньги, да и мы с матерью пока здоровы. Обеспечить себя не проблема. Ты не волнуйся, мы бы сняли жилье… подальше от тебя.

Ли Шили протянул что-то нечленораздельное, обернулся и посмотрел на темную полоску, некогда бывшую морем, не желая, чтобы отец видел выражение его лица.

— Давай обсудим это позже.

— Ладно. Позже, так позже, — согласился отец.

Они долго стояли молча, слой пластика медленно поднимался и опускался вместе с волнами, скрытыми под ним, слегка шелестя.

Ли Шили вырос на берегу моря, наблюдая, как лазурный прибой сменяет полный штиль. С подросткового возраста перед его домом в море всегда плавали грязные пакеты, бутылки и презервативы. Однажды он подумал, что может изменить ситуацию. Усердно учился, поступил в университет, затем в магистратуру и получил степень. Несколько раз менял специализацию, лишь бы овладеть оружием, позволяющим победить «белое загрязнение».

Но теперь он стоял у дверей собственного дома. Враг осадил его родную деревню.

Он вдруг холодно усмехнулся и сказал отцу:

— Пошли назад.

Тот уже ждал и только кивнул:

— Хорошо, пошли! Мама уже, наверное, приготовила что-нибудь вкусное.

На обратном пути они молчали. На подступах к деревне к ним вдруг побежал какой-то парень. Лицо показалось Ли Шили знакомым, но он не мог вспомнить, кто это.

Парень тяжело дышал и бормотал бессвязно:

— Дядя Ли… быстрее… быстрее… Тан Лу… рожает…

(17) Безвыходное положение

Ральф вдруг рассмеялся. Эта странная парочка могла означать только одно — мир вокруг не реален. Черт подери, он попал в рай.

Он снова посмотрел на накренившийся самолет: вероятно, его труп все еще находился в борту. Потом крикнул парню с медведем:

— Эй, ребята, привет!

Парень с копьем ответил на английском с акцентом:

— Привет.

Ральф кивнул и посмотрел на белого медведя, ожидая, что тот скажет что-нибудь в ответ.

Однако медведь лишь фыркнул со скучающим выражением морды.

— А он что, не разговаривает? — спросил Ральф.

— Нет, пока не установишь с ним духовную связь, — серьезно ответил парень.

— Ну, логично. А ты тоже умер?

Паренек испугался этого вопроса. Он в панике огляделся по сторонам, а потом неуверенно сказал:

— Я не умер, а вот он… — И указал на белого медведя. — Он умирает.

Словно в подтверждение этих слов, зверь издал утробный рык, а затем медленно лег на землю, будто утомившись.

Ральф сделал несколько шагов вперед и остановился перед ними. На вид парнишка был еще совсем юным, с мальчишеским лицом, лет пятнадцати-шестнадцати. Но при этом у него было крепкое телосложение. Сверху он был одет в темную жилетку, косую-кривую, явно сшитую из шкуры какого-то животного, на поясе завязаны рукава толстой зимней куртки красного цвета, мембранная ткань покрыта брызгами грязи, но логотип все еще читается, и это бренд профессиональной одеждой для активного отдыха. Снизу тоже сборная солянка — кожаные шорты, на ногах походные ботинки, — и этот «ансамбль» столь же безумен, как и весь остров.

Что касается белого медведя, то еще до того, как приблизился, Ральф учуял неприятный запах гниющей плоти, из-за чего поперхнулся и закашлялся: «Ну, это определенно не рай».

Шерсти над левой лопаткой зверя совсем не осталось, болтался лишь кусок кожи, мясо почернело, а язвы напоминали пузыри в буль-

кающем зелье из ведьминого котелка. На шее и до уголков пасти медведя, как виноград, висели гроздья деформированных опухолей, розовую кожу покрывали покрывали синеватые сосуды, извивавшиеся, как дождевые черви.

— Господи, что с ним? — ужаснулся Ральф.

— Я не знаю, он уже был таким, когда мы встретились.

— А где вы… э-э-э… встретились?

— В Тигите, на леднике рядом с нашей деревней, — паренек на мгновение задумался, а затем добавил: — В Илулиссате.

— Подожди, Илулиссат? — повторил Ральф. — Черт, это же на Северном полюсе.

— Да, я инуит, — гордо сказал паренек.

Ральф снова посмотрел на него и пробормотал:

— Я думал, ты участник научно-исследовательского проекта «Дхарма» [19]!

Он сбегал к самолету за аптечкой.

В ней нашлись только простые лекарства. Ральф хотел сначала обработать раны медведя антисептическими салфетками. Но как только он коснулся кожи, белый зверь сердито взревел и встал, от резкого движения жидкость выплесну-

---

[19] Примечания: 19
Отсылка к сериалу LOST.

лась из нарыва и брызнула на землю, сплетенную из пластиковых волокон.

— Тихо, тихо… — спокойно и медленно сказал Ральф и поднял руки, пытаясь успокоить хищника.

Паренек подошел, похлопал того по спине и что-то прошептал. Белый медведь взглянул на Ральфа и снова лег.

— Давай, — скомандовал паренек, присел на корточки и погладил зверя по голове.

Ральф стал обрабатывать язвы антисептическими салфетками. От боли медведь дрожал, но терпел, не двигаясь, лишь открыл пасть и издал человеческий вздох.

После простой дезинфекции Ральф наложил на рану повязку, но бинта в аптечке оказалось недостаточно, и он закрыл ее на три четверти.

— Все, что мог… — произнес Ральф немного извиняющимся тоном. — Это, возможно, рак… — Он осекся.

— Я знаю. Спасибо. — Парень коснулся головы зверя, который был неподвижен и, казалось, уснул: вероятно, необходимость сдерживать боль во время процедуры отняла у него слишком много сил. — Он тоже знает. Меня зовут Кована.

— Гейбл. Ральф Гейбл, — представился Ральф

тоном агента 007, но юный инуит не отреагировал на шутку и добавил:

— Его зовут Могли.

— Привет! — Ральф поклонился белому медведю, а потом спросил у паренька: — Как ты сюда попал?

— Я пошел охотиться на тюленей на леднике, а льдина откололась, на ней мы и приплыли, — безалаберно ответил Кована.

— Вы добрались сюда на обломке айсберга? — спросил Ральф, широко раскрыв глаза.

Инуит кивнул:

— Наверное, температура в этой местности слишком высокая, льдина быстро растаяла. Мы с медведем случайно заприметили этот остров и подплыли сюда.

— Мы почти на Южном полюсе, а ты проплыл на айсберге через весь земной шар? — не поверил своим ушам Ральф.

— Ну, айсберг был огромный… — Кована пожал плечами.

— Ладно…

На этом острове из пластикового волокна, окруженном мусором, беспокоиться было не о чем. Ральф вдруг понял, что лежит на земле. Над его головой висела серебряная луна. Она выглядела

так, будто через пять или шесть дней их ждет полнолуние. Звезды кучковались вокруг, словно сумасшедшие фанаты, окружающие рок-звезду. Ральф вспомнил, что у него тоже когда-то была поклонница с солнечной улыбкой и идеальным животом.

Кована отложил копье в сторону, лег, положив голову на мягкое брюхо белого медведя, и в оцепенении уставился на ночное небо вместе с Ральфом.

— Кстати… — начал было Ральф, но забыл, что хотел сказать, вздохнул, и внезапная усталость сомкнула ему веки.

Кована ждал, когда американец закончит мысль, но не дождался и сам уснул.

Ранним утром, как только на востоке забрезжил светло-голубой свет, Ральф проснулся. После отдыха он ощущал прилив сил. Хотя на левой руке у него было большое количество синяков и еще оставался небольшой отек, это все казалось ерундой.

Его разум, слегка помутившийся от усталости, погони и авиакатастрофы, наконец-то снова прояснился. Ральф сидел, скрестив ноги, и смотрел, как Кована и белый медведь по имени Могли крепко спят. Поверхность под ним была теплой и

мягкой, волны бились снизу, создавая ощущение пульса, будто бы там есть жизнь.

Хотя он и не хотел этого признавать, но причудливые картины вокруг доказывали Ральфу одно: он не умер, хотя реальность и напоминает странный сон. А значит, надо понять, как жить дальше.

Сухпайка в самолете хватит примерно на пять дней. Ральф снова посмотрел на Кована и мысленно изменил цифру — не на пять, а на три.

Аптечка первой помощи практически опустошена, кроме того на борту имелись ножницы и ремнабор.

Кругом плавает множество пластиковых контейнеров, из которых можно соорудить несколько устройств для дистилляции, так что о питьевой воде можно не беспокоиться.

Самая главная проблема — как отсюда выбраться?

Он несколько раз обошел самолет. Одно крыло сломано, другое вывернуто при ударе. Заставить машину снова взлететь с помощью простых подручных инструментов не представлялось возможным.

Ральф снова забрался в кабину и вскрыл искореженную приборную панель. Шесть пуль

пробили электронную систему. Это оборванные провода искрились во время полета. К счастью, ничего больше не загорелось.

Немало попыхтев, Ральф снял коммуникационный модуль. К сожалению, в него тоже попала пуля, застряв в углу платы. Та разбилась на несколько частей, и казалось, восстановлению не подлежит.

Он вылез из кабины и сердито пнул корпус, а потом внезапно вспомнил, что самолет должен быть оснащен спутниковым телефоном. Забрался обратно, огляделся, перелез с водительского сиденья на заднее сиденье, обыскивая все места, где можно было что-то спрятать, но кроме пустой пластиковой коробки, похожей с виду на телефон, ничего не нашлось.

— Но он должен быть где-то тут!

Ральф не хотел мириться с поражением. Снял спинку сиденья и засунул руку в щель, решив попытать счастья. Провозившись довольно долго, извлек только две пули, пару монеток и тюбик губной помады.

Каждая из этих находок свидетельствовала о том, сколько всего интересного видел этот арендованный самолет, но, к сожалению, ни одна из них не могла перенести Ральфа с этого острова.

Он с досадой отбросил найденные вещицы в сторону; похоже, спутниковый телефон ему с собой не дали.

В следующий раз нужно, чтобы Энди все проверил, сделал мысленную заметку Ральф. Потом прислонился спиной к переборке и уперся руками в пол, то есть в крышу кабины.

Ладони сразу стали мокрыми, Ральф посмотрел вниз: оказалось, вода просочилась в кабину, и похоже, будет проникать туда все быстрее.

Самолет лежал брюхом вверх, половина кабины погрузилась под землю. Пластиковые волокна изначально были очень прочными, но под давлением веса постепенно не выдержали и разошлись.

Пол треснул, и вся кабина теперь была залита морской водой. Вода прибывала, поскольку теперь она еще и била фонтаном через пулевые отверстия.

Пробоина продолжала расширяться, и фюзеляж самолета издавал ужасающие стоны, задирая хвост, и уходил под воду под действием силы тяжести.

Ральф попытался встать, но изменение направления повалило его на приборную панель, а пространство внутри кабины повернулось на

девяносто градусов, так что нос смотрел на землю. Ральф с трудом удерживал равновесие. Воды набралось по колено. Если он не выберется из кабины в ближайшее время, этот прекрасный самолет навеки станет его могилой.

Вся носовая часть оказалась в воде, а дверь кабины была затоплена, так что Ральф не мог выбраться через нее. За стеклом плескался Тихий океан, а над головой простиралась бесконечная ткань из пластикового волокна. Если Ральф даже выплывет из люка, то, подобно бедолаге, провалившемуся в ледяную пещеру, не сумеет найти выхода и задохнется.

Оставалось одно — выбираться через широкое заднее окно кабины. Ральф присел на спинку сиденья, вынул армейский нож и ударил в высокопрочное композитное стекло, однако на нем даже царапины не осталось.

Самолет продолжал тонуть, но неповрежденное крыло застряло в пластике. Фюзеляж накренился, Ральф слетел с сиденья. Он вернулся в исходное положение и продолжил бешено бить по стеклу, затем поднял голову и увидел, как небо удаляется от него все дальше и дальше, а вода льется на иллюминатор, преломляя солнечный свет и превращая его в бесчисленные желтые брызги.

— Твою ж мать! — смачно выругался Ральф, нанося удар за ударом. Наконец появилось белое пятно, а потом во все стороны расползлись, словно змеи, трещины. Ральф продолжал неистово колотить по стеклу, и на его глазах паутина трещин распространилась на всю поверхность иллюминатора.

Наконец, стекло разбилось, и бесчисленные осколки вместе с морской водой брызнули на лицо Ральфа. Он закрыл глаза руками, оттолкнулся от спинки кресла и выпрыгнул из самолета.

Попытался воткнуть нож в полотно из пластика, но волокна в месте разрыва растянулись. Ральф ухватился за них обеими руками и с трудом выбрался на «берег».

Самолет затонул молниеносно. Когда американец оглянулся, то перед его глазами мелькнул серебристо-голубой хвост. Пластик начал заполнять дыру, поглотившую самолет, как ни в чем не бывало.

— И как теперь ты выберешься отсюда? — раздался чей-то голос.

Ральф обернулся и увидел Кована и белого медведя по кличке Могли, стоящих чуть поодаль.

Он посмотрел на юного инуита, а затем на трещину, пожал плечами и сказал:

— Хороший вопрос. Я и сам не знаю.

Ральф сделал несколько шагов назад, подальше от огромной пасти, поглотившей машину. К счастью, сухпаек он успел вытащить из самолета и продукты не опустились на дно океана.

Кована обошел огромную брешь. Некогда плотно сплетенные волокна в этом месте стали рыхлыми и плавали теперь в воде, как волосы или рыболовецкая сеть. Время от времени он подражал жестам Ральфа, иногда играл с медведем и издавал звуки, чтобы Ральф мог его услышать.

Ральф оглянулся на инуита и натянуто улыбнулся. Кована в два шага догнал его и пошел бок о бок.

— Как долго вы здесь? — поинтересовался Ральф.

— Я не знаю, день и ночь здесь меняются так быстро, что легко запутаться, — сказал Кована.

— Ты хорошо говоришь по-английски.

— Чужаки приезжали к нам с тех пор, как я был ребенком. Они привозили много всякой всячины и учили жителей деревни говорить по-английски.

— Такое впечатление, что ты против.

— Некоторые инуиты так часто общаются с чужаками, что забывают, что они инуиты.

Ральф похлопал паренька по плечу:

— Да ты у нас расист!

— Что ты сказал? — Кована не понял смысла слова.

— Ничего. Просто пошутил.

Ральф открыл ящик с сухпайком, достал пачку печенья и протянул его Кована:

— Такого твои чужаки не приносили.

— Я ел его много раз. — Кована умело разорвал влагонепроницаемую упаковку из алюминиевой фольги, отломил кусок и положил его в рот.

Видя, что пустить пыль в глаза не удалось, Ральф смущенно опустил голову и тоже принялся жевать.

Чтобы увеличить количество энергии, необходимой для выживания в дикой природе, в таком печенье не так много всяких оригинальных добавок, зато в изобилии присутствуют самые простые сахар и масло. Как только упаковка вскрылась, в нос всем вокруг ударил запах. Запах, затронувший генетический инстинкт живых существ, заставил белого медведя забеспокоиться. Он тревожно расхаживал взад и вперед вокруг людей.

Ральф заметил, что Кована наблюдает за зверем, немного подумал, достал еще одно печенье

и бросил его инуиту.

Тот, в свою очередь, кинул подарок высоко вверх, и Могли поднял голову, следя за траекторией полета.

Когда печенье достигло наивысшей точки, медведь задрал шею и устремил нос к небу. Однако от этого действия вскрылась рана на шее, белый медведь взвыл, споткнулся и тяжело осел на землю.

— Могли! — Кована испугался, что зверю совсем плохо, поэтому поспешил к нему.

Но Могли стерпел боль, перекатился и встал, поймав падающее печенье.

Через секунду лакомство уже провалилось в желудок зверя, но белый медведь все еще облизывался и выжидающе поглядывал на Кована.

Кована так же выразительно посмотрел на Ральфа.

— Нет! — Ральф замахал руками. — Это нам паек на пять дней, а не то придется питаться… — Ральф замолчал и наклонил голову, чтобы посмотреть на Кована. — Кстати, а что вы едите?

— Не беспокойся о еде. — Кована улыбнулся, обнажая аккуратные зубы. — Ты можешь есть столько, сколько хочешь, я отведу тебя!

Юный инуит шел впереди, а белый медведь,

казалось, знал, куда он направляется, и радостно следовал за мальчиком.

Ральф поспешил за ними, сам не зная почему.

Солнце поднялось выше, бросая ослепительный свет на мягкую землю. Было тепло. Ветер обдувал свежестью. Казалось, вдалеке виднелись кучевые облака.

Ральф молился океану: пусть буря обойдет их убежище стороной.

«Я молюсь чаще обычного», — подумал он. Ему не нравилось такое положение дел. Ему не нравилось отдавать свою судьбу в руки других, пусть даже это всемогущий старик на небесах.

Какое-то время он следовал за Кованой, затем оглянулся и посмотрел на ящик с пайком, после некоторых раздумий сбегал за ним.

— Куда мы идем? — спросил он.

— Скоро узнаешь, — сказала Кована.

Даже у этого парня есть четкое направление, и это раздражало, так что Ральф скорчил рожу за спиной инуита и спросил:

— Каков твой план?

Кована посмотрел на белого медведя.

— Изначально его не было. — Он перевел взгляд на Ральфа: — Теперь есть.

— Ты про меня, что ли?

Инуит покивал.

— Но почему?

— Это судьба. Как и моя встреча с ним.

— Что-то я не понимаю, о чем ты толкуешь, — признался Ральф.

— Неважно. Поймешь в свое время.

Ральф взглянул на лицо мальчика, и внезапно ему вспомнились миссионеры, пришедшие поговорить о Библии в десять часов утра. Он подавил желание хорошенько врезать Кване и покачал головой:

— Хватит говорить загадками!

У них не было другого ориентира, кроме солнца, поднимающегося все выше и выше, а впереди, насколько хватало глаз, простиралась странная поверхность. Ральф тщетно пытался сориентироваться, используя прошлый опыт. На юном лице инуита застыло решительное выражение, он смотрел вдаль и шел размеренно, как будто его направляли какие-то только ему понятные дорожные знаки.

Они шли около часа и вдруг достигли края «острова». Поверхность из плетеного пластикового волокна изгибалась, а волокна уходили под воду. Кто бы ни создал это место, должно быть, он был изобретательным парнем, любящим макраме,

или, возможно, пожилой женщиной, которая после обеда вязала у камина.

Ральф подошел к кромке воды.

— Стой! — крикнул Кована.

— Что? — Ральф оглянулся на мальчика, но не остановился.

Поверхность внезапно просела под ним, не выдержав веса. Ральф ощутил, как морская вода залилась в ботинки. Он изогнулся и попытался перенести центр тяжести, но пластик был чрезвычайно скользким, и Ральф неуклюже плюхнулся в воду.

— Черт, уже второй раз за сегодня. — Он выплюнул морскую воду и сердито выругался.

Соленая, та застила ему глаза, но он почувствовал что-то прямо перед собой, вытер лицо рукой и увидел копье, направленное прямо в кончик его носа.

— Эй, ты чего?

— Хватайся быстрее. Край слишком скользкий, а ты слишком тяжелый. Ты не сможешь выбраться самостоятельно!

Ральфу было стыдно за возникшее в этот момент недоверие и подозрение, он ухватился за копье, и Кована распластался на поверхности, словно спасая кого-то из полыньи.

Могли тоже попытался присоединиться к этой игре, но Кована и Ральф одновременно шикнули на него, так что ему ничего не оставалось, как топтаться подальше от берега.

Ральф вылез на берег и лег на землю, мягкая поверхность поднималась и опускалась, как водяной матрас.

— Спасибо, что спас мне жизнь.

— Ты такой тяжелый… — выдохнул Кована.

— Ты намного сильнее, чем среднестатистический пацан твоего возраста. — Ральф даже сам не ожидал услышать от себя похвалу. — Да и умнее. Ой, а это что?

Он обнаружил, что запутался в чем-то, его ноги были обмотаны полупрозрачными пластиковыми волокнами.

— Осторожно, это наша еда, — сказал Кована.

Только тогда Ральф увидел, что вдоль берега протянуто много таких веревок из пластикового волокна, один конец которых был закреплен на плетеной поверхности, а другой конец свисал в море.

Он осторожно потянул за веревку, и из воды появилась пластиковая бутылка. В ней виднелся кусочек чего-то зеленого. Ральф внимательно посмотрел: это была половина рыбы.

Кована также вытащил бутылку, вдвое большую той, что была в руке Ральфа. Вот уж чего-чего, а бутылок тут в избытке. Мальчик передал одну Ральфу. Внутри виднелись белые перья и оранжевые ноги. Наверное, чайка.

— Попробуй, — предложил Кована, открывая бутылку.

Гнилостная вонь ударила в лицо Ральфа, словно кто-то кулаком стукнул по носу, и он откатился прочь, заливаясь соплями и слезами.

— Это что за дрянь?

— Еда. — Инуит вынул птицу из бутылки и ловко ободрал с нее перья, обнажая красную тушку. — Попробуй.

Ральф покачал головой.

— Как хочешь. — Кована не стал настаивать, поднял чайку, направил ее себе в рот, а затем всосал внутренности.

Кишки морской птицы с чавкающим звуком выплеснулись в рот юного инуита, Кована с удовольствием пережевал пищу, оторвал птичью голову и бросил белому медведю.

От этой сцены у Ральфа волосы встали дыбом. Он был на поле боя и три дня прятался в куче трупов, чтобы выжить. Вонь застала его врасплох, и он оправдывал себя лишь тем, что не успел

морально подготовиться.

Но теперь это… Ральф представил, как Кована пережевывает гнилые птичьи кишки, тут бы даже Беар Гриллс [20] не выдержал.

Он отвернулся, и его вырвало.

Печенье, которое, по расчетам, дало бы достаточно энергии для поддержания дневной активности, смешалось с желудочной кислотой и превратилось в лужу светло-желтой рвоты, что расстроило Ральфа.

— Что с тобой? — с беспокойством спросил подошедший инуит.

Ральф попятился:

— Ничего, морская болезнь.

— Ты правда не хочешь есть? — спросил Кована, направляясь к берегу. — Там еще много чего.

— Нет, — Ральф твердо покачал головой, — ешь сам.

— Мы, инуиты, все используем этот метод для хранения продуктов. Вы, чужаки, говорите, что у нас мало растений и мы можем получать витамины только таким способом. Я не знаю, что такое «витамины». Что, ты тоже это ешь?

---

[20] Примечания: 20

Беар Гриллс — эксперт по выживанию в дикой природе, из-за того, что он ест все виды пищи в сыром виде, его называют «вершиной пищевой цепочки».

— Ага… — Ральф старался не смотреть на рот Кованы, — но не таким образом.

— А мне кажется, неплохо придумано. Наши деды использовали выпотрошенные трупы тюленей в качестве контейнеров и запихивали внутрь птиц. Я почти поймал тюленей, но ледник рухнул. Ты уверен, что не хочешь?

— Да, я точно не буду это есть.

— Ну, высокие белые люди не едят еду Кованы… — буркнул Кована себе под нос.

— Кстати, ты здесь уже давно. Ты обошел весь остров? — спросил Ральф.

— Да, — Кована кивнул. — Есть одна странная штуковина. — Он на мгновение задумался и сказал: — Мне не нравится. Очень шумная.

— На что похожа?

— На какой-то механизм.

— О, отведи меня.

— Что ты хочешь делать?

Ральф облизнул губы и выплюнул кислую слюну:

— Ты ведь хотел найти цель. Вот я и поведаю тебе, в чем она заключается.

Остров из мусора, мальчик-фаталист, белый медведь, больной раком, и еда, которую едят только вороны и личинки, — с Ральфа достаточ-

но. Ему хотелось убежать отсюда и вернуться в темный город. Он нашел бы любую девушку, даже если бы у нее было лицо Энди, и крепко поцеловал бы ее.

«Я хочу домой!» — кричал Ральф про себя, хотя у него не было собственного дома, и он никогда не жил в одном и том же месте дольше недели. Но, черт возьми, если где-то есть вино и женщины, это уже дом.

Они добрались, когда стемнело. Оказалось, Кована говорил об огромном агрегате на другом краю трапециевидного острова.

Его высота составляла более десяти метров, а ширина несколько десятков метров. Прямо перед ним располагалась огромная воронка, которая засасывала в этот странный агрегат пластиковые отходы с мусорной ленты, и они превращались в тонкие пластиковые волокна, выползающие из его нутра. Конструкция задней части машины оказалась значительно сложнее передней: бесчисленное количество мелких механических рычагов слаженно переключались, а тонкие волокна сначала собирались в пучки, а затем сплетались в полотнище.

В верхней части агрегата распологалась большая солнечная панель, которая служила един-

ственным источником энергии. Было уже поздно, и машина, вероятно, замедлила скорость из экономии энергии, но грохот был слышен на многие километры вокруг. Поскольку это приспособление стояло на необитаемом мусорном острове посреди Тихого океана, его проектировщикам вообще не нужно было заморачиваться по поводу уровня шума.

Ральф осторожно пошел к агрегату и, чтобы снова не свалиться, аккуратно прощупывал ногой поверхность перед собой, прежде чем сделать следующий шаг. Вблизи он обнаружил, что на поверхности находится лишь небольшая часть машины, а основная часть ее корпуса спрятана под водой, как айсберг, для сохранения устойчивости. Время от времени на поверхности океана появлялись и лопались пузырьки. Вероятно, так работала система охлаждающей циркуляции.

Теперь Ральф примерно понял функцию этого агрегата: это была упрощенная версия 3D-принтера, который использовал пластиковые отходы в качестве сырья и по программе превращал их в толстое тканое полотнище, чтоб мусор удобнее было собирать.

Но его скорость оказалась слишком медленной. Ральф погладил нагретый корпус. Следы эрозии

подсказывали, что эта громадина работала здесь уже много лет, создав искусственный остров длиной более десяти километров, но это была не более чем капля в море с учетом увеличивающегося количества мусора.

Тем не менее агрегат и человек, который его построил, спасли ему жизнь. По правилам Ральфа, нужно отплатить услугой за услугой.

На верхней части машины имелся шильдик. В лунном свете на нем можно было рассмотреть два огромных квадратных знака. Это были два китайских иероглифа — «Циндао» [21], но Ральф не мог их прочесть.

— Знаешь, что написано? — спросил Ральф.

Кована покачал головой.

— Глядя на твою внешность, я бы подумал, что ты азиат. Это скорее всего китайский.

— Я инуит, — сказал Кована и добавил: — А ты у нас расист.

За два дня общения Ральф и Кована очень хорошо, даже слишком хорошо узнали друг друга.

Ральф изумился:

— Оказывается, ты понял, что я сказал.

— Я уже потом вспомнил, что означает это

---

[21] Примечания: 21

Циндао — легкий остров (*кит.*).

слово.

Проиграв еще один раунд, Ральф скривил губы, дал Кване знак подождать, а сам вскарабкался на агрегат.

Это устройство походило на броню средневекового рыцаря, состоящую из нескольких слоев. Машина простояла столько лет в морской воде, и от воздействия солнца и дождя на ее нижней части четко была видна граница погружения. Верхнюю часть, напротив, покрывала пыль, но если ее протереть, принтер выглядел как новый.

Ральф несколько раз обошел его. Части корпуса были так плотно соединены между собой, что даже зазоры между ними сложно обнаружить, если не приглядываться. Теплая махина слегка дрожала под ним, словно спящий гигантский зверь.

— Что ты ищешь? — Кована нетерпеливо ждал внизу.

— Дай-ка я посмотрю, смогу ли его открыть.

— Там есть какая-нибудь еда, которую ты можешь поесть?

— Это похоже на холодильник? — спросил Ральф.

— Что такое холодильник?

— Ха, парень, ты опять притворяешься дураком? Я тебе больше не поверю. Разве ты не

знаешь, что такое холодильник?

— Я действительно не знаю. На улице в Тигите часто до минус сорока. У нас там никогда не было ничего подобного…

— То есть ты не в курсе, что такое холодильник, но знаешь, что он используется для охлаждения? — Ральф быстро разоблачил ложь Кованы.

Тот высунул язык и состроил гримасу.

— Какие мы нежные, — хмыкнул Ральф, забрался на машину и обнаружил за шильдиком боковую панель, закрепленную винтами. — Эй, парень, принеси мне отвертку из ящика с инструментами.

Кована долго возился, но так и ничего и не принес.

— Что случилось? Тебя только за смертью посылать.

— Я… — Мальчик поднял голову и нерешительно сказал: — Я не могу открыть эту коробку…

— Что ты будешь делать… — Ральф спрыгнул вниз. — Смотри, замок открывается тут и тут…

Он достал инструмент, помахал им перед лицом Кованы и снова забрался наверх.

Открутил восемь винтов и снял панель. Там было пространство площадью тридцать квадратных сантиметров. Темно-зеленая интегральная

плата была помещена в центр, где собирались бесчисленные провода. Как и ожидалось, сердце агрегата спрятали наверху, подальше от воды. Этот микропроцессор управлял всеми программами большой машины.

— Чудненько… — пробормотал Ральф, оседлав корпус, заткнув отвертку за ухо и потирая руки. — Давайте посмотрим, сможет ли она подключиться к Интернету…

Он собирался внимательно изучить схему, когда услышал крик Кованы снизу:

— Что это?!

— Ой, ну хватит! — Ральф подумал, что это шутка, и небрежно отмахнулся, но тут что-то появилось позади него, загородив лунный свет и отбросив черную тень.

Он откинул голову назад и увидел огромное существо, похожее на щупальце, торчащее из-под воды и поднимающееся все выше и выше. Рефлекторно прижал отвертку к груди в оборонительной позе, но, подождав немного, понял, что целью щупальца был не он.

Вокруг агрегата возвышалось в общей сложности шесть одинаковых гигантских рук, поддерживаемых механической конструкцией. В центре находился толстый шланг, а на его конце вид-

нелась металлическая конструкция, устройство которой при луне было толком не рассмотреть.

Шланг поднялся наверх и откинулся назад. Ральф увидел, что все щупальца обращены к нему, и вдруг понял, что это такое — шесть огромных водометов.

— Черт! — выругался Ральф, разворачиваясь и собираясь спрыгнуть вниз, но вдруг вспомнил, что все еще держит в руке боковую панель.

Хрупкий микропроцессор машины обнажен. Если по нему ударит водяная струя, то его закоротит, и он сгорит. Времени на изучение конкретных функций микропроцессора нет, но это единственный шанс выйти на связь с внешним миром. Ральф повернулся и поставил панель на место. Гидравлический пистолет перестал подниматься, и из-под агрегата вдруг донеслось журчание воды, которое становилось все более стремительным. Закручивать винты было уже поздно, и он не осмеливался рисковать, чтобы вода не просочилась к микропроцессору. Другого пути не было, поэтому Ральфу пришлось ухватиться за верхнюю часть машины обеими руками и своим телом загородить панель.

Водомет начал распылять воду прямо на солнечные панели, смывая птичий помет, который

время от времени накапливался в течение дня, и полиэтиленовые пакеты, оставляя их чистыми, как новенькие, и обеспечивая высочайшую эффективность.

Когда сопло меняло угол наклона, столб воды время от времени перемещался и попадал в Ральфа. Напор был настолько силен, что его едва не смыло.

Через несколько минут водяной пистолет закончил очистку и тихо погрузился в воду.

— Ты сегодня в третий раз промок, — хохотнул Кована снизу, но у Ральфа не было времени ответить.

Он стряхнул воду с лица. Руки онемели и затекли от чрезмерного напряжения. Он тяжело дышал, и потребовалось немало времени, прежде чем он медленно отлепился от корпуса. Борьба с водяным столбом высокого давления отняла много энергии, и у него не хватало сил даже спуститься вниз.

К счастью, микропроцессор остался цел.

Отдохнув немного и съев половину печенья, Ральф встал. Белый медведь, который уже спал, учуял запах угощения и подошел, чтобы лизнуть его. Ральф убрал печенье обратно в ящик с инструментами и продемонстрировал Могли

пустые руки. Тот понюхал их и разочарованно вернулся на прежнее место.

Ральф тщательно осмотрел все, что скрывалось за панелью. Энди, конечно, разобрался бы в два счета. Ральф мог найти даже самый малюсенький взрыватель бомбы и успешно обезвредить его, но с этой интегральной платой ничего не смог сделать.

Он изучал устройство агрегата до поздней ночи. Облако заслонило лунный свет, и детали больше не были видны. Ральфу пришлось слезть на остров, протирая воспаленные глаза. Юный инуит заснул рядом с белым медведем, а Ральф лежал на спине, глядя на мутное звездное небо. Пришлось признать, что эта махина не подключается к Сети и у нее нет возможности передавать информацию во внешний мир.

И что прикажете делать?

Не все маршруты идут через мусорный континент, и шанс, что кто-то спасет их случайно, ненамного больше, чем шанс получить удар молнией, сидя на унитазе. Ральф посмотрел на паренька и медведя. Сможет ли он выжить здесь с ними, питаясь этой полугнилой дрянью? Он яростно замотал головой, отгоняя от себя ужасающие картины, увиденные за день.

Похоже, остался только один путь — нырнуть и посмотреть, удастся ли найти что-нибудь в самолете. Но это центр Тихого океана. Кто знает, насколько глубоко погрузилась «Цессна»?

Метеор пронесся по небу на юг через созвездие Центавра.

«Я мог бы использовать созвездия, чтобы определить свое местонахождение, — подумал Ральф, — но что толку?

Так, соберись!»

И тут ему пришла в голову одна идея, и он снова вскарабкался на огромный принтер.

(18) Роды

Тан Лу?

Это имя вызвало у Ли Шили смутные ассоциации, он вспомнил молчаливую девочку, которая сидела в первом ряду и всегда заплетала косы.

Воспоминания продолжали разрастаться, перед глазами всплывали картины детства, в том числе прохудившиеся окна в школе, скрипучие скамейки и подростки, с которыми он играл вместе…

— Толстяк! — выпалил Ли Шили. Хотя парень перед ним не был толстым, Ли Шили узнал его по тому, как он закусывал нижнюю губу, когда нервничал.

— А? — Тот услышал свое детское прозвище, оглянулся, но не узнал человека позади него. Потом схватил отца Ли Шили за руку: — Дядя Ли, я не могу сейчас отлучиться. Пожалуйста, привезите врача!

— Хорошо, где машина?

— У моего порога.

Отец и Толстяк побежали в сторону деревни, Ли Шили последовал за ними.

— Дядя, кто это? — спросил Толстяк на бегу.

— Не узнал, что ли? Это ж мой сын!

— А-Ли? — Толстяк снова посмотрел на Ли Шили. — Когда он вернулся?

Отец махнул рукой:

— Ну ты даешь? Я с трудом дышу! Можешь сам спросить!

— Угу! — согласился Толстяк, но не спросил.

Насколько помнил Ли Шили, их дома находились в одном переулке. Но Толстяк почему-то повернул в другую сторону. Пробежав семьсот или восемьсот метров, они остановились перед каким-то домом. Судя по всему, домом Тан Лу. Толстяк толкнул дверь и вошел со словами:

— Папа, мама, как Тан Лу?

Ли Шили на мгновение засомневался, а затем хотел последовать за ним, но отец его остановил.

— Ты куда?

— Помочь!

— Как ты можешь помочь ей разродиться? Пойдем-ка!

Он прошел через ворота дома Тан Лу и через некоторое время остановился около припаркованного у обочины синего «альто», открыл дверцу, сел в машину, завел двигатель, а Ли Шили сел на пассажирское сиденье.

— Это наша машина?

— Нет, Чэнь Хао. — Отец назвал имя Толстяка.

— Тогда откуда у тебя ключ?

— В деревне остались только мы с Чэнь Хао из тех, кто умеет водить машину, а чужих тут нет. Нет необходимости вынимать ключи.

Отец вывел машину из переулка задним ходом и свернул на дорогу.

— Куда мы едем?

— В деревню Бэйань за врачом. Раньше у нас был свой врач, который мог принимать роды, но за последние два года все разъехались.

— Чэнь Хао и Тан Лу… теперь вместе?

— Ага, женаты уже лет семь или восемь. Родители Чэнь Хао вместе с его братом уехали в город. Он поселился в доме Тан Лу. Его отец отругал, мол, он ни на что не годен. Они постоянно ссорились, и теперь родители редко приезжают. Старый Чэнь упрям, как осел. Ну ничего, когда родится внук, ему придется вернуться и заботиться об этом маленьком паразите.

— Я никогда не ожидал, что они сойдутся…

— Зато у них уже есть ребенок, а у тебя? — резко спросил отец.

— Нет, я пока не готов.

— Главное, не упусти свой шанс!

— Ага, — Ли Шили согласно фыркнул, и наступила тишина, почти заполнившая узкий салон легковушки.

До деревни Бэйань было десять минут езды, и у входа их уже ждала высокая толстая женщина.

— Чэнь Хао звонил. Это доктор, — сказал отец, припарковав машину рядом с ней. — Выходи!

— Что?

— Пересядь назад. Она слишком крупная, чтобы сидеть сзади.

Затем отец развернулся и поехал обратно в Цзянкоу.

— Как состояние роженицы? — Врач съежилась на переднем сиденье, сжимая в руке сумку. Когда машина подпрыгнула на выбоине, послышался лязг металла. Вероятно, в сумке лежали инструменты, которые нужны в процессе родов.

— Роженицы?

— Ну, будущей матери.

— Я не в курсе, уже пару лет ее не видел, — ответил отец.

— А кем вы ей приходитесь?

— Сосед.

— А сзади что за парень?

— Мой сын.

Доктор задала еще несколько вопросов, но

никакой полезной информации не получила, фыркнула и прикрыла глаза.

Отец мало говорил, вцепившись в руль обеими руками, чтобы удержать машину на дороге, то ли просто из-за осторожности, то ли из-за немалого веса врача, от которого автомобиль слегка вело в сторону.

«Альто» въехал в переулок к дому Тан Лу. Чэнь Хао и отец Тан Лу с нетерпением ждали у дверей, потирая руки. Не успела машина остановиться, как Чэнь Хао подбежал к ней и дернул дверцу.

— А вы у нас… — пробурчала врач, выбираясь из салона.

— Я отец ребенка. — Когда Чэнь Хао произнес слово «ребенка», его голос внезапно сорвался. Он впервые осознал, что вот-вот станет отцом.

— А роженица… ну, мать? Как она?

— С утра у нее болит живот, все время стонала, и пока боль не отступила.

— Боль схватками?

— Угу.

Из дома послышался громкий крик.

— Ну вот, опять начинается. Она так кричала весь день.

— Может быть, вот-вот родит.

— Кроме того, — Чэнь Хао посмотрел на Ли Ши-

ли и его отца. Он, вероятно, стеснялся говорить такое при посторонних, но все же понизил голос и продолжил: — Прежде чем вы пришли, жена обмочилась от боли…

— Это отошли околоплодные воды. — Врач оттолкнула Чэнь Хао и быстро вошла в комнату. — Есть горячая вода?

— Есть.

— Полотенце?

— Приготовил. Вот еще ножницы, чтобы перерезать…

— Ножницы не нужны, у меня свои.

Чэнь Хао ушел вместе с доктором, Ли Шили заглянул внутрь:

— Что нам делать?

— Подожди.

Он вообще-то спрашивал своего отца, но ответил ему родитель Тан Лу. Он присел на корточки под воротами, зажег сигарету, затянулся и вдруг вспомнил, что находится тут не один, быстро встал и протянул им пачку.

Отец взял сигарету, а Ли Шили отмахнулся, сказав, что не курит.

Все трое молча стояли у двери, огоньки сигарет мерцали в такт крикам, доносившимся из дома.

Крики становились все громче и громче,

Ли Шили, слушая их, почувствовал, что краснеет. Он потянул отца за полу одежды и прошептал:

— Пойдем!

Тот покачал головой, обошел машину и нашел кучу гравия, на которую можно было сесть.

Ли Шили ничего не оставалось, кроме как пройти вперед по переулку, чтобы убежать от этих воплей.

Те длились долго, и под ногами отца Тан Лу скопилась целая гора окурков, но он продолжал курить. Глядя на то, как старик яростно сосет фильтр, Ли Шили испугался, что сосед отправится к праотцам раньше, чем увидит внука.

Внезапно крики прекратились, отец Ли Шили встал и быстро подошел к двери, чтобы узнать новости. Отец Тан Лу сделал последнюю затяжку, бросил недокуренную сигарету на землю, встал, отряхнулся и навострил уши, прислушиваясь.

Внезапно воцарилась жуткая тишина, ни свиста ветра, ни шума волн, ни криков пролетающих птиц. Все словно бы затаили дыхание, как будто вся деревня погрузилась в пустоту.

И тут чей-то громкий плач как будто прорвал невидимую мембрану, и мир, казалось, снова ожил.

— Ты чего тут стоишь? Почему бы тебе не вой-

ти?

Отец Ли Шили похлопал растерявшегося папу Тан Лу по плечу. Тот встрепенулся:

— Да, да, пойду!

Он переступил порог дома, но стоило ему ступить на землю, плач стал слабее, а затем и вовсе стих. Отец Тан Лу застыл и словно бы постарел на десять лет в одно мгновение, и его энергия, казалось, испарилась вместе с криком ребенка. Лицо старика побледнело, плечи поникли, а ноги как будто вросли в землю, и он не мог пошевелиться. Отец подошел и положил руку ему на плечо:

— Все в порядке. Все в порядке. Не волнуйся!

— Думаешь?

Ли Шили не мог понять, о чем они говорят, и пошел к воротам.

— Скорее…

Его отец собирался еще хоть чем-то утешить соседа, но внезапно дверь хлопнула, и на улицу вышел Чэнь Хао. Он сделал пару шагов, но вдруг ноги у него подкосились, парень упал на колени и громко зарыдал.

Увидев эту сцену, отец Тан Лу потерял самообладание. Ему пришлось прислониться к дверному косяку. Слезы покатились по бороздкам морщин на его лице и, наконец, упали на землю.

— Папа, что случилось?

Отец махнул рукой, давая понять Ли Шили, чтобы тот не спрашивал. Он поднял приятеля с земли:

— Лао Тан, ты это… не раскисай, тебе надо еще принять решение, что делать дальше…

Ответа не последовало, и отец Ли Шили крикнул:

— Лао Тан!

Тот почти не реагировал, лишь тупо уставился на соседа и протянул дрожащую руку, которая застыла в воздухе, словно бы он пытается что-то поймать.

— Лао Ли… я тебе доверяю… не могу смотреть…

Отец торжественно кивнул и пошел внутрь к Тан Лу.

Через некоторое время дверь открылась и он появился на пороге, держа что-то, завернутое в желтую ткань с вышитым золотой нитью свернувшимся драконом.

«Мальчик», — подумал Ли Шили.

Отец понес сверток через дверь.

— Стойте! — внезапно сказал Чэнь Хао, который поднялся с земли и шатался, как пьяный. — Он наш! Вы не можете его просто так унести!

— Чэнь Хао! — одернул его отец Тан Лу. — Ты

что творишь?!

Чэнь Хао оцепенел, и отец Ли Шили, воспользовавшись замешательством, обогнул его и пошел прочь, затем замедлил шаг и обратился к отцу Тан Лу, как будто хотел дать ему шанс передумать:

— Лао Тан…

— Иди уже! — Тот махнул рукой, как будто отгоняя рой мух. — Иди!

Отец кивнул и, проходя мимо Ли Шили, сунул сверток ему в руки:

— Пойдем.

Ли Шили не знал, что делать.

— Папа, это…

— Давай поговорим в машине, — серьезно сказал отец.

Ли Шили послушно сел в машину. Сверток был очень легкий и мягкий. Ли Шили держал его на некотором расстоянии от себя.

— Папа, что случилось?

Отец медленно завел машину и кивнул в сторону свертка.

— Сам посмотри…

— Я? — удивленно спросил Ли Шили.

Он понял, что в свертке, по тому, что только что произошло, а также по очертаниям. Но когда отец велел развернуть, у Ли Шили не хватило

смелости, это ведь тебе не образец растения.

— Папа… я…

Отец вздохнул:

— Посмотри и сам все поймешь.

Ли Шили пошевелил пальцами, как будто они онемели от долгой неподвижности. Он откинул покрывало и увидел внутри сморщенное личико, перепачканное амниотической жидкостью, к маленькому лобику прилипли прядки темных влажных волос. В младенце угадывались черты Тан Лу и Чэнь Хао в детстве.

Ли Шили еще немного отодвинул покрывальце, и когда его пальцы коснулись скользких околоплодных вод, волосы на затылке встали дыбом. Если не считать синеватой кожи, ребенок выглядел нормально. Ли Шили взглянул на отца, тот смотрел на дорогу, направляя машину к пляжу.

В деревне существовала традиция, согласно которой детей до года нельзя закапывать в землю. Нужно бросить маленький безымянный трупик в море, чтобы его унесло течением.

Ли Шили взял ребенка, перевернул его и сразу понял, что случилось. Вся спина несчастного младенца от ягодиц и до самых лопаток оказалась зияющей раной, ярко-красная плоть была вывернута наружу, а на месте позвоночника росли

похожие на пластиковые шипы. Это походило на расщепление костей, но на самом деле было чем-то другим. Деформированные позвонки не были полностью сомкнуты. В трещинах виднелся спинной мозг, проходящий вдоль всего тела, похожий на расплывчатую черно-фиолетовую кашу.

Ли Шили вздрогнул.

— Папа, останови машину. — Он торопливо завернул ребенка и положил на приборную панель.

— Что такое?

— Останови!

Машина даже не успела толком остановиться, а Ли Шили открыл дверь и выпрыгнул, его вывернуло наизнанку на траву у обочины. Весь день он толком ничего не ел, и его рвало только горькой кислотой, а из глаз хлынули слезы.

Отец спокойно ждал, пока Ли Шили вернется в машину, и не заводил машину, пока сын не восстановил дыхание.

— Это восьмой, а может быть, девятый… — медленно проговорил отец.

— Что?

— Несколько лет назад в Янцунь родился такой ребенок. Сначала местные судачили, что семья

совершила какой-то аморальный поступок. Но через несколько месяцев такой младенец появился и в деревне Шантан. А потом их стало все больше. — Отец сплюнул из окна машины. — Некоторые люди говорили, мол, это место захватили злые духи, да и побережье теперь закрыто, поэтому все начали спешно разъезжаться.

— Тогда почему бы и вам не уехать? — спросил Ли Шили и сразу же пожалел.

Отец не ответил, только вздохнул.

Они приехали на пляж. Родитель шагал впереди, а Ли Шили со свертком за ним. Они прошли далеко на юг вдоль береговой линии. По пути им попадались только горы мусора, под которыми было почти не видно морскую воду. Отец остановился перед одной из отмелей.

— Тут.

— Зачем идти так далеко? — спросил Ли Шили.

— Тут везде стоячая вода. Если вдруг выкинем трупик слишком близко к деревне, что делать, если его кто-то найдет? — спокойно ответил отец.

Ли Шили спустился к воде. Ступни и икры словно бы ощущали прохладное прикосновение воды, но на поверхности не было и следа влаги, а сухие черные мешки для мусора покрывали белые узоры — следы соли, оставшейся от испарения.

Он посмотрел на отца, тот кивнул, и Ли Шили осторожно положил младенца среди пластика. Желтый сверток пару секунд плавал на поверхности, а потом пошел на дно. Мусор медленно сомкнул свои ряды, как будто жадный рот поглотил маленькую жизнь. Дракон, вышитый золотой нитью, мелькнул перед глазами Ли Шили. Море при этом не издавало ни звука.

На обратном пути он молчал, ноги хранили ощущение от прикосновения морской воды, напоминая о произошедшем.

Отец увидел, что сын выбит из колеи, поэтому обратно они ехали молча. Семья Тан Лу, вероятно, горевала, поэтому отец не стал возвращать им машину, а сразу подъехал к дому.

Мать приготовила на ужин несколько блюд, в том числе большую рыбину. У Ли Шили вообще не было аппетита, он ради приличия сел за стол, даже не притронувшись к еде, затем встал и вышел во двор.

— Сынок, почему ты не ешь? — спросила мать, но Ли Шили не ответил. Она открыла рот, но отец махнул рукой, чтобы жена помолчала.

Воздух в деревне был намного лучше, чем в городе. Никаких следов загрязнения. Звезды над головой яркие. Ли Шили давно не видел столь-

ко звезд. Он вышел прогуляться по тропинке. В траве щебетали безымянные насекомые, а в остальном в огромной деревне было тихо.

Его словно бы кто-то вел к морю. Ли Шили все еще помнил, как оно выглядело по-настоящему: под сиянием звезд поверхность воды сверкала, как россыпь драгоценных камней. Но сейчас не было никакого блеска, лишь тьма, похожая на черную дыру, поглощающую весь свет и жизнь.

Ли Шили достал из кармана маленькую бутылочку, поднял ее в воздух и посмотрел. В ней был зеленый росток. На следующий день после происшествия на свалке была такая же ясная ночь. Ли Шили тайком вернулся к руинам и нашел его среди гравия. Возможно, это последний оставшийся образец от этого безумного растения.

Он поместил опасное растение в бутылку, закрыл ее деревянной пробкой, каждый день подкармливал небольшим количеством пластикового мусора и держал как маленького домашнего питомца. Ли Шили не знал, почему сохранил образец, может быть, просто потому, что это было его детище.

Теперь можно было просто вытащить пробку и выкинуть росток в море мусора. Пластика здесь достаточно, чтобы обеспечить растение всеми

питательными веществами. Вскоре этот участок моря будет полностью очищен, гибрид наберет сил, и его можно будет пересадить в другие места для продолжения борьбы.

Мечта всей жизни Ли Шили, и для ее достижения нужно всего два действия.

Он уставился в темноту, желание откупорить бутылочку усиливалось, его сложно было контролировать.

Но Ли Шили видел разрушительную силу растения. Площадь этого морского участка во много раз превышает площадь свалки. Если растение будет бешено разрастаться, последствия могут оказаться катастрофическими.

А еще…

Его останавливал еще один факт, о котором не хотелось думать. То, что он видел в теле новорожденного, не могло сформироваться за пару дней, ребенок получил все от матери. Таким образом, люди в этой деревне, вероятно, с разной степенью тяжести заражены пластиком. Все, включая Чэнь Хао, отца Тан Лу и… его собственных родителей.

Пока Ли Шили искал способы начать атаку на пластик, отходы также эволюционировали. Он все еще не понимал, что произошло в деревне, но знал, что родители стали заложниками мусора.

И с этим ему ничего не поделать.

Ли Шили сунул бутылек обратно в карман, сплюнул в море и побрел в сторону деревни. Пока родители живут здесь, пластик распространяется внутри их тел. Ли Шили должен выяснить причину, почему это происходит, и найти метод лечения. Он не может оставаться здесь. Он должен вернуться в Лушань. Битва не окончена. Нужно лучшее оборудование и оружие. Понадобятся лаборатория и финансирование, все, что он только может получить.

Да, профессор Ся клятвенно заверял, что обязательно найдет способ возобновить исследования. Однако, учитывая его характер, это может произойти и через год, и через два, и даже через пять лет. У родных Ли Шили нет столько времени.

Возможно, ему следует найти другой выход, как это сделал Чэнь Янь.

Ли Шили планировал позвонить ему и узнать, нанимают ли сотрудников еще какие-нибудь лаборатории. Внезапно телефон завибрировал в руке, и на экране появилось текстовое сообщение. Ли Шили нажал на кнопку и прочел оповещение о новом письме. В этом отдаленном месте сигнал был очень плохой, а 5G и вовсе отсутствовал. Ли Шили нажал на иконку почтового

ящика, началась загрузка, но письмо так и не открылось. Телефон снова завибрировал: «Вы получили новое письмо». Затем последовало третье, четвертое…

Ли Шили получил в общей сложности четыреста восемьдесят одно напоминание по электронной почте, но не смог увидеть ни одного из писем.

(19) Расшифровка

Битва на этом уровне была напряженной. Малатан [22], который купил Чэнь Янь, остыл, у него не было времени перекусить. Он и шесть его товарищей продвигались вперед шаг за шагом. Наконец, добрались до финального босса, как вдруг зазвонил телефон.

Чэнь Янь покосился на телефон и увидел, что звонит Ли Шили. Дюжина красных стражников появилась в темном тумане, преграждая путь. Чэнь Янь отвлекал их от городских ворот, пока товарищи атаковали город. Красные стражники быстрые и хитрые, и хотя Чэнь Янь уже был знаком с этим уровнем, его бы все равно отмутузили, стоило только зазеваться.

Телефон продолжал звонить до тех пор, пока не закончилась популярная песня, которую Чэнь Янь поставил на мелодию звонка. Прошло всего несколько секунд, и аппарат снова затрезвонил.

Чэнь Янь спокойно продолжил играть и, расправившись с последним стражником, хотел

---

[22] Примечания: 22

Малатан — пряный острый суп, популярное блюдо сычуаньской кухни.

уже ответить на вызов, когда пришлось бежать товарищу на выручку.

Когда игра закончилась, на мобильном высветилось сообщение о двадцати трех пропущенных вызовах, и все от Ли Шили.

Чэнь Янь взял в руки телефон, раздумывая, надо ли перезванивать после стольких пропущенных, почему бы не придумать отговорку, мол, он тупо напился и вырубился.

В это время телефон снова зазвонил, Чэнь Янь стиснул зубы и ответил, притворившись пьяным:

— Привет, Ли, почему ты так поздно звонишь?

— Чэнь Янь, ты сейчас рядом с компьютером, немедленно открой компьютер и войди в мою почту, пароль от аккаунта… — Ли Шили не спрашивал о состоянии Чэнь Яня, просто выдавал инструкции, которые, видимо, подготовил, еще когда звонил в первый раз.

— Погоди, не тараторь, говори медленнее. — Чэнь Янь перестал притворяться. Он подозревал, что Ли Шили вообще этого не заметил. — Что случилось?

— Сегодня вечером я получил более пятисот писем.

— Ну, спам, бывает… — Чэнь Янь выключил

игру и воспользовался возможностью, чтобы выловить из малатана крабовую палочку и съесть ее.

— Нет, это электронное письмо связано с «Циндао». Сообщение отправляется только в том случае, если там что-то пойдет не так.

— «Циндао»? Тот проект, которым ты занимался в аспирантуре? Сколько лет прошло?

— Шесть, я и не думал, что он все еще работает. В моей родной деревне нет сигнала. Я получаю только уведомления, но вообще не могу открыть ящик. Пожалуйста, помоги мне.

— Хорошо, подожди! — Услышав, в чем дело, Чэнь Янь оживился. Он сделал несколько глотков острого супа, вытер рот, затем вошел в почтовый ящик в соответствии с инструкциями Ли Шили.

Там все было заполнено сообщениями одного и того же содержания: «Устройство потеряло сигнал на S30°31′56″ W132°15′47″».

— Ли.

— Ну что там?

— Все сообщения одинаковые: твое устройство потеряло сигнал где-то в Тихом океане.

— И все?

— Ага. Только это.

— Ну, я думал, что он уже давно перестал фуры-

чить, — вздохнул Ли Шили.

— Кажется, механизм, который ты создал, прочнее, чем ты думал.

— Типа того… — Ли Шили сделал паузу и снова вздохнул.

— Что с тобой? — Чэнь Янь по голосу чувствовал, что его коллега устал.

— Ничего.

— Что-то дома? Тебе нужна помощь?

— Да, кое-что случилось. — Ли Шили помолчал еще немного и добавил: — Расскажу по возвращении.

Чэнь Янь открыл рот, но не знал, что сказать, чтобы утешить Ли Шили, поэтому просто процедил:

— Ладно…

Повесив трубку, Чэнь Янь посмотрел на малатан: ужин остыл, островки масла застыли на поверхности бульона, а овощи совсем размякли. Он отставил миску в сторону и приготовился вернуться в игру.

Закрывая почтовый ящик Ли Шили, Чэнь Янь задумался. Почему устройство часто теряло контакт и повторно подключалось за короткий промежуток времени, и так повторялось много раз? Это случайный сбой устройства или… руко-

творный?

Эта идея взбудоражила Чэнь Яня, он пролистал несколько страниц писем, но не смог найти подсказку.

Товарищи по игре снова позвали его, Чэнь Янь навел курсор на крестик, чтобы закрыть страницу, но потом передумал, свернул ее и открыл игру. Ошеломленно воззрился на развевающийся боевой флаг на странице меню и обнаружил, что у него пропал интерес.

Он все больше и больше убеждался, что за более чем пятью сотнями электронными письмами скрывается глубокий смысл. В игре он был королем, воином, детективом и даже в одиночку уничтожил целую армию пришельцев. Он жаждал испытаний, жаждал быть героем, жаждал разгадывать загадки. Игры были единственным местом, где он мог удовлетворить эти желания после того, как эксперимент провалился, но удовольствие оказалось кратковременным. Двадцать лет исследований не дали никаких результатов. Эту пустоту не заполнишь играми. Она походила на черную дыру: ширилась, намереваясь поглотить весь смысл жизни Чэнь Яня.

Он всегда был второй скрипкой.

С самого детства, что бы он ни делал, пусть

даже стал лучшим на выпускных экзаменах во всей провинции, Чэнь Янь всегда оставался просто «сыном господина Чэня». Он не испытывал материальных затруднений, и перед ним открывалось блестящее будущее, можно было прожить беззаботную жизнь, даже ничем не занимаясь. Но он не был готов всю жизнь находиться под контролем других. Назло семье Чэнь Янь выбрал самый радикальный путь. Специальность, связанную с уборкой мусора, которую его отец презирал больше всего, и работу на свалке. Из-за нее он приносил домой кислый запах всякий раз, как приходил из лаборатории.

Но отец даже не бесился, он проявил достаточно терпения и ждал, пока Чэнь Янь признает поражение и окончательно вернется к нему, потому что не выдержит тяжелой физической работы.

Так что жизнь Чэнь Яня не имела ничего общего с мечтами и амбициями, она превратилась в ребяческое пари между отцом и сыном.

Он запутался. Пристрастился к играм. В глубине души все еще надеялся, что сможет вернуться в прошлое и у него вновь появится ощущение, что он чему-то учится и что-то решает, совсем как тогда, в студенчестве. Подобный опыт в тысячу раз лучше, чем игра.

Стопка писем пряталась в углу экрана, и Чэнь Янь не мог оторвать внимание от этого маленького квадратика. Информация, скрытая за ним, манила его. Для Чэнь Яня это была возможность проявить себя и спастись из игровой бездны.

Он выключил игру, немного подумал и просто удалил все игры с жесткого диска, а затем заблокировал всех своих товарищей по соревнованиям.

После чего встал, прибрался на компьютерном столе, сложил у стены все старые бутылки, вымыл посуду, положил в стиральную машину давно не стиранную одежду и принял душ.

Чэнь Янь завершил уборку под утро, заварил чашку кофе и закурил. Положил сигарету рядом с экраном, и наверх потянулись колечки дыма. Он почувствовал, что вернулся в лучшую форму: первый результат на вступительных экзаменах в университет в провинции Аньхой, отличные оценки по математике, именная стипендия на весь срок обучения, участие в проекте «Цзяньму» — тот парень снова вернулся.

Он открывал электронные письма и читал их одно за другим, записывая всю информацию и пытаясь найти зацепку. Пробовал снова и снова, разные методы. Всякий раз, когда сигарета дого-

рала, зажигал новую, но не делал затяжек.

Вскоре наступило утро. Чэнь Янь расстелил на столе бумагу для записи и анализа данных. Он совсем не чувствовал сонливости, напротив, стал более энергичным. Просто наслаждался этим процессом и чувствовал себя комфортно, как будто долго находился в темном углу и вдруг снова увидел солнечный свет.

В письме было не так уж много информации, зато возможностей бесчисленное множество. Чэнь Янь продолжал совершать ошибки, но расстраивался все меньше. Каждый раз, когда вы допускаете ошибку, она освещает путь к окончательному ответу.

Наконец он написал на бумаге ряд цифр, и сознание подсказало ему, что это и есть ответ. Он потянулся, затушил сигарету, допил оставшийся на ночь кофе и, выполнив этот небольшой ритуал, встал из-за компьютера. За окном уже забрезжил рассвет, холодный кофе плескался в пустом желудке. Внезапно в пояснице случился спазм, из-за которого пришлось улечься прямо на подоконнике, не смея вздохнуть.

Через некоторое время живот прошел, и Чэнь Янь сказал себе: «О, я старею, даже день не могу голодать».

Он оставил ряд цифр на столе и вышел из дома, впервые за несколько дней. Прожив некоторое время в квартире Ли Шили, он все еще не знал, что происходит вокруг, а потому взял мобильник и уставился на онлайн-карту, полагаясь на навигацию, чтобы найти место, где можно перекусить. Он потыкал в экран. Приходилось передвигать ноги, но выражение его лица было таким же, как за компьютером. Все, как раньше.

Поев и выпив, Чэнь Янь вернулся, убрал со стола, закурил, приготовил кофе и приготовился работать всю ночь. Нужно расшифровать цепочку цифр.

Это числа — координаты или, скажем, номер библиотечного формуляра?

В кино всегда так. Однако что касается координат, то GPS и так отправил информацию о местоположении, а посреди Тихого океана библиотеки нет.

Он ввел строку цифр в поисковую систему, решив посмотреть, что сможет найти.

Менее чем за секунду поисковая система продемонстрировала результаты: «Номер телефона, местонахождение, Нью-Йорк, США».

Ответ пришел так быстро, что Чэнь Янь не захотел в него верить. Его боевой дух был на пике, но

казалось, будто он промахнулся и упал со скалы.

Потому набрал номер, но не позвонил. Надо сказать Ли Шили? В конце концов, это как-то связано с «Циндао», а это его проект.

Он колебался секунд пять, затем покачал головой: забудь, он не в силах больше ждать. Ему не терпелось узнать, кто ответит на звонок и что за всем этим стоит.

Когда Чэнь Янь позвонил, он забыл, что Нью-Йорк находится на другом конце света, а разница во времени составляет двенадцать часов.

Трубку подняли молниеносно, как будто кто-то ждал у телефона.

— Кто вы? Откуда вы узнали этот номер телефона? — обеспокоенно спросил человек на том конце. Казалось, он ждал уже давно.

Он говорил очень быстро, все еще на невнятном американском английском, и Чэнь Яню потребовалось некоторое время, чтобы понять, что он имеет в виду.

— Алло? — позвал мужчина.

— А это чей телефон? — спросил Чэнь Янь по-английски. Он мог без проблем читать английскую классику, но все равно немного нервничал, поскольку впервые разговаривал с американцем.

— Скажите мне, откуда вам позвонили? Кто

вы?

— Подождите, давайте медленно, мой… мой английский… не очень хорош, — попросил Чэнь Янь.

На другом конце телефона на мгновение воцарилась тишина, и Чэнь Янь услышал щелканье клавиш.

— Чэнь Янь. — Собеседник отчеканил его имя. — Двадцать девять лет, степень Шаньдунского технологического университета, специальность — молекулярная биология…

Чэнь Яня шокировало, что собеседник так быстро нашел его информацию, и он повесил трубку. Может, это ловушка? Кто это? Хакер?

Зазвонил телефон, и Чэнь Янь так испугался, что чуть не уронил трубку на землю. Потом взял ее, и это снова оказался американец.

— Алло! — Чэнь Янь изо всех сил старался говорить спокойно.

— Знаешь, я могу узнать о тебе все.

— Послушайте, я не хотел ничего плохого. — Чэнь Янь развел руками, хотя собеседник не мог видеть его жесты. — Я получил этот номер телефона случайно. Ну, не совсем случайно. Это была серия сообщений с координатами GPS. Интервалы в виде азбуки Морзе, при дешифровке

получился ваш номер.

Собеседник снова замолчал и снова застучал по клавишам.

Мгновение спустя он сказал:

— Я проверил вас и считаю, что мы с вами никогда раньше не взаимодействовали. — Затем Чэнь Янь услышал, как человек на другом конце телефона пробормотал: — Азбука Морзе, вот придурок, ты, должно быть, достаточно повеселился.

— Теперь мы можем назвать друг другу наши имена. Меня зовут Чэнь Янь. Но вы уже это знаете.

— Энди Райли.

— Это сигнал бедствия?

— Да, я не знаю, в какие неприятности вляпался мой придурочный напарник, — фыркнул Энди. — Я не получал от него известий уже неделю и думал, что он отправился на тот свет!

— Но продолжали ждать у телефона.

— И где этот кретин?

— Посреди Тихого океана. — Чэнь Янь сообщил Энди координаты «Циндао».

— Прямо сейчас отправляюсь на поиски.

— Вы собираетесь прошерстить Тихий океан только из-за того, что я сказал?

— Ага!

— Могу ли я спросить, чем вы занимаетесь? — снова спросил Чэнь Янь, но Энди не ответил. Он подождал некоторое время и посмотрел на телефон. Оказалось, собеседник уже давно повесил трубку.

Время разговора, зафиксированное на экране, составляло две минуты и одиннадцать секунд.

Энди Райли отправился спасать человека, терпящего бедствие в Тихом океане. А вот чем все закончится, Чэнь Янь не узнает.

Зато теперь он знал, что перестал быть человеком, запертым в виртуальном пространстве. Тайна раскрыта, положенная рядом сигарета сгорела лишь на треть, а аромат кофе все еще окутывал компьютерный стол. Нужно было еще что-то сделать.

Возможно, пришло время вернуться к старой работе.

(20) Отъезд (1)

В перегонный куб вылился еще один стакан воды, Ральф облизнул губы и выпил все залпом.

Теплая вода попадала в желудок и вызывала легкое чувство сытости, но, увы, оно быстро проходило.

Осталось полторы пачки прессованного печенья, которого хватит еще максимум на два дня. Если не можешь дождаться спасения, тебе придется…

Он взглянул на Кована и вздрогнул: через два дня ему придется выбирать между голодной смертью или поеданием инуитских «вкусняшек».

— Где ты ловишь столько рыбы и птиц? — спросил Ральф.

— Я ловил их всю дорогу сюда, — оживился парень. — Пока плыл на айсберге, мне нечего было делать, поэтому я заготовил много сушеной рыбы.

— А есть что-то… не такое ядреное?

— Что? Ты имеешь в виду… — инуит указал на берег, где хранилась еда. — Там все, хочешь…

— Не-не. — Ральф замахал руками, чтобы оста-

новить Кована. — Не сейчас, не сейчас. Я на будущее интересуюсь.

Кована пожал плечами:

— Было бы предложено.

Затем он вернулся на свое место и сел рядом с белым медведем. Инуит все еще злился, что Ральф пожалел дать Могли печенье, и Ральф беспомощно покачал головой и снова плюхнулся на землю.

Неизвестно, сможет ли кто-нибудь принять сигнал, который он посылал. Пришлось пофантазировать и передавать азбуку Морзе через промежутки между отключением агрегата от спутника GPS. Но, увы, это единственное, что удалось придумать, и теперь оставалось только молиться.

— Снова, мать твою, молиться, — выругался про себя Ральф. Внезапно у него возникло странное ощущение, словно в ушах зашумело, как если бы туда попала вода.

Белый медведь, казалось, тоже что-то услышал, навострил уши, но звук был слишком тихим, и он не мог определить направление.

Только Кована лежал на земле с закрытыми глазами.

— Эй, хватит спать, ты что-то слышишь?

Инуит открыл глаза, сел, прислушиваясь, и покачал головой:

— Ничего.

Ральф встал, надеясь разобраться, но звук то становился чуть громче, то снова затихал. Через некоторое время он все еще не был уверен, что это не галлюцинация. Может, все потому, что он долгое время голодал…

И тут он увидел белое пятно в небе.

Дрон.

— Э-э-эй! — закричал он, подпрыгивая и размахивая руками в надежде, что дрон его увидит.

— Ты чего? — Юный инуит холодно посмотрел на него.

— За нами прилетели! Мы спасены! — Ральф сглотнул и продолжил кричать.

Кована тоже встал. Он не знал, что такое дроны. Он думал, что американец рехнулся от голода. Проследил за взглядом Ральфа и увидел, что в голубом небе и правда висит какое-то сияющее пятно.

— Что это такое?

— Не болтай! Подпрыгни, пусть нас увидят!

Кована решил подражать движениям Ральфа и принялся энергично размахивать руками. Американец снял куртку и подбросил ее в воздух.

Они продолжали прыгать минуты три-четыре, а белое пятно зависло в воздухе, а затем быстро улетело.

— Эй! — крикнул Ральф в последний раз в пустое небо, а затем в сердцах бросил куртку на землю: — Етить-колотить!

— Что случилось? Что это было? — Кована посмотрел на Ральфа: — Что ты только что сказал на «е»? Какое-то заклинание?

— Да так, глупости всякие! Не повторяй за мной! — Ральф посмотрел на горизонт. — Это был маленький самолет. Я не знаю, видел ли он нас.

— Самолет? Такой крошечный? Как на нем летать?

— Эта штука называется дрон, им управляют с помощью пульта дистанционного управления, внутри никого нет.

— Он еще вернется?

— Я не знаю, — признался Ральф. — Будем молиться.

Они стояли бок о бок, уставившись в чистое небо над мусорным островом. Пробыв здесь достаточно долго, они привыкли находиться в оцепенении.

Спустя какое-то время уши Могли дернулись, он напряг шею, а затем шум услышали и Ральф

с Кованой.

Дрон вернулся!

Молитва сработала!

Ральф возблагодарил всех известных ему богов, которых знал, затем схватил Кована и чмокнул в щеку.

На этот раз дрон уже не наблюдал издалека, а подлетал все ближе и ближе, и Ральф занервничал.

Он подтянул штаны и надел куртку. Кто знает, кто управлял беспилотником.

Белый «DJI Клауд-3000» казался маленьким, но когда пролетел в метре над ними, его жужжание напомнило рой разъяренных пчел.

Он завис перед Ральфом. Кована впервые увидел такую штуку. Наклонился, чтобы с любопытством рассмотреть ее, и помахал рукой перед камерой.

— Что это? — спросил инуит, указывая на держатель под брюхом дрона.

— Это сотовый, — спокойно ответил Ральф.

В это время зазвонил телефон, Ральф оттолкнул парня и снял трубку с держателя.

— Я знаю, что ты любишь набухаться и спать в мусорных контейнерах, но не ожидал, что ты найдешь такой большой, — хохотнул Энди Райли.

— Энди! Как, черт возьми, ты меня нашел?

— Ты ж сам послал сигнал бедствия.

— Ты вообще где?

— Я арендовал корабль, чтобы найти тебя. Сейчас мы менее чем в двух тысячах метров от тебя.

— Привези мне бутылку виски и два гамбургера, я умираю с голоду.

— У нас на борту такого нет. Только консервы из копченой рыбы, будешь?

Ральф покосился на Кована:

— Никогда в жизни не буду больше есть эту дрянь.

— Так, хватит лясы точить, давай к делу, к северо-западу от острова есть открытая вода, идите туда, а я вас подберу.

Энди положил трубку, дрон поднялся в воздух и полетел обратно.

Ральф улегся на спину, пол из плетеных волокон был пушистым и удобным, как дорогой матрас, и все еще ощущалась легкая рябь воды.

Он лежал с закрытыми глазами, греясь на солнышке, и теперь остров не напоминал ему помойку без единой травинки — скорее, пляж у моря.

— Что случилось? — не выдержал Кована.

Ральф встал:

— Пойдем, пора домой.

— Домой?

— Да, кое-кто прилетел к нам на выручку. Когда мы доберемся до Америки, я найду способ переправить тебя обратно.

— Но я… пока не хочу возвращаться. — Кована подошел к белому медведю. — Мое путешествие еще не закончено.

— Ты не хочешь уезжать? Ты останешься в этом бесплодном месте с медведем, ожидая какого-то божественного откровения?

Инуит ничего не ответил, и Ральф увидел в его глазах нерешительность, а потому почесал подбородок и сказал более ласково:

— Помнишь, что ты сказал при первой встрече?

Кована смотрел на Ральфа и ждал, о чем еще он заведет речь.

— Ты сказал, что это судьба привела тебя ко мне и попросила указать тебе путь, верно?

Кована кивнул.

— Так вот я указываю тебе направление. Дом!

Парень на мгновение замешкался.

— Ладно. — Он похлопал Могли по шкуре. — Поедем домой!

Белый медведь открыл глаза, посмотрел на него

мутным взглядом, выдохнул воздух через нос и медленно встал.

Ральф достал из кармана последние два печенья и протянул Кване:

— Угости его.

Тот с улыбкой взял подарок, развернул и отдал Могли одно целиком, после чего украдкой взглянул на Ральфа и запихнул половину другого себе в рот.

Прежние обиды забылись, и Кована с Ральфом бок о бок пошли впереди, то и дело останавливаясь и дожидаясь медленно плетущегося белого медведя.

— Почему ты называешь его Могли? — спросил Ральф.

— Он мой дедушка.

— В смысле?

— Мой дед был могучим воином и давно покинул этот мир. Но когда он узнал, что я собираюсь начать поиски храбрости инуитов, его дух вернулся и вселился в него.

— В больного медведя?

Кована посмотрел на Ральфа пустым взглядом:

— Ты должен понимать, что всему есть предел. Он многому научил меня на этом пути: ловить рыбу, делать иглу, выживать в бесплодной зем-

ле — все это важные для инуитов умения.

Ральф открыл рот, но удержался от комментария.

— Я знаю, что ты не понимаешь. — Кована очень чутко чувствовал собеседников, и это отличало его от парней того же возраста, знакомых Ральфу. — Но это наша вера, вера инуитов.

Они шли дальше и вдруг поняли, что достигли места, где разбился самолет: по земле валялись разбросанные обломки.

Ральф вдруг протянул руку, чтобы остановить Кована:

— Подожди минутку.

Это край разлома, поглотившего в тот день самолет. В воде плавали разорванные пластиковые волокна. Если пройти дальше, то можно попасть в ловушку.

Они обошли пролом и пошли дальше на северо-запад.

— Этот медведь… — Ральф поколебался, затем добавил: — Очень болен.

— Я знаю.

— Когда вернемся в Штаты, то я найду лучшую лечебницу, но…

— Нет необходимости, я лучше отведу его туда, где ему место…

— Он действительно сильный, — Ральф оглянулся на Могли как раз вовремя, чтобы увидеть, как медведь проваливается в пролом.

— Черт! — крикнул он, развернулся и побежал назад.

Плавание — инстинкт белых медведей, но Могли слишком ослаб, сил не осталось.

Ральф плюхнулся на живот рядом с проломом:

— Быстро, дай копье.

Кована, который следовал за Ральфом по пятам, сунул ему костяное копье, и Ральф протянул его Могли:

— Закуси его!

Медведь посмотрел на берег, но ничего не сделал.

— Давай же! — Ральф подполз вперед и вытянул руку. Он ткнул Могли в нос концом рукоятки. В этот момент медведь среагировал и закусил рукоятку. Ральф начал отползать обратно.

Однако возникла проблема: поверхность была слишком мягкой, не во что упереться. Хотя зверь сильно отощал от болезни, он все равно весил несколько сотен килограммов, и вытянуть его на тонком костяном копье было невозможно.

Они пытались несколько раз, но безуспешно. Могли разжал челюсти, оставив на рукоятке

несколько глубоких следов.

Ральфа отбросило назад.

Могли хлебнул воды, и только тогда осознал опасность. Он попытался плыть против течения, но сил не хватало. Внезапно он затих и уставился на Кована затуманенными глазами. Розовые опухоли подрагивали на шее. Медведь набрал в последний раз воздуха, а затем погрузился в море.

— Могли! — крикнул Ральф.

Он скинул куртку и приготовился прыгнуть в воду, чтобы спасти зверя. Кована остановил его:

— Не нужно!

— С дороги! — Ральф вырвался из рук инуита. — У него еще есть шанс!

— Нет, Могли… выполнил свою миссию, — сказал Кована.

— Ты говоришь о… своем дедушке или… о белом медведе?

— Они едины. — Кована подхватил костяное копье и зашагал на северо-запад, буркнув через плечо: — Пошли!

Ральф зашагал следом.

— О какой миссии ты говорил?

— Могли обучил меня всему, что знал, а теперь передал меня в руки другого наставника.

— Ты про меня?

Кована не ответил и продолжал решительно идти вперед.

— Погоди! — крикнул Ральф.

Он оглянулся. Пластиковые волокна снова всплыли на поверхность, как будто здесь ничего не произошло.

Он быстро догнал Кована. На грубоватом лице юного инуита поблескивали две полоски слез. Некоторое время они шли молча, а затем Ральф ласково положил руку пареньку на плечо и сказал:

— Плачь, если хочешь.

— У нас в деревне слезы замерзли бы на щеках. Мы никогда не плачем. — Пока он говорил, слезы текли по его лицу.

Энди Райли подплыл к открытой воде, куда велел им прийти, потерял терпение и приказал капитану подать сигнал.

Протяжный свист эхом разнесся по необитаемому пластиковому острову, словно бы прощальная песнь в честь Могли.

(21) Отъезд (2)

Ли Шили чего только не перепробовал, но так и не сумел убедить родителей.

— Все в порядке, мы не поедем. Бояться нечего. Мы прожили здесь всю жизнь, и все было в порядке. — Отец отмахнулся, показывая, что не желает продолжать эту тему.

Мать вообще помалкивала, она уже давно привыкла во всех домашних делах подчиняться отцу.

На самом деле Ли Шили и сам сомневался. Работы у него нет, накоплений тоже. Родители все вложили в недострой, и сбережений у них не так уж и много.

Нелегко перевезти двух стариков в никуда.

Но оставаться в такой обстановке…

Ли Шили прожил дома больше недели, особо никуда не выходя. Однако все разговоры с родителями крутились вокруг двух тем. Либо они советовали ему как можно скорее найти жену, либо он уговаривал родителей уехать из родной деревни. Друг друга они не переубеждали, и такие беседы заканчивались ссорой.

Потом отец и вовсе стал с утра пораньше зажигать сигарету и уходить куда-то, а возвращался уже поздно вечером, ужинал остывшей едой и ложился спать, сознательно избегая сына.

Мама всегда улыбалась, кивала, слушая, но никогда не высказывала своего мнения. Ей просто нравилось смотреть на Ли Шили, а вот его слова влетали в одно ухо, а вылетали из другого, она ничего не воспринимала.

Ли Шили ничего не мог поделать с упрямыми стариками: они здесь родились, здесь выросли, здесь их корни. Он не смог убедить их в своей теории о проникновении пластика в человеческое тело, так как и сам не в состоянии был толком ее объяснить. Родители признавали только факты, а в деревне все были живы и здоровы.

Как-то раз, когда отец снова сбежал, Ли Шили тоже вышел из дома и принялся бродить по деревне. Он собрал образцы воды и почвы из разных мест. Должна быть причина уродства ребенка Чэня, и Ли Шили должен был найти ответ.

Он ел мало, пару раз взмахивал палочками, а затем отставлял миску и говорил, что наелся. Его мать думала, что он отвык от ее готовки и пыталась как-то разнообразить меню, но Ли Шили все равно не ел.

Он не понимал, где находится источник болезни, привычная родная деревня стала темным лесом, и он не знал, где расставлены смертельные ловушки. Однажды он предупредил родителей, что с водой из колодца может быть что-то не так, и им следует пить ее как можно меньше. В результате отец рассвирепел и выпил три огромных чашки подряд, затем срыгнул и с вызовом спросил Ли Шили:

— Я эту воду пью десятки лет, а тут вдруг думаешь, я помру?!

Поэтому Ли Шили больше не осмеливался ничего говорить. Родителям казалось, что он жаждет только одного — опорочить давно знакомый мир. Но на самом деле тот мир прекратил свое существование в тот самый момент, когда сюда приплыл первый пластиковый мусор.

Очень быстро настал день отъезда. Отец утром не ушел, но и с Ли Шили не разговаривал, просто тихо сидел на пороге и курил.

Ли Шили хотел оставить немного денег матери, но та сунула деньги обратно ему в карман.

— Мы ни в чем не нуждаемся, — сказала мать.

Его отец одолжил машину Чэнь Хао, чтобы отвезти Ли Шили на вокзал. Когда он увидел багаж Ли Шили, то снова нахмурился.

— Это тебе зачем?

Сумка Ли Шили была забита емкостями, на каждой из которых указаны, откуда взяты образцы воды и почвы.

— Незачем. Хочу провести пару экспериментов, — успокоил отца Ли Шили. Он тайно взял образцы волосы отца, матери и других соседей, намереваясь провести тесты.

Вот только забыл, что лаборатории у него больше нет.

Отец почти не говорил с ним, докурил последнюю сигарету и сел за руль.

«Альто» отъехал от дома, и деревня, дома и недавно построенные бетонные дороги постепенно исчезли в зеркале заднего вида. Ли Шили закрыл глаза и в воспоминаниях увидел глинобитный домик.

— Пап…

— У нас все в порядке, так что не беспокойся!

— Но у Чэнь Хао… дети..

— Мы с твоей мамой вроде не планируем второго ребенка, так чего же нам бояться?

— Но…

— Ладно-ладно, живи там в свое удовольствие, а дома все отлично, — проворчал отец, обгоняя трехколесный мотоцикл, и маленький «альто»

помчался по широкой дороге.

Вокзал был таким же пустынным, как в день приезда Ли Шили; на недавно построенной площади большая стая голубей рыскала в поисках еды, но людей в поле зрения было немного.

На КПП лениво торчал охранник. Ли Шили прошел через рамку и посмотрел на гудящий рентгеновский аппарат. В воображении возник собственный снимок с яркими островками пластика.

Ли Шили вздрогнул. Разум подсказывал, что такой аппарат полимеров не увидит. Он перевел взгляд на охранника, а затем на отца. Ему казалось, что он-то различает заразу внутри их тел.

— А-Ли, что с тобой? — спросил отец, видя застывшее выражение лица сына, и ухватился за оградительную ленту.

Охранник встрепенулся, но потом понял, что старик не собирается перелезать через ограждение, ослабил бдительность и продолжил выполнять свой долг (читай: подпирать стену).

— Ничего страшного, со мной все в порядке, — сказал Ли Шили. Через пару минут сказал: — Ну, мне пора.

— Будь осторожен в дороге.

— Если я найду подходящее место, то перевезу

вас с мамой, — нерешительно промямлил Ли Шили, зная, что это пустой разговор.

— Потом побеседуем, — сказал отец с улыбкой.

Больше они не разговаривали, лишь посмотрели друг на друга, после чего Ли Шили подхватил багаж и направился к поезду.

Поезд проехал уже несколько станций, а Ли Шили все еще не мог прийти в себя. Его родины, какой он ее помнил, больше не было. Недостроенный новый дом и деревня, где все в опасности, походили на изолированный остров, окруженный пластиковым океаном. Те, кто там обитает, не могут выбраться, а те, кто живет во внешнем мире, не могут туда попасть.

Поезд уезжал все дальше и дальше, и Ли Шили чувствовал, что удаляется от дома, и дело было не в расстоянии, а в ментальной связи. Теперь он походил на воздушный змей с порванной веревкой, на дерево без корней. Похоже, он не может больше общаться с родителями. Он впал в панику, опасаясь, что они заразятся той же болезнью, что и ребенок Чэня. Ему снились кошмары, в которых они превратились в зомби: медленно переставляли ноги, изо рта и других мест текла какая-то слизь, похожая на расплавленный пластик.

Но теперь это ощущение исчезло. После

нескольких дней уговоров и споров он не изменил мнение родителей, но зато изменил свое. Его родители смирились с судьбой, и он тоже.

Он действительно принял этот факт!

При этой мысли Ли Шили словно ударила молния. Он резко сел на средней койке поезда и с грохотом ударился о верхнюю, схватился за голову и почувствовал набухающую шишку. Голова пульсировала от боли, но туман перед глазами с каждой секундой рассеивался.

Он не беспомощен.

Пока он жил в деревне, местные жители словно бы сковывали его разум.

Теперь Ли Шили начал расхаживать взад и вперед по узкому коридору вагона, собираясь с мыслями.

Отец сказал, что раньше такие младенцы рождались в нескольких близлежащих деревнях, и симптомы были такими же, например, недостаточность спинномозгового канала, вызванная дефицитом фолиевой кислоты на ранних сроках беременности. Но пластик, растущий внутри детей, показывал, что все не так просто. Полимер поступал из тела матери, так откуда же он берется в ее теле и как собирается в организме человека? Если в матери тоже содержится высо-

кая концентрация пластика, есть ли он в телах мужчин? А стариков?

Заразились ли этой «болезнью» и люди, уехавшие из деревни? Это вообще заразно? Каким образом передается? Какие симптомы вызывает? Смертельно ли?

Вызовет ли это скандал века, подобный «талидомидовой трагедии» [23]?

Эти вопросы напоминали пузыри, поднимающиеся со дна болотца со стоячей водой, лопавшиеся с такой скоростью, что он не успевал поймать ни одного.

Ли Шили нужен был кто-то, чтобы все это обсудить. А с кем еще, если не с Чэнь Янем? Да, он крайне ленив во всем, но обладает острым взглядом и может быстро выхватить ключевые моменты.

Ли Шили достал мобильник и вдруг понял, что за последние несколько дней почти не прикасался к нему. Серьезная зависимость от Интернета, которой, как он думал, он страдал, вылечилась сама собой, без каких-либо лекарств.

---

[23] Примечания: 23

Талидомидовая трагедия — имеется в виду обнаруженный тератогенный эффект талидомида, снотворного седативного лекарства, повлекший за собой рождение около десяти тысяч детей с врожденными уродствам.

К сожалению, такое состояние не могло длиться долго: вернувшись в современное общество, он по-прежнему оставался одиноким домоседом, полагавшимся на социальные сети.

Он включил мобильный Интернет, но сигнал все еще был прерывистым, даже позвонить не получалось.

Ли Шили вернулся на место и сел, наблюдая за быстро проносящимися мимо горами и деревьями, думая, что скажет при встрече с Чэнем.

Он хочет спасти родную деревню и верит, что у него есть возможность сделать это. Но ему нужно оборудование, средства, планы и программы.

Ли Шили умен, но не обладает способностью интегрировать ресурсы. Это также было причиной, почему он так восхищался профессором Ся. Тот умел упорядочить действительность, словно бы собирая головоломку. Он фактически в одиночку создал исследовательскую группу «Цзяньму», подобрав правильных сотрудников. Пара Ли Шили и Чэнь Янь с самого начала сработалась. Ли Шили очень скучал по тем временам.

Ему нужна исследовательская группа, и самые идеальные партнеры — профессор Ся и Чэнь Янь. Но Ся Цян уже стар, и у него слишком много дел, а у Ли Шили нет возможности впустую тратить

время на ожидание. А вот у Чэнь Яня еще есть шанс, если он перестанет увлекаться играми и начнет новые исследования.

Поезд наконец покинул гористую местность, за окном простиралась равнина, поля походили на аккуратную шахматную доску с различными насаждениями, которые Ли Шили не мог различить.

Он достал сотовый и попытался связаться со старшим коллегой.

— Братишка, как погостил дома? — оживленно спросил Чэнь Янь.

— Все в порядке. — Ли Шили не знал, что сказать.

— Кстати, хотел тебе сообщить, — Чэнь Янь опередил Ли Шили, — помнишь, ты тогда мне велел почитать твою почту? Короче, я случайно спас одного американоса.

— Стой, не таратoрь, что ты сказал?

Чэнь Янь рассказал все Ли Шили, и тот понял. «Циндао» по-прежнему работает нормально, и это хорошая новость.

— Кстати, почему ты звонишь? — Чэнь Янь вдруг вспомнил, что Ли Шили скорее всего звонил по делу.

Ли Шили немного подумал и сказал:

— Забудь об этом, я скоро вернусь, поговорим с глазу на глаз.

— Хорошо. — Чэнь Янь повесил трубку.

Ли Шили выглянул в окно: солнце садилось, пшеничные поля по обе стороны железной дороги погружались во тьму и напоминали тот мусор, скопившийся на береговой линии. Ли Шили снова забрался на койку и положил голову на рюкзак. Он собрал дома несколько образцов морской воды, и они плескались в бутылке в такт вибрации вагона. Ли Шили закрыл глаза и представил то время, когда был ребенком и лежал летними ночами во дворе своего дома, слушая шум волн, доносившихся издалека.

Он хотел вернуть то море.

(22) Настоящее решение

До того как увидел пухлое лицо Энди, Ральф не понимал, как сильно соскучился по напарнику.

— Эй, чувак! — Он распахнул руки, чтобы обнять хакера, но тот с отвращением оттолкнул его.

— Фу! Ты представляешь, как от тебя воняет?!

— Воняет?! Попробуй это ему сказать! — Ральф указал на Кована, который молча стоял позади него.

— Как раз хотел спросить, кто этот малец!

— Парнишка, с которым я познакомился на острове.

— Это… — Энди посмотрел на кусок непонятно чего, сотканный из пластиковых волокон. Это было действительно далеко от понятия «остров» в его понимании. — Там еще есть кто-то? Вакамуру! [24] — Энди помахал Кована.

— Он не японец!

— Я инуит! — сообщил Кована по-английски.

— Давай, пошли уже на борт, — Ральф приобнял парня и пошел по сходням наверх. Корабль был

---

[24] Примечания: 24
Добрый день! (*Ял.*)

небольшой, не более двадцати метров в длину. На палубе собралась дюжина крепких парней, наблюдая, как пассажиры поднимаются на борт. На боку зеленого корпуса было написано название: «Морской краб».

— Бро, ты не мог найти лодку побольше, когда отправился спасать меня? — прошептал Ральф Энди.

— Заткнись уже. Я нашел в порту Антофагаста только один корабль, готовый выйти в море на твое спасение. Знаешь, сколько пришлось в этот раз за тебя заплатить? У нас ограниченный бюджет. — Энди впился взглядом в Ральфа. — Кстати, где самолет?

Ральф скривил губы и сменил тему:

— Где моя каюта? Мне нужно принять душ и переодеться.

— В хвостовой части. Я вас туда отведу.

Приняв душ, Ральф и Кована вернулись на палубу. Инуит настоял на том, чтобы надеть одежду из шкур животных, и Ральфу потребовалось много времени, чтобы уговорить парня отказаться от своей идеи. Хотя ему исполнилось всего пятнадцать лет, он был почти такого же роста, как Ральф и с таким же телосложением. Одежда американца пришлась ему почти впору.

Корабль отчалил от мусорного острова и повернул в сторону Южной Америки.

Энди вытащил бутылку виски и несколько банок копченой рыбы.

— Черт возьми, я же говорил, что не буду это есть… — пробормотал Ральф, отодвигая банку в сторону, но делая глоток из бутылки.

— Ты правда не хочешь есть? — спросил Энди.

Кована уже взял банку, вскрыл ножом, вытащил кусок рыбы, сунул в рот и начал жевать.

— Не буду. — Ральф снова вспомнил, что тогда Кована сделал с бедной чайкой, и покачал головой.

— Тогда ладно, — Энди наклонился и достал гамбургер из картонной коробки из картонной коробки с надписью «Бургер кинг».

— Ублюдок. — Ральф ударил Энди кулаком, затем схватил бургер и откусил его, даже не сняв полностью оберточную бумагу.

Вкус говядины, лука, сыра и томатного соуса смешался во рту, и он закрыл глаза, наслаждаясь давно забытым ощущением. Затем откусил еще раз, поднял стакан и пробормотал:

— Боже, благослови Америку! Это чертовски вкусно, мать твою!

— А еще есть? — спросил Кована.

Энди протянул мальчику следующий и смотрел, как тот жадно его пожирает.

Пока Ральф доедал первый бургер, Кована распаковывал третий. Он потянулся к Энди, но тот пожал плечами и больше ничего не сказал.

Ральф похлопал себя по животу и допил виски:

— Как ты меня нашел?

— Твой сигнал принял какой-то китаец. Он позвонил мне по телефону и дал мне координаты, и я приплыл.

— На моей памяти ты впервые так далеко от дома!

— На моей тоже, — хмыкнул Энди, — но мне это вроде как нравится.

Он расстегнул воротник, обнажив очевидную красно-белую границу между шеей и грудью. Его шея загорела, став красной, как вареный рак.

— Это считается прогулкой на свежем воздухе, — Ральф улыбнулся.

Кована доел все гамбургеры и консервы, откинулся на спинку стула и рыгнул.

— Ты переел, малыш, — сказал Энди.

— Если б ты видел, что он ел раньше, то понял бы, почему ему нравятся эти гамбургеры. — Ральф обратился к Кована: — Расскажи ему о фирменных блюдах твоих родных мест.

Кована вытер рот и с серьезным лицом рассказал о способе приготовления еды под названием «кивиак»: инуиты запихивали пойманных чистиков внутрь тюленей, а затем запечатывали их и ждали. Мертвые птицы бродили, потом их вытаскивали и через зоб высасывали внутренние органы…

Энди затошнило, и даже грубоватый матрос, который услышал рассказ, счел такой «рецепт» неприемлемым.

Видя выражения лиц вокруг, Ральф почувствовал, что отомстил им, а потому хлопнул в ладоши и засмеялся, и на лице Кованы тоже появилась улыбка.

Инуиты, выросшие в суровых условиях, оптимистичны по природе. Кована снова воспрял духом. Они с Ральфом рассказали Энди о том, что произошло на острове. Затем он поведал, почему вообще ушел из дома и как встретил Могли…

Матросам на корабле делать было особо нечего, поэтому они все собрались на палубе, чтобы послушать рассказы. Они проговорили до вечера, и тут Кована начал зевать. После нескольких месяцев он наконец мог уснуть в настоящей кровати — пусть даже койка в каюте была узкой и маленькой. Матросы тоже разошлись, болтая

группками на другом конце корабля или играя в покер под тусклым светом.

Ральф стоял на палубе и смотрел вдаль: огромный мусорный континент уже давно скрылся за горизонтом. Даже прожив на этом странном острове несколько дней, он не мог поверить, что подобное действительно существует. Он настолько огромен, что даже уму непостижимо. Вот в чем замечательная особенность людей: хотя Тихоокеанское мусорное пятно обнаружили более десяти лет назад, люди инстинктивно отказываются принимать такую информацию. Этот континент простирается на сотни километров, но девяносто девять процентов людей предпочитают делать вид, что его нет.

Рядом с ним послышался всплеск, и Ральф оглянулся: это команда сбрасывала мусор после ужина в морскую воду. Они отправились спасать людей и успешно справились с задачей. Вернутся и получат причитающуюся зарплату без необходимости рыбачить. Члены экипажа находились в спокойном настроении и уже не беспокоились о запасах еды, как обычно, приготовили ужин почти вдвое больше обычного, а лишнее просто выкинули в море.

Все относятся к океану как к свалке, но никого

не волнует, куда в конце концов попадает весь мусор.

— Эй, чувак, — сказал Ральф.

— Что? — Энди стоял рядом с ним, облокотившись о перила и наслаждаясь ласковым морским бризом.

— Спасибо!

Энди растерялся:

— Будешь должен.

Ральф улыбнулся и сказал:

— Возможно, мне придется побыть у тебя в долгу.

— Почему?

— Я больше не хочу этого делать.

Энди не удивился:

— Я знал, что тебе это надоест.

— Нет, мне это не надоело.

— А что тогда?

Ральф наблюдал, как волны обрушиваются на корабль. Мусора, выброшенного моряками, больше не было видно, но Ральф знал, что он все еще здесь.

— Знаешь, меня спас дельфин. Чтобы отплатить за услугу, я продолжаю спасать дельфинов.

— Давай лучше выпьем и подцепим девчонок, — попытался отвлечь его Энди.

— Мы можем спасать по несколько десятков дельфинов каждый год и позволить им вернуться в море из человеческих тюрем. Но будут ли они свободны, когда вернутся в родную стихию? Следы человеческой жизни проникли в океан. Так что тем самым мы лишь утешим себя.

— Так чем ты займешься?

— Я еще не знаю, но ты ж видел этот мусорный остров. Я хочу начать оттуда.

Энди поправил очки в черной оправе:

— Когда я поплыл сюда, то проводил исследование местности. Около десяти миллионов тонн пластиковых отходов стекают в море каждый год и, наконец, собираются здесь под действием течений. В нескольких странах есть исследовательские группы, изучающие эту тему. Когда вернемся, я постараюсь посмотреть, смогу ли получить новые средства от спонсоров, чтобы мы могли принять участие.

— То есть ты не возражаешь?!

— Это ведь поважнее спасения дельфинов. Конечно, я не говорю, что спасение дельфинов бессмысленно, я имею в виду…

Прежде чем он успел договорить, Ральф сжал его в объятиях и воскликнул:

— Ты настоящий друг!

Энди вырвался и поправил очки:

— Я бы сказал, единственный.

Ральф пожал плечами, не отрицая этого.

Энди внезапно посерьезнел:

— Я вспомнил!

— Что?

— Про того китайца, который расшифровал твой сигнал. Я прочитал его досье. У него докторская степень по биологии, направление исследований — разложение пластика.

— Да, место, которое нас спасло, появилось путем концентрации пластика. Может быть, это даже он спроектировал тот аппарат.

— Думаю, нам стоит встретиться с ним.

— Конечно! Ты же знаешь, я всегда готов отплатить добром за добро!

(23) Домашний арест

Этот кит был больше предыдущего, особенно когда тело вытащили на палубу.

Морская вода отхлынула от тела горбача, и его кожа стала мягкой, теплой и плотной. Голову усеивали узелки величиной с кулак, каждый из которых был покрыт черными и густыми волосами. На самом деле они представляли собой волосяные фолликулы, что также характерно для горбачей. Морду и нижнюю челюсть испещряли шрамы. Похоже, что, прежде чем встретиться с китобойным судном, этот кит пережил множество тяжелых сражений. Неизвестно, что стало с другими морскими существами или с препятствиями на его тернистом пути.

Ватанабэ Ю протянул руку, желая прикоснуться к этому чудищу. Длинный нож чиркнул по туше прямо под его рукой, нанеся киту огромную рану.

— Не стой как истукан! Принимайся за работу! — Его оттолкнул рыбак, стоявший рядом.

Парень сжал в руке зазубренный нож с длинной ручкой, отодвинулся влево и занял место у

головы кита. Рана от первого удара была обращена к нему, словно огромная ухмылка.

Он сам вызвался присоединиться к команде, разделавшей тушу. Три лодки перевернулись во время охоты на дельфинов. Рабочих рук не хватало, поэтому Фудзивара позволил Ватанабэ подойти и поработать. Но теперь Ю растерялся.

— Быстрее! — крикнул кто-то.

Он стиснул зубы, поднял длинный нож и нанес удар. Кожа горбача оказалась не такой уж плотной, при каждом прикосновении зазубренного лезвия она раскрывалась, словно соевый творог. От удара по голове у кита хлынула кровь, но кровотечение быстро прекратилось. В образовавшейся дыре виднелся жир. Ватанабэ Ю подумал о сашими, которое накануне вечером предложили на ужин, и его снова замутило.

Он с удивлением обнаружил, что ему действительно нравится сжимать нож.

Нужно принять происходящее, мысленно приказал себе Ватанабэ Ю. Он не сдержал своего первобытного желания и занес орудие во второй раз. После тычка в спину место удара все еще болело. Он принял более или менее удобную позу и снова с силой ударил, но неожиданно лезвие на полпути натолкнулось на что-то твердое, от-

чего едва не сломалось. Ватанабэ Ю по инерции отдернул руку. Нож отскочил и упал на палубу к его ногам.

Рыбаки вокруг него заржали, и он понял, что все остановились и искоса наблюдают за ним. Они специально повернули голову кита так, чтобы нож попал в череп, где тушу труднее всего разрезать.

Все ждали, чтобы он как-то среагировал на шутку.

Ватанабэ Ю холодно огляделся, руки у него дрожали, и ощущение того, как зазубренный клинок врезается в плоть, все еще было свежо в памяти. Вдруг перед ним возникло странное видение: он начал убивать людей, которые смеялись над ним. Этих рыбаков, его одноклассников из средней школы, старшего брата соседа, который работал в финансовой компании… всех людей, которые когда бы то ни было подшучивали над Ватанабэ Ю и дразнили его. Эти мысли были дурными, но он позволил себе на несколько секунд погрузиться в фантазии, а затем посмеялся вместе с рыбаками над своей ошибкой. Потом снова взял нож и вернулся к работе.

Никто не сказал Ватанабэ Ю, что кромсать на части череп кита не нужно, достаточно отрезать

жир. Но он уже устал. Тело пылало, как в огне, он был весь мокрый, его то и дело задевали веревки, над ним все смеялись. Физические и моральные силы таяли. Но он словно бы вошел в раж. Превратился в робота, который помнит только последнюю инструкцию — резать кита.

Он ударил раз, затем еще, но теперь сжимал рукоятку крепче, и зазубренный клинок не отскочил, а вонзился в кость. Длинная рукоятка послужила рычагом. Ватанабэ надавил, и часть черепа отскочила, открывая его взору странную картину.

Черепная коробка была наполнена странным желе: белесым, полупрозрачным, черным, красным и местами зеленым. Эти фрагменты складывались в причудливую форму, похожую на какую-то абстрактную скульптуру. Похоже, оно заменяло мозг киту и прорастало внутрь. Ватанабэ Ю уронил нож, наклонился и заглянул в череп: сплошное желе…

Мысль молнией пронеслась в его голове, он наконец понял, почему горбач вел себя, как полоумный. Ему захотелось рассказать окружающим об этом открытии, он обернулся и посмотрел на рыбаков, стоявших в два ряда рядом с китом, и Фудзивару наверху. Уже открыл рот, затем в его

глазах потемнело, и он рухнул на палубу.

Когда очнулся, то лежал в каюте, но не своей. С койки можно было увидеть потолок со встроенными светильниками. Люминесцентные лампы излучали голубовато-белый свет, который заставил Ватанабэ Ю зажмуриться. Он хотел что-то сказать, но изо рта вырвался только стон. Руки и ноги казались будто чужими, и у него совсем не осталось сил пошевелить ими. Ватанабэ Ю закрыл глаза, все произошедшее до того, как он потерял сознание, превратилось в осколки, лоскуты, которые не удавалось упорядочить во времени. Обрывочные фрагменты напоминали калейдоскоп, из них складывались бесчисленные образы, но общую картину установить не удалось. Он потерялся в своих мыслях, и обрывки воспоминаний захлестнули его, закружив в водовороте. А потом он быстро открыл глаза и вернулся в реальность.

Над ним нависло чье-то лицо.

— Пришел в себя? — спросил Фудзивара.

Ватанабэ Ю кивнул, чувствуя прилив тепла. С самого детства никто о нем так не заботился. Когда он заболел, отец дал ему немного денег и велел поехать в больницу. А сейчас этот чужой мужик действительно волновался о нем сильнее,

чем родной дядя.

Но в следующую секунду его сердце похолодело, а все тело словно заковало в панцирь из тысячелетнего антарктического льда.

Фудзивара достал из кармана небольшой черный диск и положил перед Ватанабэ Ю.

Его миниатюрную видеокамеру.

— Что это? — спросил Фудзивара. — Нашел это на твоей одежде, когда отводил тебя в каюту.

— А сам что, не понимаешь? — раздался чей-то насмешливый голос.

Ватанабэ Ю обернулся — это был Кэйта. Когда-то он считал его единственным другом среди всего экипажа, но сейчас, когда он встретился с ним взглядом, тот уставился на него хищно, как стервятник на умирающую добычу.

Ватанабэ Ю отвел глаза и посмотрел на Фудзивару.

— Это… — сказал он хриплым голосом. Он облизнул губы и обнаружил, что они сухие и потрескавшиеся. Непонятно, сколько он пролежал в отключке. Но это не самое главное. Самое главное — придумать объяснение. Он ломал голову, пытаясь найти оправдание. — Это…

— Да заткнись ты уже! — прервал его Кэйта. Он держал в руке мобильный телефон, и на экране

воспроизводилась запись, которую Ватанабэ Ю сделал на борту.

Он закрыл рот, но Кейта не собирался отставать. Сунул телефон Фудзиваре под нос и тыкнул в экран со словами:

— Посмотри, ты выглядишь очень грозно.

Тот нетерпеливо махнул рукой:

— До дыр уже засмотрели. Выключи!

— Ладно. — Кэйта выключил телефон и сказал Ватанабэ Ю: — Возвращаю!

Он произнес это почти весело, но швырнул телефон с силой. Ватанабэ был дезориентирован, не то, чтобы поймать трубку, но даже поднять руку, чтобы загородить лицо, был не в состоянии. Ему удалось разве что повернуть шею и наклонить голову. Телефон ударился о надбровную дугу, в глазах потемнело, а затем по лицу побежала теплая струйка, и только тогда он медленно поднял руку и вытерся.

— Кэйта! — прикрикнул Фудзивара. — А ну выметайся!

Тот фыркнул, развернулся и вышел из каюты, но вскоре вернулся и взял телефон с кровати Ватанабэ Ю со словами:

— Я не дам тебе удалить улики.

— Этот парень... — Фудзивара смотрел вслед

Кэйте. — Действительно считал тебя другом, но ты предал его.

Ватанабэ Ю был потрясен. Его только что глубоко ранило отношение Кэйты, но ведь это правда — это он совершил предательство первым.

— Дядя Фудзивара… Я делал это на благо деревни.

Старший серьезно посмотрел на Ватанабэ Ю. Спустя долгое время сказал:

— Думаешь, ты первый, кто так говорит? Ты такой же, как твой отец. Не надо было с самого начала тебе верить. Ты попал под дурное влияние чужаков. В последние годы появилось много таких умников, желающих приехать в нашу деревню, чтобы тайком поснимать. Но они просто не понимают наших традиций. И тут нас подставил наш же земляк. — Фудзивара сделал логическое ударение на слове «земляк».

Ватанабэ Ю на какое-то время почувствовал себя виноватым, опустил голову и смотрел на кровь со лба, капающую на одеяло. Одна капля, две капли.

— Как мой дядя?..

— А сам-то как думаешь? — спросил Фудзивара, вздохнул, встал и приготовился покинуть каюту.

— И что со мной будет?

Фудзивара остановился, но не обернулся. Ватанабэ Ю пришлось долго ждать, прежде чем услышать слова старшего:

— Давай поговорим, когда вернемся.

Он запер за собой дверь каюты. Замок дважды щелкнул. Ватанабэ Ю поместили под домашний арест.

Пролежав долгое время, он восстановил силы. Скатился с койки. Эта одноместная каюта, видимо, предназначалась для Фудзивары. Небольшая, но довольно сносная. Помимо кровати в каюте стоял узенький стол. Ящики были пусты. То ли Фудзивара все убрал, то ли у него вообще не было личных вещей.

Через иллюминатор у изголовья виднелось море. Судя по высоте, это, вероятно, третья палуба. Ватанабэ Ю прикинул размер. Иллюминатор был лишь немного больше его головы и наглухо запечатан. Если бы он захотел сбежать отсюда, ему пришлось бы разбить стекло и сломать себе обе ключицы. А затем вылезти из иллюминатора, прыгнуть на три метра вниз в воду, спастись от всех океанских обитателей, которые заинтересуются им, и добраться до ближайшего континента. Это если не считать сильных холодов…

Ватанабэ Ю покачал головой, отгоняя безумные мысли. Хотя в каюте было немного свободного пространства, она казалась крохотной и жалкой. Он несколько раз обошел вокруг, но фактически просто совершил поворот на месте, но даже это вызвало чувство усталости, поэтому он вернулся к кровати и лег на спину.

И тут вдруг у него мелькнула мысль. Он вспомнил, что под слоями термокостюма есть потайной карман.

Ватанабэ Ю достал второй сотовый телефон и втайне порадовался, что рыбаки не стали проводить тщательный обыск. Он включил его, и на монохромном экране появилась заставка с огромными пикселями, но он так и завис на этапе поиска сигнала.

Это открытый океан, близ Антарктики, сотовая связь тут почти недоступна. Но Ватанабэ Ю все же набрал текст, нажал «Отправить», а затем поднес телефон к иллюминатору, надеясь, что ему повезет найти сигнал.

Полтора дня спустя Энди Райли получил сообщение:

«Раскрыт, миссия провалена, под домашним арестом. Извини».

(24) Встреча

Ли Шили вернулся в арендованную квартиру. После нескольких дней в дороге мысли путались. Он поставил рюкзак у двери, вошел, налил себе стакан воды и прилег на диван, чтобы отдохнуть, прежде чем понял, что в доме что-то не так.

Слишком чисто. Даже он сам никогда не содержал квартиру в такой чистоте.

Чэнь Янь прожил здесь больше десяти дней, и квартира не превратилась в свинарник!

Вероятно, он нашел домработницу, которая помогала с уборкой.

— Братец! — позвал Ли Шили, но никто не ответил. Чэнь Янь, вероятно, куда-то вышел.

Он навел везде такой порядок, что Ли Шили чувствовал себя как в гостях. Взял рюкзак, но побоялся ставить на стол, очень уж пыльный. Оставил рюкзак на полу и достал собранные образцы.

«До горизонта моя любовь, и цветы распустились у подножия гор…»

Внезапный звонок напугал Ли Шили, но он поднял трубку:

— Алло?

— Это Чэнь Янь?

— Чэнь Яня здесь нет, — Ли Шили на автомате ответил по-китайски, даже не отдавая себе отчета, что собеседник задал вопрос на английском.

— Что? — Звонивший явно не понимал по-китайски.

— Ой, простите, Чэнь Яня сейчас нет, он ушел, — ответил Ли Шили по-английски. Как и коллега, он свободно читал по-английски, но говорить — совсем другое дело.

— Тогда ты наверняка Ли Шили. А я — Энди Райли. Твой друг спас моего друга.

Чэнь Янь что-то говорил об этом, но Ли Шили ничего не понял и нерешительно сказал:

— Да не за что.

— Ну уж нет. Мои друзья хотят лично сказать спасибо. Они, наверное, уже у твоей двери.

— А? Что? У дверей моей квартиры? Подождите, а вы вообще кто? — То, что Энди звонил по телефону, казалось естественным, но Ли Шили предпочел бы столкнуться с новым оползнем, чем с визитом иностранца.

А эти неведомые «друзья» явно были иностранцами.

— Скоро будут. И расскажут все подробно, —

Энди повесил трубку.

Ли Шили, держа в руках мобильник, издававший короткие гудки, слонялся по комнатам, чувствуя, что не готов принимать гостей. Ему нужно начать новую жизнь, но он не знал, как.

Его привел в себя звук ключа, повернувшегося в дверном замке. Он стоял в гостиной, глядя прямо на дверь. Та открылась, и вошел Чэнь Янь, неся два бумажных пакета. При виде Ли Шили он вздрогнул. Положил бумажные пакеты к своим ногам и радостно сказал:

— Братишка, ты вернулся! Я думал, ты еще там!

Ли Шили смотрел через плечо Чэнь Яня. У двери стояли два незнакомца: высокий блондин и молодой человек азиатской наружности. Паренек крепкого телосложения внешне очень походил на китайца, но что-то в его внешности было не так.

Чэнь Янь проследил за взглядом Ли Шили и спросил:

— Кто вам нужен? — Он повернулся к коллеге: — Я видел их двоих, когда только что поднялся наверх. Кажется, они кого-то искали.

— Тебя они искали, — пролепетал Ли Шили.

Крупный мужчина вошел в комнату, посмот-

рел на двух китайцев и спросил по-английски:

— Кто из вас Чэнь Янь?

Чэнь Янь не ответил, но Ли Шили указал на старшего коллегу.

Ральф улыбнулся фирменной улыбкой, выглядя безобидным, подошел и заключил Чэнь Яня в медвежьи объятия.

Тот трепыхался в его руках и с мольбой смотрел на друга. Ли Шили сказал:

— Только что позвонил человек по имени Энди и сказал, что тот парень, которого ты спас, намерен прийти и лично поблагодарить тебя!

— Спас… — удивленно повторил Чэнь Янь. — В Тихом океане?

Ральф разжал объятия и представился:

— Я Ральф, Ральф Гейбл. Ты спас меня.

— Ой, ну что вы… — Чэнь Янь смутился и указал на Ли Шили: — На самом деле он спроектировал тот агрегат. Без него у вас не было бы шанса послать сигнал.

— Тогда и тебе тоже спасибо! — Ральф обнял Ли Шили.

— Вы его переводчик? — Чэнь Янь спросил у Кованы.

Парень улыбнулся и, не говоря ни слова, посмотрел на Ральфа и Ли Шили.

Чэнь Янь повторил по-английски, и Кована сказал:

— Нет, меня зовут Кована, и я воин-инуит.

Ральф обнял паренька за плечи:

— Это мой друг. Мы познакомились на острове.

— На «Циндао»? — удивленно переспросил Ли Шили. — Ты тоже был там? А как ты туда попал?

— Мой дом за Полярным кругом. Однажды я отправился на охоту за тюленями, и айсберг откололся. Я доплыл на айсберге до острова, — пояснил Кована. — Ты и меня спас.

— Вот уж не думал!

— Еще бы! — сказал Чэнь Янь.

— После ваших рассказов захотелось съездить посмотреть, что там и как, — ответил Ли Шили.

После того, как все четверо представились, в комнате внезапно возникла небольшая неловкость. Все переглядывались, не зная, с какой темы начать.

Чэнь Янь умел завязывать беседы:

— Конфуций говорил: разве не радостно встретить друга, прибывшего издалека? Давайте сходим пообедать, потрещим, ну, то есть поговорим. Мы, китайцы, привыкли слушать истории за обеденным столом.

Недалеко находился ресторан, где подавали жареную утку по-пекински, и пусть это не был филиал какого-то крупного бренда, утку там обжаривали до хрустящей корочки, а по вкусу готовое блюдо не уступало популярной сети «Цюаньцзюйдэ», так что место пользовалось известностью во всем Лушане.

Они заняли отдельный кабинет, чтобы отгородиться от шума в общем зале. Чэнь Янь принес две бутылки хорошей водки и разлил по бокалам, Ли Шили не умел пить и боялся переусердствовать. Ральф попробовал и похвалил напиток.

Чэнь Янь спросил Ральфа, как тот оказался на острове. Американцу нечего было скрывать, поэтому он рассказал о спасении дельфинов.

Ли Шили и Чэнь Янь обычно от скуки смотрели фильмы и не ожидали, что рассказ человека, сидящего напротив, не будет уступать сценарию самого крутого боевика.

История Кованы оказалась еще более странной: он фактически проплыл от Северного Ледовитого океана до Тихого на айсберге.

Они успели немного поговорить, когда принесли мясо, зажаренное на фруктовых дровах, румяную, блестящую и ароматную. Шеф-повар сначала показал всем утку целиком. Чэнь Янь

жестом велел ему уделять больше внимания иностранным гостям.

Шеф принялся резать птицу. Кожица хрустела, кусочки получались такими ровными, что просто загляденье, и на каждом оставался фрагмент кожицы.

Ни Ральф, ни Кована никогда не видели ничего подобного, и оба смотрели во все глаза.

Пользуясь случаем, Чэнь Янь шепнул Ли Шили по-китайски:

— Да Ли, я решил больше не проводить эксперименты.

— А? — Ли Шили какое-то время молчал. — Что ты сказал?

— Я больше не планирую проводить эксперименты.

— Тогда что ты собираешься делать?

— Буду работать с Лао Ся, — улыбнулся Чэнь Янь, — я с ним уже обсудил. У него куча дел, и он не всегда может сосредоточиться на проекте. Я подумал: а почему бы и нет? Разве я не справлюсь с административными делами? Ты ж меня знаешь, у меня еще есть кое-какие способности в этой области.

— А как насчет исследований?

— Это по твоей части.

Чэнь Янь похлопал Ли Шили по плечу и сказал:

— Я все придумал. Лучше сначала побегать, зато потом ускорить ход проекта. Ты ведь не торопишься. Новую лабораторию оснастят для тебя очень быстро. Лучшую в мире!

— Ты прав, но… — нахмурившись, Ли Шили засунул руку в карман брюк и сжал стеклянную бутылку с образцом.

Что касается ужина с иностранцами, тут Чэнь Янь показал себя во всей красе. Хорошо, что он наконец понял, чего хочет. Если бы это случилось месяц назад, это было бы великолепным решением для всех троих. Но теперь у Ли Шили появились более насущные дела.

— В чем дело?

— Дома я кое-что увидел, и теперь хочу изменить направление исследования, — сказал он.

Ломтики утки аккуратно разложили по четырем тарелкам. Голову разрезали пополам и, по правилам, сперва предложили гостям. Кована не мог больше ждать, взял половину утиной головы, положил ее в рот, пережевывая мясо вместе с костями. Ральф вспомнил о птице, которую инуит с аппетитом ел на острове, замахал руками и отказался от предложения.

Ли Шили рассказал Чэнь Яню о том, что видел дома.

Тот выслушал, параллельно уча иностранцев, как есть жареную утку: сначала намазать блинчик соусом, затем выложить на него жареное мясо, добавить измельченный зеленый лук и огурцы, свернуть блин и сунуть в рот. Маслянистый аромат жареной утки сочетается с густым соусом, освежающим огурцом и зеленым луком, а вкусы смешиваются. Как только Кована откусил кусочек, его глаза загорелись, он торопливо доел один блин, а затем принялся намазывать второй.

Ральф спокойно ел, запивая водкой. Видя, что Ли Шили никак не наговориться с Чэнь Янем, он не мог перебивать.

Кована продолжал и дальше сражаться с блинами, обляпывая все вокруг соусом.

Чэнь Янь остановил инуита:

— Я покажу, как удобнее.

Он взял блин и поднес к широко открытому рту, затем взял палочками два куска утиного мяса, обмакнул его в сладковатый бобовый соус и сунул вместе с блином в рот. Вкус теста уже во рту смешивался со вкусом птицы, получалось почти то же самое, как если свернуть.

Кована последовал его примеру, все пошло гораздо более гладко, но все равно он выглядел очень забавно.

Все с улыбкой смотрели на него.

Ли Шили спросил Чэнь Яня:

— Посоветуй, что мне делать?

Тот поднял бокал и чокнулся с Ли Шили:

— Давай поговорим об этом позже, а сейчас развлечем наших друзей.

Ли Шили отпил и кивнул.

Выпив и поев, все четверо некоторое время болтали. Чэнь Янь и Ли Шили рассказали о направлениях своих исследований. Ральф уже частично получил сведения от Энди. Он видел последствия загрязнения в Тихом океане, так что с одобрением относился к двум молодым ученым.

В Лушане не так уж много достопримечательностей, поэтому Чэнь Янь решил пригласить Ральфа и Кована в пещеры на окраине. Это типичный китайский способ развлечь друзей.

Американец махнул рукой и отказался, сказав, что Энди забронировал билеты для него и Кованы и они планируют посетить Пекин.

Хотя они только что познакомились, Ральф нравился Чэнь Яню и Ли Шили. Он вел себя открыто, словно они были знакомы уже много лет. Кована

был немного замкнутым и совсем еще юным, как младший братишка.

Поняв, что гости не могут остаться, ученые отвезли новых друзей на вокзал и некоторое время поболтали, прежде чем неохотно попрощаться.

Ральф и Кована прошли в зал ожидания и нашли уголок, чтобы сесть. Американец достал сотовый телефон и спросил Энди:

— Ты же перевел все, о чем они там сейчас говорили?

— Ты их подслушивал? — удивился Кована.

— Профессиональная деформация, — Ральф усмехнулся. Он не понимал по-китайски, но во время ужина записал разговор между Ли Шили и Чэнь Янем на диктофон, а затем отправил его Энди на перевод.

— Да там ничего особенного. Парень обнаружил на побережье странную болезнь, которая, вероятно, связана с пластиком в океане. Он планирует провести исследования в этой области, — сказал Энди. — Ральф, это действительно подло с твоей стороны.

— Мы можем чем-нибудь им помочь? — Ральф проигнорировал обвинения в свой адрес. — Они мне очень понравились.

— Я подумаю, — сказал Энди.

Поезд подъезжал к станции, и люди в зале ожидания внезапно выстроились в очередь у входа на платформу.

Кована удивился:

— Я никогда раньше не видел столько людей.

— Население этой страны составляет одну целую и четыре десятых миллиарда человек, хотя ты вряд ли можешь представить подобную цифру, — сказал Ральф. — Но ты поразишься, сколько народу в Пекине.

Пока он говорил, его мобильник снова зазвонил. Он взял трубку, буркнул несколько слов, а затем вздохнул:

— К сожалению, мы не сможем поехать в Пекин.

— Почему? — спросила Кована.

— Мы должны вернуться в море и спасти друга.

(25) Суд

В последние несколько дней Ватанабэ Ю понятия не имел, что происходит на корабле. Он так и сидел в каюте, его кормили два раза в день. Периодически заходил Фудзивара. Кэйта тоже появился дважды, но потоптался у двери и не стал ее открывать. Только холодно посмотрел на пленника через маленькое окошко, словно на заключенного.

Дядя не показался ни разу, и Ватанабэ не знал, что с ним.

Корабль подплывал к Антарктике. Из иллюминатора было видно все больше льдин, а солнце шпарило не по-детски. Дни стали до смешного длинными, а ночи убого короткими. Иногда только задремлешь, как уже рассветает.

Энди Райли прислал сообщение: «Береги себя». И больше ничего. Ватанабэ Ю хотел отправить ему еще что-то, но сигнал пропал, он был отрезан от внешнего мира.

Хотя он находился под арестом, кормили его неплохо. Он мало двигался, а питание предназначалось морякам с учетом активного физического

труда и было довольно калорийным, чтобы восполнить энергию и не дать замерзнуть. Ватанабэ Ю почти восстановил свои силы, и травма на спине больше не беспокоила.

В тот день он оперся грудью на стол, разделил объедки на две команды, и играл в войнушку. В коридоре снаружи послышался шум. Ватанабэ Ю продолжил играть, но шум не стихал. Он встал и выглянул в маленькое окошко в двери. В коридоре стоял Фудзивара, а рядом с ним два или три человека. Это были его земляки из Унадзавы. Ватанабэ попытался рассмотреть что-то еще, но, к сожалению, как ни старался, окно было слишком маленьким.

Фудзивара какое-то время жарко спорил о чем-то, а затем закрыл рот, повернул голову и посмотрел в его сторону. Ватанабэ Ю встретился с ним взглядом и в глазах старшего прочитал беспомощность и вину. Фудзивара обернулся, подошел к двери и открыл ее. Пленник подумал, что он вот-вот войдет, поэтому сделал два шага назад и уступил место в узкой каюте.

Но Фудзивара не двинулся вперед. Ватанабэ Ю услышал его шепот: «Извини». Затем он отошел в сторону. Несколько крупных парней, примерно такого же роста, как Фудзивара (Ватанабэ Ю

вспомнил, что это были рыбаки из двух других деревень), протиснулись мимо него, схватили пленника и выволокли наружу.

Он забился в их железной хватке, пытаясь вырваться на свободу. Но вскоре его так ударили в живот, что, казалось, выбили весь дух. Дожив до своих лет, Ватанабэ Ю никогда не сталкивался с подобным насилием. Он скрючился от боли, как креветка. Здоровяку, который ударил его, было плевать. С небольшим усилием он поднял несчастного. Парни держали его слева и справа и потащили на палубу так, что ноги не касались пола.

Ватанабэ несколько дней провел в душной каюте, и теперь почувствовал свежесть морского бриза, но вскоре она сменилась лютым холодом. Непромокаемая одежда, одолженная ему Фудзиварой, осталась в каюте, его вытащили в одном исподнем. На палубе молодого человека привязали к вентиляционной трубе. К другой, менее чем в десяти метрах от него, был привязан еще один человек с опущенной головой — дядя Рё.

— Дядя, — позвал Ватанабэ Ю.

Веки у того дрогнули, и он неохотно поднял голову. При виде племянника мужчина улыбнулся. Из его потрескавшихся губ потекла кровь.

Непонятно, сколько он тут уже был привязан.

— Наконец-то и тебя вытащили, а то я сказал, что несправедливо страдать в одиночку, — просипел дядя.

— Что случилось?

— В этом году улов закончился. Они хотят найти козла отпущения… — Дядя подумал. — Принести в жертву…

— Что?!

— Разве ты не понял? — Рё слизнул кровь с губ. — Пойманного в тот день горбача вообще нельзя употреблять в пищу. Мясо загрязнено. Противно смотреть. — Он сплюнул красным. — После этого все пойманные киты были одинаковыми. Я не знаю, что там у них внутри. Некоторые говорили, что это рак, но вряд ли. На ощупь похоже на пластик. В любом случае, что бы это ни было, если попадаются только такие, то поездка напрасна.

— Я тоже видел эту штуку у него в голове. Я чувствовал, что горбач в тот день вел себя ненормально, потому что его мозг пострадал от этого существа, он начал сходить с ума.

Дядя немного подумал и кивнул:

— Разумное объяснение, вот только они не верят. Они скорее поверят, что кто-то оскорбил Бога Урожая, поэтому тот наказал их, позволив

им ловить рыбу, но не есть ее… — Дядя многозначительно посмотрел на Ватанабэ Ю. — Поскольку ты мой племянник, я отвечаю за все твои ошибки…

— Прости меня… Слушай, а как они собираются приносить жертву? Они что, решили нас прикончить?

Рё взглянул на другой конец палубы и усмехнулся:

— Пока еще колеблются. Жалкая кучка трусов, даже не могут принять решение. Я на их месте давно бы уже решился.

— Дядя… ты… — Ватанабэ Ю посмотрел на Рё и внезапно почувствовал, что совсем не знает человека перед собой. — Убийство — это преступление.

Тот дважды хохотнул:

— Это открытое море, кого волнует закон? Закон запрещает китобойный промысел уже пятьдесят лет, и что?

— Они… действительно собираются нас убить? — Ю внезапно почувствовал, что у него пересохло в горле. Спина была прижата к металлической вентиляционной трубе и потеряла чувствительность от холода, но сейчас ему показалось, будто по позвоночнику медленно ползет

паук, многоножка или какая-то тварь в этом роде.

— Пока нет… — Дядя вдруг остановился и посмотрел на другой конец палубы, презрительное выражение на его лице исчезло, сменившись растерянностью и паникой.

— Что? — Ватанабэ Ю проследил за взглядом своего дяди. Группа людей собралась под штурвальной рубкой и о чем-то беседовали.

Нет, говорил один человек. Кэйта стоял посреди толпы и что-то им втирал, а остальные внимательно слушали.

Двое парней перед ним внимали его словам. Ватанабэ Ю вспомнил, что это старшие из двух других деревень. Рябого звали Окубо, а невысокого мужика постарше — Такэнака. Он не мог вспомнить.

Ватанабэ Ю вздохнул.

— О чем они говорят? — спросил Рё.

— А ты же не знаешь… — Ватанабэ Ю посмотрел туда, его взгляд перемещался вверх и вниз вместе с мобильным телефоном, покачивающимся в руке Кэйты.

— Хм, — скривил губы дядя, — меня привезли сюда на следующий день. Я не знаю, что произошло на корабле…

— Ну… — помялся Ватанабэ Ю. — На самом деле я попросился в море, преследуя другие цели.

Он вкратце рассказал дяде, как у него нашли микрокамеру, а затем хотел объяснить, почему это сделал, но дядя вдруг рассмеялся.

— Я знал, что ты не просто так нарисовался. Ну, парень, я недооценил тебя. У тебя действительно смелости не занимать. — Дядя перевел взгляд на палубу. — Но скоро твоему таланту крышка. Ты помог им принять решение.

Небольшое собрание, казалось, закончилось, и к ним направилась группа рыбаков. Окубо шел впереди, Кэйта за ним, а затем рыбаки из двух деревень. Фудзивара и моряки из Унадзавы стояли в углу палубы, казалось, их так же изолировали, как и Ватанабэ Ю.

Проходя мимо стойки с инструментами, Окубо достал длинный нож, взвесил его в руке, а затем продолжил идти в их сторону. Ватанабэ Ю вспоминал, какое удовольствие испытывал, когда лезвие впивалось в плоть и кости. Он понимал, что если долго этим заниматься, то вполне можно вонзить клинок и в человека, не видя никаких психологических барьеров.

Нож поблескивал и покачивался в такт шагам Окубо. Глаза Ватанабэ Ю затуманились от слез:

— Дядя, мне очень жаль…

— Ну, а я-то только что тебя нахваливал, — хмыкнул дядя.

«Я просто надеюсь, что нас не будут пытать», — подумал Ватанабэ Ю, но ничего не сказал вслух, оторвал взгляд от лезвия и посмотрел вверх.

Это был солнечный день, голубое небо с легкими облаками. Солнце светило в спину, тень от трубы падала перед ним. Корабль не набрал полной скорости, а шел медленно, за бортом раздавался равномерный плеск волн, время от времени перемежавшийся с ударами льда о корпус.

Все было тихо и мирно.

Ватанабэ Ю закрыл глаза, надеясь, что это будет последнее впечатление, которое оставит в его сознании мир. Шаги Окубо приближались. Но к ним внезапно присоединился какой-то искусственный шум. Ватанабэ Ю прислушался. Это было тихое жужжание. Слабенькое, будто комар летает по комнате. Но услышав его, игнорировать звук было уже невозможно.

Он снова открыл глаза, попробовал извернуться и осмотреться.

— Наберись мужества, не бойся, — принялся распекать его дядя, поскольку подумал, что пле-

мянник сник перед лицом смерти.

— Там вроде что-то есть… — сказал Ватанабэ Ю. Его внимание привлекло маленькое черное пятно в небе. Это оно было источником гула. — Дядя, посмотри туда, — он мотнул подбородком.

Дядя прищурился, потом снова засмеялся:

— О, это они!

— Кто?

— Волонтеры против китобойного промысла.

Прежде чем его дядя договорил, в поле зрения Ватанабэ Ю появилась бутылка из-под вина. Это было так странно, что немедленно привлекло не только его внимание, но и всех остальных на палубе. Она прилетела из-за левого борта, крутясь в воздухе, ее корпус блестел на солнце. Парень проследил за бутылкой, которая очертила дугу в воздухе, и увидел, как она падает и разбивается.

Какая-то жидкость хлынула на палубу.

— Это… — Ватанабэ Ю уже открыл рот, чтобы спросить дядю, но вонища стояла такая, будто по его обонятельным рецепторам проехался мусоровоз, он задыхался, из глаз текли слезы, а нос заполнился соплями.

Потом упали вторая и третья бутылки, и на палубе воцарился хаос.

Вонь становилась все сильнее и сильнее, словно

была осязаемой. Нос и горло Ватанабэ Ю горели, глаза дико слезились, он ничего не видел.

Теперь он скорее умер бы, чем дышать таким…

После первой атаки Окубо и Такэнака быстро организовали рыбаков, чтобы убрать осколки с палубы. Судя по тому, как слаженно они действовали, складывалось впечатление, что им уже не первый раз приходилось противостоять борцам с китобойным промыслом. Пока все были заняты, никто особо не следил за пленником.

Он боролся с вентиляционной трубой, но ослабить веревки не удавалось. После такой возни ему надо было продышаться, чтобы восполнить запас кислорода. Хотя водяной пистолет под высоким давлением продолжал мыть палубу, в воздухе по-прежнему стояло зловоние. Ватанабэ Ю закрыл рот и потихоньку дышал носом. Он пытался свести раздражение рецепторов к минимуму, а не то не останется сил думать о побеге.

Несмотря на это, ритм дыхания не позволял удовлетворить потребность организма в кислороде. Перед глазами все потемнело, в голове пульсировала боль. Он открыл рот, пытаясь сделать глубокий вдох. Неожиданно ему сунули в рот кусок грязной тряпки, источавший омерзительный запах тухлой рыбы. Ватанабэ Ю

энергично затряс головой, пытаясь выплюнуть кляп, но кто-то шепнул ему на ухо: «Не создавай проблем, тогда продышишься нормально». Это был голос Фудзивары.

Ватанабэ Ю перестал сопротивляться и сопел через мокрую тряпку: она хоть и была грязной, но все равно пахла гораздо лучше, чем жидкость в бутылках. Он восстановил дыхание, повернул голову и увидел стоящего рядом с ним Фудзивару, который обмотал вокруг носа и рта полотенце. Старший придерживал ткань одной рукой, а второй разрезал веревки.

— Дядя… — промычал Ватанабэ Ю, рот его был плотно закрыт, но он нашел-таки возможность обратиться к Фудзиваре.

— Не волнуйся, они все заняты, сейчас тебя освободим.

— М?

— Эти дураки сами не умеют ловить рыбу, а во всем винят нашу деревню. Неужели нас так легко запугать?

— Зачем ты им меня отдал? — промычал Ватанабэ Ю.

— Ну, тогда они были в большинстве, — объяснил Фудзивара, взмахнул рукой, и веревка развязалась. — Вот так!

Парень расслабился, и путы, туго обмотанные вокруг запястий, соскользнули вниз. Он прикрыл рот, повернулся лицом к Фудзиваре, и тут за его спиной материализовался Кэйта.

— Все предатели… — холодно сказал тот.

Кэйта задрожал, но, поскольку Фудзивара загораживал обзор, Ватанабэ не мог видеть движений бывшего приятеля. Но выражение лица у него внезапно изменилось: он нахмурился, а глаза недобро блес-нули.

— Давай, малыш, — сказал Фудзивара, затем ударил Кэйту локтем в лицо, развернулся и бросился на него. Ватанабэ Ю увидел на его спине три дыры, из которых хлестала кровь, окрасившая оранжевую робу в темно-красный цвет.

Пленник в панике попятился и наткнулся на дядю, привязанного к вентиляционной трубе. Рё кашлянул, напугав племянника.

— Дядя! Я тебя отвяжу!

Он обогнул трубу. Руки дяди были завязаны сложным морским узлом. Он вспомнил, что, когда впервые взошел на борт, именно Кэйта учил его завязывать и развязывать подобные путы, но теперь Ватанабэ все позабыл, ковырял веревку замерзшими пальцами, но она не поддавалась, будто была изготовлена из стали.

— Эй! — окликнул его дядя, горло у него садни-ло, и голос стал таким хриплым, будто голосовые связки полировали наждачной бумагой. — Беги быстрее!

— Нет! — ответил Ватанабэ Ю. Он посмотрел в сторону и увидел, что в битве определился победитель. Доходяга Кэйта. Фудзивара лежал на спине, его тело все еще дергалось, и кровь лилась из ран на животе. Пятна от нее сливались с застарелыми потеками на палубе.

Кэйта держал в руке длинный нож. Лезвие и рука были залиты кровью. Она стекала по клинку и капала на палубу.

— Ты у нас самый умный? — сказал Кэйта, при-ближаясь шаг за шагом. — Ну, скажи мне, что ты сейчас думаешь.

Ватанабэ Ю отчаянно пытался развязать верев-ку, но безуспешно: он ободрал кожу, вывернул ноготь, но не чувствовал боли, поскольку руки ужасно замерзли.

— Давай быстрее! — велел дядя.

— Да, давай быстрее, — передразнил Кэйта.

Ватанабэ Ю подобрал гнилую тряпку и швыр-нул ее в Кэйту, но она помешала ему всего на секунду.

Кровь сочилась из пальцев, веревка стала

скользкой, и Ватанабэ Ю понимал, что не сможет развязать узел.

— Дядя, — взмолился он в отчаянии.

— Все хорошо, иди уже… — тихим голосом велел дядя.

— Дядя!

— Да иди ты уже! Ты мужик или нет?!

Ватанабэ Ю попятился.

— И куда ты собрался? — хмыкнул Кэйта.

Парень оглядел палубу: Фудзивара перестал дергаться, дядя связан и умирает, а единственный друг идет к нему с ножом и намерением убить.

На корабле для него нет места.

Он посмотрел в сторону борта, и Кэйта сразу понял, о чем тот думает.

— Прыгай, у тебя еще есть шанс выжить.

Ватанабэ Ю засомневался, сделал несколько шагов и остановился. Ограждение на высоте семи-восьми метров над водой, а внизу бесчисленное множество льдин.

Но Кэйта не дал ему подумать, поскольку в три счета преодолел разделявшие их метры и взмахнул ножом. Кровь с его кончика попала на лицо Ватанабэ, и она была ледяной.

Он волей-неволей попятился к борту, Кэйта не спешил его убивать, наслаждаясь паникой и

отчаянием жертвы, словно играл с добычей.

— Прыгай! — прошипел Кэйта. — Ты принес несчастье этому кораблю и хочешь тайно снимать нас и показывать всему миру. Вся команда хочет убить тебя, но не я. Я хочу, чтобы ты остался жив, но тебе было больно.

Он высунулся через ограждение и посмотрел вниз.

— Внизу лед. Все зависит от твоей удачи. Скорее всего, ты себе переломаешь… — начал было Кэйта, но тут ему в лоб ударила очередная бутылка. Она отскочила, ударилась о палубу и разбилась, но горлышко сохранило форму.

Хотя Ватанабэ Ю никогда не участвовал в драках, но видел подобное в фильмах — отбившееся горлышко удобно использовать как оружие. Пока Кэйта приходил в себя, он метнулся и подобрал бутылку.

Ватанабэ Ю крепко держал «розочку» в руке и смотрел на противника. От нее исходило зловоние. Ватанабэ Ю терпел и пытался придать лицу свирепое выражение.

Вместо того чтобы испугаться, Кэйта разозлился.

— Думаешь, ты сильнее Фудзивары? Вообще все попутал?

Он сплюнул и бросился вперед. Дальше все произошло слишком быстро. Ватанабэ Ю помнил только вспышку, звук разбивающейся бутылки и прыжок Кэйты, который заполнил собой все поле зрения.

Затем парень почувствовал, что Кэйта душит его, прижимая к ограждению. «Розочка» разбилась, а осколки стекла впились в плоть и сверкали, как алмазы, обагренные кровью. Адреналин перестал оказывать возбуждающее и одновременно притупляющее действие, Ватанабэ Ю постепенно почувствовал боль в руках, но еще сильнее ныл живот, где зияла рана.

Он протянул руку и толкнул Кэйту в лицо, но лишь размазал кровь по его физиономии.

— Я все равно не убью тебя. Прыгай!

Давление на шею ослабло, Ватанабэ Ю вдохнул холодный воздух, небо внезапно закружилось, и он упал головой вперед.

(26) Иголка в стоге сена

От Ватанабэ Ю больше не было никаких вестей. Хотя словосочетание «домашний арест» звучало вполне миролюбиво, Ральф обещал парню, что тому не грозит никакая опасность.

Вместе с Кованой он полетел из Китая в Австралию, но им не удалось найти подходящий корабль. Они обыскали несколько портов, но никто не захотел зайти в антарктические воды, не говоря уже о том, чтобы искать китобоев с неопределенными координатами.

Ральф вспомнил, как проходил службу в рядах «морских котиков». Соединенные Штаты обладают самой мощной военной сетью в мире и могут перебросить войска из любого места на другой конец земли в течение восемнадцати часов. Потому Гейбл никогда особо не думал о транспортировке. Но теперь, даже несмотря на большие суммы от благотворителей, его карманы все равно не были так туго набиты, как у дяди Сэма.

— Искать китобоев? Шутка что ли? Разве японцам уже давным-давно по закону не запрещено заниматься китобойным промыслом?

Никто не верил, что в наши дни найдутся люди, которые будут заниматься таким ремеслом.

— Китовое мясо дрянь еще та, так зачем же они их ловят? — Очередной капитан, отказавший им, но вежливо пригласивший выпить кофе, пытался логически понять их мотивы.

— Китовое мясо очень вкусное. Мои предки в течение многих поколений… — В благодарность за его доброту Кована решил рассказать обо всем подробнее, но Ральф пресек эту беседу.

Они обыскивали Мельбурн три дня, но безуспешно. Поэтому Ральф решил попытать счастья во Фримантле, одном из главных портов Южной Австралии и важнейшем пункте снабжения на пути из Азии в Антарктический регион.

Но тут Энди прислал ему видео, демонстрировавшее бой двух кораблей. Происходящее напоминало морское сражение в эпоху Великих географических открытий: борта соприкасались, а экипажи атаковали друг друга на палубе. Но они не использовали оружие: с маленького корабля бросали бутылки из-под вина, а большой обстреливал противника из водометов так, чтобы вражеская команда даже на ноги встать не могла.

Судя по всему, победил большой корабль.

— На черта ты мне это показываешь? — с недоумением спросил Ральф.

— Посмотри на название корабля.

Ральф перемотал видео: на борту маленькой лодки было написано «Карл Рейн», а название большого состояло из нескольких незнакомых ему квадратных символов.

— Это китайцы? Если я правильно помню, китайские рыболовные корабли уже давно ни с кем не воевали.

— Нет, это японцы. И это «Хаякагэ мару», тот самый китобой, на котором плыл Ватанабэ Ю, — объяснил Энди.

— Отлично! Ты можешь определить координаты корабля?

— Я нашел капитана «Карла Рейна». Они контактировали с ««Хаякагэ мару» три дня назад. Первоначально хотели преследовать китобоя и дальше, но несколько членов экипажа были ранены в бою, так что пришлось вернуться в Новую Зеландию. Однако капитан сообщил, что последнее отмеченное место было недалеко от Южного полярного круга.

— Лучше, чем ничего, но найти корабль все равно сложно. Никто сейчас не хочет идти к полярному кругу.

— Я в курсе, — коротко ответил Энди.

Ральф за годы успел изучить своего напарника, и, судя по всему, тот уже все подготовил и просто ждал от него вопроса.

— У тебя уже есть решение, не так ли?

— Отправляйся в Брисбен, я нашел для тебя транспорт, — сказал Энди.

«Касуга Хикару» оказалась небольшой рыбацкой лодкой. Но состояние ее было гораздо хуже, чем казалось по названию [25]. Корпус проржавел, по ватерлинии шел слой мха. Отметка теперь находилась на высоте полуметра над водой, и корабль напоминал выброшенного на мель. Когда Ральф нашел его возле гавани Мулулаба, то как-то сразу успокоился и только буркнул себе под нос:

— Ну какое еще корыто мог найти для нас скряга Энди.

Когда он вместе с Кованой поднимались на борт, трап скрипел у них под ногами, как будто грозил вот-вот сломаться из-за большой нагрузки.

На палубе стояли раскладной столик, зонтик и шезлонг. На шезлонге лежал какой-то мужик с сигарой во рту. Вдали Мулулаба гудела от обилия

---

[25] Примечания: 25
Название переводится как «Весенний солнечный свет».

грузовых судов, траулеров и тяжелых кранов. Здесь же действительно царило умиротворение — если не обращать внимания на рой мух, вьющихся над головой.

— Вы мой новый босс? — Мужчина встал и сделал вид, что затягивается сигарой. Около пятидесяти лет, высокий и худой, с черными волосами, желтоватой кожей и голубыми глазами.

— Это «Касуга Хикару»?

— А то! — Капитан протянул руку Ральфу. — Такое название придумала моя жена, о, нет, правильнее сказать, моя бывшая жена. Я — Лиам Нгуен.

Ральф пожал ему руку:

— Ральф Гейбл, вы знаете цель нашего путешествия?

— Разве это не просто поездка в Антарктиду? Я часто туда плаваю, — сказал Лиам. — Говорю на четырех языках. Иногда доставляю припасы на китайскую станцию «Великая стена», станцию Моусон [26] и японскую станцию Сёва. Эти ученые круто соображают, но не любят вести учет. С ними приятно иметь дело.

Ральф окинул взглядом «Касуга Хикару» и не

---

[26] Примечания: 26

Моусон — австралийская антарктическая станция в Восточной Антарктиде.

увидел никаких признаков того, что Лиам был проницательным бизнесменом. Он втайне поставил на него клеймо «ненадежного».

Лиам, казалось, увидел сомнения Ральфа и засмеялся:

— Да не смотрите вы, я все профукал, но не жалею, а не то деньги забрала бы моя бывшая женушка, эта вампирша. Лучше уж не иметь ни гроша за душой.

— Умно, — небрежно бросил Ральф и тут же сменил тему. — Когда мы сможем отправиться в путь?

— Как скажете, — улыбнулся Лиам. — Я подготовил все, что нужно. Или у вас есть какие-то особые потребности?

Ральф посмотрел на Кована, который радостно играл со спасательным кругом.

— Не-а.

— Тогда поплыли прямо сейчас! — Лиам быстро спрыгнул с лодки и развязал трос, привязанный к причалу.

— Погоди-ка! — Ральф вдруг почувствовал, что что-то не так, и поинтересовался: — Где остальные члены экипажа?

— Какой экипаж вам нужен? Для такой маленькой лодки меня достаточно, — уверенно заявил

Лиам.

Ральф пожал плечами. В любом случае, он не боялся того, что капитан что-то с ним сделает, а Кована тем более ни о чем не заморачивался. Они наблюдали, как Лиам бегает туда-сюда по палубе, готовясь к отплытию. Наконец четырехтактный дизельный двигатель взревел и выпустил облако черного дыма, лодка задрожала и поплыла прочь из порта в открытое море.

— Что за консервную банку ты мне нашел? — брюзжал Ральф, позвонив Энди.

Капитан давно не выходил в море, но первые пару дней все шло нормально. В свободное время он болтал с Ральфом и Кованой, травил байки о бывшей жене и различных приключениях, которые выпали на его долю. Конечно, самым большим оказалась женитьба. Но чем дольше они плыли, тем страннее он себя вел: Лиам явно скучал по своей «вампирше», напивался до головокружения, обнимал ограждение и рыдал без конца. Ральфу пришлось взять на себя роль капитана, он велел Кване присматривать за Нгуеном, чтобы этот сентиментальный придурок не прыгнул в воду.

— Это единственная лодка, — объяснил Энди. — Больше никто не был готов выходить в

море. Я нашел его по объявлению в Интернете, этот парень настолько беден, что у него даже на топливо денег не было, и на нем огромный долг. Только после того, как я пообещал его погасить, он согласился выйти в море.

— Тебе не кажется, что это подозрительно?

— Я проверил его досье. Он служил в австралийском военно-морском флоте более двадцати лет назад. После выхода в отставку занимался рыболовным промыслом. Досье очень обычное. У него нет ни воинских почестей, ни криминальных следов. Он честный человек. — Энди сделал паузу и добавил: — Твои подозрения у тебя в голове, ты не привык общаться с заурядными людьми.

— Ты прав, — сказал Ральф. — Меня больше интересует его всемогущая бывшая жена, чем он сам. Ничего подобного я еще не слышал.

— Может быть, пригласишь их на ужин по возвращении?

— Мы до сих пор не знаем, кто из них кого ест, — пошутил Ральф. — Кстати, от нашего японского друга есть какие-нибудь новости?

— Пока нет, я дам тебе знать, если будет что-то новенькое.

«Касуга» проплыла еще несколько дней и вошла в район плавучих льдов, близко к точке,

отмеченной капитаном «Карла Рейна». Чтобы предотвратить столкновение лодки с льдинами, пришлось снизить скорость.

Лиам, похоже, избавился от призрака бывшей жены, протрезвел и смог вернуться на должность капитана.

— Ну что, знакомые пейзажи? Ты добрался от самой северной точки земли до самой южной. — Ральф передал бразды правления и обнаружил на палубе Ковану. Они уже несколько дней толком не общались. С другой стороны, на борту их было всего трое, и если бы они напротив постоянно болтали, то все темы для разговоров давно бы закончились.

— Тут теплее, чем у нас, — сказал Кована, глядя на воду.

Инуит нашел подходящее место на лодке: каждый день он сидел на корме, где поставил удочку. То и дело туда подплывали любопытные рыбы, привлеченные звуком пропеллера, и проглатывали наживку.

Особи попадались не большие, самая крупная оказалась всего около сорока сантиметров. Ни Кована, ни Ральф не знали их названий, а Лиам просто сказал:

— Эту, эту и эту можно есть, а вот эта еще слиш-

ком мала.

В итоге время от времени у них на столе появлялась маленькая рыбка из антарктических вод, вкусная, крепкая и не особо костлявая, как крабовое мясо. Кована хотел приготовить для Ральфа и Лиама блюдо по традиционному инуитскому рецепту, однако американец, вспомнив о том, что видел на мусорном острове, вежливо отказался.

Вечером одиннадцатого дня плавания Кована за весь день не поймал ничего, он дремал на корме, держа в руках удочку, и время от времени открывал глаза, а затем обнаруживал, что ему все приснилось. И вот он в очередной раз посмотрел на то место, где свисала леска. Несколько льдин показались немного странными. Это были не белые ледяные глыбы неправильной формы, какие он видел раньше, а плавные дуги, которые в отражении казались розовыми.

Кована вытянул удочку и потыкал в эти дуги, они оказались упругими. Парню стало любопытно, он положил снасти, взял с носа подсак и закинул в море. Подцепить дугу оказалось довольно сложной задачей. Железный стержень, на который крепилась сеть, был тонким и длинным, с силой не поорудуешь. С первого раза инуит промахнулся. К счастью, таких «ледяных глыб»

плавало много, он прикинул относительную скорость лодки, снова закинул сеть и в этот раз попал. Однако инерция едва не вырвала подсак у него из руки. Кована наполовину свесился за борт лодки, но все же успел ухватить сачок покрепче. «Дуга» оказалась неожиданно тяжелой. Остальное не представляло сложности: Кована твердо встал на ноги, потихоньку вытащил «ледяную глыбу» и швырнул ее на палубу.

Она упала с глухим треском. Это оказался здоровый кусок мяса с голубой кожей, розовым толстым слоем жира, под которым виднелись бледные мышцы.

Инуит взял странную субстанцию и с волнением пошел искать Ральфа.

— Посмотри, что я нашел, — Кована швырнул добычу к ногам американца.

Ральф листал на лодке старый порножурнал, приподнял ноги, чтобы кусок не попал на них, взглянул на непонятную ледышку и нахмурился:

— Что это? Откуда ты это взял?

— Там полно такого плавает! — сказал Кована. — Пока возьми это, я еще наловлю.

— Подожди! — крикнул Ральф, но парень уже убежал.

Ральф внимательно рассмотрел кусок мяса, пару раз ткнул в его поверхность, а затем сунул пальцы внутрь, словно что-то ища.

Лиам тоже подошел ближе, увидел розовую массу и вздохнул.

— Знаешь, что это такое? — спросил Ральф.

Лиам кивнул:

— Конечно, мы недалеко от корабля, который вы ищете.

— Это выбросили оттуда?

— Иногда так делают.

— Зачем?

— Обновление запасов или что-то в этом духе.

Ральф, казалось, почувствовал что-то в куске мяса. Он замолчал и сосредоточился. Сделал несколько попыток, но так и не смог дотянуться до того, что внутри, поэтому достал нож и разрезал кусок.

В текстуре мышц виднелся слой мелкой сетки, сложной, как кровеносные сосуды. Ральф потянул, и та отделилась от плоти. На ощупь она оказалась очень жесткой и имела странные цвета. Большая часть была полупрозрачной, но виднелись ярко-красные, зеленые и синие оттенки. Ральф отрезал ножом небольшой фрагмент, потер его в руках и понюхал.

— Это вообще что?

— Никогда раньше такого не видел. — Лиам скривился.

Кажется, это пластик, но Ральф не был уверен, потому что если сетка и правда пластиковая, то как она вросла в мышечные волокна? Нелогично, но других идей у Ральфа не было.

Он вдруг вспомнил об открытии молодого китайца. Неужели странная болезнь, вызываемая морским мусором, о которой упомянул Ли Шили, распространилась по всему миру и даже киты заражены ею?

Пластиковая сетка проникла глубоко в плоть. Ральф ножом аккуратно, по кусочкам отделил ее от мышц. В конце концов получилась изысканная трехмерная сетка, которую не мог бы создать даже продвинутый 3D-принтер.

В это время пришел Кована со вторым куском мяса. Ральф разрезал новую порцию и снова обнаружил то же самое.

— Это можно есть? — спросил инуит.

— Я такое есть не стану, — сказал Ральф. — Много там еще этой дряни?

— Очень! Пошли, сам увидишь!

Гейбл подошел к ограждению и посмотрел туда, куда показывал Кована. В море плавали куски

мяса. Они походили на хлебные крошки, оставленные Гензелем и Гретель из сказки. А на том конце дорожки находился китобойный корабль «Хаякагэ мару».

(27) «Карл Рейн»

Ватанабэ Ю свернулся в кровати, разглядывая пальцы своих ног. Из-за обморожения большой стал черно-фиолетовым и опух, став похожим на морковку странного цвета.

Светловолосая женщина по имени Маша присела рядом с кроватью и ложкой кормила его, кладя в рот пастообразную еду. Он послушно проглотил, но в остальном никак не реагировал на окружающую действительность.

— Когда он упал с китобоя, то ударился головой и у него временная амнезия.

Но на самом деле Ватанабэ Ю помнил всё, но воспоминания путались из-за того, что слишком много всего произошло за короткий промежуток времени. Он не мог отличить реальность от иллюзии.

Правда ли то, что произошло на «Хаякагэ мару»? Фудзивара мертв? Как дядя? Что случилось с тем горбачом?

Эти вопросы следовали сплошной чередой, но прежде, чем приступить к ним, нужно было разобраться с куда более насущной проблемой:

перед ним все-таки палец или морковка?

Он погрузился в собственный мир, и палец ноги являл высшую истину Вселенной.

«Карл Рейн» был судном для борьбы с китобоями, в экипаже которого собрались добровольцы из двадцати одной страны, как опытные ветераны, так и молодые энтузиасты. Их объединяла ненависть к китобойному промыслу, но опыта жизни в открытом море было маловато, некоторые вообще вышли в плавание впервые.

Они заранее проходили тренировки на симуляторе, но в общем-то «Карл Рейн» ратовал за ненасильственные методы воздействия на китобоев, и тренировки отвечали поставленной цели. Но в тот день, когда они наблюдали за «Хаякагэ мару» через дрон, то увидели, как Ватанабэ Ю и его дядю привязывают к трубам. Это было что-то новое. Команда собралась в кают-компании, чтобы с любопытством посмотреть прямую трансляцию судилища, пока Окубо не двинулся к двум заключенным с ножом.

Нужно ли помешать этому? После непродолжительных дебатов большинство добровольцев проголосовали «за», и «Карл Рейн» быстро догнал «Хаякагэ мару», а команда начала забрасывать китобойное судно бутылками со смесью уксусной

кислоты.

В ответ их окатили из водомета высокого давления. Нескольких членов экипажа ранило из-за отсутствия опыта и незнания мер самозащиты. Одну девушку из Осло даже выбросило с палубы, она, к счастью, не получила серьезных травм, но честь и гордость уроженки родного города викингов были сильно задеты.

В результате спонтанного нападения семь или восемь добровольцев были ранены, и экипаж израсходовал большую часть бутылок с вонючей смесью уксусной кислоты. Один волонтер случайно поскользнулся, когда перегружал их, и на него упала целая коробка. От такой высокой концентрации он чуть не задохнулся и получил ожог легких. Сейчас дышал с помощью специальной аппаратуры, но медицинского оборудования на борту не хватало, нужно было срочно вернуться, чтобы пострадавший получил своевременную помощь.

Команда снова проголосовала, на этот раз обсуждение длилось дольше. Никто не желал возвращаться, потому что тогда «Карл Рейн» потеряет след «Хаякагэ мару», а значит, год подготовки коту под хвост, и неизвестно, сколько еще китов успеет погибнуть из-за такого бездействия.

Но никто в итоге не проголосовал против, потому что был не готов рисковать жизнями товарищей ради борьбы с китобоями. Чем бы тогда они отличались от убийц китов?

После обсуждения решено было вернуться.

В кают-компании царило всеобщее уныние, особенно пали духом молодые волонтеры, их энтузиазм резко потух после жестокой неудачи, словно кто-то плеснул ведро ледяной воды на раскаленные угли. Они сели на корабль с желанием спасти китов, но вернулись, даже не увидев этих гигантов. Ситуация была действительно неприемлемой. Некоторые люди даже перенесли свой гнев на Ватанабэ Ю, потому что он был во всем виноват.

Ватанабэ Ю потребовалось три дня, чтобы наконец выяснить связь между морковью и пальцами ног, а именно: они вообще никак не связаны. Теперь он не будет тратить время на этот вопрос, и впервые сосредоточился на чем-то другом. В его узкой каюте стояла койка, небольшой столик, а в стене рядом был вырезан круглый иллюминатор. Такая же планировка, как на «Хаякагэ мару».

Если бы не молодая женщина, появившаяся в дверях с лучезарной улыбкой на лице, он из-за приступа паники снова попал бы в капкан своих

иллюзий.

— Эй, — сказала женщина, — ты что-нибудь помнишь?

— Привет, я… я все помню.

— Подожди! — Женщина сделала шаг назад, встала у двери и крикнула в коридор: — Марк, сбегай за Папой, скажи, что парень проснулся.

— А я и не спал, — сказал Ватанабэ Ю. Он вспомнил слова дяди. — Вы… волонтеры, выступающие против китобойного промысла?

— Да. Меня зовут Маша, я американка.

— Я — Ватанабэ Ю, японец.

После крика Маши коридор оживился, и члены команды столпились у дверей, желая увидеть человека, спасенного с другого судна. Он почувствовал, что к нему прикованы все взгляды, кто-то явно радовался, но в некоторых читался гнев.

— Как «Хаякагэ мару»? — спросил Ватанабэ Ю.

Маша вздохнула:

— Мы уже далеко, тебе не о чем беспокоиться.

Он посмотрел в иллюминатор. Небо светлело, на море не осталось льдин. Похоже, корабль покинул Южный полярный круг.

— Мой дядя… — Он повернулся спиной к двери каюты, чтобы ни Маша, ни остальные не увидели

выражение его лица. — Как он?

— Твой дядя? — переспросила Маша.

— Он… — хотел было объяснить Ватанабэ Ю, как вдруг в коридоре послышался шум, он обернулся и увидел человека, протискивающегося через дверь.

Как только мужчина вошел, в каюте сразу стало намного теснее. Он был ростом под два метра, крепкого телосложения. На вид около пятидесяти. Волосы и борода седые, но над глазами яркие брови. Гусиные лапки в уголках глаз густые и глубокие. Он напоминал Шона Коннери из фильма «Скала».

Мужчина кивнул Маше, которая выбралась в коридор и закрыла дверь. Незнакомец, словно стена, полностью отгородил всех от Ватанабэ Ю. Тот почувствовал, что давление резко упало.

— Я Хэтчер, они зовут меня Папой, — мужчина представился первым, его голос был низким, как будто в грудной клетке бил барабан. — Я участвую в кампаниях по борьбе с китобойным промыслом почти тридцать лет.

— Па… то есть Хэтчер… — Ватанабэ Ю решил пока не использовать прозвище. — Я — Ватанабэ Ю.

— Расскажи мне о себе, малыш. — Хэтчер скре-

стил руки на груди.

Ватанабэ Ю немного подумал и сказал:

— Сначала я хочу узнать, как там мой дядя.

— Твой дядя?

— Это человек, который был привязан рядом.

Седой достал из кармана планшет, щелкнул по нему и протянул спасенному, но вдруг быстро убрал его и сказал:

— Ты должен быть морально готов.

Ватанабэ Ю знал, что хороших новостей ждать не приходится, но когда услышал слова Хэтчера, его окатило холодом.

На видео было видно «Хаякагэ мару» сверху, то есть с дрона.

Кэйта прижал Ватанабэ к перилам, а тот пытался ударить противника «розочкой». Кэйту считали самым худым среди рыбаков Унадзавы, но он двигался очень проворно. Ватанабэ размахивал бутылкой, но даже не поцарапал нападавшего. Тот легко прорвал защиту и ударил пленника ножом.

Живот Ватанабэ начал болеть после того, что произошло на видео, и он потянулся прикрыть его.

— Рана поверхностная. Маша помогла ее зашить, — сказал Хэтчер.

Ватанабэ Ю кивнул, не отрываясь от видео.

После удара ножом его движения явно замедлились. У Кэйты было несколько возможностей прикончить его, но он всего лишь несколько раз ударил рукояткой ножа, словно бы поддразнивая. Наконец ему надоели эти игрища, и он сбросил Ватанабэ Ю в море.

Дрон двигался и менял ракурс. Камера была сфокусирована на воде. Было очевидно, что пилот искал его, чтобы отправить спасательную группу.

Обнаружив, что Ватанабэ Ю все еще жив и бултыхается в воде, дрон полетел обратно на палубу как раз вовремя, чтобы увидеть, как Кэйта встал рядом с Рё и что-то шепчет. Затем он выпрямился и посмотрел в упор на своего земляка. На видео его лицо было размытым, а выражение не получалось рассмотреть. Затем Кэйта занес руку и перерезал дяде горло. Хлынула темная кровь. Рё дважды дернулся и замер.

Хэтчер взял планшет у Ватанабэ Ю и нежно похлопал его по плечу.

Тот поднял руку, чтобы вытереть глаза, и обнаружил, что не плачет. Он посмотрел на южную часть Тихого океана за иллюминатором и очень тихо начал рассказывать о своих делах, как будто

просто разговаривал сам с собой.

Хэтчер вежливо слушал, сохраняя молчание, неподходящее для его роста.

Ватанабэ Ю говорил долго, вспоминая и пересказывая одновременно. Некоторые сведения умолчал, потому что все изменилось так быстро. Когда рассказал о том, как собственноручно разрезал горбатого кита, остановился, посмотрел на Хэтчера и спросил:

— Я сделал это только для того, чтобы иметь возможность зафиксировать все в деталях, а не потому, что получал удовольствие от убийства. Понимаете?

Гигант кивнул:

— Я понимаю.

Затем Ватанабэ вспомнил, что нашел внутри черепа горбача.

— Кит сошел с ума. Я подозревал, что на то была причина. Но потом меня заперли в каюте. Я не знаю, что произошло. Я слышал, они говорили, что все пойманные после этого киты были несъедобны…

— Похоже на то, — сказал Хэтчер, теребя седую бороду. — Мы потеряли след, а потом нашли их, следуя за кусками туш, которые они выкидывали в воду.

— Если они выбросили все, это означает, что пострадал не только мозг, — заметил Ватанабэ Ю. — Эти киты были уже мертвы до того, как столкнулись с китобоями. Их мозг и тело были заражены. Какими-то неизвестными сущностями. — Он потер руки и обернулся. — Зона поражения очень велика. Если мы не сможем обнаружить причину в кратчайшие сроки, популяция китов будет уничтожена.

Хэтчер, который спокойно слушал, внезапно запаниковал:

— И что делать?

— Что если самим препарировать кита? — невозмутимо спросил Ватанабэ.

Седой внезапно о чем-то задумался. Потом обернулся, открыл дверь, сказал несколько слов Маше и произнес:

— Мы выловили немного китового мяса и сложили на складе. Изначально планировали использовать его в качестве доказательства. Может, из него получатся образцы для анализа?

— Можно попробовать.

— Ты выздоровел? Маша раньше имела дело с морскими обитателями. Она может тебе ассистировать. Условия на корабле относительно простые. Если тебе что-нибудь понадобится,

просто попроси. — Хэтчер воодушевился и не собирался скрывать это от Ватанабэ Ю, а потому развел руками и откровенно все объяснил: — Понимаешь, операция провалилась, и это негативно скажется на нашей репутации. Если то, что ты сказал, правда, нам нужны подтверждения. Это важно, понимаешь?

— Я понимаю, но не могу дать никаких гарантий, — честно признался Ватанабэ Ю.

(28) Высадка на «Хаякагэ мару»

По сравнению с их суденышком «Хаякагэ мару» было похоже на гору. Ральф попросил Лиама следовать за китобоем на расстоянии. Тот встал на носу лодки и наблюдал издалека в подзорную трубу.

Если бы у него имелось нужное снаряжение, то нашлась бы как минимум дюжина способов проникнуть на борт «Хаякагэ мару» и спасти Ватанабэ Ю так, чтобы никто этого не заметил, правда, возможно, пришлось бы убить несколько человек.

Но сейчас у Ральфа есть только разбитая лодка, пьяница и юноша-инуит. Самое смертоносное оружие — гарпун.

— Боже, я действительно не хочу этого… — буркнул себе под нос Ральф. Он повернулся к капитану и крикнул: — Нгуен, свяжись с ними и попроси разрешения подняться на борт.

Лиам подплыл к борту «Хаякагэ мару». Разница в размерах стала еще более очевидной. Китобойный корабль превратился в стену, которую нельзя было рассмотреть, не задрав голову.

Сверху сбросили веревочную лестницу. Кована выгнул шею. Ему казалось, что лестницу сбросили прямо с неба.

Ральф и Кована поднялись на борт, и как только твердо встали на палубу, вокруг них собрались члены экипажа. Выражения их лиц были торжественными, а некоторые из них уверенно держали в руках оружие.

Ральф развел руками и сказал:

— Не нервничайте, мы не хотим ничего плохого.

Экипаж не отреагировал на его слова, рыбаки перешептывались по-японски и тыкали в гостей пальцами. Ральф понял, что их внимание сосредоточено не на нем, а на инуите, стоявшем за его спиной.

Внешне Кована ни дать ни взять азиат. Члены экипажа решили, что это очередной предатель, который выдал их иностранцу.

— Эй! Вы понимаете по-английски? — Ральф попробовал еще раз, но никто не ответил. Похоже, план просто пустить в ход свое красноречие и убедить экипаж китобойного судна освободить пленника ни к чему не привел.

Ральф обернулся, оперся на борт лодки и крикнул:

— Эй, Нгуен! Слышишь?

Через некоторое время раздался голос капитана:

— Что?

— Бросай пить и поднимайся на борт.

— Что?

— Поднимайся скорее!

Экипаж подступил ближе, враждебность ощущалась куда явственнее. Ральф огляделся, чувствуя себя овцой, забежавшей в логово волков. Он подсчитал, что сможет справиться с тремя или пятью из них. Хотя рыбаки выглядели медлительными, они были сильными и прошли тренировку в море, их так просто не одолеешь. Да, с ним еще Кована и Лиам, и никакой гарантии, что они уйдут невредимыми. К счастью, невербальные выражения универсальны во всем мире, поэтому Ральф улыбнулся как можно шире.

Сквозь просвет в толпе Кована увидел двух мертвых китов, лежащих бок о бок на другом конце палубы: одного уже успели разделать, половину туши разделали на куски и сложили в стороне. Члены экипажа, которые изначально резали тушу, узнали, что на борту находятся посторонние, бросили работу и подошли посмотреть.

Кована протиснулся сквозь толпу прямиком к киту, совершенно не обращая внимания на напряженную атмосферу вокруг.

Члены экипажа заинтересовались его действиями. Никто его не остановил. Многие последовали за инуитом, желая увидеть, что он собирается делать.

Лиам наконец поднялся по веревочной лестнице, запыхавшись:

— Почему ты попросил меня подняться? Тебе нужен переводчик?

Ральф махнул рукой и изменил свой первоначальный план:

— Пока молчи. Просто спокойно выслушай, что они скажут.

Кована шел мимо китов и смотрел на разрезанное мясо. Он последовал примеру Ральфа, ткнул рукой в плоть кита и прикоснулся к ней, но не обнаружил никаких странных вкраплений.

Годится в пищу.

Потом взглянул на собравшихся позади него рыбаков, улыбнулся и поднял вверх большой палец. Ральф сказал, что этот жест означает «хорошо».

— Что задумал твой парнишка? — спросил Лиам.

— Откуда мне знать? — пожал плечами Ральф.

Кована подошел к одному из рыбаков, указал на его нож и протянул руку.

Тот не понял, что это значит, и отпрянул.

Затем Кована дважды взмахнул ребром ладони перед китовым мясом, изображая нож и снова обратился к члену экипажа.

— Дай ему нож и посмотри, что он хочет сделать, — сказал кто-то по-японски, и рыбак отдал Кована нож.

Инуит попробовал лезвие пальцем, затем выбрал понравившуюся часть кита и отрезал прямоугольный кусок мяса с кожей, обнажая толстый слой жира, затем продольными и поперечными движениями разрезал заготовку на аккуратные ломтики размером с большой палец. После всех этих приготовлений отложил нож в сторону, взял полоску, положил в рот и принялся жевать.

Когда дедушка Кованы был еще жив, жители деревни также ловили китов в Северном Ледовитом океане. Они гребли на каноэ, окружали их и охотились с костяными копьями и гарпунами. На поимку кита уходило до десяти дней, и это становилось деревенским праздником. Кована жевал лакомство, он жаждал этого деликатеса с

тех пор, как нашел первый кусок на «Касуге», но, увы, Ральф категорически запретил ему это есть. Теперь желание наконец-то сбылось: китовое мясо здесь действительно было жирнее и вкуснее, чем в его родном краю.

Рыбаки смотрели на этого странного парнишку, наблюдая, как он с легкостью режет куски, словно именитый шеф-повар, а затем с удовольствием их съедает. Все они были грубыми людьми из сельской местности. Они никогда не видели такого ритуала. Он ел без каких-либо приправ, но все равно у членов экипажа потекли слюнки.

Кована съел несколько ломтиков подряд, затем поднял голову и понял, что нарушил этикет. Он, развернув нож рукояткой вперед, передал его моряку вместе с нарезанными полосками.

Рыбак осторожно взял кусок и положил его в рот, но прежде чем успел прожевать, со всех сторон к Кована протянулись бесчисленные руки и смели сырое мясо.

— Киты здесь очень жирные, можно есть их и так, но лучше замариновать. Мы знаем способ мариновать китовое мясо… — Кована не волновало, сможет ли экипаж понять его, он просто начал обучать их инуитскому рецепту, энергично жестикулируя.

Рыбаки с интересом слушали, хотя и не понимали странного паренька, но по жестам и мимике могли понять, что тот говорит о способе приготовления блюда. Они поверили, что этот человек, который ест китовое мясо, точно предатель, не желающий их разоблачить, поэтому и его спутники тоже не могут быть плохими.

Атмосфера внезапно разрядилась.

— Черт возьми, — выругался Ральф, — он с ними подружился!

— Разве не это ты пытался сделать? — сказал Лиам.

— Дело в том, что я до сих пор не понимаю, что произошло.

Лиам наклонился к его уху:

— Разве ты не собирался что-то у них спросить? Что ж не спрашиваешь?

Ральф немного подумал и сказал:

— Они только что нас приняли, так что давай не будем лезть на рожон. Останемся на несколько дней и разнюхаем, что к чему.

— Легко! — сказал Лиам. Оставив Ральфа, он прошел сквозь толпу и отвел в сторону Кована, который лакомился мясом. Они о чем-то пошептались и вернулись, но не к Ральфу, а к человеку, который, судя по всему, был тут за старшего и

что-то сказал.

Увидев, что старший кивнул, Ральф вздохнул с облегчением. Лиам вернулся к нему с триумфом.

— Мы можем остаться здесь на одну ночь, и они дадут нам припасы, когда мы уедем завтра.

Член экипажа отвел их на нижнюю палубу и затем ушел. Лиам объяснил:

— В этой каюте мы заночуем. Сейчас отдохнем, а потом поужинаем со всеми.

— Они очень милые, — сказал Ральф.

— Никому, кто зарабатывает на пропитание в море, не гарантирована мирная жизнь. Если встречаешь кого-то, кто попал в беду, нужно помочь, и добро к тебе потом вернется.

Ральф упал на койку и вдруг понял, что Кованы в каюте нет.

— Где наш парнишка?

— Его позвали на кухню, чтобы он готовил для них.

Ральф горько улыбнулся:

— Даже не думай сегодня ужинать.

— А что так?

— Он — инуит, разве ты не знаешь, что это значит?

— Не-а.

— Не волнуйся, тебе и не надо.

Капитан скривил губы и сел на другую койку, но быстро встал:

— Я поднимусь и подышу воздухом.

Ральф закрыл глаза и фыркнул. После того, как Лиам ушел, он встал и вышел из каюты, но пошел не наверх, а вдоль коридора.

Во время ужина Ральф и Лиам снова встретились в кают-компании, они сели в углу, и к ним никто не подходил. Ужин был довольно богатый, в меню входили рис с вяленой соленой рыбой, соленые огурцы и суп мисо.

— А китового мяса-то и нет, — заметил капитан.

Ральф пристально посмотрел на него:

— Я бы все равно отказался.

— То есть парню можно есть, а на меня при одном упоминании волком смотришь?

Ральф немного подумал и решил сменить тему:

— Ты что-нибудь нашел?

— Я мало что слышал, но на этом корабле что-то произошло.

— На простынях и углах стен в двух каютах еще остались пятна крови, они свежие.

— Они резали кита, понятно, что тут море крови. — Лиам подцепил кусок сушеной рыбы и

сунул в рот.

— Но возможно, произошла потасовка между членами экипажа.

— Нашел кого искал?

Ральф покачал головой и собрался поесть, но он не умел пользоваться палочками. Лиам ловко взял маринованный огурец, а Гейбл несколько раз безуспешно пытался, и в конце концов ему пришлось остановиться на миске супа.

Пока он ел, его внезапно ударили по плечу, и он чуть не подавился.

— Ты здесь! — раздался голос Кованы. — Этот корабль действительно великолепен, здесь так много еды, что я…

Ральф внезапно схватил инуита за руку, притянул его к себе и прошептал:

— Не забудь, зачем мы прибыли на этот корабль.

Кована серьезно кивнул, а затем рыгнул.

— Ну что с тобой поделать. — Ральф вздохнул: — Лафа закончилась. Теперь давай вернемся в каюту и обсудим следующий план.

Кована немного подумал и громко сказал:

— Я так устал после еды. Пойду спать.

Через некоторое время Лиам тоже покинул кают-компанию.

Последним ушел Ральф, который ел медленнее всех и ронял еду на стол. Он собрал рисовые зерна в миску, затем потянулся и вышел.

Один из членов экипажа, сидевший неподалеку, поправил очки, встал, прошел мимо двух столов и сел рядом с крупным мужчиной.

— Моя догадка верна. Они кого-то ищут, — сказал Кэйта.

— С чего ты взял взял? — Окубо нахмурился. Фудзивара умер, Такэнака тяжело болел. Он стал единственным командиром на корабле.

— Они думали, что никто на этом корабле не знает английского, поэтому не особо таились, — сказал Кэйта. — Они смотрели на нас свысока.

Окубо прищурился:

— Разберешься?

Поздно вечером свет был выключен, а по коридору тихо шли шесть человек. Моряки в других каютах хором храпели, заглушая тем самым весьма неуклюжие шаги.

Они остановились у двери, за которой спали гости, и главный поднял руку, а затем опустил ее. Из укрытия выскочил еще один парень и дернул закрытую дверь, давно не смазанные петли издали болезненный стон, разнесшийся по всему коридору.

Все на мгновение остолбенели, но им ничего не оставалось, как броситься внутрь.

Свет был включен, но каюта пустовала, если не считать одеяла, сложенного в форме человека на койке.

— Засранцы, — Окубо выругался и пнул двухъярусную кровать. Она накренилась, и матрас соскользнул на пол. — Куда они пошли?

— Подожди, — остановил его Кэйта, наклонился и подобрал что-то — флешку.

— Что это? — спросил Окубо.

— Это… — Кэйта внезапно огляделся. — Кто привел их в эту каюту?

— Мияги, а что? Она все равно пустует!

— Дурак! Здесь жил Ватанабэ. Возможно, они из-за него здесь и появились.

— А это что у тебя? — снова спросил Окубо.

— Если моя догадка верна, это, должно быть, съемка, свидетельство нашего китобойного промысла.

— Что?! — Окубо разозлился, когда понял, что на самом деле приветствовал своих врагов и пригласил их на ужин. Он крикнул: — Ну-ка найдите их! Я их прикончу!

Когда на «Хаякагэ мару» вспыхнули все огни, «Касуга» уже отплыла от китобойного судна.

Огромный корпус превратился в маленькую светящуюся точку в темноте, похожую на звезду.

— Больше не ищешь его? — спросил Лиам.

— Не-а, — Ральф пнул сумку в угол каюты. — Я нашел все вещи Ватанабэ, но его самого на борту нет.

— Это не значит… — начал Кована.

— В его каюте нашлось еще кое-что, и я подозреваю, что вся их деревня… — Ральф вздохнул, чувствуя вину за то, что не выполнил свое обещание.

В каюте повисло молчание, и все посмотрели в сторону «Хаякагэ мару», гадая, что именно произошло на корабле.

Лампочка на спутниковом телефоне, установленном на мостике, внезапно начала мигать.

Лиам ответил на вызов:

— Капитан «Касуга Хикару» слушает. Э… правда? Ну, ладно…

Он положил трубку, обернулся и подождал, пока Ральф и Кована не посмотрят на него, затем откашлялся и сообщил:

— Ватанабэ Ю все еще жив, он на борту «Карла Рейна».

(29) Что случилось после побега

Кроме Хэтчера остальные волонтеры относились к Ватанабэ Ю довольно отчужденно, и это ощущение усилилось, когда он поведал о своем участии в охоте на китов. Для членов экипажа «Карла Рейна» он был словно другим биологическим видом, человеком из иного мира, и даже в глазах Маши читалась холодность.

Но это и не плохо, так у него было больше личного пространства.

Только через два дня он вспомнил, что надо бы связаться с Энди. Хэтчер великодушно разрешил ему воспользоваться спутниковым телефоном, но когда Энди услышал о Ватанабэ Ю, то особо не обрадовался, что японец избежал смерти, ведь Ральф поднялся на борт китобоя.

— Однако учитывая находчивость этого парня, все не должно быть так уж плохо, — успокоил его Энди.

Положив трубку, Ватанабэ Ю снова подумал о своем дяде. Образ Рё, тощего слабака, каким он казался ему дома, не совпадал с воинственным человеком, ответственным за китобойный про-

мысел. Он не смог по-настоящему понять своего единственного родственника, кроме отца, и теперь у него уже не будет такой возможности.

Прошло чуть больше месяца с того дня, как он вернулся в родную деревню, а его жизнь полностью изменилась…

Ватанабэ Ю покачал головой и заставил себя не думать об этом.

Два куска китового мяса, два кухонных ножа, небольшой столик, отдельная каюта и горелка для приготовления пищи — вот и все оборудование, что мог предложить «Карл Рейн».

Ватанабэ Ю снял с мяса пластиковую сетку, но на этом все. Он не имел оборудования для проведения более глубоких исследований и мог лишь строить бесчисленные предположения, исходя из увиденного, но ни одно из них нельзя было подтвердить.

Маша иногда приходила его проведать и болтала, как ни в чем не бывало, но все равно странно на него поглядывала.

— Я слышал от своего друга, что вы выложили видео сражения с китобойным судном, это так? — спросил Ватанабэ Ю.

— Да, — рассеянно ответила она. — Это наше единственное достижение на этот раз. Если бы не

спасение… — Она осеклась, быстро взглянула на японца, а затем сказала: — Я не это имела в виду.

Он понимал, что помешал миссии «Карла Рейна», пожал плечами и продолжил:

— Что бы вы сделали, если бы меня не отвязали от вентиляционной трубы?

Маша долго думала и, наконец, сказала откровенно:

— Я не знаю, у нас вообще не было конкретного плана. Если бы тебе не повезло, то тебя просто убили бы.

— Думаю, да… — пробормотал Ватанабэ. Они просто смотрели друг на друга, не зная, как уйти от этой темы. Воздух в каюте, казалось, замерз.

— В любом случае, случилось то, что случилось… — наконец сказал он, скривившись.

— Да, — Маша кивнула.

— Что… ты собираешься делать с тем фрагментом записи?

— Каким именно?

— Когда убили Фудзивару и дядю.

— Мы пока не планируем обнародовать его. Это доказательство в деле об убийстве и юридический вопрос. Не волнуйся, этого человека накажут по справедливости.

Ватанабэ Ю открыл было рот, но прекратил

расспросы. Он встал и молча вышел из каюты, прерывая беседу.

Он выбрался на палубу. «Карл Рейн» покидал антарктические воды. Погода была ясная, приятно грело солнышко. Прежнее ощущение сырости и холода исчезло. Под яркими лучами даже морская вода восстановила лазурный цвет после безжизненного свинцово-серого, какой она была в районе полярного круга. Ватанабэ Ю вдохнул полной грудью морской бриз, и ему показалось, как будто обида, которую он сдерживал, утихла.

Когда он расслабился, над его головой послышалось жужжание. Он увидел черное пятно, парящее в небе. Вспомнил, как дрон все записал на китобое.

Он помахал беспилотнику, который немного опустился, завис рядом с ним, а затем снова поднялся. Ватанабэ Ю проследил за ним и увидел человека, сидящего на крыше рубки. Парень держал в руках пульт и управлял дроном, чтобы аппарат приземлился рядом с ним. Он посмотрел на Ватанабэ Ю и улыбнулся, продемонстрировав белоснежные зубы.

Ватанабэ Ю вспомнил, что чернокожий мужчина был из Брюсселя, но забыл, как его зовут, а потому лишь улыбнулся в ответ и поднялся по

лестнице.

— Всё в этой штуке хорошо, вот только аккумулятор не долговечный. — Оператор разбирал дрон. Он заменил батарею на новую, затем поднял машину и осмотрел корпус.

Ватанабэ Ю сел рядом с ним, взял старую и принялся крутить ее в руках:

— Это ты обнаружил меня на китобойном судне?

— Ага. Передай отвертку, крестовую.

Ватанабэ Ю нашел ее и отдал новому знакомому.

— Я не успел поблагодарить тебя.

— За что?

— Ну… если бы ты меня не обнаружил, то я бы…

— Все в порядке, не волнуйся об этом.

Оператор небрежно махнул рукой, беседа не задалась.

Он поставил дрон, взял в руки пульт, и четыре пропеллера зажужжали, словно рой пчел, затем беспилотник взмыл в небо.

— Как далеко он может летать? — спросил Ватанабэ Ю.

— Дальность сигнала составляет десять километров. В открытом море радиус может достигать

пятнадцати. — Говоря о своем любимом деле, оператор воодушевился. — Мне нравится смотреть, как он летит, обозревая все с высоты птичьего полета. Ради этого я и выхожу в море. — Он достал из ящика со снаряжением планшет. — Вот тут все записи из этой поездки. Посмотри, какая красотища!

Ватанабэ Ю взял планшет, на котором было полно неотредактированных видеоклипов. Большинство из них представляли собой сцены полета над океаном. На них были только сверкающая вода, случайно попавшие в объектив рыбы и птицы, а еще небо. Но даже такие незамысловатые образы очаровали Ватанабэ Ю. Он летел. Как будто превратился в чайку и наслаждался свободой полета.

— Потрясающе! — искренне воскликнул он.

Ватанабэ Ю немного перемотал вперед, и содержание видео изменилось: вот он уже пересек Южный полярный круг, солнца не хватало, все стало серым, а по морю плыли льдины. Но они были не белыми, а окрашенными в красный цвет от большого количества крови. Мелькнули очертания корабля.

Они следили за китобойным судном на расстоянии и использовали дроны, чтобы издалека

фотографировать то, что там происходит. На видео показались туши китов и целые куски мяса, выброшенные с корабля, когда команда сочла их зараженными.

— Почему бы вам не опубликовать эти видео? — спросил Ватанабэ Ю.

— Опубликовать? А смысл? Кто-то уже успел пробраться в твой родной поселок, снял документальный фильм об убийстве дельфинов и китов и получил несколько международных наград. Но никакого результата не было…

Оператор говорил небрежно, но каждое предложение било Ватанабэ Ю по больному. Он вышел в море как раз для того, чтобы сделать секретные съемки и затем опубликовать их в Интернете, и тут ему в лицо заявили, что это бесполезная затея.

— Тогда зачем вы это снимали? — неуверенно спросил Ватанабэ Ю.

— Мы? Мы пытаемся помочь делом, насколько это возможно. Если бы в этот раз не пришлось разворачиваться на полпути, мы бы стали метаться между судном и китом во время охоты, чтобы не дать им выстрелить. Это если без насилия. Когда мы решаем действовать более радикально, то закидываем китобоев бутылками с уксусной

кислотой или прибегаем к другому оружию для нападения на их суда. Но до сих пор мы действовали мягко. — Оператор потер подбородок и продолжил: — На самом деле, в последние несколько лет умеренные и радикалы вечно спорят, и их грызне нет конца. К счастью, я всего лишь записываю видео. Обычно я не принимаю непосредственного участия в действиях, и никто не спрашивает моего мнения.

Ватанабэ Ю продолжал просматривать записи, и когда увидел последние несколько фрагментов, то замедлил скорость воспроизведения. После того как он свалился за борт, дрон снял еще несколько видео, которых он раньше не видел.

Ватанабэ Ю бросил быстрый взгляд на оператора, который сосредоточился на пульте дистанционного управления.

Он нажал на одно из видео: «Карл Рейн» еще не развернулся и торчал рядом с китобоем. Дрон медленно приблизился к нему. Оператор пустил устройство позади судна, оставляя его в слепой зоне.

Подлетев ближе, беспилотник постепенно поднялся, миновал рубку и заснял происходящее на палубе.

Члены экипажа явно разделились на две груп-

пы и встали друг против друга. В меньшинстве находилось семь или восемь человек. Если присмотреться, было видно, что все они ранены. Один даже не мог стоять на ногах. Его подпирали слева и справа. Соперники о чем-то жарко спорили. Дрон изменил угол и облетел судно. С этого угла можно было рассмотреть лица.

Все раненые были жителями Унадзавы.

Ватанабэ Ю взял планшет и присмотрелся, но размытые лица превратились в пиксели. Он знал этих людей. Пил и болтал с ними, но не помнил их имена, хотя они и были земляками.

Что именно произошло на корабле? После смерти Фудзивары и его дяди жители Унадзавы схлестнулись с другими?

На видео какое-то время спорили, а затем ситуация изменилась: моряки, бывшие в большинстве, медленно рассредоточились, образуя коридор, через который можно было пройти к носовой части корабля. Они оттесняли жителей Унадзавы к носу.

Ватанабэ Ю знал, что там находится: специальный желоб, с помощью которого китов втаскивали на борт.

Рыбаки хотели сбросить пленников в море!

Односельчане, похоже, знали, что с ними сей-

час произойдет, понурились и брели нога за ногу. Первый человек подошел к желобу, остановился, оглянулся на окружающих его бывших товарищей, громко выругался, затем слетел вниз и исчез из поля зрения.

В цепочке его земляков возникла суматоха, высокий и худой мужчина — Ватанабэ Ю помнил, что он красиво пел — попытался вырваться из окружения, но его зарубили на месте. Очередь «на самоубийство» на мгновение остановилась, затем возобновилась, и вот уже второй человек полетел по желобу, потом третий. Тяжелораненый не мог двигаться самостоятельно. Он не хотел умирать и пытался оттолкнуть двух односельчан, которые несли его к желобу, но это дало ему фору лишь в несколько секунд, затем они втроем свалились в желоб и скользнули в море.

На глаза Ватанабэ Ю навернулись слезы. Все из-за него. Если бы он не захотел снимать тайком, если бы дядя не привел его на корабль, если бы Фудзивара не решил защитить его, то остальным не пришлось бы страдать. Теперь рыбаки из его деревни погибли, сгинув в южной части Тихого океана. В маленькой и изолированной деревне Унадзава, которая и так приходит в упадок, остались только сироты и вдовы.

— Парень, что с тобой? — спросил с беспокойством оператор, заметив его странное выражение лица.

Ватанабэ Ю слышал лишь свист ветра и крики, доносившиеся издалека. Духи Унадзавы витали над его головой, требуя справедливости.

Оператор посмотрел на него, а затем снова обратил внимание на дрон. Может, японцу нравится медитировать так же, как ему летать.

Беспилотник уже улетел на десять километров, когда перед ним внезапно выскочила стая летучих рыб, они одновременно выпрыгнули из воды и закрыли почти все пространство. Этот вид обитает в верхнем слое вод Тихого океана. Природа не наделила их крепким телом или панцирем, зато дала уникальную способность, которой лишены другие рыбы — летать. При столкновении с опасностью они быстро двигают хвостовыми плавниками, чтобы ускориться, затем выскакивают из воды, расправляют широкие грудные плавники и скользят по морской поверхности. При попутном ветре могут планировать в воздухе более ста метров.

Конечно, оператор не пропустил бы такое захватывающее зрелище. Он управлял дроном, чтобы приблизиться к рыбам и скользил вместе

с ними. Сцена на экране напоминала миграцию африканских буйволов.

Когда последняя летучая рыба упала на воду, кроме расходившейся ряби на морской поверхности осталось еще кое-что. Оно было круглым и на солнце переливалось тускло-розовым цветом. Непонятный предмет не тонул и выглядел довольно мягким. Возможно, именно он и напугал стаю летучих рыб.

Оператор хотел рассмотреть, но на аккумуляторе дрона уже загорелась сигнальная лампочка. Нельзя, чтобы эта дорогая игрушка упала в море, потому что у нее кончился заряд. Оператор выругался и развернул беспилотник.

Но странная штуковина осталась болтаться в море менее чем в десяти километрах от «Карла Рейна». В любом случае перед возвращением в Новую Зеландию делать особо нечего, поэтому оператор заглянул в рулевую рубку и попросил сделать крюк.

— Эй, парень, очнись уже… — Он похлопал Ватанабэ по ноге. — Я нашел кое-что интересненькое, хочешь взглянуть?

Тот не мог отделаться от угрызений совести и никак не отреагировал.

Оператор пожал плечами, взял оказавшийся

под рукой стакан с водой и выплеснул половину в лицо японцу.

Это вернуло Ватанабэ Ю в реальность. Он внезапно сел, вытер лицо и закричал:

— Ты что делаешь?!

Дрон вернулся. Оператор подождал, пока тот приземлится, а затем выключил питание.

— Вот, помоги мне.

Он разобрал дрон и положил в ящик с оборудованием.

— Я…

— Я знаю, что тебе грустно. Может быть, кое-что отвлечет тебя от печали.

— Что?

— Сначала ты спустись вниз, помоги мне все отнести, а потом мы пойдем на нос, — оператор сунул ящик Ватанабэ Ю. — Ты же изучаешь биологию, да? Тебе точно будет интересно.

(30) Странная плоть

«Карл Рейн» замедлил ход и развернулся, все члены экипажа почувствовали это, и большинство вышло из кают на палубу, не понимая, что их ждет дальше.

Ватанабэ Ю и оператор дрона стояли на носу корабля, рассматривая что-то вдалеке.

На видеозаписи с беспилотника не было видно, насколько велико это нечто, и только когда «Карл Рейн» приблизился к непонятной махине, от нее повеяло чем-то жутковатым.

Это походило на небольшую гору высотой тридцать-сорок метров, и, подобно айсбергу, часть, торчащая над водой, составляла, вероятно, лишь десятую долю всего объема.

Объект в основном был розовато-красного цвета и только с боку темно-красным и темно-коричневым. «Карл Рейн» остановился примерно в пятидесяти метрах от него, и все столпились на палубе, молча рассматривая странную «гору».

Вдруг кто-то пронзительно заверещал. Кричала миниатюрная женщина, она попятилась, а затем упала на палубу. Глаза толпы устремились на

нее, а она побледнела, явно вне себя от страха, и попыталась отползти подальше от того, что видела перед собой.

Кто-то помог ей подняться, через пару минут она немного успокоилась, а затем указала на «гору» и сказала дрожащим голосом:

— Оно… живое..

Оно и правда было живым.

Эти слова словно пронзили экипаж электрическим током, и все вздрогнули от недоверия, а когда вновь сосредоточили внимание на махине, она уже не напоминала милую розовую штучку. При ближайшем рассмотрении оказалось, что под упругой поверхностью «гора» покрыта красными, похожими на червей венами и слегка подрагивает. Потом она вдруг запульсировала, как огромное сердце, которое бешено колотилось.

Волонтеры видели все своими глазами, но не могли в это поверить. Казалось, еще чуток и это чудовище подпрыгнет, лишь бы доказать, что оно — не коллективная галлюцинация и что огромная биомасса перед ними — это действительно какой-то непонятный биологический вид.

— А ну, расступитесь! — Хэтчер разогнал толпу

и подошел к ограждению с гарпуном наперевес. Он избрал самый быстрый способ проверить, что это за штуковина.

Со щелчком тетивы вылетела металлическая стрела. Она, казалось, вошла в плоть без особого сопротивления, но огромная тварь отреагировала сразу. Розовая поверхность словно давно достигла предела натяжения, и от одного выстрела лопнула, темно-красная кровь вырвалась наружу с такой силой, что пролетела десятки метров в сторону «Карла Рейна».

Кто-то не смог больше сдерживать тошноту и перегнулся через ограждение.

Ватанабэ Ю подергал оператора за рукав:

— Что думаешь?

— Да хрен его знает! — У того на лице читалось отвращение.

— Может, нам заснять эту штуку поближе?

— Ну… — Оператор покачал головой. Но вскоре согласился, перенес дрон на другой конец палубы и принялся его собирать. Через несколько мгновений тот поднялся в воздух и начал кружить вокруг биомассы.

Ватанабэ Ю стоял рядом и наблюдал за происходящим через экран пульта дистанционного управления, зрелище было четче, чем при взгля-

де невооруженным глазом. Не было сомнений, что это часть какого-то существа, но Ватанабэ Ю никогда не слышал о подобном. Здравый смысл подсказывал, что розовые части были нормальными, а вот темные — это участки некротической ткани. Судя по записям с дрона, такие повреждения были по всему телу существа.

— Ватанабэ! — Кто-то из толпы окликнул его по имени, он поднял голову и увидел Машу.

— Сюда! — Ватанабэ Ю помахал рукой, и Маша подошла к нему. — Что случилось?

— Посмотри туда. — Маша потянула его к борту лодки и указала на существо.

— Куда смотреть? — Он проследил за ее пальцем, но не понял, на что она указывала.

— Туда, куда Папа только что выстрелил.

Ватанабэ Ю взглянул на рану. Место, куда попала стрела, выглядело так, будто кто-то выдавил прыщ, и после того, как часть тканей и жидкости вытекли наружу, кожа на месте разрыва провисла, обнажив внутреннюю часть раны. Ватанабэ Ю прищурился, но все равно ничего не смог разглядеть.

Он попросил оператора подлететь поближе. Поскольку уже стемнело, пришлось включить фонарь на беспилотнике, свет пробился сквозь

рваное мясо, гноящиеся ткани влажно заблестели, мелькнула стрела, а вот дальше показалась уже хорошо знакомая решетка из пластика, которую они с Машей извлекли из мяса кита.

— Видишь? — Маша ткнула в экран.

— Я чувствую, что между ними есть связь, — задумчиво протянул Ватанабэ Ю, потирая подбородок. — Этот лоскут ткани выглядит так, будто там нет костей, поэтому эти пластиковые сетки, вероятно, играют вспомогательную роль. То есть пластиковая масса росла одновременно с биологической массой.

Маша моргнула и кивнула, серьезно обдумывая его слова.

Ватанабэ Ю оторвался от экрана и увидел, что Хэтчер тоже находится на борту корабля и обсуждает чудище с другими членами экипажа.

— И что нам делать дальше? — спросил он у седого.

Тот на мгновение замер от неожиданного вопроса.

— О чем ты?

— Что нам делать с этим? — Ватанабэ Ю ткнул пальцем в сторону горы.

Хэтчер задумался. Он проработал пожарным в Луизиане более двадцати лет и давно развил в

себе инстинкт быстрого принятия решений, но все еще не мог сформировать мнение по поводу этого куска странного мяса.

— Сейчас уже слишком поздно для тщательного осмотра, пока не нагнетай, — ответил, а потом обратился к экипажу: — Ладно-ладно, прекращаем поиски, идем готовить ужин.

На корабле было разделение труда, и, услышав команду Папы, члены экипажа покинули палубу и отправились в камбуз готовить ужин.

У Ватанабэ Ю не было задания, и через мгновение они с Папой остались на палубе вдвоем.

— Пойди и скажи капитану, что надо немного отойти, будем держаться подальше от этого монстра, не хочу, чтобы на меня ночью напало что-то странное. — Хэтчер скорчил страшную гримасу.

Ватанабэ Ю понял предостережение. Он поднялся на мостик и передал капитану инструкции. Когда же вернулся на палубу, Хэтчера уже и след простыл. Ватанабэ стоял один и разглядывал странное существо. Какое оно имеет отношение к китам? Что это за решетчатый пластик? Ответов и даже догадок не было.

После ужина на палубе собралось несколько человек, и в темноте уже трудно было рассмотреть странное существо. Однако его появление

нарушило монотонность их жизни. Экипаж стал гораздо активнее общаться друг с другом, чем раньше, и стал куда дружелюбнее к спасенному гостю.

Когда на следующее утро волонтеры проснулись, гора странного мяса исчезла. Океанские течения унесли чудище прочь. Снова пришлось запускать дрон, и существо нашли только в десять часов.

Они исследовали его тремя способами: дрон кружил в воздухе, делая снимки, четыре члена экипажа подплыли поближе на резиновой лодке, а два водолаза фотографировали из-под воды.

В кают-компании развернули временный командный пункт, и на нескольких экранах демонстрировались изображения, отправленные тремя группами. Помимо двадцатисемидюймового монитора, происходящее показывали на двух планшетах.

Из-за света картинка, отправленная водолазами, получилась тусклой и размытой, и на маленьком экране почти ничего не было видно. Поэтому кто-то переключил изображение на экран побольше, и внимание людей естественным образом сконцентрировалось на нем.

Водолазы подплыли поближе к горе, а затем

остановились. Хэтчер приказал приближаться только если это безопасно.

Резиновая лодка также не стояла на месте. Волонтеры протянули длинный деревянный шест, чтобы осторожно коснуться розовой поверхности.

— Аккуратно, не проткните, а то не дай бог что-нибудь снова брызнет…

— Заткнись, и без тебя страшно…

Под давлением кожа монстра слегка прогнулась и стала очень эластичной. Когда шестом ткнули в другое время, ничего не менялось. Странное существо не реагировало и не двигалось.

— Вроде пока не представляет опасности.

С лодки передали информацию на «Карл Рейн», и дайверы также получили сообщение. Они друг за дружкой направились в сторону подводной части чудовища.

На экране синий свет морской воды странным образом искажал цвет чудовища. Водолазы подплыли к подводной части непонятного существа. Издалека оно выглядело гладким, но это было не так. Цвет кожи не был розовым, а имел разные оттенки красного. Свыше девяноста процентов поверхности были темнее других. Светлые

участки оказались относительно плоскими, а вот темные — пупырчатыми и напоминали цветную капусту. К счастью, морская вода исказила цвет: на экране голубовато-серые ткани выглядели как миниатюрные карты холмистой местности, но на самом деле они были ярко-красными, и большая часть загноилась.

Ватанабэ Ю сглотнул, сдерживая тошноту.

Камера приблизилась вплотную к монстру, можно было рассмотреть каждую деталь. Все сгрудились вокруг монитора. В этот момент на экране что-то внезапно мелькнуло, а затем вода запузырилась. Камера начала бешено вращаться, словно бы подхваченная вихрем.

— Что случилось? — спросил Хэтчер. — Быстрый переход к камере два!

Экран переключился на сигнал другого водолаза. Он запечатлел только своего коллегу, который быстро возвращался, но непонятно, что его так сильно напугало.

Камера по-прежнему была обращена к первому водолазу. Через некоторое время тот восстановил самообладание, поплыл назад и принялся жестикулировать, прося второго сфотографировать то, куда он указывал. Тот также успокоился и поплыл к тому месту, где только что был первый.

Кажется, на поверхности этого странного существа лежала тень, а нижняя часть оказалась слегка приподнята. Второй водолаз медленно приближался к ней, и неровность становилась все отчетливее и отчетливее.

Люди в кают-компании увидели, что это было, и некоторые, в том числе эрудированный Хэтчер, пробормотали: «О боже».

Странная выпуклость была животным, а не рыбой: вот круглая голова, розовый нос, морда, покрытая белой шерстью.

Белый медведь!

Голова переходила в шею, но ее уже было не видно: странное мясо словно срослось с белым медведем. Его родное тело казалось маленьким и очень тощим, как будто кожа обтягивала кости, большая часть шерсти выпала, а подкожный жир и мышцы давно не защищали от холода. Однако медведю они были не нужны. Он плавал в море, сросшись с чудовищной горой, его крошечные конечности слабо покачивались в океанских течениях, как будто этот зверь всегда существовал лишь как маленький отросток биомассы.

Когда водолазы заметили его, лодка подошла ближе, и там пока не знали, что их коллеги нашли под водой. Перед отплытием Ватанабэ Ю попро-

сил команду забрать как можно больше образцов ткани. Хотя на корабле не было подходящего оборудования, он надеялся получить возможность узнать больше об этом странном существе. Это могло стать величайшим открытием в биологии. Экипаж согласился.

Они перешли на инструменты покороче и осторожно расковыряли кожу. Убедившись, что чудовище не реагирует, один достал стеклянную емкость, которую дал им Ватанабэ Ю. Сейчас ее использовали как контейнер для образцов — планировалось отрезать часть кожи и ткани монстра и привезти на корабль.

Ответственный за сбор образцов высунулся из резиновой лодки, а остальные трое волонтеров спрятались.

— Аккуратно, чтоб нас не обдало фонтаном!

— Не каркай!

Он достал ножик, который носил с собой, подумал и решил не рисковать, взял весло, привязал к нему нож за рукоятку и потянулся к биомассе.

На этот раз ничего не взорвалось, как накануне, и сбор образцов успешно завершили. Ответственный положил их, закрыл крышку и потряс стеклянной емкостью перед камерой, показывая, что работа завершена.

Но когда емкость оказалась на лодке, он внезапно нахмурился и спросил:

— Ты ничего не слышишь?

— Нет.

— Прислушайся!

Теперь все четверо заметили шипение, как будто где-то просачивался воздух.

Один из волонтеров обернулся и посмотрел на только что открытую рану: звук доносился не оттуда.

— Это из пробитой шкуры?

— Нет, — он опустил голову и нашел источник шипения — это оказалась их лодка. Когда они собирали образцы, она подплыла слишком близко, и к ней прицепилась странная плоть.

Может, внутри чудовища есть что-то острое?

Волонтер взял весло и попытался оттолкнуть лодку от монстра. Однако розовая плоть словно прилипла к резине, растягивалась, но не рвалась.

Он потыкал в нее веслом и обнаружил, что эта дрянь приклеилась намертво, но, приложив усилия, в итоге все-таки сумел добиться своего.

Свист стал громче, оказалось, что от корпуса оторвался лоскут ярко-желтого ПВХ, и воздух с ревом вырывается наружу. Лодка быстро сдулась,

и вода хлынула внутрь, поэтому исследователям ничего не оставалось, как спрыгнуть в море.

К счастью, «Карл Рейн» стоял совсем рядом с ними, и они, спасаясь, поплыли обратно, а когда поднялись на борт корабля, то оказалось, что один волонтер все еще держит в руках стеклянную емкость с образцами, которую схватил в панике.

Тем временем водолаз одной рукой держал камеру, а второй ощупывал гору плоти над головой, продолжая исследование. Нижняя часть этого странного куска мяса была размером с две или три баскетбольные площадки. Дайвер проходил сантиметр за сантиметром, не понимая, когда же монстр наконец кончится, двигался медленно, и вскоре ему стало скучно от неизменной картинки перед глазами, чередующихся участков светлой и темной кожи. И тут он почувствовал холод морской воды. Так не должно быть. Перчатки для дайвинга изготовлены из шести слоев различных материалов и обладают отличными теплоизоляционными и теплозащитными эффектами. Он отдернул руку и обнаружил, что одна перчатка наполовину исчезла.

Водолаз снова прикоснулся к монстру и почувствовал, что эта странная плоть теплая и словно бы присасывается к костюму. Он попытался от-

дернуть руку, но та прочно прилипла, как будто к отвратительной жвачке. Водолаз энергично затряс ею, но монстр втягивал ее все сильнее и сильнее. Дайвер увидел, как часть эпидермиса существа медленно выдвигается вперед, как неторопливая улитка, и тянется к руке. В отчаянии он отбросил камеру, сорвал с пояса нож и отрезал прилипшую ткань.

Первый водолаз поспешил на помощь товарищу и направил на него подсветку камеры. Второй отрезал часть плоти монстра, но то, что осталось на руке, быстро распространялось по костюму.

Первый увидел, что происходит, повесил камеру на пояс, одной рукой взял за плечо коллегу, другой вытащил нож и провел по предплечью, решив отрезать весь рукав целиком. Его товарищ сильно вздрогнул, хлынула кровь. Первый водолаз порезал ему кожу. Он жестом извинился, на что второй махнул рукой, мол, все в порядке. Потом взглянул вниз и увидел, как кусок эпидермиса, который пытался напасть на него, погрузился в пучину моря.

Водолазы поплыли обратно к «Карлу Рейну», даже не заметив, что над их головами от резиновой лодки почти ничего не осталось.

Обе группы вернулись на корабль, а оператор

возвратил дрон. Четверо из лодки все еще со страхом лежали на палубе, издалека глядя на странный кусок плоти. У водолазов дела были хуже. У одного сильно кровоточила рука. Он потерял много крови, долго находился в холодной воде без защиты и был слишком напуган, отчего потерял сознание сразу после подъема на борт, и его перенесли в каюту.

Ватанабэ Ю все видел через экран, и у него в голове сложилась приблизительная картинка: в китах жили какие-то микроорганизмы — грибки, вирусы или бактерии — и что-то из них могло растворять пластик, а также изменять его форму в зависимости от окружающей среды. Пластик накапливался и медленно рос в организме. Продолжительность жизни кита составляет тридцать-сорок лет, а тому сошедшему с ума горбачу понадобилось около двадцати лет, чтобы весь его организм был поражен этим новым видом микроорганизмов. Но в какой-то момент они встретились с белым медведем. В том, что у того был рак, сомнений не оставалось. После встречи с раковыми клетками симбиотические отношения между микроорганизмами и животными изменились. Непонятно, кто кого трансформировал, но сотрудничество между новым видом и рако-

выми клетками породило этот огромный кусок странной плоти.

На этот раз Хэтчер принял мудрое решение: больше не притрагиваться к чудовищу. «Карл Рейн» тут же развернулся и продолжил движение по маршруту, оставив странный кусок плоти далеко позади.

Атмосфера на борту в следующие несколько дней стала гнетущей. Амбиции, которые волонтеры испытывали, когда впервые вышли в море, улетучились. Члены экипажа разделились на несколько групп и образовали что-то наподобие клуба взаимопомощи. Они утешали друг друга и ждали, пока доберутся до Окленда, прежде чем расстаться и вернуться к своим жизням. В тот момент главным стал девиз «Забудьте о неприятностях и зарядитесь энергией, чтобы снова сражаться в следующем году».

Второй водолаз отлежался, он был молод и сумел быстро восстановить физические силы. Травмированную левую руку Маша зашила, забинтовала и повесила на перевязь перед грудью.

Оператор дрона смонтировал видео, снятое тремя группами при встрече с монстром, и разместил его в Интернете, но особых волнений оно не вызвало, а количество просмотров составило

менее двух процентов от просмотров боя с китобойным судном. Огромная розовая саркома столько раз появлялась в фильмах категории B, что никто не воспринял ее всерьез. Один из пользователей серьезно проанализировал ролик, отметил недостатки и снял видео, объясняющее, что это фейк. Его комментарий собрал тысячи лайков.

Большую часть времени Ватанабэ Ю проводил в своей каюте, где на столе стояла стеклянная емкость с куском странной ткани. Образец не подавал признаков жизни, но Ватанабэ Ю знал, что он жив, потому что этот кусок мяса длиной двенадцать сантиметров и шириной три за день разъел пластиковую крышку контейнера.

Теперь он спокойно лежал на дне емкости, как слизень, без каких-либо других органов, кроме раковых клеток. Не мог двигаться и дышать, но при контакте с пластиком, мог переваривать его и делать частью самого себя.

За два дня до прибытия в Окленд экипаж «Карла Рейна», казалось, восстановил душевные силы и самообладание. Волонтеры оставили инцидент позади. Хотя они больше не вспоминали об этой встрече в море, судьба, похоже, не готова была их отпустить. Пока они готовились к жизни на

суше, второй водолаз заболел.

— Маша, можно мне снять повязку? Я не хочу выходить на берег с рукой на перевязи. — Водолаз пришел к ней в каюту и попросил ее помочь.

— Пока не стоило бы, — сказала Маша.

Рана плохо заживала, она это видела, когда накануне меняла повязку. Порез все еще не затянулся, и из него сочился гной. Маша боялась, что пациент будет волноваться, поэтому не стала вдаваться в подробности и просто увеличила дозу антибиотиков.

Водолаз почесал рану через повязку:

— Очень чешется! Прямо невыносимо!

Он скреб так сильно, будто пытался сорвать бинты. Маша быстро остановила его, перехватила руку и тут заметила что-то странное.

Рана, казалось, прорвалась, и из нее сочилась кровь. Более того, отек стал еще сильнее: предплечье вздулось, казалось, что повязка вот-вот лопнет.

Еще день назад его рука так не выглядела.

Маша принялась слой за слоем разворачивать бинты, уже готовясь к худшему. Если инфекция обострится, у нее будет только два варианта: молиться, чтобы «Карл Рейн» вовремя добрался до Окленда, или прямо на борту ампутировать

конечность.

Условия на корабле были примитивными, а она изучала лишь ветеринарию.

Когда она сняла последний слой, прилипший к коже, то даже не поняла, с чем столкнулась.

Маша посмотрела на водолаза, ее губы дрогнули, но она не знала, что ему сказать. Тот увидел неуверенное выражение ее лица и посмотрел на свою руку.

Рана не распухла, повязку наполнило то, что росло из нее. Это была розовая саркома, а кожа на ней стала яркой, как грозди винограда. Ткань вздулась, черные швы натянулись, и порез выглядел как ухмыляющийся герой мультика.

Водолаз все понял: это чудовище проросло на его теле через рану. Он внезапно попятился, дико размахивая руками, как будто таким образом мог стряхнуть с себя плоть монстра, затем развернулся и выбежал из каюты.

Маша остолбенела, хотела остановить его, но ноги у нее стали ватными, не было сил даже вскочить. Она-то разбиралась в медицине лучше водолаза. Должно быть, клетки странного существа попали в рану и разрослись в тканях тела. Маша лихорадочно думала о том, каким образом они могли распространяться. Она ведь обраба-

тывала рану на руке без каких-либо защитных средств, его кровь попала на нее и…

Водолаз уже мчался по коридору, издавая странные крики, ноги сами несли его по стальной лестнице, и он поднялся на палубу.

Главное, чтоб он не заразил других. Маша переступила через бинты, испачканные кровью и гноем, и тоже выбежала наружу.

События на корабле насторожили остальных членов экипажа, и они высунулись из своих кают. Маша замахала руками и крикнула:

— Все назад! Закройте двери, никого не впускайте!

Она выскочила на палубу. Небо было затянуто сизыми облаками, приближалась гроза. Водолаз перегнулся через ограждение и в любой момент мог свалиться вниз.

— Карл, что с тобой? — Хэтчер стоял на палубе и курил сигару. Когда он увидел Карла, собиравшегося покончить жизнь самоубийством, то сразу бросился его ловить.

— Не трогай его! — взвизгнула Маша.

Увидев, что Хэтчер тянется к нему, Карл отдернул травмированную руку, чтобы ее случайно не коснулись.

— Не подходи! — рявкнул Карл. — Видишь?

— Твою мать! — выругался Хэтчер. — Ты где такое заработал?

— Ну, в тот день… — горько улыбнулся Карл.

— Карл, вернись, пожалуйста. — Маша пыталась унять дрожь в голосе.

— Если я сейчас прыгну, то во что превращусь? — Он повернул голову и посмотрел на Машу. — Стану как тот белый медведь?

Она честно ответила:

— Я не знаю.

— Если это так, то хана… — Водолаз горько улыбнулся, развернулся и снова перегнулся через ограждение. — Я не хочу так умирать!

— Есть другой вариант, мы же скоро доберемся до берега, — сказал Хэтчер, снял с себя куртку и накинул Карлу на плечи.

— Да, — подтвердила Маша, — мы уже связались с больницей Миддлмор в Окленде. Это лучшая больница в Новой Зеландии. Должен быть какой-то выход.

— Ну… — Карл поплотнее закутался в куртку Хэтчера, его все еще трясло. В каюте у Маши, когда она меняла повязку, он разделся до футболки и теперь окоченел. — Мне очень жаль… мне страшно.

— Все в порядке, все будет хорошо… — успоко-

ила его Маша мягким, спокойным голосом. — Давай вернемся в каюту.

Хэтчер и Маша шли по обе стороны от водолаза, держась на небольшой дистанции. Они подошли к каюте, а члены экипажа уже высыпали в коридор и столпились у двери. Хэтчер недовольно замахал руками за спиной Карла, и все отступили.

Пока они шли, что-то внезапно упало к ногам седого, он опустил голову и увидел, что это ткань его куртки.

Хэтчер замер, взглянув на Карла.

Один рукав отвалился, обнажив травмированную руку. Саркома разрасталась со скоростью, видимой невооруженным глазом. Влажная поверхность быстро высыхала и становилась новым эпидермисом.

Но Карл ничего об этом не знал.

Маша оглянулась и увидела, что Хэтчер остановился, а затем ее взгляд упал на руку Карла.

Седой поднес указательный палец ко рту, давая знак Маше помалкивать.

Она тяжело сглотнула, но продолжила быстрее идти вперед. Все ее внимание сосредоточилось на пораженной руке, и в этот момент по палубе застучал дождь. В воображении Маши раковые

клетки превратились в твердые шарики и залили весь корабль, словно чудовищный ливень.

Они добрались до каюты. Карл опустил голову, чувствуя, как все взгляды устремлены на него. Он подсознательно хотел спрятать левую руку, но когда посмотрел вниз, то обнаружил, что та стала в три раза больше первоначального размера. Он в панике посмотрел на Машу, и вдруг кто-то с силой затолкнул его внутрь.

Дверь за ним закрылась, Карл развернулся и бросился назад, но раздался щелчок замка. Несчастный посмотрел на Хэтчера через маленький иллюминатор. Глаза Папы наполнились печалью.

— Карл! — крикнул Хэтчер. — Ты должен меня понять. Крепись!

Сделав несколько вдохов, Карл успокоился, кивнул Хэтчеру, повернулся и сел на кровать, закрыв глаза, как старый монах во время медитации. На левой руке раковые клетки медленно, но верно разъедали зимнюю куртку, изготовленную из полиэстера и композитного пластика.

— Что теперь делать? — сорвалось с уст Хэтчера, но Маша не знала, что ответить. Она открыла рот, а затем тяжело вздохнула, как будто ей хотелось выпустить весь воздух из легких.

— Нужно сформировать специальную группу для проверки корабля. Остальным членам экипажа следует запереться в каютах и на регулярной основе проводить самоосмотр. Всем, кроме членов спецгруппы, передвижения должны быть строго запрещены, — раздался чей-то голос в конце коридора.

Хэтчер, Маша и остальные обернулись. План предложил Ватанабэ Ю.

Японец подошел к каюте Карла, встал на цыпочки и заглянул внутрь, затем сказал Хэтчеру:

— В его теле, скорее всего, живут необычные раковые клетки. То есть они ведут себя как нормальные, но как только вступают в контакт с пластиком, начинают разрастаться с бешеной скоростью.

Хэтчер и Маша переглянулись и слегка покачали головами, показывая, что не понимают.

Ватанабэ Ю немного подумал и пояснил:

— Раковые клетки, которые попали в рану, будут разрастаться от соприкосновения с пластиком. Зимняя кутка, которую только что одели на Карла, спровоцировала их резкий рост.

— Я… — Хэтчер собирался возразить, но ученый его прервал.

— Папа, я же тебя не обвиняю, — он поднял

руки, не выказывая враждебности. — Это факт. Мы уже знаем, что такие раковые клетки могут выжить в инородных телах, но пока непонятно, смогут ли они существовать независимо… поэтому предлагаю оставить несколько человек, чтобы они сформировали команду и отвечали за поиск… раковых клеток на корабле. Остальные должны оставаться в каютах, чтобы уменьшить вероятность заражения, и регулярно проверять, нет ли на теле новообразований. Если они появились, то не стоит паниковать, думаю, они не начнут разрастаться, если не контактировать с пластиком. Все это продлится, пока мы не доберемся до больницы в Окленде, а когда попадем в руки врачей, опасность минует.

Хэтчер немного подумал и пришел к выводу, что слова Ватанабэ Ю не лишены смысла. Он спросил:

— А как обнаружить болезнь снаружи?

— Они, вероятно, не смогут выжить без живого организма.

Японец сказал, что рассматривает мутировавшие раковые клетки как новую форму жизни, а не болезнь.

— Но все равно нужно держать ухо востро. Можно помочь им вырасти, если рассыпать

пластиковый порошок по всему кораблю, и если где-то что-то возникнет, значит, там они и остались.

— Ты что, вздумал выращивать их как грибы? — спросил кто-то. Очевидно, враждебность к Ватанабэ Ю застилала его глаза и разум.

Хэтчер рявкнул:

— Заткнись! — Он повысил голос. — Следуем плану Ватанабэ. В специальную группу войдут Джейсон, Рахал, Салами. Готовьтесь, ребята! Ватанабэ, ты тоже.

Тот кивнул.

— Все остальные, пожалуйста, вернитесь в каюты, заприте дверь, вам запрещено выходить, пока мы не пришвартуемся в Окленде!

— Папа, я… — Маша сделала шаг вперед и хотела присоединиться к спецгруппе.

Хэтчер решительно покачал головой и повернулся, чтобы уйти. Она посмотрела на японца и побрела к себе.

Спецгруппа продолжала расследование до поздней ночи, но не обнаружила на «Карле Рейне» никаких следов раковых клеток.

— Думаю, на корабле чисто… — наконец заключил Ватанабэ Ю, и остальные четверо вздохнули с облегчением.

— А как насчет Карла? — спросил Хэтчер.

— Я не знаю.

Но этот вопрос уже не нуждался в ответе. Карл умер. Он не захотел превращаться в монстра и воспользовался одноразовым ножом для стейков, чтобы перерезать себе горло, после чего раковые клетки жадно проглотили пластиковое лезвие.

— Жалкий способ умереть, — сказал Рахал.

— Да, это настоящая трагедия. Он не должен был так умереть, — вздохнул Джейсон.

А Ватанабэ Ю подумал, что знает кое-кого, кто заслуживает такой смерти.

Тело Карла оставили в каюте, а всех остальных заперли по своим местам, поэтому никто не знал, что с ним случилось.

«Карл Рейн», охваченный отчаянием, плыл к Окленду.

На следующую ночь вдали показались суетливые огни далекого города, половина неба была залита красным светом.

Ватанабэ Ю нашел на складе снаряжение оператора дрона и удалил с него всю личную информацию и видео резни на китобойном судне.

Он тихо спустил спасательную шлюпку на воду и в одиночестве, в темноте поплыл к берегу.

Все, что у него было с собой, — это стеклянная

емкость с куском странной плоти.

Идеальное оружие возмездия.

(31) Месть

Ватанабэ Ю несколько дней бродил по порту, прежде чем нашел грузовое судно, направлявшееся в Японию. Капитан и большая часть команды были японцами.

Он сомневался, знают ли они моряков с «Хаякагэ мару», поэтому колебался и не решался подняться на борт. Но он уже несколько дней толком ничего не ел и, взвесив все за и против, решил отправиться к капитану на переговоры.

Тот оказался на полголовы ниже Ватанабэ Ю, но руки у него были очень сильные, половина лица скрыта бородой, а видимые участки кожи побронзовели от морского бриза.

Ватанабэ Ю нерешительно изложил свою просьбу, дескать, хочет поработать на корабле в обмен на билет до Японии.

Капитан оглядел его с ног до головы и улыбнулся:

— Кто не попадал в неприятности на чужбине? — Он похлопал гостя по плечу и сказал: — Если тебе понадобится моя помощь или возникнут проблемы, просто обращайся. Но если не

обратишься, я не буду приставать с расспросами.

Другие члены команды тоже не проявили никакого любопытства к новичку. Если появлялась какая-то работа, ее поручали Ватанабэ Ю. В отсутствии работы тот в оцепенении сидел в каюте.

За двухнедельное плавание он и члены экипажа обменялись не более чем десятью словами.

На подъезде к Унадзаве, Ватанабэ Ю поднял воротник, чтобы скрыть лицо. Судя по виду из окна автобуса, в деревне ничего не поменялось: мокрая каменная дорога, вдоль которой стояли ветхие плавучие дома.

На улице никого не было. Дом его дяди и тети находился в конце дороги. Прежде чем Ватанабэ Ю смог отыскать его глазами, автобус снова тронулся. Он отвернулся и посмотрел на свои колени.

Нет, сегодня ему не сюда.

Хотя деревня Цуруяма находится всего в сорока минутах езды от Унадзавы, обстановка там царила совершенно иная. Мужчины громко разговаривали и смеялись в лавке, а женщины собирались небольшими группами и щебетали о чем-то своем.

Улов оставлял желать лучшего, но позволял комфортно прожить оставшуюся часть года. Если

грамотно распорядиться деньгами, то можно было даже что-то сэкономить.

Однако деньги, заработанные в море, подобны воде: они текут по карточному столу, проходят через руки каждого и, наконец, собираются в кассе хозяина лавки.

Именно поэтому тот не возражал, если последние гости пили до трех часов ночи. Зевая, он подавал саке, а вернувшись, отмечал в бухгалтерской книге поступления.

— Эй, хозяин… а я тебе рассказывал о чертовом ките? — заорал один из посетителей.

Хозяин лавки улыбнулся и кивнул: он слышал эту историю более восьмисот раз.

— Этому ублюдку действительно… повезло! — Посетитель проигнорировал ответ хозяина и продолжил: — Окава выстрелил… восемь раз подряд… но не попал…

— Девять… — икая, поправил его приятель, который выглядел даже более пьяным.

— Просто скажи, что облажался… — Третий парень похлопал Окаву по плечу.

— Нет… это из-за кита братишку ранило… проклятый кит! — Окава выругался и швырнул стопку на пол.

Хозяин лавки быстро поставил новую стопку и

сделал отметку в счете.

— За Сабуро! — предложил кто-то.

— За Сабуро! — Все подняли стопки, осушили их и наполнили по новой.

— Но на этот раз все было по-другому, брат… киты словно ополоумели…

— Да… да, я выхожу в море больше десяти лет… и ни разу кит на меня не нападал. А в этом году аж трижды!

— Не повезло, Окубо!

— Да уж, не повезло, Окубо! — Все снова подняли бокалы, чтобы отпраздновать невезучесть своего приятеля.

— Но… после того инцидента я ни с чем подобным не сталкивался, как та штуковина… Это просто потрясающе!

Все согласно закивали.

Хозяин вздохнул с облегчением: каждый раз, когда речь заходила про ту «штуковину», пьяницы впадали в депрессию и переставали пить. Цуруяма — маленькая деревня, и здесь никогда не умели скрывать секреты, однако спустя месяц с лишним после возвращения с моря никто так и не сказал, что это за «штуковина». Но хозяин не торопился, он точно знал, что рано или поздно кто-то не сможет сдержаться и все выложит, надо

просто приготовить достаточно саке.

Как и ожидал хозяин, сидевший посередине Окубо, услышав кодовое слово, помрачнел и кашлянул. Пьяницы угомонились.

— Ну, хватит на сегодня, — сказал Окубо. — Хозяин!

— А? — откликнулся хозяин, который закрывал шторы и начинал убираться.

— Как обычно. Рассчитай нас!

— Хорошо! Приходите еще!

Хозяин закрыл за ними дверь, и стоило ей захлопнуться, как пьяницы оказались в темноте, со спины их освещала луна, и они шли нетвердой походкой, заплетаясь в собственных тенях.

Окава тащился последним, поскольку был пьянее всех, а от порывов ветра голова у него кружилась еще сильнее. Горная дорога была извилистой, и он шел, то и дело поскальзываясь, словно ступал по телу огромной змеи.

Окава протер глаза. К горлу подступила тошнота. Он согнулся в три погибели и изверг содержимое желудка с громким звуком. Приятели заржали над ним.

Как только он выпрямился и вытер рукавом остатки рвоты с губ, в него врезалась какая-то фигура.

Окава посмотрел на нее, и у него появилось странное чувство. Он крикнул «Эй!», но ни тень, ни его спутники не ответили.

Незнакомец догнал приятеля Окавы, и, когда проскользнул мимо, рыбак пошатнулся и повалился на соседа, после чего тень продолжила движение вперед.

Творилось что-то странное.

Окава снова крикнул. Он почувствовал, что руки слегка замерзли, а когда опустил голову, то увидел, что рукава мокрые и липкие. Он пощупал один под лунным светом — на нем была какая-то темная жидкость. Окава с отвращением вытер ладонь об одежду.

— Надо бы домой идти спать… — пробормотал он.

Так Ватанабэ Ю ранил одного за другим четырех человек, и никто из пьяных рыбаков даже не понял, что произошло.

Он прошел мимо еще одного жителя деревни, чье лицо не было ему знакомо и, похоже, тот не плавал с ним на китобойном судне. Впрочем, Ватанабэ Ю это не волновало: все в этой деревне заслуживают смерти, и кончина их ждет поистине мучительная.

Он сжал нож в руке, тот гарантировал, что цель

будет достигнута, поскольку хранился не в ножнах, а в той самой стеклянной емкости, где лежал кусок странной плоти, украденной с «Карла Рейна». Он проводил эксперименты: если разрезать кожу ножом, испачканным в этой непонятной субстанции, раковые клетки пускали корни и прорастали, а затем…

Остался только один человек.

— Кто здесь? — Окубо услышал торопливые шаги позади себя и обернулся.

Облако только что закрыло луну, и все окутала мгла.

Люди и шаги растворились во тьме.

— Кто здесь? — снова крикнул Окубо. Он выпил много саке, но все равно оставался бдительным. Во-первых, умел пить, а во-вторых, потому что постоянно мучился от страха.

Но на фоне тьмы вдруг проступила чья-то тень, и когда Окубо заметил ее, она уже стояла прямо перед ним.

Рыбак замахал руками, отгоняя ее, но та в ответ заворчала и закружилась вокруг него, и Окубо почувствовал боль в боку.

— Кто здесь? — крикнул он в третий раз. После того, что случилось на китобое, Окубо знал, что рано или поздно его настигнет возмездие. Хотя

внешне он ничем не выдавал истинных чувств, сердце переполнял страх. Он был человеком малообразованным и помнил ужасные истории, которые рассказывала бабушка: обиженные души обязательно вернутся, чтобы отомстить.

Но судя по прикосновению, с ним столкнулся не призрак, а человек.

Он тут же перестал бояться.

— Давай! — крикнул Окубо во тьму вокруг него, объявляя войну всему миру.

Ответа не последовало, и тень исчезла.

Он стоял, наклонившись вперед, сохраняя атакующую позу. Не понимал, сколько времени прошло, но больше никого не видел.

Луна вышла из-за туч, озарив землю ледяным светом.

Окубо вновь различал, что происходит вокруг, и черные тени, которые только что демонстрировали свирепые очертания, раскрыли свое истинное лицо: это всего лишь дом, пара деревьев и несколько его тупых земляков.

Окубо коснулся ребер, кровь от небольшой раны уже успела засохнуть. Кроме нее злоумышленник не оставил следов.

Рыбак вскинул голову и засмеялся, а остальные собрались вокруг него и хихикали вместе с ним,

алкоголь делал их улыбки искренними.

А в тени дома вдалеке рассмеялся Ватанабэ Ю. Вот и закончена его великая миссия, хоть и жаль, что он не увидит своими глазами, как эти твари корчатся и дохнут от боли.

Окубо и его дружки ушли далеко, они горланили песни и те походили на завывания волков и вопли призраков. И вот их спины растворились в темноте, словно смерть поглотила их.

Ватанабэ Ю вышел из тени, но не понимал, куда идти дальше. Изначально он приехал сюда изобличить охотников на дельфинов. Но по пути его цели постепенно менялись. И вот теперь ему нечего было делать.

За его спиной включился свет. Какой-то мужик вышел из дома, потирая глаза и ругаясь на ходу:

— Ты ублюдок, на дворе ночь, а ты тут поешь!

Ватанабэ Ю некуда было спрятаться, поэтому пришлось встретиться с мужчиной лицом к лицу.

Оба впали в оцепенение.

— Ты что здесь делаешь? — спросил Ватанабэ Ю. Он достал спрятанный нож, втайне виня себя за то, что совсем забыл про этого человека.

Хозяин дома поправил очки. Это оказался Кэйта.

— Я не могу вернуться в Унадзаву. Поэтому попросил принять меня здесь. В любом случае, у меня в той деревне родственников нет.

— А тут типа есть? — хмыкнул Ватанабэ Ю.

Кэйта посмотрел в том направлении, в котором ушел Окубо и его компания:

— А сам как думаешь?

Ватанабэ Ю проследил за его взглядом:

— Думаю, в их глазах ты хуже собаки.

Кэйта улыбнулся и не стал возражать. Он оглядел Ватанабэ Ю с ног до головы. Когда они познакомились, парнишка был еще худым и трусливым студентиком. Но пожив на борту какое-то время, утратил ребяческие черты и окреп.

Правда теперь он снова изменился, и перед ним стоял неопрятный и растрепанный парень, напоминающий бомжа. Но его глаза горели огнем мести, и Кэйта не осмеливался заглянуть в них.

— Как долго ты здесь? — спросил Кэйта.

— Месяц.

— Хочешь… — Кэйта осекся, увидев, что Ватанабэ Ю взялся за нож. Он натянуто улыбнулся: — Хочешь воды?

— Если только здесь… — пробормотал Ватанабэ Ю.

— Хорошо. — Кэйта спустился по ступенькам и

остановился перед ним.

Ватанабэ Ю не спешил вынимать нож:

— У меня есть еще один вопрос.

— Валяй!

— Почему ты меня тогда не убил?

— Да не было особой причины. — Кэйта пожал плечами. — Просто убийство выпускника университета показалось мне тяжким преступлением.

Ватанабэ Ю вздохнул и расслабился:

— Ладно, раз ты не убил меня на китобойном судне, то и я не хочу лишать тебя жизни. Давай попрощаемся.

— Но вообще-то я прикончил твоего дядю.

— Мы квиты.

Кэйта опустил голову:

— Нет, я передумал, тебе лучше умереть!

Он внезапно бросился вперед, а Ватанабэ Ю нырнул в сторону, не торопясь доставать короткий нож из импровизированных ножен, и заметил:

— Мы сейчас не в море. За убийство нужно нести ответственность.

— Но нож-то теперь у тебя.

Ватанабэ Ю ничего не ответил, лишь поднял руку, заслоняясь от очередного выпада.

Они стояли лицом друг к другу, как тогда на

китобойном судне, но теперь нож был у Ватанабэ Ю.

Кэйта кружил вокруг противника, но не мог придумать подходящего способа атаковать. Он снова сделал круг, внезапно отступил и исчез во тьме.

Ватанабэ Ю не знал, что собирается делать его враг, и продолжил стоять на свету с ножом в руке. Он целый месяц скрывался в Цуруяме, и не видел здесь ничего более современного, чем сияние этой обыкновенной флуоресцентной лампы.

Он погрузился в эти запутаные мысли, но тут лампа погасла, и его глаза не сразу приспособились к мраку. Кэйта набросился на него, Ватанабэ Ю засек его приближение и замахнулся ножом в том направлении, но не успел и получил апперкот.

Ватанабэ Ю рухнул на землю, оцарапав щеку о грубые камни. Сплюнул, но, к счастью, не потерял нож.

Кэйта снова атаковал, и его противник, который привык к мраку, бросился ему навстречу. Ватанабэ Ю не знал, сколько ударов получил сам, но успел порезать противника ножом раз семь или восемь.

Вот только Кэйта не прятался и не уворачи-

вался, а неистово атаковал. В ходе драки они оказались на обочине. Кэйта нанес очередной сильный удар, и нож вылетел из руки Ватанабэ и с резким звуком ударился о камень рядом. Поняв, что враг безоружен, Кэйта усмехнулся, шагнул вперед, схватил его за шею и, задыхаясь, процедил:

— У тебя нет шансов.

Ватанабэ Ю не мог говорить, из его рта вырывалось только шипение.

— Хочешь еще что-то сказать? — Кэйта слегка ослабил хватку. — Ну?

— Я передумал.

— Что?!

— Сдохни! — Ватанабэ Ю извернулся и пнул противника в грудь обеими ногами. Кэйта отпустил его и попятился, поскользнулся и упал назад. За его спиной была расщелина в скале, под которой располагался каменистый пляж.

Кэйта вскрикнул и полетел вниз, его вопли резко оборвались, и теперь слышался только шум волн, плещущихся о берег.

Ватанабэ Ю поднялся с земли. Он отлично ориентировался на местности и почти каждую ночь тренировался передвигаться здесь в темноте. Он специально действовал так, чтобы вынудить

Кэйту вырубить свет. Он не мог решиться убить его, поэтому поступил с ним так же, как Кэйта обошелся с ним.

Даже если Кэйта выживет при падении, раковые клетки проникнут в его кровь, так что долго он не протянет.

Ватанабэ, поднял нож с земли, потом протянул руку, чтобы коснуться контейнера с раковой тканью.

И тут пришел в ужас: стекло разбилось, а образцы прилипли к одежде. Осколки вонзились в грудь, но он не почувствовал боли из-за прилива адреналина.

Дул ночной ветер, мокрая одежда казалась ледяной. Ватанабэ Ю задрожал всем телом.

(32) Новости о «Карле Рейне»

— Пункт назначения «Карла Рейна» — Окленд, и мы отстаем от них на пять дней, — сказал Лиам. — Даже если мы будем идти на полной скорости, то доберемся до пункта назначения на десять дней позже, чем они.

— Что ты сказал? — спросил Ральф, решив, что ослышался.

— На десять дней позже… — Капитан похлопал по мостику. — Я очень люблю свою малышку, но она уступает «Карлу Рейну». Даже на полном ходу она намного медленнее…

— Ладно, — пожал плечами Ральф, — придется жариться на солнышке еще десять дней.

— Ошибочка! Я же сказал «даже», а не «если».

— И сколько времени нам реально нужно? — спросил Ральф.

— Около месяца. Я не смогу держать мою крошку на полной скорости. Ей вредно!

Ральф чертыхнулся. От ничегонеделания все его тело начинало зудеть.

На обратном пути жизнь в море показалась еще более скучной. У Нгуена закончились все ис-

тории о бывшей жене. Он молчал, сидя на палубе или в рулевой рубке, и читал какие-то дешевые любовные романы.

Ральф измерил длину палубы, собрал из хлама тренажеры и разработал для себя строгий план тренировок, чтобы поддерживать тело в форме. Кована такого не видывал. В Арктике инуиты всегда старались сохранить энергию и уменьшить потери тепла. Но когда Ральф тренировался, то оставался в одной майке и трусах, причем не только не чувствовал холода, но и, стоя на холодном ветру, истекал потом от жары.

Через несколько дней Энди прислал Ральфу интересную ссылку, и тот, изучив присланное, долго мерил шагами палубу прежде, чем решиться дать посмотреть ее Кована.

— Глянь-ка! — сказал Ральф, протягивая планшет.

Парень отвлекся от собственного компьютера. В последние несколько дней он подсел на мыльные оперы, сохраненные в памяти устройства.

— Что там? — спросил он.

— Узнаешь, когда посмотришь.

Кована взял планшет. Видео снимала трясущаяся портативная камера. Несколько человек гребли к большому розовому шару. Если при-

смотреться, тот казался куском мяса.

— Что это за еда? — спросил Кована.

— Терпение, мой друг… — горько улыбнулся Ральф.

Экипаж «Карла Рейна» очень усердно потрудился над этим видео: они смонтировали кадры, снятые в воздухе, на воде и под водой, и добавили несколько жутких саундтреков, чтобы получилось нечто наподобие короткометражного фильма ужасов.

Кована наблюдал, как они приблизились к мясному монстру, соприкоснулись с ним, подверглись нападению и, наконец, в панике бежали. Последний кадр был сделан уже с борта «Карла Рейна». Странный мясной шар плавал недалеко, но ощущения от него были уже совсем другие.

— И что тут не так? — нетерпеливо спросил Кована. Он редко смотрел подобные видео.

Ральф взял планшет у Кованы и приблизил картинку, чтобы показать белого медведя, после чего снова сунул планшет в руки инуита.

Лицо парня расслабилось, а глаза не отрывались от экрана. В конце он попросил:

— Быстрее, я хочу посмотреть еще раз.

Белый медведь на экране лежал на боку в воде, слегка прикрыв глаза, из его шеи вырастали

розовые опухоли, которые загораживали свет, идущий сверху.

Света подводной камеры хватило только на то, чтобы осветить небольшой участок непосредственно перед водолазом. По мере ее движения можно было рассмотреть тело зверя. От него остались только кожа и кости, большая часть шерсти выпала, обнажая коричневую шкуру, которая плотно облегала кости и выглядела какой-то угловатой, словно бы твердой. В отличие от огромной саркомы, медведь казался просто крошечным.

— Это… Могли? — спросил Кована.

— Я не уверен, а ты что думаешь?

Инуит снова посмотрел запись и с уверенностью заявил:

— На носу у него розовое пятно, возможно, это он.

— «Карл Рейн» нашел его в море, прямо перед нами.

— Это тот корабль, который спас Ватанабэ Ю?

Ральф кивнул.

— Что с ним случилось?

— Не знаю, но я никогда не видел ничего подобного…

— А зачем мне показываешь?

— Я подумал… ты… может… захочешь это уви-

деть…

Кована посмотрел на экран, долго думал, затем поднял голову и спросил Ральфа:

— Разве нам не надо искать японца?

— Ну, японец может и подождать пару дней… — сказал Ральф. — Но, честно говоря, мы, возможно, не сможем найти Могли, слишком уж большая площадь.

Инуит взглянул на экран, затем вернул планшет Ральфу:

— Давай забудем об этом, он упокоился с миром, и я не хочу его больше беспокоить.

— Ладно, — сказал Ральф. Он несколько минут топтался рядом, но Кована молчал, так что ничего не оставалось, кроме как развернуться и уйти.

Через несколько дней от Энди поступили новые подробности.

— Раковые клетки белого медведя заразили дайвера с «Карла Рейна», — сообщил Энди по коммуникатору.

— Что? Заразили? — удивленно переспросил Ральф. — Но я думал, что раком нельзя заразиться.

— Так мне сказал Ватанабэ Ю. Он считает, что в морской воде появились бактерии, которые могут внедряться в живые организмы и разла-

гать пластик. Эти паразиты достигли временного симбиоза с животными носителями. Именно он является причиной появления пластиковой сетки в организме, поддерживающей клеточную ткань.

— Вроде той, что мы видели, — кивнул Ральф.

— Да, он обнаружил ее на китобойном судне, — продолжил Энди. — Затем эти бактерии каким-то образом встретились с вашим мишкой, соединились с раковыми клетками и породили вот такого монстра.

— Могли упал в море рядом с мусорным островом. Если существуют бактерии, способные разлагать пластик, там их должно быть изрядное количество…

— Теперь, когда на «Карле Рейне» введен режим жесткой изоляции, наш японский друг не знает, пострадал ли еще кто-то.

— Он просто ходячее несчастье, — прокомментировал Ральф.

— Я думаю, стоит связаться с нашими китайскими друзьями, — напомнил Энди.

— В смысле, переговорить с ними про эту… мм… «болезнь»?

— Да, я отправил Ли Шили кое-какую информацию для ознакомления.

На следующий день, когда Энди снова связался с Ральфом, то огорошил его:

— Ватанабэ Ю сбежал!

— Что?!

— «Карл Рейн» прибыл в Окленд, капитан сообщил о ситуации в карантинную службу Новой Зеландии. Корабль заблокирован на подходе к порту и дожидается полной проверки, прежде чем сможет пришвартоваться. А Ватанабэ Ю спер спасательную шлюпку и высадился на берег в частном порядке.

— Почему он сбежал? Испугался?

— Нет, когда волонтеры исследовали странный кусок плоти, то собрали несколько образцов. Ватанабэ Ю прихватил их с собой. Кроме того, удалил часть видео.

— Каких еще видео?!

— По словам оператора, большинство роликов о нем, а еще два эпизода о событиях на китобое.

— А что там произошло?

— Резня.

Ральф помолчал несколько секунд и громко чертыхнулся. Затем принялся расхаживать по каюте и громко ругаться:

— Какого черта!

— В чем дело?

— Этот парень собирается отомстить! — С этими словами Ральф подбежал к двери и крикнул Лиаму, нежившемуся с книгой на солнце: — К какому порту мы сейчас ближе всего?

— Ближе всего? А зачем тебе?

— Нам надо свернуть туда!

— Дай-ка подумать… — капитан положил книгу на живот и посмотрел в небо, как будто видел там карту маршрута. Через несколько секунд сказал: — Ближайший Перт, это я точно знаю, потому что это родной город моей бывшей жены!

— Ой, только не надо больше про твою бывшую! Короче, мы плывем в Перт!

— В Перт? Разве мы не собирались догонять «Карла Рейна»?

— Появились дела поважнее!

— Ну лады!

«Касуга Хикару» направилась в Перт-Харбор, но к ним продолжали поступать новости о «Карле Рейне». У шести человек на корабле появились странные опухоли на теле, пока было неясно, вызваны ли они контактом с этим странным существом. Но в любом случае «Карл Рейн» стал проклятым кораблем.

Пять дней спустя «Касуга Хикару» пришвартовалась в гавани Перта. Нгуен припарковал свою

«малышку» в ряду частных роскошных яхт, где ее ржавый корпус напоминал пятно грязи на белом снегу.

Ральф и Кована спрыгнули с палубы на причал и повернулись, чтобы помахать рукой на прощание капитану. За более чем месяц плавания они мало что узнали о нем как о человеке, зато он внушил им страх перед женитьбой.

— Слышь, Нгуен! — пройдя несколько шагов, Ральф обернулся и окликнул Лиама, который собирался отплывать.

— Что еще такое?

— Задержись тут, навести свою бывшую!

— Не, я не пойду! Сам навещай, если хочешь! — ответил он.

— Еще как пойдешь! — сказал Ральф с улыбкой, развернулся и зашагал прочь.

Лиам, стоя на палубе, наблюдал, как двое чудаков исчезли вдалеке, горько улыбнулся и буркнул себе под нос:

— Ты ни на что не годен…

Потом снова привязал «малышку» к причалу и отправился искать ту жизнь, которую хотел.

Ральф остановил такси и попросил отвезти их прямо в аэропорт.

После того, как они сели, таксист принюхался

и опустил стекло. Ральф и Кована слишком долго пробыли в море. Пресной воды, чтобы искупаться и постирать одежду, им не хватало, так что от них исходил кислый запах. Однако водитель, судя по всему, часто посещал порт и успел повидать много грязных и вонючих моряков, так что особо не реагировал.

Они вернулись в лоно цивилизации, и смартфоны здесь могли куда больше, чем в море. Ральф поискал информацию о «Карле Рейне», но сообщений было не так много. Похоже, биологическая опасность никого особо не беспокоила. Он поискал посты в местных новостных каналах и на форумах Окленда. Казалось, о корабле никто не знает.

Наконец, он нашел кое-какие подсказки на форуме «Союза волонтеров против китобойного промысла». Судя по постам, новозеландский центр по контролю и профилактике заболеваний в итоге не сумел определить, что это за странная напасть, и предписал «Карлу Рейну» покинуть порт, а людям запретили высаживаться в Окленде. У волонтеров было несколько конфликтов с персоналом центра, но в конце концов корабль ушел в плавание. За это время от странной болезни скончались еще трое, и весь экипаж впал в

отчаяние. Новость разлетелась по всем портам, и их отказались принимать где бы то ни было.

Теперь «Карл Рейн» бороздит южную часть Тихого океана, словно одинокий призрак. Порой им даже доставляют припасы, но никто не хочет контактировать с ними.

Ситуация расстроила Ральфа. Он тоже был зоозащитником и знал, что его действия иногда считались радикальными, но, по крайней мере, он делал что-то, в чем сам видел смысл. Но здесь волонтеры оказались в беде, неважно, покарало ли их общество или загадочным образом нанесла удар судьба — какова вероятность увидеть полудохлого белого медведя в южной части Тихого океана? Этого хватило, чтобы разрушить веру всех членов экипажа «Карла Рейна».

Неизвестно, что с ними случилось.

Ральф вздохнул, положил планшет на колени, откинулся на спинку сиденья в такси и закрыл глаза. Водитель наблюдал за его действиями через зеркало заднего вида. Кована взял устройство и решил поискать какие-нибудь сериалы.

Зазвонил телефон, Ральф взял трубку. Звонил не Энди, а неизвестный номер.

— Привет. Кто это?

— Это Ли Шили, помните меня?

— Конечно!

— Тогда сразу к делу! — Ли Шили опустил преамбулу. — Энди прислал мне кое-какие данные, и это очень похоже на то, что я видел собственными глазами. Я проанализировал образцы, которые у меня были, и считаю, что это бактерии, которые могут поглощать пластик, а затем изменять его форму в соответствии со своей паразитической структурой. — Ли Шили сделал паузу. — Похоже на биологический 3D-принтер.

— Ну, я поднял из воды несколько кусков китового мяса, которое выкинули с китобойного судна, очень похоже на то, что ты рассказал, — подтвердил Ральф.

— Если то же самое происходит в южной части Тихого океана, значит, этот вид бактерий распространился по всему миру. И, по моим расчетам, если бактерии смогли занять весь организм кита, то процесс длился минимум от двух до четырех лет.

Новость была не слишком радостная, но и не самая страшная. Сейчас главное — не дать Ватанабэ Ю натворить глупостей, а вопрос с бактериями можно оставить на потом.

Ральф что-то хрюкнул, пытаясь придумать, что сказать.

Ли Шили продолжил:

— Энди показал мне, что произошло на «Карле Рейне». Я помню, вы упомянули, что у белого медведя Кованы был рак?

Ральф посмотрел на инуита. Тот пожал плечами. Ральф сказал:

— Да, наверное.

— Похоже, бесконечно размножающиеся раковые клетки достигли симбиотических отношений с бактериями. Раковые клетки бесконтрольно размножаются, а бактерии создают структуры, воссоздавая пластик для поддержания такого симбионта. В этом случае скорость заражения увеличивается как минимум в тысячу раз.

Ральф вспомнил трагическую судьбу «Карла Рейна», а потом подумал о том, что задумал Ватанабэ Ю, и громко чертыхнулся.

— Что случилось? — Ли Шили напугала его реакция.

— Да так, на ум пришла одна очень плохая мысль. Пожалуйста, продолжай исследования, и если что-то понадобится, попроси Энди. — Он выдержал паузу и продолжил: — Возможно, скоро нам придется столкнуться с катастрофой.

(33) Страшный ответ

Ли Шили тщательно проанализировал протокол осмотра образца странной плоти, проведенный на «Карле Рейне», а еще описание того, как Ральф и Ватанабэ Ю по отдельности препарировали китовое мясо и обнаружили пластиковую решетку между жировым и мышечным слоями.

Структура сетки на видео оказалась гораздо сложнее, чем у мелких животных, которых он находил в родной деревне. По крайней мере, насколько понял Ли Шили, все млекопитающие, рыбы и птицы были заражены.

Это межвидовое вторжение.

Больше всего Ли Шили потрясло видео с «Карла Рейна», которое он пересматривал бесчисленное количество раз. Эта странная субстанция очень быстро поглощала пластик. Бактерии, должно быть, развились в среде с чрезвычайно высоким содержанием полимеров.

В океане полно самого разнообразного пластика. С момента его открытия почти каждый год туда умышленно или непреднамеренно скидывают десятки миллионов тонн мусора. Океан не

может их переварить и просто несет все дальше. Они плавают, отражая солнечный свет, создавая тени под водой, а частицы пластика разносятся по свету. Они образуют новую экологическую среду, и новые формы жизни медленно адаптируются к ней. Точно так же, как млекопитающие адаптировались к миру после исчезновения динозавров. Возможно, эти бактерии станут первым шагом на пути, который приведет к вымиранию человечества.

Ли Шили собрал найденные материалы и написал статью, но не знал, куда ее отправить. Он сам понимал, что кроме нескольких бутылок морской воды из родной деревни, никаких веских доказательств у него нет. Все выводы в статье основаны на рассуждениях и догадках, умозрительны и не убедительны. Вряд ли кто-то усомниться в подлинности видеороликов с «Карла Рейна», которые прислал Энди, но и этого мало, чтобы включить их в статью.

Ли Шили нашел небольшую лабораторию, где мог временно проводить исследования, с помощью бывшего однокурсника. Тот сам возглавлял проект, но по-прежнему зависел от других.

Благодаря такой удаче Ли Шили смог проанализировать собранные им образцы морской

воды. Оказалось, эти бактерии действительно обладали одной интересной особенностью: в естественной среде они были почти неактивны, но когда сталкивались с живыми организмами, то словно по команде объединялись и немедленно приступали к работе.

В обычных условиях такой вид бактерий можно было бы много где использовать, например, в строительстве. Но теперь, когда они смогли проникнуть в человеческое тело, да еще и вступить в симбиотические отношения с раковыми клетками, две из наиболее неприятных для человечества проблемы объединили свои силы, чтобы нанести удар.

Энди помог Ли Шили связаться с несколькими экспертами по загрязнению морской среды в США и Великобритании. Однако, как и думал ученый, его личный авторитет был слишком низким, а данных и доказательств оказалось недостаточно. После обмена несколькими электронными письмами эксперты попросту перестали отвечать.

Ли Шили посмотрел множество голливудских блокбастеров и решил, что Энди как раз такой компьютерный гений или хакер, каких показывают в кино. Жаль, что его способности все-таки

были ограничены. Он не мог напрямую внедрять идеи в мозг других людей, чтобы те представили симбиоз бактерий и раковых клеток. Эта теория казалась слишком невероятной. Если Ли Шили хотел привлечь внимание мировой общественности, его доводы должны были всех поразить, но, увы, когда люди обратят внимание на этот новый вид, его уже будет невозможно остановить.

Сейчас Ли Шили ничего не мог поделать. Как бы он ни переживал, нужно просто сосредоточиться на исследованиях, и как сказал Ральф, быть готовым к катастрофе.

Чэнь Янь и Ся Цян также добились определенного прогресса в новых проектах. На этот раз Чэнь Янь нашел правильное направление. Его организаторские способности намного превосходили исследовательские. С помощью профессора он, ни на что не отвлекаясь, собирал средства для проекта. Он отбросил привычную лень и теперь каждый день носился как ошпаренный, будто ему сделали вливание петушиной крови,[27] и даже не успевал связаться с Ли Шили.

Однако профессор Ся несколько раз звонил и просил его вернуться в лабораторию. Честно

---

[27] Примечания: 27

Вливание петушиной крови — распространенный в период Культурной революции способ лечения.

говоря, это был неплохой вариант, ведь они приблизились к успеху. Профессор — эксперт по разложению пластика, и если рассказать ему о симбионте, он обязательно сможет помочь.

Но на пути встала глупая гордость Ли Шили. Он сказал Чэнь Яню, что хочет начать новый проект. А потому обратной дороги уже не было.

Однако в арендованной лаборатории ресурсы и инструменты были весьма ограничены: Ли Шили занимался исследованиями почти месяц, и его замыслы и личные сбережения практически закончились. Стиснуть зубы и упорствовать — плохая идея, так почему бы не вернуться к профессору?

Ли Шили вспоминал о мертвом младенце, который так и не открыл глаза, чтобы увидеть мир, и ушел, сделав лишь полглотка воздуха. Когда он был зачат, паразитические бактерии заместили большую часть его органов пластиком, но ему все равно повезло: другие зародыши даже не успели развиться.

Жители прибрежных районов могли быть заражены. Причем инфекция могла развиваться уже пять или даже десять лет. Хотя никаких последствий пока не видно, произошедшее в Цзянкоу и нескольких близлежащих деревнях показы-

вало, что инфицированные с большой долей вероятности больше не смогут давать потомство. Накопление пластика в организме приведет к тому, что у людей не останется потомков.

Как их спасти, как спасти своих родителей?

Как раз в тот момент, когда Ли Шили колебался, стоит ли связаться с профессором Ся, раздался звонок Энди.

— Господи, Ли, бери все, что ты там наисследовал, и пулей в Японию.

(34) Великий исход

Ральф и Кована в конце концов не добрались до Унадзавы.

Они поехали на арендованной старой «Хонде Аккорд» из аэропорта Осаки в родную деревню Ватанабэ Ю. Нужно было повернуть на знаменитую скоростную автомагистраль Ханва. Чем дальше они забирались на юго-запад, тем больше сходило на нет благоденствие вокруг. Здания по обе стороны дороги становились низкими и мрачными, но зато небо посветлело, а растительность казалась куда гуще. Когда за окном мелькнул дорожный знак префектуры Вакаяма, шоссе повернуло на юг, справа теперь виднелось море, а ветер, задувающий в машину, приносил с собой влажность. Небо стало темнеть, как будто свинцовые тучи нависали над морем. Ральф замедлил ход, но его внимание привлекло отнюдь не далекое небо.

Он не видел ни одной машины, едущей в том же направлении, что и они, зато навстречу автомобили двигались сплошным потоком. Когда Ральф и Кована миновали город Гобо и поверну-

ли на юго-восток, на противоположной стороне стало больше полос, но на некоторых участках даже образовалась пробка. На перекрестке Ральф остановился на красный свет. В левой полосе стояла только их серебристая «Хонда-Аккорд», а на противоположной выстроилась длинная очередь. Красный свет мигнул трижды, но пробка не сдвинулась ни на сантиметр.

— Ты чего не едешь? — спросил Кована, повернувшись к Ральфу.

Тот смотрел на встречную полосу. Сквозь стекло он видел напряженные лица людей. Машины стояли, но никто не расслаблялся. Водители вцепились в рули и пристально вглядывались в дорогу, словно боялись, что если зазеваются, то уже не смогут уехать.

— Там, впереди, что-то случилось, — сказал Ральф, — они все бегут.

— Поедем посмотрим? — Кована совсем не нервничал, но на его лице проступило беспокойство.

— Как скажешь.

Ральф нажал на педаль газа. На перекрестке горел красный, но очередь машин и так уже заблокировала проезд, поэтому «хонда» продолжила движение.

Вскоре навстречу промчалась последняя машина — красная малолитражка, круглая, как каравай. Вел ее пожилой мужчина лет семидесяти. На пассажирском сиденье ерзала пожилая женщина, а на крыше была привязана огромная матерчатая сумка размером чуть ли не с сам автомобиль.

Ральф наблюдал, как он скрылся из виду в зеркале заднего вида, и после этого навстречу им не попадалось ни души. Деревни по обе стороны дороги тоже казались безжизненными, не было слышно ни звука, наверное, всех жителей эвакуировали.

Когда навигатор показал, что до пункта назначения осталось чуть больше десяти километров, они увидели черно-белый фургон. Машина раскорячилась посреди дороги, а желтые проблесковые маячки на крыше мигали и гасли.

Ральф припарковался и вышел. Фургон был большим и тяжелым, его бока защищали стальные пластины, на борту красовалось несколько квадратных знаков. Ральф не мог их прочесть, но догадался, что в таком броневике могут сидеть либо полицейские, либо военные.

Из машины вышел японец в шлеме, возбужденно размахивая руками и говоря по-японски.

Ральф поднял руки, чтобы продемонстрировать отсутствие враждебности, подождал, пока мужчина успокоится, затем пожал плечами и вернулся к «хонде».

— Дальше не проехать.

— Почему?

— Да шут его знает, я ж не понимаю по-японски.

— По дороге сюда я увидел небольшую неохраняемую развилку.

— Да, я тоже ее приметил. — Ральф развернул машину и поехал обратно. Примерно через километр они уже покинули поле зрения броневика, но, оглядываясь назад, все еще видели отблески работающей мигалки.

Развилка уходила в чащу леса, уже совсем скоро им пришлось ехать по ухабистой дороге, и в шасси автомобиля попадали камни. Ральф вышел из «Хонды» и осмотрелся. Впереди яма на яме. Даже если он проедет здесь, следующий перекресток будет ему не по зубам.

Он вернулся и сказал Кване, который не покидал салон:

— Давай-ка отсюда прогуляемся!

Парень радостно вылез из машины, Ральф припарковался на обочине, и они углубились в лес.

Они шагали по тропе, уходя от развилки все дальше и дальше. К счастью, повсюду виднелись следы. Наверное, дорога вела в какую-то деревню. Навигатор на мобильнике велел им идти вперед. Ральф и Кована поднялись по пологому склону и внезапно оказались на каменной площадке. Это была выступающая часть горного массива. Внизу росли деревья, но сюда они не дотягивались. Она была обращена к морю, а остров Сикоку вдалеке казался тусклой тенью на горизонте, он ограничивал пролив Кии, соединяющий Внутреннее Японское море с Тихим океаном. Обычно отсюда открывался прекрасный обзор, должно быть, сюда стекались толпы туристов.

Но сегодня…

Ральф уже понял, с чем связан великий исход.

Пролив Кии шириной около пятидесяти километров, некогда серо-голубой, теперь был полностью покрыт розовой субстанцией. В небе зависли несколько вертолетов. По обе стороны пролива мигали проблесковые маячки. Наверное, полиция. Видимо, монстр начал вторгаться и на сушу.

Ральф знал, что это такое, видел чудовище на видео, но совсем другое лицезреть такое воочию: эта дрянь была в тысячи раз больше.

И носила ужасное имя — рак.

По спине Ральфа пробежал холодок, словно по позвоночнику заметались голодные муравьи. Он стоял, оцепенев, и вспоминал, как мучительно умирала от опухоли его бабушка, а потом тихонько чертыхнулся.

— Это рак? — спросил Кована. По пути сюда он бесчисленное количество раз слышал это слово в разговорах между Ральфом, Лиамом и Энди, но понятия не имел, о чем они. Теперь понял. Рак — огромное и ужасное животное, куда больше кита.

Ральф кивнул и сказал:

— Это самый страшный враг человечества за последние двести лет.

Он достал мобильный телефон, сфотографировал то, что видел, и отправил снимок Энди с припиской: «Бро, тут все хреново».

— Что происходит? — тот сразу перезвонил.

— То же самое произошло на «Карле Рейне», раковые клетки распространились. Этот японец, вероятно, увидел, как умер член экипажа, и решил использовать тот же прием против рыбаков с «Хаякагэ мару». Да, они заслуживают смерти. Но парнишка, видимо, не понял, чем это может грозить, а теперь шутка зашла слишком далеко,

масштаб проблемы велик… — сказал Ральф.

— Даже огромен… — поддакнул Кована.

Энди помолчал какое-то время, а затем сказал:

— Ральф, я не предполагал, что дойдет до такого.

— Мобилизованы японская полиция и силы самообороны.

— Но они просто не знают, как с этим справиться.

Ральф молча кивнул.

— Слушай, — внезапно сказал Энди, — вам следует быстрее покинуть Японию, тебе не справиться.

Ральф на мгновение задумался и посмотрел на Кована. Тот пожал плечами.

— Я хочу найти Ватанабэ Ю, — сказал Ральф.

— Зачем?

— Это мы его втянули, так что косвенно являемся виновниками в убийстве дяди. Я хочу спросить, что он планирует делать дальше.

— В смысле? Ты по-прежнему собираешься забрать его в Соединенные Штаты и обеспечивать до конца жизни?

— Он и сам очень талантлив. Смотри, чего сумел добиться в одиночку. Такое точно не под силу посредственности.

— Несмешная шутка, — холодно сказал Энди.

Ральф сухо кашлянул.

Энди молчал. Ральф услышал стук по клавиатуре. Через минуту компьютерщик сообщил:

— Последний раз его мобильник был в сети три дня назад, в двух километрах на северо-восток от деревни Цуруяма. Это где-то в семнадцати километрах от твоего местоположения.

— Семнадцать километров… — повторил Ральф. — Отправь координаты. Тут все перекрыто. Придется идти через лес.

— Он, вероятно, уже мертв, — продолжил Энди. — Даже если жив, он все равно убийца. Ты уверен, что хочешь это сделать?

— Позволь мне принять решение после того, как я увижу его. — Ральф повесил трубку и похлопал Кована по плечу: — Пошли.

Они еще раз взглянули на симбионта, раскинувшегося внизу, как одеяло, и показалось, что его границы немного расширились.

Дорога в Цуруяму была слегка ухабистой. Они вошли в лес, и теперь моря не было видно. Стемнело. К счастью, здесь оказалось много поселков. Тропа петляла от деревни к деревне, но всякий раз ее легко можно было отыскать.

Они миновали очередное селение, откуда, ве-

роятно, все эвакуировались. Возле некоторых домов одежда, которую оставили на просушку, развевалась на ветру с легким шорохом.

— Подожди, — сказал Ральф, остановив Кована. Он дергал одну дверь за другой и вскоре наткнулся на дом, хозяин которого убегал в такой спешке, что забыл его запереть.

— Пойдем. — Ральф позвал Кована внутрь, включил свет и нашел на кухне немного еды. — Голоден?

Кована кивнул.

— Тогда сначала перекусим.

Они нашли холодный рис, маринованную редьку и сушеную рыбу. Не слишком сытно, но приемлемо для тех, кто весь день провел на ногах.

Кована последовал примеру Ральфа, завернув редьку и рыбу в рис, и спросил:

— Тут так едят?

— Именно! — На самом деле Ральф не знал, но видел что-то подобное по телевизору всего несколько раз.

— Ты когда-нибудь кого-нибудь убивал? — снова спросил Кована.

Ральф остановился:

— Почему ты спрашиваешь?

— У нас бывали конфликты и драки, но без погибших. — Инуит откусил кусочек рисового шарика. — Нас и так мало.

— Я был солдатом, — медленно проговорил Ральф. — Убийство было моей работой.

— А как насчет Ватанабэ Ю? Можешь ли ты найти ему оправдание?

— Поэтому и собираюсь спросить его лично.

— Ты вправе судить его? — спросил Кована.

— Разумеется, нет, но Он… — Ральф ткнул пальцем вверх, — вложит нужные мысли в мою голову.

Кована скривился.

— То, что ты сейчас ешь, мы, считай, украли. Не забывай, — добавил Ральф, — так что ешь быстрее и не суди меня по своим инуитским меркам.

Парень принялся за еду без всякого стеснения, а Ральф смотрел на него и вдруг почувствовал себя виноватым за беспричинный гнев.

Зазвонил телефон, и Ральф взял трубку. Человек на другом конце провода, казалось, куда-то спешил и тараторил на дикой скорости. Ральфу оставалось лишь время от времени мычать, чтобы показать, что он слушает. Лишь через несколько минут у него появилась возможность вставить хоть пару слов.

— Нет, нет, — сказал Ральф, — нет, я не могу нести эту ответственность. Нет…

Впервые Кована услышал, как Ральф говорит про что-то «не могу», и сунул в рот очередной рисовый шарик.

Наконец собеседник умолк, и Ральф вздохнул и уныло согласился:

— Это из-за нас Ватанабэ Ю наворотил тут дел, мы совершили большую ошибку, и теперь со мной наш маленький инуит, а ты хочешь притащить еще и… э-э-э… ладно…

— Что случилось? — спросил Кована.

— Энди нашел нам помощника. Возможно.

(35) Встреча

На следующий день Кована встал рано, убрал все следы того, что они похозяйничали в опустевшем доме, и навел порядок. Потом разбудил Ральфа, и тот сел в углу, наблюдая за работой Кованы и время от времени позевывая.

— Нам пора. Нужно еще кое-кого найти.

Ральф съел на завтрак остатки вчерашнего ужина, и Кована пришлось опять убираться.

От этой деревни до Цуруямы было недалеко, и через час с небольшим они добрались туда, где пропал сигнал сотового телефона Ватанабэ Ю. Это был склон холма с видом на главную улицу, вокруг которого росли огромные лиственницы. Отличный наблюдательный пункт: отсюда легко увидеть деревню, но из деревни лес не просматривается.

— Отличное место. На его месте я бы тоже наблюдал отсюда, — сказал Ральф.

— Наблюдал за чем?

— За жизнью местных жителей, привычками и передвижениями.

— Правда? — Кована проследил за взглядом

Ральфа и посмотрел на Цуруяму. Это было похоже на охоту, вот только добыча Ральфа — люди.

Отсюда они отправились на поиски Ватанабэ Ю. Информация от Энди им была не нужна. Они прибегли к самому примитивному способу — чутью охотника, который ориентируется по следам, оставленным на растениях и чему-то в том же духе. К счастью, и Ральф, и Кована были отличными охотниками.

Ральф подумал, что на такой большой площади, да еще и с учетом пересеченной местности, покрытой густыми сосновыми лесами, найти японца по координатам не первой свежести будет невозможно. Но он оставил море следов: даже старый больной пес, слепой и с заложенным носом, взял бы след сразу.

Ватанабэ Ю сидел на большом, покрытом мхом камне и читал. При их приближении он закрыл книгу и спокойно встал, как будто его не удивило появление Ральфа.

— О, вот и вы!

Молодой человек перед ним кардинально отличался от того, каким его увидел Ральф при первой встрече. Он до сих пор помнил их знакомство на мероприятии по защите морских обитателей. Японец был еще совсем мальчиком, только что

окончившим университет, и стоял в толпе, растерянный, как испуганный олененок, случайно выбежавший на дорогу. Но, произнося с трибуны речь, он словно бы стал другим человеком: говорил громко, страстно, уверенно. Ральф ценил в нем еще одно неоспоримое достоинство — решимость добиться своей цели любой ценой.

Это было одной из причин, по которой он завербовал Ватанабэ Ю. Как и ожидалось, тот согласился поехать в Унадзаву, чтобы отправиться в море под прикрытием и взять на себя миссию по охране морских обитателей.

Но теперь, всего восемь или девять месяцев спустя, Ральф впервые усомнился в своей способности видеть людей насквозь. Стоявший перед ним человек, неопрятный, сгорбленный, грязный, постоянно отводил глаза. По его взгляду Ральф увидел, что некогда жгучее желание испарилось.

— Ты нас ждал? — спросил Ральф.

— Да, я знал, что ты, вероятно, придешь, — сказал Ватанабэ Ю. В клочковатой бороде что-то застряло, возможно, остатки пищи. — Ты сказал, что всегда держишь слово.

— Да, это так. — Ральф развел руками. — Изначально я просто просил тебя поработать агентом

под прикрытием в Унадзаве и заснять убийство дельфинов. Но я не ожидал, что ситуация будет развиваться подобным образом. Когда я услышал, что ты попал на борт китобоя, а потом был помещен под домашний арест, то немедленно помчался туда.

Ватанабэ Ю кивнул:

— Да, ты обещал, что я буду в полной безопасности. Я очень ценю, что ты приехал, но мне больше не нужна ваша защита.

— Почему?

Ватанабэ Ю медленно расстегнул одежду и обнажил грудь. Его кожу пересекало несколько ран. Они покрылись черными и пурпурными корками и, похоже, не были свежими. Из-под струпьев торчали зараженные ткани, размером и видом похожие на растущие древесные грибы.

— Ты тоже… — прошептал Ральф.

— Да.

— Что случилось? — спросил Кована.

— Пойдемте со мной.

Они спустились по склону холма и вошли в Цуруяму. Эта деревня была такой же, как и предыдущая. Большинство людей бежали в спешке и не успели запереть свои дома.

Ватанабэ Ю подвел их к краю скалы за рядом

домов:

— Раньше тут было море… — сказал Ватанабэ Ю.

С того места, где они стояли, воды не было видно, не слышался даже шум волн. Разросшаяся раковая ткань заполонила собой всю бухту. Ее поверхность казалась мягкой, как свежеиспеченный пирог, но имела отвратительный темно-красный оттенок, огромная опухоль слегка покачивалась, но было непонятно, из-за волн или сама по себе.

— Это Кэйта, — пояснил Ватанабэ Ю, указывая на гору раковой ткани. — Ну, или так его звали раньше.

Он все рассказал Ральфу и Кокане. Той ночью он скинул Кэйту со скалы. Все враги получили по заслугам, но сам Ватанабэ Ю поцарапался осколками стеклянного контейнера, и его тоже заразил мутировавший симбионт. Сначала он ненадолго запаниковал, а затем почувствовал облегчение. После всего, что произошло, смерть его не страшила, а скорее стала бы облегчением. Ватанабэ Ю уже составил план: спрятаться в горах и лесах Вакаямы, вдали от человеческого общества и пластиковых отходов. Если мутировавшая раковая клетка не питается пластиком, то растет не так

быстро. Он еще поживет. Ну, какое-то время.

Но все изменилось.

Под скалой находилось несколько прудов с рыбой, принадлежащих жителям деревни. Люди здесь зарабатывали не только рыбной ловлей, но и аквакультурой.

Кэйта упал в один из таких прудов, и неясно, умер ли на месте. Частицы пластика в воде и рыба обеспечили питанием как бактерии, так и раковые клетки. Последние начали разрастаться. Первые же инстинктивно искали пластик. Всего за несколько дней эта дрянь распространилась на соседние деревни и поползла дальше. Сначала местные подумали, что это какое-то неведомое морское животное, и любопытные даже подошли, чтобы рассмотреть его поближе. Возможно, привлеченная пластиковыми изделиями на телах жителей деревни или еще почему-то раковая ткань проглотила троих человек, а остальные в панике бежали обратно в деревню.

Но всего через одну ночь раковая ткань разрослась, пересекла береговую линию длиной более ста метров и вторглась в поселок.

И это только на суше, в океане она росла быстрее.

Люди начали спасаться бегством, бросая наси-

женные места.

Ватанабэ Ю скрылся в горах и был не в курсе, что произошло дальше.

— Зато мы в курсе. Этот твой Кэйта заполнил пролив Кии. Люди эвакуировались. Туда стянули военных и полицию.

Ватанабэ Ю сел и опустил ноги со скалы:

— Это все моя вина.

Кована сел рядом с ним плечом к плечу.

Японец взглянул на инуита и отодвинулся.

— Это моя вина, — сказал Кована.

— Ты-то тут при чем? — удивился Ватанабэ Ю.

— Я понял все, что вы сказали. Рак, про который вы говорили, от Могли.

— Могли? Кто это?

— Тот самый белый медведь, — пояснил Ральф.

Ватанабэ Ю вспомнил видео, снятое водолазом, когда тот впервые увидел симбионта в южной части Тихого океана и охнул.

— Это я привез Могли, — сказал Кована.

— Слушайте, у вас что, соревнование, кто хуже? — вмешался Ральф. — Пластиковые отходы люди производят уже более ста лет. Кто-нибудь обязательно выпустил бы этого джинна из бутылки. А теперь давайте подумаем, как нам быть.

— Я? Я… — Ватанабэ Ю указал на свою грудь. —

Я смирился…

— Нет, не сдавайся, у нас… еще есть надежда! — сказал Ральф.

Пока они разговаривали, позади них послышались чьи-то шаги. Японец быстро закрыл лицо одеждой. Ральф настороженно посмотрел на дорогу, ведущую к деревне. Звук доносился из-за домов.

Звук стал громче, к нему добавилось невнятное бормотание. На тропинке появился мужчина, который держал в руках мобильник и шел, уткнувшись в экран. Он даже не заметил людей перед собой.

Это был Ли Шили. Ральф вздохнул с облегчением и тут же воскликнул:

— Ты сейчас в море свалишься!

Ли Шили резко остановился, оторвался от экрана и увидел его. С напускным спокойствием сказал по-английски:

— Здравствуйте, господин Гейбл. Энди дал мне ваши координаты, и я прилетел ночью. Я вам нужен… — Он вдруг остановился, посмотрел на раздувшегося симбионта внизу и закричал на своем родном языке: — Черт побери! Что это за хрень?

— Это симбиоз бактерий и раковых клеток, —

пояснил Ральф, который догадался, чему удивился Ли Шили.

— Твою ж мать, а я-то думал… — ученый снова перешел на английский: — Вы поэтому обратились ко мне?

Ральф кивнул, а затем представил остальных:

— Это Кована, вы уже знакомы.

Ли Шили подошел, чтобы пожать руку парню. Хотя они уже встречались раньше, юный инуит еще слегка смущался.

— Ватанабэ Ю, морской биолог. Ли Шили, биоинженер. Он первым изучил эти бактерии.

Ли Шили протянул руку японцу, но тот попятился. Ли Шили подумал, что новый знакомый не хочет с ним знакомиться, поэтому слегка напрягся. Но тот лишь горько усмехнулся, расстегнул одежду и показал раковую ткань на своей груди.

— О, ты тоже… мне очень жаль, — сказал Ли Шили.

— Ладно, ладно, не будь идиотом и не снимай одежду при первом встречном! — Ральф махнул рукой.

— Вы просили меня приехать. Зачем? — спросил Ли Шили.

— И что думаешь про эту дрянь? — спросил Кована.

— Эту дрянь? — переспросил Ли Шили. Они с Ватанабэ Ю переглянулись с одинаковым отчаянием в глазах. — Если то, что вы мне показали, правда, тогда против нас объединились три заклятых врага человечества — бактерии, рак и пластик.

— Можно как-то решить эту проблему?

— Решить? — Ли Шили и Ватанабэ Ю снова посмотрели друг на друга, в их глазах читалось: «Невежество — страшная штука».

— Господин Гейбл, простите, не хочу никак вас задеть, но позвольте спросить. Мы же иностранцы на этой земле, с чего нам решать эту проблему? — не унимался Ли Шили.

Ральф указал на Ватанабэ Ю и Ковану:

— Эти два парня несут ответственность за проблему. Если мы не разрешим вопрос, они станут врагами человечества.

Ли Шили не понимал, что имеет в виду Ральф. Он снова посмотрел на нового знакомого, но на этот раз японец опустил голову. Видимо, американец имел основания так говорить.

— Хорошо, — Ли Шили вздохнул. — Что нам делать?

— Думаю, напасть на него невозможно, — сказал Кована и, прежде чем кто-либо успел

отреагировать, ответил сам: — Так что я не смогу помочь.

— Ну, что думаете? — спросил Ральф.

— У меня сейчас нет идей, — признался Ватанабэ Ю. — Но зато на ум приходит одна проблема.

— Выкладывай!

— Ты только что сказал, что симбионт полностью оккупировал пролив Кии и растет в сторону мест с большим количеством пластика. — Ватанабэ Ю посмотрел в сторону главного острова Японии. — Когда симбионт пройдет через Наруто, то попадет во Внутреннее море. Там есть несколько островов, заваленных мусором. И даже несколько морских ферм с годовым объемом производства в сотни тысяч тонн.

— Это рай для симбионтов, — добавил Ли Шили.

— А мы не сможем его остановить? — спросил Кована.

Ральф посмотрел на монстра, уходящего за горизонт, и сказал:

— Ну, мы точно не сможем. Надо известить японское правительство.

— И кто их известит? — спросил Ватанабэ Ю.

— Они не поверят, — Ли Шили покачал головой.

Ральф набрал номер Энди и сказал раньше, чем тот успел заговорить:

— Мне нужно связаться с кем-нибудь в правительстве. Чем-то можешь помочь?

— Без шансов, — отрезал Энди. — Если б это был президент США, еще можно было бы на что-то надеяться. Но это Япония. Я не изучал, что там с файрволлом, и не понимаю, как там действует правительство.

— Надо что-то придумать. — Ральф начал чесать затылок. Он еще не привык к такой тактике боя. Если бы этот проклятый симбионт был размером с человека и двигался как человек, он бы убил его бесчисленное количество раз.

— Я знаю кое-кого! — воскликнул Ли Шили. — Может, что-то и получится.

(36) Тесный контакт

Ся Цян и Чэнь Янь обсуждали ход проекта. Чэнь Янь планировал набрать в команду несколько студентов и делился своими соображениями с профессором. В это время зазвонил телефон. Ся Цян посмотрел на экран, а затем сунул трубку под нос коллеге. Они переглянулись и улыбнулись.

— Привет, Сяо Ли, — сказал профессор.

— Профессор Ся, вы не заняты?

— Я свободен, свободен, — Ся Цян поерзал в кресле.

— Хорошо, откройте свой почтовый ящик. Я отправил вам письмо.

— Письмо? — переспросил Ся. Он-то думал, что Ли Шили хочет вернуться в исследовательскую группу, и порадовался. Но не ожидал, что тот заговорит на какую-то другую тему. — На какой адрес отправил?

Ся Цян открыл ящик и обнаружил два письма. Щелкнул по вложению и повернул экран так, чтобы было видно и Чэнь Яню.

На видео гроздья розовых кист заполнили со-

бой пролив, а некоторые даже вылезли на сушу. Снимали издалека, деталей нельзя было рассмотреть, розовая масса казалась слишком яркой и несовместимой с окружающим пейзажем, как будто в дешевом фильме.

Ся Цян не понял, что все это значит, поэтому нажал на второе видео.

Там тоже оказалась розовая опухоль, но уже у человека на груди.

— Что это? — сказал Чэнь Янь.

— Это… опухоль? — профессор на мгновение задумался.

— Согласно моему выводу это симбиоз бактерий и раковых клеток, — сказал Ли Шили по телефону. — Я послал кое-какую информацию вам на почту.

— Где ты нашел эту субстанцию? — спросил Ся Цян.

— В моей родной деревне, в Антарктиде, в Японии. Такое встречается по всему миру.

Профессор просмотрел информацию, отправленную Ли Шили, и сердце у него сжималось все сильнее. Всю свою жизнь он изучал способы решения проблемы пластикового загрязнения и значительно в ней преуспел. Но мир менялся слишком быстро, и все его потуги оказались про-

сто каплей в море. Чем больше отходов оставлял после себя человек, тем критичнее становилась ситуация.

Теперь пластик перестал быть единственной угрозой человечеству, он стал рассадником еще большего зла.

Ся Цян снял очки и протер запятнанные стекла. Откинулся на спинку стула и глубоко вздохнул.

Чэнь Янь обеспокоенно спросил:

— Вам плохо? Водички принести?

Профессор отмахнулся, мол, с ним все в порядке, выпрямился и приказал:

— Отмени все ближайшие дела.

— Что? — удивился Чэнь Янь.

Ся Цян сказал в трубку:

— Сяо Ли, скажи мне, что я могу сделать?

— В Японии произошла вспышка, но нынешние действия японского правительства неправильны и неэффективны. Я помню, что у вас есть друзья в Японии. Мне нужно, чтобы вы связались с ними и поделились информацией, так японцы изменят свое мнение. — Ли Шили немного подумал и добавил: — Я думаю, вам лучше приехать. Обладая сведениями из первых рук, вы можете стать консультантом японского правительства, это поможет продвигать и будущие проекты.

Ся Цян, не выпуская телефон, дважды постучал костяшками пальцев другой руки по столу, а затем медленно произнес:

— Сяо Ли, перед лицом катастрофы о таком не стоит упоминать. Я поеду в Японию прямо сейчас, обсудим вопросы на месте.

— Вы правда решили ехать в Японию? А нам что здесь делать? — спросил Чэнь Янь.

— Конечно, еду. Если все это правда, то на горизонте маячит настоящая катастрофа. — Профессор внезапно улыбнулся, но его улыбка быстро потухла. — Ты же видел, это проблема не просто определенного региона или страны. Это кризис, который затрагивает все человечество. Я всю жизнь изучаю разложение пластика, но ничего особо не добился, никто обо мне и не знает.

— Это не так…

Ся Цян отмахнулся.

— Мне уже за шестьдесят. Вот уж не думал, что мне, как сознательному гражданину, выпадет шанс сделать что-то во благо общества. Это большая честь! — Он снова улыбнулся и, потирая руки, сказал: — Я очень взволнован от того, что снова смогу отправиться на передовую!

За долгие годы знакомства Чэнь Янь впервые увидел старика таким взбудораженным. Он по-

нял, что это дело действительно заинтересовало Ся Цяна, поэтому не стал его отговаривать:

— Я закажу вам билет прямо сейчас. Буду пока потихоньку продвигать проект. А вы спокойно ведите свою войну.

Ли Шили повесил трубку и кивнул остальным, показывая, что вопрос решен.

— Надежный мужик? — спросил Ральф.

— Абсолютно! Он мой наставник и эксперт по разложению пластика в Китае. Я попросил его приехать в Японию, чтобы скоординировать отношения между научными кругами и правительством.

— Что дальше? — спросил Кована.

— Отправимся на передовую и посмотрим, — сказал Ральф.

— Я буду ждать вас здесь, — немедленно откликнулся Ватанабэ Ю.

— Так давай с нами.

Японец махнул рукой и сказал:

— В машине полно пластиковых изделий, что для меня небезопасно…

— Хорошо, береги себя и давай поддерживать связь. — Ральф достал из кармана мобильный телефон и бросил его больному.

Тот даже не стал его ловить, трубка упала на

землю, дважды перевернулась и полетела со скалы.

— Это же тоже пластик… — криво улыбнулся японец.

— Тогда как нам тебя найти? — спросил Кована. — Только не сдавайся!

— Я подумаю, как это сделать, и свяжусь с вами, когда придет время.

Взгляд Ральфа замер, он словно что-то обдумывал. Ватанабэ Ю не отвел глаза и выпрямился, расправив грудь. Наконец, Ральф вынес решение:

— Свяжись с нами как можно скорее. Нам все еще нужна помощь с некоторыми деталями.

Японец кивнул.

Они втроем покинули Цуруяму и пошли по лесной тропинке туда, где оставили машину. Рядом с «Хондой Аккорд», которую взял напрокат Ральф, был припаркован огромный небесно-голубой «лексус». Ли Шили нажал на кнопку ключа, фары внедорожника вспыхнули, и дверь автоматически открылась.

— Ты шутишь? — сказал Ральф.

— Это Энди арендовал. Он сказал, мол, если хотите ездить по горным дорогам, то нужен внедорожник, — невинно заметил Ли Шили.

— Я хочу в эту машину! — Кована первым залез в «лексус».

Ральф посмотрел на свою «хонду», затем развернулся и сел в машину Ли Шили.

«Лексус» выехал из леса на главную дорогу, но вскоре они наткнулись на пробку — путь был заблокирован. Ли Шили сбросил скорость, повернул руль, выехал на встречную полосу и сказал:

— Они уже стояли здесь, когда я ехал в ту сторону. Туда никто не едет, так что правила не нарушим.

— Стой, — велел Ральф, — сейчас в машинах никого нет.

Ли Шили остановился. Ральф был прав, в машинах никого не было. Некоторые двери были открыты, двигатели продолжали работать, но владельцы куда-то подевались.

Как вскоре выяснилось, небольшой симбионт заполз на длинную вереницу машин посреди дороги.

Впрочем, сказать, что этот мутант был небольшим — все равно, что сравнить бегемота с гигантом более пятидесяти километров в ширину. Тот, что находился перед ними, казался немаленьким даже для «лексуса», за рулем которого сидел Ли Шили.

Симбионт был метра три-четыре в высоту, тридцать метров в длину и очень много весил, смяв своим телом несколько машин. Он «сожрал» все пластиковые детали автомобилей, оставив только тяжелую железную оболочку, похожую на скелет без кожи.

— Посмотрите туда, — сказал Кована, указывая на машину. В черном «приусе» сидело несколько человек.

Если можно было так сказать. Чудовище вторглось в машину через открытое окно и захватило всех, кто не успел убежать. Они все еще напоминали людей, но подкожную клетчатку съели растущие раковые клетки, так что теперь эти бедолаги больше походили на мумий. На лицах с обвисшей кожей застыл ужас.

И так было не только в «приусе».

— Какой ужас… — пробормотал Ли Шили. — Наверное, симбионта разнесли жители Цуруямы. Ватанабэ Ю порезал их ножом, зараженным раковыми клетками. Затем они покинули родную деревню. В результате симбионт распространился.

Ли Шили вдруг что-то вспомнил и резко нажал на тормоза.

— Дай-ка мне мою сумку, — он повернулся к

Кване, сидевшему на заднем сиденье. — Только аккуратнее.

Тот передал сумку, Ли Шили достал стеклянный контейнер и вышел из машины.

— Ты чего удумал?

— Соберу несколько образцов.

Ли Шили осторожно подошел к симбионту, но у него не было подходящих инструментов. Он почесал в затылке, поднял с земли большой кусок битого стекла и зажал его в руке, готовясь отрезать кусок от монстра.

— Подожди! — остановил его Ральф. — Не глупи! Если ты поцарапаешься, то заразишься. — Он снял с пояса складной нож, выдвинул лезвие и передал ученому. — Лучше уж этим.

— Почему ты носишь с собой нож?

— Да так, прикупил в городе на всякий случай.

Ли Шили отсек кусок от симбионта. Раковую ткань было легко резать, нож почти не встречал сопротивления. Тем не менее, пластиковая сетка, расположенная глубже, оказалась прочнее, и даже острым ножом было трудно ее рассечь.

Наконец Ли Шили получил образец и кончиком ножа положил его в стеклянный контейнер. Симбионт казался мягким, не реагировал на внешний мир и вообще не имел сознания. Не-

смотря на трагедию, произошедшую буквально в пятидесяти метрах отсюда, ученый все еще не мог поверить, что эта субстанция может уничтожить всю человеческую цивилизацию. Таков человеческий инстинкт — не ощущать приближение катастрофы, а потому медлить и лениться.

Ли Шили встал и посмотрел через окно на трупы. Рано или поздно все люди станут такими же, как эти мумии, если не отреагируют на кризис, иначе самое большое, что они успеют — это пару раз притворно крикнуть.

Он вернулся в машину и положил стеклянный контейнер в рюкзак, передал тот Кованe, но парень замахал руками, и Ли Шили ничего не оставалось, как самому положить груз на заднее сиденье.

«Лексус» продолжал двигаться вперед, и вскоре они снова проехали мимо похожей сцены, однако в этот раз не остановились. Ли Шили очень быстро вел машину по встречной полосе. Поскольку у китайцев правостороннее движение, он чувствовал себя некомфортно за рулем. Но по пути им не встретилось ни одного автомобиля.

Автомобиль въехал в Гобо, небольшой город в префектуре Вакаяма. У местных жителей, живших на зарплату, не было возможности бежать

из дома, как у рыбаков, так что они оставались на своих местах, скролили новости, смотрели телевизор и молились, чтобы Гобо не постигла катастрофа.

Ли Шили, Ральф и Кована закупились в универмаге и продолжили движение вперед. Им пришлось вернуться в Осаку и объехать окраину города, прежде чем они смогли добраться до моста Онаруто.

Мост Онаруто пересекает пролив Наруто и соединяет город Авадзи в префектуре Хёго и город Наруто в префектуре Токусима на острове Сикоку. Его длина составляет одну тысячу шестьсот двадцать девять метров. Здесь находится знаменитая достопримечательность Наруто — один из трех крупнейших водоворотов в мире. Канал соединяет Внутреннее море и Тихий океан, и под действием приливной силы вода попадает сюда и из Внутреннего моря, и из Тихого океана. С учетом сложного рельефа на дне пролива несколько течений сталкиваются друг с другом, образуя знаменитый водоворот Наруто с диаметром более тридцати метров.

Однако теперь симбионт полностью заблокировал канал Кии, и никакие океанские течения не попадали сюда, превратив пролив Наруто в

бассейн со стоячей водой.

Мост встал в пробку из-за машин, спешно покидающих Сикоку. Ли Шили остановила военная полиция, им не разрешили двигаться вперед. Пришлось припарковаться перед мостом и со смотровой площадки издалека наблюдать за приближением симбионта.

К счастью, до Наруто было еще далеко, и при нынешней скорости на прохождение пролива у симбионта уйдет как минимум неделя.

Значит, за это время нужно найти решение.

На Авадзи они застали настоящее столпотворение, но с огромным трудом нашли-таки небольшой отель и купили в ближайшем магазине онигири, чтобы утолить голод. Поскольку машины застряли в пробке, многие люди вышли из своих автомобилей, но отказались уходить далеко, и им ничего не оставалось, как провести холодную осеннюю ночь прямо на дороге.

Номер в отеле был небольшой комнатой в теплых тонах, оформленной в традиционном стиле, с деревянными стенами и небольшим столиком в углу.

С выбором им повезло, так как Ли Шили нужна была среда, свободная от пластика. Он убрал со стола телевизор, пульт, корзину для бумаг и пе-

реставил их в ванную, а затем достал из рюкзака стеклянный контейнер, в котором находился образец симбионта.

— Что ты хочешь сделать? — спросил Кована.

— Изучаю, как от этого избавиться.

— Есть ли какие-то идеи?

— Пока нет.

— А что…

Ральф похлопал Кована по плечу и дал ему знак больше не задавать вопросов, потом вывел инуита из комнаты, закрыл дверь и оставил Ли Шили, чтобы тот мог в одиночестве сосредоточиться на своих исследованиях.

Симбионт спокойно лежал на дне стеклянного контейнера, виднелись отрезанные концы пластиковой сетки. Ли Шили внимательно наблюдал за субстанцией. За день не произошло никаких изменений, никакого распада или ухудшения состояния, но и новые клетки не наросли, чтобы зарубцевать рану. Ученый пока не мог понять, каковы отношения между участниками симбиоза.

Он достал из кармана стеклянную бутылочку, в которой находился небольшой кусочек «Цзяньму 2417». Открыл ее и положил внутрь несколько кусочков пластика. Их тут же обвили ветки растения, потянулись новые ростки, слов-

но у ящерицы, отращивающей сломанный хвост. Вскоре кусок пластика распался, и от флакона повеяло алкоголем.

Стебель «Цзяньму 2417» стал намного длиннее, и высунулся наружу. Ли Шили ножницами отрезал от него часть и поместил ее в емкость с образцом.

Побег упал неподалеку от мутанта, вытянул крошечные корешки и пополз к нему. Сцена была странной: растение собиралось напасть, а симбионт, состоящий из животных клеток и бактерий, оставался неподвижным.

Ростки вскарабкались на него, волокнистые корни проникли в раковую ткань. Ли Шили знал, что растение ищет пластиковую сетку внутри. Вскоре из короткого побега в сторону симбионта потянулись новые корни. Стебель тоже вырос, разветвился надвое. Он обвил симбионта, как паук, опутывающий добычу шелковой нитью.

Через некоторое время «Цзяньму 2417» поглотил всю пластиковую сетку. Без поддерживающего скелета раковые клетки симбионта представляли собой не что иное, как груду гнилой плоти.

Итак, «Цзяньму 2417» способен поглощать пластик в симбионте.

Ли Шили уже хотел сообщить эту новость Ральфу и Кокане, но остановился в дверях, задаваясь вопросом, как объяснить существование гибрида. Это был единственный образец, который Ли Шили нашел в прорехе своей одежды после инцидента на свалке. Кроме ученого, больше никто в мире не знал о существовании растения. Однако объяснить Ральфу его происхождение было бы слишком сложно.

Лучше подождать.

Ли Шили отступил назад, собрал все материалы и вышел из комнаты. Во дворе отеля Ральфа и Коканы не оказалось, вероятно, они решили отдохнуть. Только тут ученый вспомнил, что всю ночь добирался до Японии и не спал более тридцати часов. Непонятно, как Энди удалось выполнить все формальности за сутки. Мысли начали путаться, и Ли Шили вернулся в свою комнату поспать.

(37) Большой взрыв

На следующий день пробка никуда не делась, но поскольку рост симбионта начал замедляться, страх и бдительность притупились. Некоторые из тех, кто пытался сбежать, собрались на смотровой площадке у моста Онаруто, издалека рассматривая пролив Кии, заполненный розовой массой, достали мобильники и принялись искать удачное место, чтобы сделать селфи с монстром.

Ли Шили снова связался с профессором Ся, и все прошло гладко. Всего за день тот прочитал все отчеты Ли Шили и более поздний анализ Ватанабэ Ю. Еще вечер потребовался ему на то, чтобы связаться с несколькими профессорами из Киотского и Токийского университетов. Благодаря упорству Ся Цяна они быстро осознали важность проблемы и совместно внесли предложения правительству по изменению соответствующих стратегий. В Японии создали несколько исследовательских групп, чтобы провести целенаправленное изучение симбионта. Профессор уже забронировал билет на самолет и вечером должен был прилететь в Японию, а в команде по

ликвидации последствий стихийных бедствий его ждала должность консультанта.

— Сяо Ли, информация, которую ты мне прислал, всех очень заинтересовала, она чрезвычайно важна для решения проблемы, — сказал по телефону Ся Цян. — Я порекомендую тебя в команду.

— Необязательно.

— Почему? — Профессор явно был озадачен: — Ты все еще считаешь, что я тебе не верю?

— Нет, учитель, вы неправильно поняли, — быстро поправил его Ли Шили. — Раскрыть дело мне помогли несколько друзей. Мы сейчас на месте происшествия и можем получать информацию из первых рук. Так что я останусь на передовой.

Ся Цян подумал и ответил:

— Ты прав, но прошу соблюдать все меры безопасности. Судя по сообщениям, ситуация там оставляет желать лучшего.

— Я знаю, — согласился Ли Шили.

— Мне пора на посадку, будем на связи.

Ли Шили повесил трубку и съел на завтрак онигири.

Кто-то постучал в дверь. Это был Кована.

— Звонит Ватанабэ Ю, — сообщил он.

Ли Шили последовал за ним в комнату Ральфа. При их появлении тот включил громкую связь.

— Мы здесь, в проливе Наруто, симбионт временно успокоился, и его рост замедлился, — сказал Ральф в трубку.

— Думаешь, все позади?

— Не уверен, — сказал Ральф.

— Я тут кое-что подумал… — сказал Ли Шили. — Как ты думаешь, он перестанет расти, если ему нечем будет питаться?

Ватанабэ Ю какое-то время молчал, как будто размышлял:

— Мне кажется, да. Когда мы впервые столкнулись с симбионтом в море, он, казалось, оставался в этом состоянии довольно долго. Я не знаю, как он выживает без пластика, но, кажется, его клетки просто впадают в спячку, а как только симбионт сталкивается с полимерами, то активирует свою жизненную силу.

— Я тоже так думаю, — сказал Ли Шили. — По пути в Осаку мы видели двух небольших симбионтов. Похоже, они перестали расти на определенном этапе. Для развития ему нужны два источника, причем пластик важнее.

— Согласен, — сказал Ватанабэ Ю. — Итак, можем ли мы прийти к выводу, что симбионт

временно впал в спячку?

— Ну… — Все трое одновременно выглянули в окно. Хотя монстра отсюда не было видно, им показалось, что нужно подтвердить теорию именно таким образом.

— О, нет! — крикнул Ватанабэ Ю, не дожидаясь ответа.

— В чем дело?

— Вы все ошиблись! Под проливом Наруто пролегает траншея, средняя глубина которой более чем на сто метров больше пролива Кии… симбионт не перестал расти, он…

Словно в ответ на его слова снаружи внезапно раздались крики, причем кричал не один человек, а сразу десятки или сотни людей одновременно.

Ральф среагировал быстрее всех. Он мгновенно выбежал наружу и увидел людей, с криками бегущих назад. На них надвигалась огромная волна.

Она обрушилась на тех, кто не сумел вовремя покинуть смотровую площадку, ударив о землю, словно марионеток, и закружив в водовороте. Прежде чем люди у отеля успели понять, что происходит, десятки тонн воды отхлынули.

Отступая, волны утащили с собой зевак, которые подошли к краю площадки, те рухнули в

морскую воду с высоты в десятки метров, и все произошло так стремительно, что никто даже не успел крикнуть.

Ральф продирался сквозь встречный поток к смотровой площадке, крича на ходу:

— Не бегите! Спасайте людей!

Но большинство не понимало английского, так что никто не останавливался.

Он помог некоторым людям, которые наглотались воды или застыли на месте в оцепенении, и отвел их в безопасное место. Потом осторожно подошел к краю обрыва и посмотрел вниз: огромная волна отступила и, похоже, навсегда.

Как и ожидал Ватанабэ Ю, симбионт не прекратил свой рост. Он пробрался в траншею на дне пролива Наруто и переместился во Внутреннее море. Когда же вступил в контакт с необходимыми ему питательными веществами, начался взрывной рост.

Та часть симбионта, которая первоначально занимала пролив Кии, увеличилась в размерах и продолжала распространяться, всего за несколько минут превысив темпы роста за последние несколько дней. Поверхность моря на другом конце пролива Наруто медленно побледнела и порозовела, а затем симбионт всплыл со дна.

Сейчас только в траншее под проливом Наруто осталось немного воды. Остальное место заняла плоть монстра. А огромная волна появилась из-за него, вытеснившего остатки жидкости.

Люди снова побежали от опасности. После тихой ночи они уже решили, что все миновало. Некоторые даже подумывали вернуться в родные места. Но теперь наивная идея вдребезги разбилась о реальность, и никто не хочет оставаться здесь даже на минуту. Учитывая скорость роста симбионта, такой маленький островок, как Авадзи, он займет всего за несколько минут. Нужно было как можно скорее бежать на главный остров через мост Акаси-Кайкё, чтобы появился хотя бы крошечный шанс выжить.

Симбионт продолжал увеличиваться, и розовая раковая ткань вторглась на сушу вдоль береговой линии, словно взорвалась гигантская воздушная подушка.

— Надо валить отсюда! — Ральф обернулся и увидел Кована, стоявшего позади него. При виде того, как монстр вновь стал расти, на лице юного инуита не дрогнул ни один мускул. В его миропонимании просто не было четкого определения столь масштабной катастрофы. Он был даже спокойнее Ральфа.

— Пошли! — Американец снова посмотрел на смотровую площадку, там столпились зеваки, тупо смотрящие на приближающегося симбионта. Он дважды крикнул, но они не отреагировали, поэтому ему оставалось только вздохнуть и уйти.

Ли Шили тоже выбежал из отеля и остановился, увидев Ральфа и Ковану.

— Собирайся! Уезжаем отсюда! — сказал Ральф.

Ли Шили кивнул, повернулся и побежал обратно в комнату. Он собрал свои вещи, достал из рюкзака стеклянный контейнер и посмотрел на него. «Цзяньму 2417» поглотил пластиковую решетку, превратив симбионта в кучу тухлого мяса. За ночь тот высох и почернел, и теперь совершенно не походил на первоначального мутанта, который просто не рос без подпитки. Ли Шили встряхнул емкость, но опухоль не двинулась с места, как будто прилипла ко дну.

Выглядело так, будто эта штуковина умерла.

Ли Шили нашел в комнате бамбуковый рожок для обуви длиной пятьдесят сантиметров, один конец которого имел форму руки. Сунул его в контейнер, оттолкнул «Цзяньму 2417» в сторону и бросил пластиковый осколок к останкам симбионта.

«Цзяньму 2417» сразу протянул свои хищные корешки к полимеру, но Ли Шили воспользовался рожком для обуви, чтобы не дать ему подползти ближе, а симбионт остался равнодушен к угощению.

Наверное, он действительно погиб.

— Пойдем. — Кована уже собрал вещи и изнывал снаружи.

— Да-да! — Ли Шили сунул емкость в рюкзак и вышел из номера.

Он выскочил из небольшого отеля и увидел толпы людей, бегущих мимо внутреннего двора и направляющихся к главному острову.

Ли Шили метнулся к «лексусу». Как только он открыл дверь, то услышал крик Ральфа:

— Ты чего делаешь-то?

— Поехали! — сказал Ли Шили.

Ральф указал на улицу:

— Ты думаешь, сможешь пробиться на авто?

— Что…

— Вылезай давай, — Ральф махнул рукой.

Ли Шили посмотрел на «лексус», сглотнул и побежал за американцем.

Акаси-Кайкё некогда считался самым длинным и широким подвесным мостом в мире, но сейчас был переполнен. Толпа внезапно остановилась у

входа на него и сбилась в кучу.

Двухсторонний и шестиполосный, сейчас он оказался полностью забит машинами. Но людей, которые хотели выжить, уже не заботили правила. Они пытались как можно быстрее сбежать с острова, пролезая между автомобилями и взбираясь даже на крыши.

Ли Шили втиснулся в толпу, но тут же потерял из виду Ральфа и Ковану.

Рюкзак он прижимал к груди, опасаясь, что в толпе стеклянный контейнер раздавят.

Вход загораживал шлагбаум, и каждый хотел как можно раньше вступить на единственный путь к спасению. В итоге возникла пробка.

Ли Шили оттолкнул кого-то, прикрывая рюкзак на груди и выискивая бреши в толпе. Японцы привыкли уделять внимание порядку, и многим впервые пришлось таким образом бороться за жизнь. Ли Шили пробивался вперед, как вьюн, и вскоре уже преодолел самый тяжелый участок.

После подъема толпа чуть рассосалась, многим казалось, что они покинули опасное место и теперь можно расслабиться.

Ли Шили забрался на пикап, встал на крышу и посмотрел вперед. Но люди двигались таким плотным потоком, что он не смог найти никаких

следов Ральфа и юного инуита.

Зазвонил телефон, и он поспешно поднял трубку:

— Где вы?

— Э? — раздался чей-то голос.

Ли Шили посмотрел на экран и увидел, что это Ся Цян.

— Профессор Ся, вы разве не в самолете?

— Я воспользовался спутниковым телефоном на борту. Расскажи, что у вас там.

— Вы уже, наверное, в курсе, что произошло в проливе Наруто.

— Да, я это видел, — ответил Ся Цян.

— Я на острове Авадзи.

— Что ты там делаешь? Немедленно уходи оттуда! — громко сказал Ся Цян, как будто торопился. Ли Шили был очень тронут. — Они устроили командный пункт… дай глянуть… прямо в Кобе. Найди, где это, я попрошу кого-нибудь тебя подобрать.

— В этом пока нет необходимости. Что дальше планирует сделать Япония?

— Ну… — Трубка на мгновение замолчала. Ли Шили услышал жаркий спор на японском. Вероятно, присутствующие обсуждали стратегию действий. Через некоторое время профессор

сказал: — Военные планируют дождаться конца эвакуации. Потом будет волна взрывов, но кто-то предлагает использовать лекарство от рака, чтобы справиться с симбионтами.

— Химиотерапия и лучевая?

— Ага.

— Черт, он такой здоровый, какая тут химия… — Ли Шили сделал паузу: — Они планируют использовать бомбы с ипритом [28].

— Ну что-то типа… — сказал Ся Цян, — но это последнее средство, поэтому они все еще колеблются.

— У меня есть другой вариант, — сказал Ли Шили в трубку. Проходивший мимо него японец обернулся и пристально посмотрел на него. Ученый понизил голос, но потом понял, что общается с Ся Цяном на китайском языке. Никто не должен был его понять.

Он сбавил скорость, встал в промежутке между двумя автобусами и пропустил людей.

— Это… «Цзяньму».

— Я тоже подумал, что, если наш проект увен-

---

[28] Примечания: 28

12 июля 1917 года около бельгийского городка Ипр немецкая армия впервые пустила в ход отравляющее вещество, которое получило название «иприт». Оказалось, новое оружие можно использовать в качестве противоопухолевой терапии.

чался бы успехом, было бы лучше использовать те безумные растения и они помогли бы справиться с кризисом. Но теперь уже слишком поздно возобновлять исследования…

— Нет! Учитель Ся! У меня остался один образец… — признался Ли Шили.

— Ты… что?! — Голос Ся Цяна внезапно стал намного громче: — Почему ты не сказал мне раньше?! Наш проект… — Он внезапно замолчал, заставил себя успокоиться и только потом продолжил: — Про него поговорим позже. Как тебе это удалось?

— Небольшой росток попал в прореху на моей одежде. Я нашел его не сразу… — объяснил Ли Шили. — Я даже не думал…

— Ладно, ладно, давай не будем сейчас об этом. Надвигающаяся катастрофа важнее… — перебил его Ся Цян. — Растение при тебе?

— Да.

— Ты планируешь… — Профессор замолчал, ожидая, пока Ли Шили сам выскажет свои соображения.

— Я отдам образец вам. Сначала надо справиться с нынешним кризисом.

— Хорошо, — голос Ся Цяна внезапно стал очень тихим, и Ли Шили представил, как он

прикрывает трубку рукой. Выждав секунд десять, профессор сказал: — А сейчас дуй на командный пункт в Кобе. Тебе кто-нибудь поможет.

Ли Шили огляделся, но Ральфа и Кованы по-прежнему не было видно. Он снова остался один.

— Нет, учитель Ся, я хочу встретиться с друзьями.

— Ладно, — сказал тот. Теперь он говорил кратко, как будто помолодел на несколько лет и стал тем профессором Ся, каким был в расцвете сил. — Я не буду тебя заставлять. В сложившейся ситуации нет времени на любезности.

— Я понимаю, — сказал Ли Шили, повесил трубку, встрепенулся и последовал за потоком людей к другому концу Акаси-Кайкё.

(38) Рука помощи

Японские военные продвигались быстро, и в конце моста людей ждало большое количество солдат и полиции. Дорогу перегородили танки и бронетехника. Хотя они были беспомощны перед симбионтом, те, кто пытался спастись от чудовища, испытывали от подобного зрелища большую уверенность.

Несколько сотрудников дорожной полиции в белых касках отвечали за то, чтобы разделить потоки людей для размещения во временные убежища. На дороге людей уже ждали автобусы, грузовики и микроавтобусы, но беженцев прибывало все больше и больше.

Ли Шили позвонил Ральфу, но никто не ответил. Повсюду стоял такой шум, что американец вполне мог не услышать звонок.

Ученый отделился от толпы и двинулся в одиночестве по тропе. Командный пункт Кобе открыли на территории начальной школы, судя по навигатору, идти туда нужно было часа четыре. По пути Ли Шили никого не видел, только одна машина патрулировала дорогу. Громкоговоритель в ней

кричал что-то непонятное. Вероятно, призывал жителей эвакуироваться. Когда она проехала мимо, Ли Шили рефлекторно прятался: здесь, в чужой стране, он чувствовал себя злоумышленником, а не тем, кто собирается спасти этот мир.

Через два квартала он уже запыхался от усталости, но маленькая стрелка, показывающая направление в навигаторе, едва двигалась. Проходя мимо какого-то дома, Ли Шили мельком увидел припаркованный во дворе розовый велосипед. Наверное, в этом доме жила маленькая девочка. Он не был пристегнут, просто прислонен к открытой двери.

Ли Шили подошел к дому. Хозяев внутри не оказалось.

— Я просто одолжу его на время, — сказал он себе, затем забрал велосипед, пробежал несколько шагов, вскочил на него и начал крутить педали.

Он ехал очень быстро, прохладный ветер обдувал лицо. Ученый миновал длинный и узкий переулок. По обеим сторонам стояли разномастные дома. Некоторые жители еще не успели убежать, их лица виднелись в окнах. Ли Шили мчался прочь на розовом велосипеде.

В городе напряжение спало: люди занимались обычными делами, куда-то торопились, быстро

ходили, смотрели себе под ноги, не обращая внимания на то, что происходит вокруг, не говоря уже о том, чтобы думать о монстре в десятках километрах отсюда.

Кобе — один из важнейших портов Японии и занимает пятое место в мире среди наиболее удобных для жизни городов. Ли Шили попал сюда впервые, но у него не было времени остановиться и оценить местные красоты. Он изо всех сил крутил педали, опустив голову, и наконец добрался до начальной школы.

Здесь развернули командный центр для координации обороны и эвакуации. У дверей припарковались несколько военных машин. Туда-сюда сновали люди в военной форме.

Ли Шили облизнул губы, положил велосипед и перешел через дорогу к школьным воротам.

Дежурный заметил его и поднял руку, давая знак остановиться, но вместо этого Ли Шили продолжил идти дальше. Солдат засомневался, затем вытащил пистолет, но дуло направил в землю, а не на приближающегося незнакомца.

Охранник что-то крикнул по-японски, Ли Шили не знал языка, но и так понял, что ему приказали держаться подальше. Он остановился, поднял руки и спросил:

— Кто-нибудь понимает английский?

Дежурный закатил глаза и отмахнулся от него. Ученый повторил вопрос, но его проигнорировали.

Ли Шили внезапно вспомнил, что на мобильнике есть программа голосового перевода, и сунул руку в карман. Увидев это, солдат немедленно прицелился ему в голову.

При виде черного дула Ли Шили чуть не упал. От езды на велосипеде он и так сильно устал. Ноги тряслись, но ему пришлось сохранять улыбку, чтобы караульный не истолковал его превратно.

Он поднял руку и снова потянулся к карману, но на этот раз двигался очень медленно, стараясь не раздражать солдата.

Достал мобильный телефон и надиктовал по-китайски:

— У меня нет дурных намерений. Мне нужно кое-что передать.

Сказав это, он повернулся к дежурному и протянул телефон. Программа перевела слова и озвучила их женским голосом с очевидным механическим акцентом. Услышав это, дежурный нахмурился и что-то буркнул. Ли Шили забрал мобильный и прослушал перевод: «Что ты хочешь передать?»

— Я связался с командованием. Мне нужно, чтобы ко мне вышел кто-то из вашего руководства.

Эта просьба, озвученная негромким механическим голосом, казалось, задела самооценку дежурного. Его лицо стало более серьезным, и он посмотрел на Ли Шили через опущенные веки, как будто осматривал заключенного.

Ли Шили подождал некоторое время и поняв, что японец не спешит выполнять его поручение, добавил:

— Это ключ к разрешению кризиса!

Программа передала предложение, и выражение лица японца немного смягчилось: он снова посмотрел на Ли Шили, наконец опустил пистолет и потянулся к рации.

Минут через десять из школы вышел мужчина в черном костюме. Он был очень высоким и широкоплечим, но не худощавым, как обычные японцы большого роста. При движении сквозь облегающую одежду виднелись выпуклые мышцы, как у Ральфа. Он двигался очень быстро, но изысканная прическа на его голове оставалась такой же безупречной, волосок к волоску. Мужчина вопросительно взглянул на дежурного, затем посмотрел на Ли Шили. Его глаза были ясными, но он не терял бдительности.

— Здравствуйте, я Хироси Итагаки, — мужчина поприветствовал Ли Шили на английском с японским акцентом и протянул руку.

Тот пожал ему руку и представился:

— Ли Шили!

— Вы сказали, что у вас есть ключ к разрешению этого кризиса? Вы тот человек, о котором говорил консультант Ся?

— Да, я ученик Ся Цяна… — Он задумался на мгновение, а затем поправил себя: — Я ученик учителя Ся.

— Я встречался с ним однажды, но не было шансов поговорить, — сказал Итагаки.

Ли Шили достал контейнер из рюкзака и передал его высокому.

— Отдайте его учителю Ся, он знает, что делать.

— А что это? — Тот взял контейнер, поднял его и внимательно изучил содержимое. — Растение? Какая от него польза?

— Я не знаю, — Ли Шили не хотел слишком распространяться, поэтому пришлось солгать. — Моя задача была доставить эту штуку в соответствии с инструкциями учителя Ся Цяна. На дорогах ужасные пробки, так что я вынужден попросить военных передать контейнер профессору как

можно скорее, это ключ к разрешению кризиса.

— Что это даст?

— Я не знаю. Просто передайте его Ся Цяну как можно скорее. — Ли Шили сделал паузу, а затем многозначительно добавил: — Вы не должны открывать его. Вы понимаете?

— Клянусь жизнью! — торжественно сказал японец. По какой-то причине Ли Шили почувствовал, что может доверять этому человеку.

— Ну, больше мне здесь делать нечего.

— Советник Ся подчеркнул, что я должен спросить вас еще раз. Если вы готовы остаться, то можете поехать со мной в штаб-квартиру в Токио.

— Нет, — Ли Шили махнул рукой, — у меня другие дела.

— Хорошо. Увидимся в следующий раз, когда у нас будет такая возможность.

— До свидания!

Ученый вышел из школы, поднял с земли розовый велосипед и некоторое время ехал в обратном направлении. Выполнив важное задание, он почувствовал себя гораздо спокойнее. Солнце клонилось к горизонту, и тут Ли Шили вспомнил, что весь день ничего не ел. На обочине дороги стояла небольшая идзакая, и пара красных фо-

нарей у входа уже горела. Льняная занавеска на двери не могла сдержать аромат, доносившийся с кухни. Ноги Ли Шили ослабели, как только он почувствовал этот божественный запах, он больше не мог крутить педали и заглянул в лавку. Похоже, время ужина еще не подошло, поэтому посетителей пока не было. Ли Шили прислонил велосипед к двери и вошел внутрь.

Хозяева, пара средних лет, тепло приветствовала его.

— Ммм… знаете английский? — спросил Ли Шили по-английски.

Улыбка на лице хозяйки стала немного натянутой, но хозяин кивнул:

— Немного.

Ученый сел и осмотрелся: меню идзакаи было написано на деревянных табличках и висело на стене. Ли Шили догадался, что есть что [29], и заказал жареную свиную котлету с рисом, бутылку пива, тофу и куриные шашлычки на гриле.

— Вы все это съедите? — спросил хозяин, строча в своем блокнотике.

— Попробую, — сказал Ли Шили, он был голоден, как волк.

---

[29] Примечания: 29

Японцы заимствовали китайские иероглифы, поэтому китаец при желании может понять, что написано в японском меню.

Спрашивать, знает ли владелец лавки английский, вообще было пустой тратой времени, ведь после оформления заказа они больше и словом не обмолвились. Поскольку в тот момент ученый был единственным посетителем, еду приготовили быстро. Хозяйка вновь обрела былой энтузиазм и сновала туда-сюда, подавая Ли Шили кушанья. Закончив работу, пожилая пара села за стойку и принялась болтать, глядя на висящий над их головами телевизор. Они говорили по-японски, и Ли Шили ничего не мог понять, поэтому просто ел, уткнувшись в тарелку. Жареная свиная котлета получилась хрустящей снаружи и нежной внутри, а куриные шашлычки якитори, приправленные саке, мисо и горчицей, совершенно не походили на домашние китайские шашлычки, посыпанные порошком тмина и чили.

Ли Шили мигом доел рис и куриный шашлык, затем отложил палочки для еды и сделал глоток пива. Он откинулся на спинку стула, как раз вовремя, чтобы обратить внимание на экран. По телевизору передавали новость о симбионте. Репортер облетал территорию на вертолете, чтобы заснять с воздуха пролив Наруто в лучах заходящего солнца.

Симбионт стал в два раза больше, чем утром, и поднялся по побережью. Он полностью занял траншею под проливом, повсюду виднелась розовая раковая ткань. Под ее давлением мост Акаси-Кайкё рушился, его корпус постоянно раскачивался, и даже два троса диаметром более метра мотались туда-сюда, как тонкие веревки на ветру.

Мост Наруто на другой стороне острова Авадзи уже рухнул, в кадр попали лишь его половина и небольшая часть обломков.

Непонятно, успели ли все жители острова эвакуироваться, подумал Ли Шили, но в нынешних обстоятельствах у оставшихся нет шансов.

Он сделал еще глоток пива, взял с тарелки кусочек тофу и положил его в рот.

Когда же снова поднял голову, картинка на телевизоре изменилась: старик с седыми волосами на висках и в костюме сидел прямо перед экраном и что-то вещал с серьезным выражением лица. На экране появилась подтитровка с указанием его должности, и Ли Шили смог понять некоторые иероглифы. Похоже, этот старикан был министром обороны Японии.

Он говорил несколько минут. Хозяин и его жена подняли головы и внимательно слушали. Хотя

Ли Шили не мог понять, судя по голосу и темпу, министр пытался поднять боевой дух.

Затем экран снова повернулся и показал вертолет, в кабине сидел молодой офицер, который что-то держал в руке.

От неожиданности Ли Шили разжал палочки, и тофу шмякнулся ему на колени. Ученый вскочил и опрокинул стул, издав ужасный грохот, но хозяин даже не обратил на него внимания, не сводя глаз с экрана.

В центре картинки находился стеклянный контейнер. В нем лежал побег растения. Стебель у него был очень тонкий, а некоторые волокнистые корни чуть торчали наружу. Они длиннее стебля и переплетаются друг с другом, отчего растение казалось непропорциональным. На дне виднелось какое-то темно-красное пятно.

Именно этот образец Ли Шили вручил японцу.

Как «Цзяньму» сюда попал?

Ли Шили подошел к стойке и спросил:

— Хозяин, что говорили по телевизору?

— Оружие, противостоять, монстр. Ученый, хорошая работа, — сообщил тот на ломаном английском, похоже, его словарный запас ограничивался названиями блюд.

Молодой офицер по телевизору сказал несколь-

ко слов на камеру, затем открыл крышку контейнера, подошел к двери вертолета и выкинул стебель наружу.

Камера отслеживала его падение.

В воздухе не было ветра и ничего не могло помешать полету образца, так что он упал прямо на симбионта.

Через несколько секунд растение укоренилось в раковой плоти, а затем пришло время нанести удар.

Хотя сверху подробностей было не разглядеть, Ли Шили представил, как «Цзяньму 2417» зарывается глубоко внутрь монстра, следует вдоль пластиковых решеток и выделяет ферменты для разрушения пластика, поглощая содержащийся в нем углерод и выделяя после реакции спирт и углекислый газ. Несмотря на то, что сейчас его длина составляла менее десяти сантиметров, корень набирал силу, он будет становиться все больше и больше и в итоге сожрет симбионта.

Камера вертолета увеличила масштаб изображения до предела, но «Цзяньму 2417» все еще казался очень маленьким. Время шло, и сейчас, наверное, все японцы прильнули к экранам, не смея дышать.

Непонятно, сколько минут это заняло, но кар-

тинка окончательно изменилась. Поверхность чудовища утратила плотность, в ней образовался кратер. Растение переварило пластиковую сетку, и раковая ткань выглядела как расплавленный воск, лишившись опоры, она стала мягкой, неспособной выдерживать собственный вес, и начала проседать.

Во впадине образовалась дыра, и «Цзяньму 2417» упал в нее и исчез с экрана.

Владелец лавки взволнованно вскочил, захлопал в ладоши и радостно защебетал что-то Ли Шили.

Но тот лишь слегка нахмурился и все еще смотрел на экран.

Но теперь картина не менялась. Прямая трансляция продолжалась еще пятнадцать минут, а затем камера переключилась на студию, на этот раз к зрителям обратился мужчина средних лет с улыбкой на лице.

— Что он сказал? Все получилось? — спросил Ли Шили.

— Конечно, это сработало! — радостно воскликнул хозяин.

Ли Шили снова уточнил, и хозяин повторил то, что сказал ведущий, но все это были просто умозрительные заключения, не подкрепленные

доказательствами.

Он расплатился и вышел из идзакаи, собираясь спросить Ся Цяна об исходе дела, но тут старик позвонил сам.

— Сяо Ли, где ты сейчас? — В трубке послышался нервный голос профессора.

— Я не знаю.

— Есть ли еще растения?

— Больше… — Ли Шили внезапно остановился и спросил: — Что случилось?

— Мы потерпели неудачу.

— Как это возможно? Я же провел эксперимент.

— Японские специалисты проанализировали происходящее и пришли к выводу, что росток, возможно, был слишком мал, и после падения в яму его сдавила раковая ткань, или он лишился кислорода, или что-то, выделяемое симбионтом, убило его. Короче говоря, мы долго ждали. Ничего не изменилось.

— Как можно было так торопиться? Сначала стоило провести хоть какие-то эксперименты, но даже без экспериментов, оставить фрагмент образца себе. Как… Как так? — Ли Шили попытался, но все же не смог сдержаться. — Идиотизм!

— Увы, — вздохнул Ся Цян. — Не говори ничего!

Ведь я иностранец. Я даже никогда не видел этого растения. Честно говоря, никто из научных консультантов в штабе его не видел. Военные тоже не видели. Отправлять его в штаб-квартиру не планировалось. Возможно, они провели несколько мини-экспериментов на месте и результаты оказались хорошими, поэтому решили использовать его напрямую. Сяо Ли, если честно… мне нечего сказать… — признался профессор. — Я знаю, что ты очень предусмотрительный, у тебя наверняка есть еще образцы или даже несколько. Давай попробуем еще раз. Это не для нас с тобой.

Ли Шили дотронулся до маленькой бутылочки в кармане и сказал:

— Я все отдал вам.

Прежде чем он закончил говорить, с другой стороны послышался вздох.

Затем Ся Цян повесил трубку.

(39) Запасной план

Ли Шили перезвонил Ся Цяну, долго слушал гудки, но никто так и не ответил.

Он чувствовал себя немного виноватым, ведь сам вызвал сюда профессора, хотя просто хотел воспользоваться его связями в академических кругах. Старик, похоже, сохранял энтузиазм, однако, лишившись образца, перестал быть полезен как для командного центра, так и для Ли Шили.

Тот же решил оставить себе последний росток «Цзяньму 2417», так как не доверял профессору Ся.

Лучше подождать, пока этот кризис закончится, а затем поговорить с ним, чтобы прояснить этот вопрос.

В это время в Кобе горел свет. Несмотря на то, что Ли Шили сидел в лавке в тихом переулке, он все равно видел высокие здания неподалеку и оживленное движение на дороге. Ужасающий симбионт подобрался совсем близко, люди делали вид, будто ничего не происходит, верные привычкам, выработанным годами. В лавку приходили все новые и новые посетители. Хозяин

тепло приветствовал и рассаживал вновь прибывших. В зале царило оживление. Гости пили, громко болтали, словно бы новости, о которых трубили все СМИ последние несколько дней, просто стали еще одной темой для разговора и не более того.

Ли Шили чувствовал себя бессильным. Он просто хотел провести исследование. Кто бы мог подумать, что Ральф втянет его в такой кошмар?

Лучше сдаться сейчас и вернуться в Китай, предоставив Ся Цяну позаботиться об остальном.

Он вытолкал велосипед из переулка на улицу, где неоновые огни играли яркими красками. Ночь — время молодежи, мимо него проходили парни и девчонки, от которых исходила энергия юности, но никто даже не взглянул на чудака с огромным рюкзаком, толкающего розовый велик. В конце концов, подумал Ли Шили, эта страна никогда не испытывала недостатка во фриках. Возможно, Чэнь Яню здесь понравилось бы.

Он бесцельно слонялся больше часа, пытаясь собраться с мыслями. К такому Ли Шили привык. Если он не мог ясно мыслить, то любил бесцельно бродить по улицам, особенно ночью.

Кобе известен на всю Японию, но на самом деле он не такой большой, как провинциальные горо-

да в Китае. Незаметно для самого себя Ли Шили прошел из одного его конца в другой и обнаружил, что находится далеко от шумного района, вокруг невысокие здания с тусклыми уличными фонарями и совсем мало людей, ни дать ни взять обычный китайский город.

С возвышенности открывался вид на весь Кобе и даже порт вдалеке.

А дальше все заслонял симбионт.

Вокруг монстра кружили несколько вертолетов, испуская яркие лучи света, словно гигантские световые мечи в «Звездных войнах», рубя чудовище на куски.

Увы, реальность не похожа на воображение, и прожекторы, как и все остальное, не могли причинить ему вреда.

Единственное действенное средство лежало в кармане Ли Шили.

Он достал стеклянную емкость и поднял «Цзяньму 2417». Лунный свет очертил контур стебля, как созвездие на небе.

— Было бы хорошо, будь ты постарше, — сказал он себе под нос.

Туман в сознании Ли Шили внезапно рассеялся, как будто лампочка внезапно загорелась над головой персонажа в мультфильме.

— Почему бы мне сначала не вырастить тебя?

В его голове постепенно формировался смутный план, но он ничего не мог сделать самостоятельно в чужой стране, где не понимал языка. Ему нужна была помощь.

Ся Цян злился и не отвечал на звонки. Осталось только попросить Ральфа о помощи, и он, вероятно, не откажется.

Ли Шили достал телефон, на котором уже было несколько пропущенных звонков, все от Ральфа. Наверное, когда он бродил по улице, то не почувствовал вибрацию.

— Господин Гейбл!

— Ты куда запропастился? С тобой все в порядке? — спросил Ральф.

— Да. Я отстал от вас, когда мы спасались бегством, и не смог потом найти.

— Нас поместили во временное убежище. Поскольку мы не японцы, то завтра или послезавтра нас хотят отправить в США.

— Вы уезжаете? — Ли Шили вздохнул.

— Да, возможно, мы действительно ничего не можем с этим поделать… — Ральф уловил перемену в тоне Ли Шили: — Что с тобой?

— Вы смотрели телевизор? Сегодняшние новости?

— В приюте был телевизор, и мы смотрели: действительно неплохо придумано — использовать растение против симбионта.

— Они потерпели неудачу.

— Да? По телевизору этого не сказали…

— Ся Цян в штаб-квартире. — Ли Шили глубоко вздохнул. — Это растение выращивал я…

— Что?! — Ральф повысил голос. — Почему ты не сказал мне раньше?

— Это провальный проект. Растение разрастается слишком быстро и все могло обернуться катастрофой.

— Быстрее, чем симбионт?

Ли Шили кивнул в темноте:

— Да.

— У тебя есть план? — спросил Ральф. Ему нравилось это слово. Поскольку он приехал в Японию без подходящего оружия и плана действий, столкнуться с таким чудовищем, как симбионт, было все равно что голым прыгнуть в клетку, полную хищников. Нет, все еще хуже, ведь драться со зверем голыми руками для Ральфа — пустяки.

— Растение в новостях — «Цзяньму 2417» — это его лабораторный номер. Оно вполне способно бороться с симбионтами, но сейчас оно слишком маленькое, и в противостоянии с монстрами

легко допустить промашку. Сначала я должен его вырастить до определенного размера, прежде чем отправить в бой, — сказал Ли Шили.

— А как растить?

— Оно питается пластиком.

— Значит, нужно много пластика?

— Угу.

— Ватанабэ Ю упоминал, что во Внутреннем море есть несколько островов, используемых для захоронения пластиковых отходов, — сказал Ральф.

— Но симбионт наверняка тоже хочет сожрать эти острова.

— Надо воспользоваться форой во времени. — Ральф стал более энергичным и даже, похоже, улыбался. — Мы в начальной школе Вакакуса, недалеко от порта. Приходи к нам, и мы обсудим конкретный план.

— Хорошо, — Ли Шили повесил трубку и дотронулся до флакона в кармане. Ральф — надежный человек, и на этот раз они не должны потерпеть неудачу.

Он погрузился в свои мысли, взобрался на розовый велосипед и направился к симбионту вдалеке.

После звонка Ральф какое-то время так и сидел

с трубкой в руке и ошеломленно смотрел на тень в окне. Офицеры, следившие за порядком, отвели их в баскетбольный зал начальной школы, где каждому выдали спальный мешок, воду и еду.

Япония — страна, подверженная стихийным бедствиям, с частыми землетрясениями, тут все отработано.

Ральфа, Ковану и десятки других туристов разместили в углу баскетбольной площадки, отдельно от местных жителей. Похоже, иностранцы сильно паниковали.

Перед лицом кризиса, как бы вы ни были подготовлены, вы неизбежно испугаетесь.

Ральф часто испытывал страх, но у него был метод противостоять ему — перехватить инициативу и как можно скорее устранить внешнюю угрозу. Но столкнувшись с таким чудовищем, как симбионт, Ральф запаниковал. Хотя он этого не показывал, но знал, что это будет позором на всю жизнь.

Однако теперь появилось оружие, способное победить монстра. Если все продумать и спланировать, то можно дать ему отпор.

Ватанабэ Ю, возможно, тоже что-то знает о ситуации во Внутреннем море. Ральф позвонил ему по тому номеру, с которого японец связывался с

ними утром, но никто не ответил. Он попробовал еще дважды, но, увы, слышал только гудки.

Непонятно, куда делся этот японец. Чтобы спасти свою шкуру, он должен держаться подальше от пластика. Ральфу оставалось только ждать, пока тот позвонит сам.

Нужно было найти иной вариант, поэтому он набрал Энди.

— Бро, окажи мне услугу!

— Какую еще услугу? Вали оттуда, да побыстрее!

— Я должен остаться и кое-что предпринять.

— Опять ты за свое. Я видел новости. Как думаешь, у тебя есть шанс на победу?

— Небольшой, но есть.

Энди некоторое время молчал:

— Хорошо, это чудище поинтереснее, чем все, с чем ты когда-либо сталкивался раньше. Скажи мне, что тебе нужно?

— Помоги выяснить, сколько островов во Внутреннем море используется под свалку.

— На черта тебе? — спросил Энди, и из трубки донесся звук стука клавиатуры.

— У китайского ученого есть что-то, что может бороться с симбионтом, но ему нужно найти место с большим количеством пластика, чтобы

вырастить…

— Так… — перебил Энди. — Это то растение по телевизору?

— Да, это он создал.

— У меня плохие новости.

— Я не хочу слышать никакие плохие новости.

— Вы все еще находитесь в убежище.

— Угу.

— Тогда ты точно не в курсе, потому что японские телеканалы заблокировали новости, — вздохнул Энди. — Внутреннее море полностью захвачено симбионтами, там уже нет никакого пластика.

— Что?! — крикнул Ральф, опрокинув стоявший рядом с ним мусорный бак из нержавеющей стали, который с грохотом упал на землю.

Взгляды всех обратились к нему, Кована подошел и сказал:

— Эй, это начальная школа, но ты уже большой мальчик.

Ральф махнул рукой, он был не в настроении спорить с Кованой и сказал Энди на другом конце:

— Крутись там, как хочешь, но нам нужно найти место, где много пластика!

— Пластик? — Кована закатил глаза. — Я знаю,

где взять.

Ральф раздраженно отвернулся, не глядя на парня, и прорычал в трубку:

— Это важно!

Кована подошел к Ральфу, схватил его за воротник и рванул американца на себя. Тот от неожиданности даже опешил и уронил трубку, потом поднял телефон и посмотрел на Кована. Улыбающееся лицо юного инуита было всего в десяти сантиметрах от него.

— Я знаю, что тебе нужно, — сказал Кована. — Помнишь тот мусорный остров? Циндао?

Глаза Ральфа загорелись:

— Точно! Циндао! — Он сразу же сообщил Энди: — Старик, у меня есть идея. Пожалуйста, помоги мне найти одну штуку. — Он на секунду задумался, а затем добавил: — Нет, даже две!

(40) Помощь извне

Хэтчер не знал, повезло ему или нет. Он один был в рулевой рубке, а остальные — в трюме. Все члены экипажа заболели, но у Хэтчера до сих пор не было никаких симптомов.

С тех пор, как они спасли того японца, на «Карл Рейн» словно бы легло проклятье.

Сначала эта гора плоти, нападение на водолазов, а затем странная болезнь, распространившаяся по кораблю. Когда они наконец прибыли в Окленд и увидели проблеск надежды, руководство порта не позволило им причалить. А потом не только Окленд, но и все близлежащие гавани не позволили «Карлу Рейну» зайти.

Они бороздили океан, как потерявшиеся собаки. Сначала им доставляли припасы, но без прямого контакта, просто выбрасывали в воду, чтобы экипаж вылавливал их оттуда.

Позже Хэтчер увидел в новостях, что в Японии разразилась катастрофа, и он понял, что это тот самый симбионт, который объединяет бактерии и раковую ткань.

Но слишком поздно: всех членов экипажа в той

или иной степени поразила странная болезнь, за исключением капитана. Особенно тяжелое состояние было у Маши. Когда она спасала Карла, то взаимодействовала с его кровью. Раковая ткань начала разрастаться из мочки ее левого уха, которая была проколота, и поглотила дешевые серьги. Теперь некогда красивое лицо деформировалось, половину его покрывали шрамы, кожа обвисла.

Хэтчер встретил Машу во время путешествия на Гавайи. Молодая женщина только что потеряла работу. О причинах увольнения она ничего не сказала кроме того, что работала раньше дрессировщицей дельфинов. Будучи защитником животных, Хэтчер вообще-то испытывал отвращение к такого рода профессии, но, пообщавшись с этой веселой смешливой девушкой, понял, что Маша была не совсем типичной дрессировщицей.

Она любила дельфинов, как собственных детей.

Хэтчеру понравились ее отношение к животным и ветеринарные знания, и он предложил ей поучаствовать в борьбе с китобойным промыслом. Думал, что придется уговаривать, как это обычно бывало, но внезапно Маша с готовностью согласилась на предложение. Он все еще помнил,

как красивая блондинка пожала плечами и улыбнулась, подобно теплому гавайскому солнцу.

Она сказала: «Однажды мне встретился человек, который защищал этих прекрасных детей, как ты. Он изменил меня».

Каждый раз, вспоминая ту Машу, Хэтчер чувствовал сожаление при виде ее обезображенного лица.

Одно поддерживало его — вера в то, что странная болезнь обязательно привлечет внимание ученых, раз уж эпидемия достигла таких масштабов, и рано или поздно решение найдут.

Он говорил это каждый день себе и членам экипажа.

Это было единственное, чем он мог помочь команде.

Умышленно или интуитивно он направил корабль к внешней границе Японского моря, так как чувствовал, что появились какие-то новости и там он узнает их поскорее.

Но первым позвонил ему Энди Райли.

— «Карл Рейн»!

При виде мигающей зеленой лампочки разум Хэтчера в одно мгновение выдал бесчисленное количество догадок, как хороших, так и плохих. Он подождал некоторое время, чтобы успокоить-

ся, прежде чем поднять трубку интеркома.

— Привет… это Хэтчер? — Собеседник сразу узнал его голос, и Хэтчер также почувствовал, что звонивший ему знаком.

— Да, вы…

— Я — Энди Райли, мы разговаривали несколько раз.

Капитан вспомнил, что этот человек интересовался передвижениями Ватанабэ Ю. После побега японца они еще пару раз общались.

— Привет, — поздоровался он.

— Я хочу попросить вас об одолжении, — Энди перешел сразу к делу.

— Почему я должен вам помогать? — хмыкнул Хэтчер. — Как там наш японский парень?

— Вы смотрели новости в последнее время?

— Нет, — Хэтчеру не понравилась манера разговора собеседника, который отвечал вопросом на вопрос.

— В Японии появился монстр. Такой же, как тот, которого вы видели в море, но он в десятки тысяч раз больше.

— Ммм…

— Это дело рук Ватанабэ Ю.

— Можно было бы догадаться.

— Мне нужна ваша помощь, чтобы уничтожить

это чудище.

— А вам оно по силам? — Хэтчер повысил голос, и маска равнодушия, которую он так старательно поддерживал, разбилась вдребезги.

— У нас появились идеи, которые в теории можно осуществить.

— То есть вы научились лечить эту болезнь?

— Какую болезнь?

— Просто… эти штуки растут на человеческом теле, а могут и внутри.

— Те же симптомы, что и у Ватанабэ Ю?

— Он тоже заразился? — спросил Хэтчер, и его сердце переполнили смешанные чувства, одновременно радость и печаль.

— Да, — ответил Энди и быстро добавил: — Честно говоря, пока не научились. Пока что рекомендуется держаться подальше от пластика, чтобы симбионт в теле замедлил рост, а потом уже думать, что делать дальше.

Сердце Хэтчера похолодело.

— Самое важное сначала уничтожить этого монстра, чтобы ученые сконцентрировались на изучении вопроса. Он окружил весь остров Сикоку в Японии, и более двух миллионов человек не успели эвакуировать. Симбионты готовы вторгнуться в город, и последствия…

— Но мой корабль сейчас ни на что не годится. Все члены экипажа заражены. Почему я должен заботиться о других? Обо мне кто позаботится? — взревел Хэтчер, перебивая его.

Энди ответил не сразу, а затем медленно произнес:

— Хэтчер, вы не такой человек. Вы не станете игнорировать других из-за того, что кто-то забыл о вас. Вы проработали пожарным более тридцати лет. Сами все знаете.

— Не думайте, что раскусили меня, — пробурчал Хэтчер. — Я бы не позволил своей команде так рисковать…

Он ударил по деревянной панели, щепки разлетелись повсюду, а висевшая на стене фотография в рамке упала и приземлилась у его ног.

Хэтчер наклонился, чтобы поднять ее, а когда разогнулся, то увидел в дверях Машу и еще двоих волонтеров.

— В чем дело? — спросил Хэтчер.

— Папа, — прошептала Маша, делая шаг вперед, — пожалуйста, выйди из рубки.

— Почему?

— Ты больше не можешь руководить нами. Мы проголосовали, и настоящим я объявляю, что отстраняю тебя… — Маша сделала паузу. — От-

страняю от всех должностей.

Хэтчер обескураженно спросил:

— Какого черта?

— Папа…

— Это шутка?

— Нет, Папа. Я знаю, с чем ты борешься, мы все это знаем… — Маша подошла и хотела похлопать Хэтчера по плечу, но тут же опустила руку. — Это наша судьба, ты не должен брать на себя ответственность.

— Но…

— Папа, посмотри, кем мы стали. — Она указала на свое лицо. — Ты понятия не имеешь, что мы чувствуем…

— Я…

— Хэтчер, хватит. Ты больше не несешь за нас ответственность.

Он уже открыл рот, хотел что-то сказать, но в конце концов слова превратились в долгий вздох.

— И что мне делать? — спросил он.

— Можешь отплыть на спасательной шлюпке… — предложила Маша.

— Или…

— Или, — Маша отступила назад с озорной улыбкой, — ты можешь быть моим заместите-

лем.

Хэтчер тоже улыбнулся. Он подумал, что если кто и мог занять его место, так это Маша, и торжественно поприветствовал ее:

— Первый помощник Хэтчер Крестон докладывает капитану!

У него словно камень с души упал. Это было так приятно.

— Я Маша, новый капитан «Карла Рейна», — сказала она в интерком. — Мы согласны.

Потом отключилась и вышла. Экипаж сидел, запершись в каютах, и она позвала всех в кают-компанию. Оттуда убрали все пластиковые изделия, включая столешницы, остались только металлические ножки столов, прикрепленные к полу, как сталагмиты, торчащие вверх.

Экипаж стоял молча, у большинства виднелись раздутые наросты на коже, как на маскараде в ночь Хэллоуина.

Маша пересказала разговор с Энди, упомянув, сколько людей можно спасти с их помощью. Тех самых людей, которые отвергли «Карл Рейн» и выгнали его в открытое море.

— Изначально мы собрались на этом корабле, поскольку готовы сделать то, чего никто другой не делал. — Маша впервые держала речь как

капитан. Она все еще говорила с жаром, хотя энтузиазм чуть поугас.

Хэтчер посмотрел на нее и как будто вернулся в момент их первой встречи. Перед ним снова стояла та самая оптимистичная, солнечная, активная и полная энергии девушка. Он обвел взглядом остальных и увидел тот же свет в их глазах.

Да, они никогда не теряют позитивного настроя, тем более когда в них нуждались остальные.

Все без колебания были готовы последовать за новым капитаном куда угодно.

— Говорите, что нужно делать? — Маша позвонила Энди.

Тот подробно объяснил план операции:

— В Тихом океане плавает большой остров из пластикового мусора. Настолько огромный, что его еще называют Восьмым континентом. Из-за напора океанических течений основная его часть находится сейчас примерно в четырехстах морских милях к юго-востоку от «Карла Рейна». Остров нужно отбуксировать в воды Японии.

— А как переводится название Циндао? — спросил Хэтчер.

— Легкий остров. Вы поймете почему, когда увидите: это рукотворный остров из переплетенных пластиковых волокон.

— Хорошо, это не проблема, — согласилась Маша.

Когда «Карл Рейн» согласился участвовать в миссии, то он словно ожил: экипаж вернулся в прежнее состояние, разделяя обязанности и работая вместе, а также больше общаясь друг с другом.

Всего за сутки корабль добрался до точки, координаты которой задал Энди.

Волонтеры и раньше видели, как люди сбрасывают отходы в море, но никогда не видели такого огромного количества пластика.

Разноцветный мусор плавал, как ряска, и это полотнище растянулось, насколько хватает глаз. Члены экипажа стояли бок о бок на борту корабля, глядя на этот безжизненный и бесплодный континент. Вблизи такого объема пластика наросты на их телах завибрировали.

— Папа, мы… я боюсь… — Маша колебалась.

Хэтчер посмотрел на них и понял, что сделать это может только он. Если любой другой человек ступит на такую «землю», то их ноги, зараженные симбионтом, сразу превратятся в опухший кусок плоти…

— Все в порядке, оставайся на борту, я сам.

Найти рукотворный остров, о котором говорил

Энди, было несложно: его правильная поверхность бросалась в глаза на этом хаотичном мусорном континенте.

Хэтчер спустил спасательную шлюпку с борта корабля, протащил два троса и в одиночку поплыл к нему. Приблизившись вплотную к берегу Циндао, он ясно увидел, что поверхность, покрытая аккуратным узором и бликующая на солнце, на самом деле соткана из пластиковых волокон. Он ткнул веслом в молочно-белую землю, та сразу ушла под воду, но вскоре всплыла, а из щелей в переплетениях сочилась вода, как ни в чем не бывало.

Хэтчер еще раз убедился, что поверхность сможет выдержать его немалый вес, затем бросил якорь и прыгнул на берег.

Недалеко от воды он неожиданно обнаружил нечто странное: большую «полынью», ящик с инструментами, шкуры животных и несколько бутылок с непонятным содержимым. Открыл одну, и в лицо ему ударила сильная вонь.

Он выбросил бутылку, попятился и встал, тяжело дыша, с подозрением глядя на оставленные кем-то вещи. Кто-то явно жил на этом искусственном острове.

Пока Энди ждал ответа, Хэтчер закончил

осмотр и вернулся на берег. На Циндао негде было закрепить трос, и он лег на живот, попытался отодрать пластиковые волокна и выкопать яму. Трехмерное плетение отличалось от вязаного бабушкиного свитера и не походило на однослойные трикотажные ткани. Остров был от и до соткан трехмерным способом. Каждый узелок сцеплялся с другими во всех направлениях. Материал оказался настолько прочным, что, даже помогая себе обеими руками, на нем нельзя было оставить даже следа.

Хэтчер вернулся в шлюпку, взял весло и его деревянной ручкой принялся изо всех сил давить на поверхность, однако даже так ему удалось проделать в «земле» лишь неглубокую ямку.

Нужен был другой способ найти подходящее место для крепления троса.

В это время пришло сообщение с «Карла Рейна»: оператор дронов обнаружил, что к северу от острова, похоже, что-то есть.

Хэтчер прикинул расстояние и понял, что пешком до цели добираться слишком долго, поэтому поплыл обратно к кораблю, обогнул на лодке половину острова и добрался до его северной оконечности. Там он обнаружил аппарат, который собирал пластиковые отходы с помощью

большой воронки спереди, затем перерабатывал пластик в волокно и вплетал его в «полотнище» искусственного острова. Хэтчер приказал «Карлу Рейну» подойти ближе и прикрепить тросы к огромному принтеру.

— Ну, поехали! — пробормотал он себе под нос, а затем направил корабль на запад к японским водам.

Поначалу Хэтчер не решался позволить судну двигаться вперед на полной скорости, опасаясь, что Циндао слишком тяжел и подержанный двигатель «Карла Рейна» не выдержит такую большую нагрузку. Неожиданно оказалось, что Легкий остров оправдывает свое название. Его вес в несколько тысяч тонн не представлял проблем для корабля.

Вскоре тот уже шел на полной скорости, и на палубе устроили банкет, чего давно уже не бывало. Все члены экипажа собрались вместе, болтали, смеялись и даже подшучивали над наростами друг друга. Казалось, они позабыли об угрозе жизни, вызванной странной болезнью.

Хэтчер посмотрел на шумную палубу. Молодые люди приспособились к жизни с опухолями. Они тепло общались, разговаривали и смеялись, держась близко, но стараясь не прикасаться друг

к другу. Жизнь продолжалась, завтра, возможно, их ждут новые сложности, но, по крайней мере, сегодня вечером они смогут хорошо выспаться.

Он вошел в рубку и позвонил Энди. Ответ по внутренней связи пришел быстро. Хэтчер крепко сжал трубку и посмотрел на Машу. Та кивнула, и тогда бывший пожарный торжественно объявил:

— Все готово, можно начинать!

(41) Незваные гости

— Можно начать прямо сейчас. — Ральф положил трубку и похлопал Кована и Ли Шили по плечам. — Вперед!

Той ночью через Энди он узнал местонахождение Циндао и связался с «Карлом Рейном». Половина плана была выполнена. Осталось только встретиться с кораблем в море.

Кобе и все окружающие его порты были закрыты, большинство дорог заблокированы. Их либо просто перекрыли, либо возвели военные баррикады. Туристов к воде не пропускали.

Единственный оставшийся путь — по воздуху.

К счастью, Кобе — очень развитый город, здесь находились штаб-квартиры многих крупных компаний. Соответственно, богатым тут предоставляли самые разные услуги, а новое поколение предпринимателей, ведущих свободную жизнь, похоже, рассматривало владение частным самолетом как признак принадлежности к определенной группе. В окрестностях нашлась крупная авиационная ассоциация, но эти частные самолеты Ральф точно не смог бы

взять в аренду. Однако в аэропорту стояли шесть вертолетов. Помимо тренировок для богатых в будние дни услугу по относительно невысокой цене предоставляли представителям рабочего класса, которые хотели полетать.

Ральф арендовал вертолет за тройную цену с единственным условием: чтобы пилот четко следовал инструкциям и не задавал лишних вопросов. Разумеется, тот с радостью взял деньги.

Группа из трех человек прибыла в аэропорт Кобе, и на взлетной полосе их ждал «Хамминберд EC120». Благодаря передовому дизайну, хорошей маневренности и проходимости эту модель вертолета чаще всего выбирают для полицейских операций, тушения лесных пожаров и спасения на море, причем во многих странах. Однако в Японии его украсили мультяшной девочкой в розовых тонах.

Увидев, что клиенты на подходе, пилот завел двигатель, и трехлопастной винт начал медленно раскручиваться. Когда они подошли ближе, он уже вращался так быстро, что, казалось, ожил. Ветер от лопастей был настолько сильным, что никто из троицы не мог открыть глаза, а потому они проделали весь путь до кабины, опустив головы.

— Полетели, — Ральф сел на пассажирское сиденье, надел наушники с шумоподавлением и поднял большой палец, обратившись к водителю.

Пилот сложил пальцы — окей! — и прибавил газу. Двигатель взревел, и весь вертолет задрожал. Подъемная сила помогла ему оторваться от земли.

Ли Шили и Кована впервые летели на вертолете: они с любопытством выглядывали в иллюминаторы с обеих сторон и смотрели вниз.

— Ваши приемные сыновья? — спросил пилот.

— А? — Ральф сначала даже не понял, а потом пояснил: — О, нет, они… мои коллеги.

— О! Понятно!

Ральф обернулся и крикнул своим спутникам, сидевшим сзади:

— Пристегните ремни безопасности и наденьте наушники!

Однако из-за слишком сильного шума двигателя и вращающегося винта даже с расстояния всего двух-трех метров уже ничего не было слышно.

— Эй, парни! — снова крикнул Ральф, но безрезультатно.

Пилот понял, чего хотел заказчик, и сделал резкий разворот в воздухе. Фюзеляж наклонился

более чем на шестьдесят градусов вправо. Кована, сидевший с левой стороны, не ожидал подвоха и врезался в Ли Шили. Теперь оба прижались к иллюминатору с правой стороны, в восьмистах метрах под ними виднелись высотки в центре Кобе.

Вертолет быстро вернулся в нормальное положение, и Ральф оглянулся. Кована и Ли Шили перепугались, их лица побледнели, они съежились на своих местах, хватая ртом воздух.

— Пристегните ремень безопасности и наденьте наушники! — жестами велел Ральф, и только тут они повиновались.

— Иногда молодежи приходится набивать шишки!

— Вы меня слышите? — спросил Ральф, увидев, что Кована и Ли Шили наконец все исполнили.

Кована кивнул, и Ли Шили сказал:

— Ага, слышу!

— Отлично! — Ральф повернулся и подключил Энди. — Энди.

— Тут!

— Как там «Карл Рейн»?

— Прибыл. Сейчас на юго-востоке острова Сикоку.

— Отлично, летим туда!

Они взяли курс на Кобе, чтобы встретиться с кораблем, и вертолету пришлось буквально перепрыгнуть через симбионта.

Хотя японские новости уделяли монстру внимание, в целом ситуацию замалчивали, и зрители не видели всей картины, а по токийскому телеканалу даже крутили мультики.

Теперь, когда Ральф увидел все своими глазами, он осознал серьезность ситуации: участок до пролива Наруто не изменился, но на самом деле это был всего лишь хвостик огромной опухоли, которая заполнила все Внутреннее море и заняла треть Сикоку.

— Ого, как разросся, — пробормотал он себе под нос.

Вертолет продолжал полет, и вскоре на горизонте появилась белая линия, издалека похожая на обычную волну. Подлетев поближе, можно было увидеть, что эта линия превратилась в раскинувшуюся по морю ленту. Это был Циндао, и впервые за многие годы Ли Шили увидел весь масштаб своего творения.

«Карл Рейн» находился рядом.

— Теперь чего? — спросил Ральф.

Ли Шили сказал:

— Надо пролететь над ним, и я сброшу на ост-

ров «Цзяньму 2417».

Ральф сделал знак «окей!»

— Что вы, черт возьми, делаете? — спросил пилот.

— Я ведь заплатил тебе кучу денег, чтобы ты не задавал лишних вопросов, — процедил Ральф. — Скажу так: ты будешь гордиться своим поступком до конца жизни, но сейчас просто подчиняйся приказам и направь вертолет, куда велено.

Маша и другие члены экипажа стояли на палубе и, несмотря на то что находились далеко от Японии, хорошо видели огромного симбионта, занявшего пролив.

— О боже, — прошептал кто-то. С тех пор как странная болезнь распространилась по кораблю, почти каждому снилось, что монстр высосал их досуха и превратил в кусок плоти, плавающий в море.

Однако сцена перед ними оказалась более ужасающей, чем ночной кошмар. Даже пусти они в ход все свое воображение, реальность оказалась куда страшнее.

— Мы… все еще собираемся плыть туда? — робко спросил кто-то.

— Да.

Все молчали. Непонятно, где окажется «Карл

Рейн» в этой битве и как она развернется. Оставалось только ждать.

Судно подошло ближе, и его заметили два корабля береговой охраны, патрулировавшие внешние воды.

Включился интерком, и Маша ответила:

— «Карл Рейн».

Из рации полилась японская речь, и Маша спросила:

— Вы говорите по-английски?

Через пару минут собеседник переключился на английский:

— Это береговая охрана Японии. Впереди биологическая и химическая катастрофа. Пожалуйста, остановитесь.

— Хорошо, мы останемся здесь, — сказала Маша.

В это время второй корабль покинул свою позицию и обогнул «Карла Рейна».

— Что вы буксируете?

— Это пластик.

— Пластик?

— Я точно не знаю. Сырье для чего-то.

На другом конце рации начался переполох. Кто-то начал кричать по-японски. Появились офицеры в форме с оружием в руках. Солдаты

метнулись к установленным на палубе двум пулеметам.

— Эй! — Маша отозвала членов экипажа в укрытие, крикнула в рацию. — Что случилось? Это какое-то недоразумение!

— «Карл Рейн», немедленно развернитесь и уходите.

— Почему? У нас нет никаких дурных намерений.

— То, что вы буксируете, нанесет большой ущерб нашей стране. Пожалуйста, немедленно покиньте территориальные воды Японии. Любые другие действия будут расцениваться как враждебные.

— Мы… — Маша осеклась, поскольку внезапно до нее дошло, что Циндао может не только обеспечить питательными веществами неизвестное науке растение-призрак, которое упомянул Энди, но и является любимой пищей симбионтов. Неудивительно, что японская береговая охрана так занервничала.

Но что будет с их планами, если сейчас развернуться?

— У нас нет никаких враждебных намерений, мы сейчас уплывем. — Маша успокоилась и заговорила тихо и медленно.

— У вас есть три минуты, — рявкнул интерком, и это уже напоминало приказ. Корабль береговой охраны как по команде взял «Карл Рейн» на прицел.

— Ладно, ладно, не стреляйте, мы сейчас же уплывем!

Маша посмотрела на Хэтчера. Бывший капитан пожал плечами и повернул рулевое колесо. Судно изменило направление, но развернулось на девяносто градусов не сразу, чтобы Циндао смог проплыть еще какое-то расстояние по инерции.

Это все, на что был способен «Карл Рейн».

Прижавшись лицом к стеклу иллюминатора, Ли Шили разглядывал остров под ними.

— Что такое? Почему они развернулись? — забеспокоился Ральф.

— Береговая охрана преградила путь, «Карл Рейн» не может подойти ближе, — пояснил Энди.

— Что? Черт возьми! Что вы собираетесь делать?! — Пилот заподозрил, что с его пассажирами и всеми этими переговорами что-то не так. Его определенно наняли не туристы. Он решил, что ни за какие коврижки не станет в это вписываться.

— Не нервничай, мы всего лишь ученые, нас

вызвали наблюдать за ситуацией на передовой, — успокоил его Ральф.

Пилот с сомнением взглянул на накачанные руки пассажира. Не больно-то этот громила походил на ученого.

— Но…

— Что это? — громко крикнул Ли Шили. Он в панике попытался вскочить со своего места, но помешал ремень безопасности.

— Где? — Кована тоже потянулся к иллюминатору.

Если смотреть из вертолета вниз, то в правом нижнем углу виднелся «Карл Рейн». Он поворачивался, оставляя на воде дугообразный след. За ним тянулся десятикилометровый Циндао. А вот позади него вода казалась немного светлее, как будто в ее глубинах скрывалось нечто, что можно было рассмотреть только с воздуха.

Ли Шили сглотнул и посмотрел на Ральфа.

Тот пробормотал:

— Думаю, Годзилла.

Не слишком смешная шутка, ведь если бы к ним приплыл Годзилла, это стало бы просто чудесной новостью.

Но нет…

Ли Шили подумал о самом плохом, в его мозгу

тут же вспыхнула ужасная картина, а по коже тут же побежали мурашки.

— Это же… — прошептал юный инуит.

Словно в ответ на невысказанную догадку Ковалы, подводная тварь внезапно всплыла, морская гладь вспучилась, будто гигантский холм, а еще через мгновение все стало понятно.

Хотя Ли Шили и сам уже догадался, что к ним пожаловало, но когда увидел это собственными глазами, то так перепугался, что у него перехватило дыхание.

Чудовище оказалось огромным. Его надводная часть имела высоту в пятьдесят-шестьдесят метров, диаметр оказался более десяти метров. Все его тело было отвратительного розово-фиолетового цвета.

На поверхность всплыл симбионт.

Но не тот, который сейчас хозяйничал во Внутреннем море.

Новый отличался от своего собрата, неизвестно, где он вырос и где раньше скрывался. Должно быть, его привлек Циндао, а это означало еще одну неприятную новость — симбионт мог эволюционировать.

Ли Шили ошеломленно смотрел на гигантского монстра под вертолетом. Судя по всему,

отдельные части монстра выполняли разные функции. Та, что выступала из моря, напоминала гигантскую руку с бесчисленными крошечными щупальцами, которые тянулись вперед, пытаясь схватить пластиковый остров. Впрочем, крошечными они казались лишь относительно остального тела, поскольку в основании диаметр каждого составлял около метра.

Подводную часть Ли Шили видел плохо, но складывалось ощущение, будто у нее есть некое подобие ласт, и она изо всех сил гребет вперед. А дальше, вероятно, были еще какие-то зоны, скрытые в глубинах океана и невидимые для глаз.

Ральф крикнул в микрофон:

— Энди! Предупреди их!

— «Карл Рейн», внимание на четыре часа! — заверещала рация, и Маша тут же оглянулась. В задней части кабины находился лишь небольшой иллюминатор, а снаружи было пусто.

— Что случилось? — спросила она.

— Я всего лишь передаю информацию, сходите, посмотрите, — велел Энди.

Маша выбежала из кабины, оперлась руками о перила палубы и огляделась.

С такого расстояния она различала лишь

странную черную тень на уровне моря, которая, казалось, следовала за «Карлом Рейном».

— Что это? Японская береговая охрана преследует нас? — спросила она.

Все телескопы на «Карле Рейне» были изготовлены из пластика, так что их давным-давно убрали. Несколько человек какое-то время наблюдали невооруженным глазом за непонятным объектом, но так и не поняли, что это.

Маша вернулась в рубку и спросила:

— Энди, можете внятно объяснить, что плывет за нами?

— Эээ… Ральф сказал, это еще один симбионт. Он охотится на мусорный остров, который вы сюда отбуксировали.

— Боже мой, что это за хрень? — закричал пилот. — Я тут не останусь!

Он потянул штурвал, и вертолет неожиданно развернулся в воздухе, собираясь лететь в обратную сторону.

— Нет, друг, нам нужно остаться! — Ральф сжал руку пилота, пытаясь удержать его.

— Нет, нет, нет! Сэр, я не могу! — Бедолага начал дергаться, пытаясь уйти на обратный курс.

— Тогда прости, дружище, — сказал Ральф и ударил рукояткой ножа по шее пилота у основа-

ния черепа. Тот охнул и потерял сознание.

— Ты… — Ли Шили удивленно посмотрел на Ральфа.

— Чрезвычайная ситуация… — пояснил американец, после чего отстегнул ремень безопасности пилота и перетащил его на заднее сиденье, передавая Ли Шили и Кование. — Свяжите его, минут через сорок он очухается.

Он перелез на место пилота и взял на себя управление вертолетом, после чего сказал Энди:

— Соедини меня с «Карлом Рейном».

— Это «Карл Рейн», — послышался женский голос, который показался Ральфу смутно знакомым.

— Это… Птичка. — Ральф на мгновение замешкался, а затем назвал текущее кодовое имя: — Я Ральф Гейбл, мы на семь часов от «Карла Рейна».

— Ральф? — удивленно переспросила женщина. Помехи слегка искажали ее голос, но от этого Ральфу показалось, что он словно попал в какой-то знакомый сон.

— Я… Я — Маша, Ральф, — продолжила женщина, слегка задыхаясь. — Ты в вертолете? Я тебя видела!

— Маша? Ты что там делаешь? — в замешатель-

стве спросил Ральф.

— Это долгая история. У нас будет достаточно времени, чтобы поговорить об этом позже, — теперь она говорила намного спокойнее, чем раньше, в голосе даже появились игривые нотки. — Можешь объяснить, что происходит?

Он быстро сказал:

— В Тихом океане могут водиться и другие симбионты, одного привлек остров Циндао, который вы приволокли на буксире. Теперь он не может дождаться обеда.

— Как…

Прежде чем Маша успела усомниться в словах Ральфа, монстр вынырнул на всеобщее обозрение. Когда он поднялся, стали видны еще две конечности со щупальцами, гораздо толще первых.

Теперь чудовище перестало быть размытой тенью, превратившись в движущуюся гору.

— Что это?! — закричала Маша в трубку.

Сцена была настолько ужасающей, что даже Хэтчер, который всегда сохранял спокойствие, крепко вцепился в рулевое колесо, опасаясь, что окружающие заметят, как дрожат его руки.

— Это новый симбионт, и он теперь гонится за вами! — крикнул Ральф, его руки, державшие

штурвал, вспотели.

— И что прикажешь делать?!

— Спасайтесь бегством! — выпалил Ральф. Даже такой человек, как он, переживший бесчисленное количество опасностей, не знал, что нужно предпринять в подобной ситуации, но бегство счел лучшим решением.

Кована только-только привык к полетам, Ральф несколько раз брал его с собой на борт самолета, но впервые он мог так свободно смотреть на землю. Правда, юный инуит не понимал всей серьезности ситуации и быстро утратил к ней интерес. Голубое море и зеленые горы казались ему куда привлекательнее.

Некоторое время он сидел слева, затем подвинулся вправо, ближе к Ли Шили. Китаец прижимался лицом к стеклу, нервно глядя на чудовище в море. Кована некоторое время наблюдал за тем, как монстр преследует корабль, а затем отвернулся и неожиданно воскликнул:

— Смотри, второй тоже движется!

В Китае есть старая поговорка: беда не приходит одна. Симбионт, первым обосновавшийся на севере острова Сикоку, похоже, почувствовал присутствие собрата, или же его привлек мусорный остров. Он перестал двигаться к суше и

начал медленно отступать.

Огромный мясной шар шлепнулся в море, подняв большую волну. С воздуха было хорошо видно, как расходятся круги по воде. А экипажи кораблей береговой охраны наблюдали лишь за тем, что разворачивалось перед их глазами, и не обратили внимания на опасность, подкрадывающуюся с тыла.

Только с близкого расстояния становилось понятно, насколько высоки образовавшиеся волны. Они напоминали стену, надвигавшуюся медленно и неотвратимо. На ее фоне патрули казались игрушечными: она подняла их в воздух, а затем бросила вниз.

Ли Шили видел, как от удара корабли перевернулись, а матросы попадали с палубы, словно муравьишки.

Следующей целью должен был стать «Карл Рейн», двигавшийся перпендикулярно направлению огромной волны.

От ее удара он неизбежно перевернется.

Маша придерживала дверь рулевой рубки и смотрела, как Макс и Джоуи идут к корме. Гигантский монстр, преследовавший их, приближался. Три — Маша даже не знала, как это назвать — щупальца тянулись в их сторону, а позади виднелось

огромное, похожее на гору тело. Даже в фильме «Парк юрского периода» не было таких безумных сцен: у их преследователя не было устрашающих клыков и острых когтей, но одного вида чудища хватало, чтобы потерять рассудок от ужаса.

После долгого обсуждения с Хэтчером и Ральфом Маша решила отцепить Циндао и выбросить наживку. Они сюда приехали не рыбу ловить, не говоря уж о таком уроде.

Маша попросила Макса и Джоуи перерезать трос. Они шли с пожарными топорами, пригибаясь и двигаясь бесшумно, словно боясь потревожить симбионта.

— Поторопитесь, ребята! — крикнула она.

Монстр подбирался все ближе и ближе, а Хэтчер развил максимальную скорость, и трос натянулся.

Из рации звоном разнесся крик:

— Маша! Маша!

— Капитан руководит операцией! — рявкнул Хэтчер. Он постепенно адаптировался к напряжению, а выброс адреналина даже немного взбодрил его.

— Немедленно разверните корабль! К вам приближается огромная волна, слева по борту! Скорее! — закричал Ральф.

Хэтчер посмотрел налево и увидел вдалеке белую линию — разбитые брызги морской воды, падающие с гребня.

Обладая многолетним опытом, он сразу понял, что Ральф прав: корабль необходимо немедленно развернуть, чтобы втиснуться между огромными массами воды.

Но «Карл Рейн» все еще тянул на буксире Цин-дао, и его преследовал монстр.

Хэтчер сделал паузу и сразу же понял, как надо действовать. Так было всегда: когда перед ним стояло несколько задач, он сначала решал самую насущную.

Он повернул руль влево до упора, затем крикнул Маше:

— Маша, скажи им, чтоб они возвращались, на нас движется огромная волна.

Та оглянулась. Ей не хватало опыта, поэтому она не осознавала опасности.

— Они скоро будут! Еще несколько минут!

— Сейчас же! Немедленно!

Маша посмотрела на Хэтчера и поняла всю серьезность проблемы. Она кивнула:

— Хорошо!

Макс и Джоуи уже почти добрались до места. Маша дважды крикнула им, но звук унес ветер.

Хэтчер направил «Карл Рейн» на аварийный разворот, резко накренив корабль влево. Макс ухватился за борт и посмотрел на Машу, которая тут же помахала им рукой. Но он неправильно ее понял и помахал в ответ, мол, все в порядке.

Маша посмотрела за борт корабля: огромные волны казались пугающе высокими, как ряд подвижных стен, и «Карл Рейн» мог вот-вот врезаться в одну из них.

Маша перевела взгляд с Хэтчера на Макса и Джоуи.

— Не надо… — прошептал седой. — Поздно…

Маша посмотрела на него и твердо сказала:

— Я здесь капитан. Мне пора!

Затем исчезла за дверью и побежала к корме корабля.

— Как Папа вообще управляет кораблем? Он на ногах-то еле держится! — ворчал Макс.

Корпус «Карла Рейна» накренился более чем на двадцать градусов. Максу пришлось ухватиться за борт, как и Джоуи, который изо всех сил пытался сохранить равновесие. Он взмахнул пожарным топором, от удара тот выскользнул из руки и приземлился в углу палубы.

Когда «Карл Рейн» резко повернул, трос, тянувший Циндао, образовал угол с корпусом корабля

и теперь натянулся и заскрипел.

— Давай! — сказал Джоуи.

Макс потряс топором в руке:

— Отойди, я не хочу по тебе попасть!

Он поднял руку, и когда уже собирался нанести удар, сзади послышался голос Маши.

— Отставить! — резко скомандовала она. — Быстро возвращайтесь!

Джоуи увидел, как женщина, цепляясь за борт, движется в их направлении.

— Капитан? — Маша присоединилась к экипажу раньше него, но никакого уважения он к ней не питал. Непонятно, с чего вдруг именно ее сейчас сделали капитаном.

— Что случилось? — спросил Джоуи.

— Быстро возвращайтесь! — крикнула Маша, махнув рукой в сторону носа корабля. — На нас движется огромная волна!

— Боже мой… — Джоуи посмотрел туда, куда она указывала. «Карл Рейн» почти завершил маневр, и теперь его нос был обращен к огромным волнам высотой в десятки метров, закрывавшим голубое небо и белые облака. Свинцово-серые, они походили на открытую пасть гигантского зверя…

— Вернитесь! — заорала Маша, но было уже

поздно.

Палуба внезапно превратилась в вертикальную стену, и Джоуи отбросило в сторону. В полете он ухватился за трос, на котором буксировали Циндао. Он стал его единственной надеждой на спасение.

Максу повезло меньше. Он поскользнулся и ударился об ограждение. Когда Джоуи повернулся посмотреть на напарника, того уже не было видно. Он улетел за борт, все еще держа в руках топор.

«Карл Рейн» словно попал на американские горки. Благодаря опыту и противодействующей силе Циндао Хэтчеру удалось удержать корабль и не перевернуться.

Джоуи, закрыв глаза, отчаянно цеплялся за трос, волны и гравитация бросали его вверх-вниз.

Спустя какое-то время кто-то похлопал Джоуи по щеке:

— Ты жив?

Он открыл глаза и увидел Машу. Она вся промокла, на лбу у нее красовалась большая кровоточащая рана. Маша чудом выжила во время этой болтанки.

— Капитан, с вами все в порядке?

— Нет, но у нас много дел, — сказала она. —

А теперь иди и переруби трос.

Маша протянула ему топор одной рукой. Вторая, словно плеть, повисла вдоль тела, похоже, она получила серьезное ранение.

— Капитан… — Джоуи все еще пребывал в замешательстве. Он наконец встал. Конечности свело от чрезмерного напряжения. — Все в порядке?

Маша горько улыбнулась и протянула ему руку:

— Быстро, переруби трос. Это не единственная наша проблема.

Джоуи повернулся и взглянул на корму. От увиденного он наконец очнулся от шока, и страх снова плотным коконом окутал его.

Чтобы спастись от огромных волн, Хэтчеру пришлось сбросить скорость. Симбионт настиг их и теперь барахтался всего в ста метрах от «Карла Рейна». На таком расстоянии можно было рассмотреть нового монстра в деталях, и он довольно сильно отличался от той горы странной плоти, которую они видели в океане. Этот был в сотни раз больше и торчал из воды, словно пирамида. Темно-фиолетовая кожа с шероховатой поверхностью выглядела твердой, как панцирь или струп на ране. Три конечности потянулись и схватили Циндао. Щупальца вонзались в по-

верхность острова, сотканного из пластиковых волокон, издавая скрипучий звук, как будто бесчисленное количество жуков точило древесину.

— Быстрее! — скомандовала Маша.

Джоуи сглотнул и пошевелил затекшими конечностями. Он взмахнул топором, но тут трос оборвался, и в тот же момент «Карл Рейн» начал удаляться от острова и пожирающего его симбионта.

Джоуи посмотрел на исчезающее вдали чудовище, а пожарный топор упал на палубу. Он закричал:

— Макс… он!..

Маша взяла себя в руки и похлопала его по плечу:

— У нас есть другие дела. Пошли!

Она снова посмотрела на симбионта и вдруг почувствовала, что с ним что-то не так. Кровь из раны на лбу заливала глаза. Она подняла руку, чтобы вытереть ее. Происходило что-то ненормальное.

Симбионт вдруг остановился, а мусорный остров поплыл прочь от него. Монстр никак не реагировал на ускользающий трофей, словно не он только что гнался за кораблем. Маша вспомнила статью из детской энциклопедии, в которой

говорилось, что лягушки видят только движущуюся добычу.

Могло ли быть так, что симбионт просто не видел Циндао в свободном плавании?

— Пойдем, надо обработать рану на лбу! — сказал Джоуи.

— Все нормально! — Маша отмахнулась.

Три гигантских щупальца странной формы свисали вниз, передняя часть и вовсе погрузилась в воду, словно что-то нащупывая.

Внезапно вода забурлила и фиолетовая гора наклонилась в сторону, обнажая то, что щупальца поймали под водой. Из воды появился гигантский шар розовой плоти, фиолетовый и розовый переплелись друг с другом, сражаясь за пластик. Там, где два цвета вступали в контакт, раковые клетки скукоживались, лопались, наружу выплескивалась темная жидкость, обнажая решетчатый скелет. Симбионты странным образом поглощали ресурсы друг друга, а в воздухе раздавался странный звук, от которого кружилась голова и сводило челюсть.

Джоуи стошнило.

Маша еще раз взглянула на битву двух гигантов, затем помогла коллеге вернуться в каюту.

(42) Новый план

— О боже мой!

Ральфу казалось, что он многое повидал на своем веку, но даже у него не хватало словарного запаса, чтобы описать сцену, развернувшуюся перед ним. Даже если бы Бог действительно существовал, он бы не мог создать ничего настолько отвратительного.

Два симбионта, огромных чудовища, столкнулись друг с другом, не вызвав особого сотрясения. Для захвата ресурсов, в отличие от других животных, эта новая форма жизни использовала совершенно другой способ: она действовала тихо и нежно.

Их действия походили скорее не на нападение, а на слияние.

Симбиоз раковых клеток и гибридных бактерий требует большого расхода энергии. Они вроде бы конкурировали за ресурсы, но в конце концов сольются в одно и станут новым гигантом.

Теперь, когда два симбионта переплелись друг с другом, у «Карла Рейна» наконец появился шанс вздохнуть свободнее.

— «Карл Рейн», прием, как дела? — Ральф беспокоился о Маше. Когда волна настигла корабль, он как раз наблюдал за фигуркой в зеленой клетчатой рубашке, жалея, что не может броситься к ней на выручку. Когда вода отступила, человека уже не было видно…

— Эй, птичка, — сказал Хэтчер по рации, — пусть капитан скажет, как у нас дела.

— Это Маша. Что там происходит?

— Два симбионта отнимают друг у друга еду, — сказал Ральф. — А питаются они пластиком…

Маша вздохнула.

— В чем дело?

— «Карл Рейн» в плачевном состоянии, — тихо ответила она. — Киль сломан, три каюты затоплены. Сейчас уже слишком поздно, чтобы спасаться, и мы больше ничем не можем вам помочь.

Ральф молчал. Он не мог просто смотреть на то, как тонет «Карл Рейн». Он посмотрел вдаль и увидел несколько военных катеров, наблюдающих за симбионтом. Внезапно ему пришла в голову идея.

— Маша! — крикнул он. — На десять часов от вас несколько кораблей береговой охраны. Они примерно в двух морских милях. Сможет «Карл Рейн» столько продержаться?

— Наверное, если никто не будет нас преследовать.

— Тогда плывите туда и сдавайтесь! По крайней мере, так вы спасете свои жизни. Они, вероятно, спросят, почему вы привели сюда симбионта, просто ответьте правдиво. После того, как с этими двумя монстрами будет покончено, мы найдем способ спасти вас.

— Не давай девушке обещаний, которые не можешь сдержать, — поддразнила Маша.

Ральф улыбнулся. Но улыбка быстро исчезла с его лица, он вскинул голову и торжественно поклялся с таким видом, будто стоял с Машей лицом к лицу:

— Обязательно найдем!

Она переключилась на общий канал и обратилась с запросом о спасении. Вокруг «Карла Рейна» осторожно собрались четыре корабля береговой охраны.

— Я не ожидал, что за ними притащится симбионт! — сказал Ральф. Сначала он хотел поделиться радостью от встречи с Машей, но потом решил, что двум его коллегам это не будет интересно, поэтому замолчал.

— Мы не знаем, сколько их в океане, — Ли Шили. — Если люди не перестанут мусорить, то

океан станет раем для таких монстров.

— А где твой малыш? — спросил Кована.

Ли Шили достал из кармана стеклянную емкость. «Цзяньму 2417» напоминал изящное украшение, вырезанное из нефрита, маленькое и хрупкое.

— Циндао больше нет, но он не нужен, — сказал Ли Шили. Он посмотрел вниз. Битва между симбионтами подходила к концу. Новое чудовище превосходило своих прародителей во всем. Его размеры значительно увеличились, а первоначально распластанные щупальца втянулись, и теперь монстр, как гигантская медуза, растянулся во все стороны и покачивался на поверхности моря. Еще неизвестно, сколько его плоти скрыто под водой. Может быть, видна лишь десятая часть монстра.

— Что будем делать? — спросил Ральф.

— Давайте сначала посадим вертолет, а затем придумаем новый план, — предложил Ли Шили.

Пилот успел очнуться. Его руки были связаны ремнями безопасности, он не мог двигаться, но сумел наклониться, бесцельно глядя в окно, и пробормотал:

— Это что?

Когда он повторил свой вопрос трижды, Ли Ши-

ли и Кована выглянули наружу. В ясном небе в их сторону двигались две маленькие черные точки.

Тогда Ли Шили и Кована тоже хором спросили:

— Что это?

— Где? — Ральф выглянул в окно. Две черные точки промелькнули по обе стороны вертолета на чрезвычайно высоких скоростях. Это были самолеты, причем с весьма примечательными особенностями: трапециевидными крыльями и узкими воздухозаборниками.

F22 «Раптор», многоцелевой истребитель вооруженных сил США в Японии.

— О, ребята взялись за дело всерьез! — сказал Ральф. Он развернул вертолет так, чтобы видеть симбионта. Они словно попали в лучший зрительный зал в мире.

Истребитель пролетел над розовой горой, и несколько ракет полетели вниз, оставив за собой ослепительный след. Они точно поразили цель, прошли сквозь фиолетовую внешнюю оболочку и попали внутрь монстра.

Затем раздался взрыв. Симбионт надулся, как воздушный шар, а затем взорвался. Ударная волна разорвала раковую ткань и пластиковую решетку внутри, разметав ошметки во все стороны. Из моря поднялся отвратительный фонтан

плоти.

Некоторые куски преодолели расстояние более полутора километров и шлепнулись на лобовое стекло вертолета, оставив кровавое месиво.

В верхней части гиганта образовалась большая дыра, но, похоже, она не представляла для него особой угрозы. Симбионт не был обычной формой жизни, и высокая температура и пламя, возникшие в результате взрыва, не могли убить его. Огромная рана затягивалась со скоростью, видимой невооруженным глазом. Похоже, монстр обладал способностью к регенерации.

Такого количества ракет хватило бы, чтобы нанести фатальный урон авианосцу, но та часть симбионта, которая возвышалась над морской гладью, была в сотни раз больше любого авианосца, не говоря уже о той, что скрывалась под водой. Для него подобные раны больше напоминали обыкновенные уколы.

Два F22 кружили в воздухе, сбрасывая вниз ракеты. Результат был тот же, что и в прошлый раз: симбионт почти не пострадал.

Ральф чертыхнулся. Несколько ошметков, прилипших к лобовому стеклу вертолета, собрались вместе, а затем медленно поползли к краю, где находилась восхитительная вкусная уплотни-

тельная пленка. Когда эта дрянь прорвет слой защиты, то попадет в салон, где пластика еще больше.

— Нам нужно быстро найти, куда приземлиться… — Ральф потянул штурвал и направил вертолет на посадку.

— Пожалуйста, отпустите меня, — взмолился пилот, ерзая на заднем сиденье.

— Прямо здесь или все-таки вернемся? — спросил Ральф.

— Вернемся…

Кована подвинулся, чтобы развязать ремни.

Пилот не видел, что произошло, но беспорядка на море было достаточно, чтобы напугать его.

— Вы вообще кто?

— Мы хорошие люди, — заверил Ли Шили.

Взгляд пилота скользнул по их лицам.

— Я не думаю, что вы плохие. — Он на мгновение заколебался, словно принимая решение. — Вы не можете вернуться в Кобе.

— Почему? — спросил Ли Шили.

— Каждый раз, когда мы отправляемся на вылет, то должны строго соблюдать время, и маршрут тоже оговорен. Только что вы допустили серьезное нарушение. Кроме того, сменили канал связи. Компания не могла связаться с пилотом, а

значит, они считают, что вертолет угнан. Если вы вернетесь в Кобе, боюсь, вас арестуют на месте.

— Хорошо, — Ральф некоторое время думал. — Я найду подходящее место. Спасибо.

— Вы… сможете справиться с этим монстром? — спросил пилот. — Там, где есть монстры, будут и герои, и я думаю, что именно вы.

— Мы сделаем все возможное, — сказал Ли Шили.

Ральф нашел ровную площадку для посадки в районе Вакаямы. К этому времени симбионт уже вторгся в салон вертолета. Задержись они в воздухе еще на несколько минут, и у них не было бы шансов спастись.

— И куда мы теперь? — спросил пилот.

— Ну… нам еще надо кое с чем разобраться, — сказал Ли Шили.

— О, я понимаю. Тогда я пойду, не буду вам мешать.

— А вертолет? — спросил Ральф. — Будут неприятности?

— Это собственность компании… неприятности не исключены… — пилот с трудом улыбнулся, — но будем считать это моим вкладом в общее дело.

— Возвращайся, если что я тебе помогу, — по-

обещал Ральф.

— Понял. — Пилот развернулся и пошел прочь.

— На дороге много брошенных машин, — напомнил Кована.

— Хорошо, понял. Спасибо.

После того, как пилот уехал, Ральф, Кована и Ли Шили отправились в другом направлении. Унадзава опустел, поэтому там можно было залечь на дно.

Они нашли дом, в котором было электричество, остались вода и еда. Ральф объявил, что устал после долгого перелета, и уснул.

Ли Шили и Кована обыскали строения по обе стороны центральной улицы, но там никого не оказалось, даже Ватанабэ Ю.

Со скалы на окраине Унадзавы можно было разглядеть симбионта, плывущего по морю. Его розовый цвет полностью исчез, похоже, старого монстра полностью поглотил новый.

После боя и двух взрывов он был неактивен. Наверное, восстанавливался. Еще неизвестно, что он устроит после регенерации.

Вечером позвонил Ся Цян. Он говорил почти шепотом, как будто наконец нашел возможность позвонить так, чтобы никто не обратил на него внимания, и сделал это тайком.

— Сяо Ли, ты сейчас где? — тихо спросил профессор.

— Профессор Ся, я сейчас с несколькими друзьями.

— Ты знаешь, что сегодня будет?

— Да, я в гуще событий.

— Ну, отлично. Звоню сказать тебе вот что. Поскольку эта катастрофа приобрела ужасные масштабы, Япония обратилась за помощью к Соединенным Штатам. Теперь Соединенные Штаты взяли на себя ведущую роль в операции.

— Это здорово! У них наверняка есть какой-то способ! — сказал Ли Шили.

— Наш «Цзяньму 2417» также является частью плана, и им нужна более подробная информация, — сказал профессор Ся.

— Но все данные уничтожены.

— Ты действительно ничего не оставил?

Ли Шили эти слова показались излишне резкими, и он еще раз подчеркнул:

— Ничего не осталось! Тот образец случайно попал в прореху одежды и чудом уцелел.

— Хорошо, у меня осталось несколько старых отчетов. Я сотрудничаю с профессором Мисимой из Университета Васэда, попробуем повторить наш эксперимент. — Ся Цян сделал паузу, а затем

спросил: — Ли Шили, ты не хочешь к нам присоединиться? К центру реагирования человечества на биологическую и химическую катастрофу, это чрезвычайно важно для будущего.

Ли Шили сунул руку в карман и дотронулся до маленького контейнера с «Цзяньму 2417». Немного подумал и ответил:

— Профессор Ся, я знаю, что вы желаете мне добра. Но здесь я буду полезнее.

На другом конце воцарилось молчание, потом старик сказал:

— Хорошо, если тебе что-нибудь понадобится, просто позвони мне.

— Спасибо!

Ли Шили повесил трубку и вернулся в дом, а Кована нашел кое-какие продукты и начал готовить.

Зазвонил телефон Ральфа, это был Энди.

Ральф включил громкую связь и положил аппарат на кофейный столик.

— Говори.

— У меня две новости. Одна ужасная, другая в десять раз хуже первой. Какую из них хотите услышать первой?

Американец потер лоб и сказал:

— Давайте сначала выслушаем ту, что получ-

ше.

— Белый медведь, которого «Карл Рейн» встретил в океане… Кована здесь?

— Я тут! — ответил инуит.

— Белый медведь уплыл в Аргентину. Он причалил в Пуэрто-Бланки и теперь занимает четверть Буэнос-Айреса.

— Эта новость действительно потрясает воображение! — буркнул Ральф. — Вываливай вторую! Дождаться не могу.

— Готовьтесь морально!

— Хватит уже нести всякую чушь! Говори!

— Военные собрали несколько образцов и отправили в США для исследования. Однако из-за халатности персонала симбионт сбежал и разложил пластиковые детали самолета. Тот развалился прямо в воздухе и разбился недалеко от Энтерпрайза, штат Юта, теперь его следы есть в Неваде, Юте и Аризоне, в этих штатах введено чрезвычайное положение.

— И мы пока не нашли способа справиться с симбионтом, — сказал Ральф, закрыв глаза. Ему казалось, что он попал в страшный сон.

Он повесил трубку и повернулся к Ли Шили.

— Ты уверен, что это твое растение сможет справиться с симбионтом? — Ральф посмотрел на

него. Вся та пренебрежительность, с которой он только что говорил с Энди по телефону, как рукой сняло. Мир в опасности, нужно быть серьезным.

Ли Шили кивнул:

— Я проводил эксперименты, в небольшом масштабе все получается. «Цзяньму 2417» разлагает пластик, при этом выделяется спирт. Алкоголь обезвоживает бактерии и может убить их, оставив лишь раковые ткани, которые без симбиотической системы быстро умирают.

Ли Шили достал маленькую стеклянную емкость и поставил ее на стол.

— Поторопись и вырасти эту крошку, возможно, это наше единственное оружие, — сказал Ральф, устало взглянув на содержимое емкости, крошечные веточки были короче его пальцев, и ему слабо верилось, что этот малыш сможет справиться с симбионтом, раскинувшимся более чем на десять километров.

Но за последние несколько дней произошло слишком много странностей, а потому возможно все, что угодно.

Ральф достал что-то из кармана и бросил Ли Шили. Тот поймал предмет, но это оказался всего лишь пульт от телевизора.

— Давайте посмотрим, на что он способен, —

сказал Ральф.

Ученый взял емкость и посмотрел на «Цзяньму 2417». На свое детище.

Многие люди всю жизнь ищут призвание, но в итоге ничего не находят.

Ли Шили был не таким. Он с самого раннего детства был полон решимости найти способ разобраться с проблемой загрязнения планеты пластиковыми отходами. И в результате добился результата, но не знал, как его применить. Он считал «Цзяньму 2417» своей собственностью и не расставался с ним.

У Ли Шили было много возможностей рассказать Чэнь Яню, Ся Цяну, Ральфу и Ковану о способностях растения. Он мог даже поместить «Цзяньму 2417» в пластиковый мусор, скопившийся в море в его родной деревне, и спасти местных жителей.

Но выбрал молчание. Увидев, как Ся Цян впустую растратил отданный ему образец, он тем более не был готов так легко расстаться со своим сокровищем.

Даже если весь мир ждет, что оно их спасет.

Ли Шили поднял руку и отказался открывать стеклянную емкость.

Кована изнывал от нетерпения, он потянулся

за флаконом. Ральф заметил колебания ученого и жестом остановил юного инуита.

Две минуты спустя Ли Шили встрепенулся, отогнав воспоминания, посмотрел на молча ожидавших друзей и виновато улыбнулся.

— Простите, — он глубоко вздохнул, откупорил емкость и вытряхнул образец на пульт.

Все трое затаили дыхание и уставились на пластмассовый прямоугольник, как будто воздух из ноздрей мог сдуть крошечное растение.

Через некоторое время прямо на их глазах несколько нитевидных корней обвили пульт. На черном материале сразу же появились вмятины, как будто его резало нагретое острое лезвие.

В воздухе почувствовался слабый запах алкоголя. Ральф закрыл глаза и сделал глубокий вдох, затем кивнул:

— Да, чистый спирт.

Веточки росли со скоростью, видимой невооруженным глазом, а пульт, напротив, быстро сжимался. Корневая система разделила его на несколько частей и обвивала каждый по отдельности, чтобы переварить.

Примерно через десять минут на столе осталась только печатная плата и две батарейки.

Зато сам «Цзяньму» вырос более чем на пол-

метра в высоту, а его корни опутывали теперь всю столешницу. Он инстинктивно искал пластик, чтобы поглотить его. Небольшой пульт не мог утолить аппетиты растения. Он протянул свои тонкие ползучие корешки в поисках новой пищи.

Ральф попятился и убрал подальше мобильник, чтобы гибрид до него не добрался, ведь это был их единственный способ связи.

— Кто-то идет, — сказал Кована, глядя наружу.

Ральф сразу насторожился и подошел к окну.

Оказалось, что «кто-то» — это не один и не два человека.

На горной дороге мерцал ряд огней, словно свет движущихся звезд, а в небе послышался шум вертолетных двигателей.

— Что-то не так, — Ральф некоторое время внимательно наблюдал за обстановкой. Затем обернулся и спросил: — Ли, с кем ты только что разговаривал?

— Я? — Ли Шили немного подумал и сказал: — С моим наставником.

— Это тот, которого привлекли как консультанта? — спросил Ральф.

Ли Шили кивнул и пересказал американцу свой разговор с Ся Цяном.

Ральф потер подбородок и дважды обошел комнату:

— Он не мог тебя выдать?

— Нет! Он не мог!

— Значит, его телефон прослушивают.

— Что? — Ли Шили удивленно посмотрел на Ральфа: — Но зачем?

Тот пожал плечами.

— Это нормальная процедура. Я раньше и сам так делал.

Ученый, который много лет смотрел голливудские боевики, сразу понял, что означают слова Ральфа.

— И что делать?

— Готов отдать им образец? Будь то группа реагирования на стихийные бедствия или какое-то другое подразделение.

Ли Шили посмотрел на подросшего «Цзяньму». Он подарок всему человечеству. Ли Шили уже понял это.

Но его не следовало передавать кому бы то ни было в принудительном порядке.

Ли Шили слегка покачал головой.

— Тогда давай убираться отсюда, — сказал Ральф. — Дай телефон.

— Сотовый? Что ты делаешь? — он передал

трубку, и Ральф, ничего не ответив, бросил ее в кастрюлю с супом, который только что сварил Кована.

— Что?!

— А как думаешь, они сюда попали? Отслеживали сигнал мобильника, — объяснил Ральф.

— Ну, ладно. — У Ли Шили не оставалось выбора, кроме как принять реальность. Они путешествовали налегке, и им нечего было взять с собой. Нужно только забрать с собой «Цзяньму 2417».

Вот только растение прочно закрепилось. Корни переплелись друг с другом и опутали стол. Если не удастся оторвать их, придется взять его с собой.

Ли Шили начал распутывать корешки один за другим, но тех были тысячи, и даже если бы ученый действовал быстро, то управился бы только к следующей весне.

Кована зевнул, подошел, схватил «Цзянму 2417» и рывком сдернул со стола.

Переплетенные корни издали треск, словно ломались кости в теле Ли Шили.

— Ты что творишь? — в отчаянии крикнул он, переходя на родной язык.

Кована не понимал по-китайски, поэтому с улыбкой протянул ему растение:

— Теперь можно идти!

Ли Шили с ненавистью посмотрел на инуита, взял «Цзяньму» на руки, как младенца, и вышел из дома.

Совсем стемнело но, к счастью, погода стояла ясная. В небе висел полумесяц, освещая туманные очертания деревни.

Огни машин на горной дороге становились все ближе и ближе, их было не меньше дюжины, в небе мигали красные и зеленые проблесковые маячки, а шум винтов становился все громче и громче.

— Ого, вот шороху навели! — воскликнул Ральф.

Разыскивающая их группа двигалась со стороны Кобе, так что сбежать они могли только в противоположном направлении.

Все трое двинулись при свете луны по главной дороге. Ли Шили осторожно держал «Цзяньму», но время от времени ему приходилось перекладывать его из одной руки в другую. Наконец Ральф потерял терпение и попросил Кована обернуть растение вокруг шеи Ли Шили. Волокнистые корни царапали кожу, но так идти действительно было гораздо удобнее.

Примерно через час вдалеке замаячила сле-

дующая деревня. Как и в Унадзаве, отсюда все разбежались, и сейчас здесь царила кромешная тьма. Вокруг виднелись следы нашествия симбионтов: в большинстве домов двери были распахнуты настежь, а внутри царил жуткий беспорядок.

— Цуруяма? — Ли Шили увидел дорожный знак на обочине дороги. — Откуда мне знакомо название?

— Здесь мы нашли Ватанабэ Ю несколько дней назад. — Ральф в свете луны примерно определил направление. — Это, вероятно, там. Деревня, где жили враги нашего японского друга. Можно сказать, именно здесь разразился кризис…

Он не успел закончить фразу, как услышал вдалеке стрекот вертолета.

— Они следуют за нами по пятам. — Ральф посмотрел на Ли Шили. — У тебя же нет других мобильников?

Тот обшарил карманы, развел руками и сказал:

— Честное слово.

— Тогда как они нас нашли? — Ральф был озадачен.

Они даже не успели отыскать место для ночлега, как услышали шум, свет нескольких фона-

риков прорезал темноту. Кто-то уже обыскивал Цуруяму.

— Мы окружены? — запаниковал Ли Шили.

Все трое спрятались в тени двух домов, но звуки приближались.

— Судя по всему, да, — сказал Ральф.

Ли Шили опустил голову и долго молчал, его лица не было видно в темноте. Через некоторое время он снял «Цзяньму 2417» с шеи и разломал его пополам.

— Что ты делаешь? — удивился Ральф.

— Они ищут меня, так что пойду с ними. — Ли Шили передал одну из половинок растения Ральфу. — Оно очень сильное, выживет, даже если оторвать от него кусок. Я не знаю, что они станут делать с «Цзяньму», поэтому оставляю образец тебе, если снова потерплю неудачу, у людей все еще будет шанс.

— Давайте сбежим вместе, — предложил Кована.

— Они также хотят остановить этот кризис как можно скорее. Я не могу мешать из-за личной паранойи, — сказал Ли Шили.

Ральф взял «Цзяньму» и, не говоря ни слова, похлопал ученого по плечу.

Тот кивнул в темноте, вышел из тени и, отойдя

от них подальше, замахал руками и крикнул:

— Я здесь!

Люди, проводившие обыск, сразу же засуетились, и несколько лучей света устремились на Ли Шили, ослепив его.

К нему подскочили два человека в сине-оранжевой форме спасательной команды, схватили китайца за руки слева и справа, затараторили на неразборчивом японском и отвезли его на окраину Цуруямы.

Ли Шили не оказал сопротивления и послушно последовал за членами спасательной команды. Остальные снова включили фонарики и продолжили поиски.

— Больше никого нет, вы меня уже схватили… — сказал Ли Шили. Он обратился к членам спасательной команды на китайском и английском языках, опасаясь, что они найдут Ральфа и Кована, но те только покачали головами, кажется, ничего не понимая…

Наконец один из спасателей отвел Ли Шили к припаркованным внедорожникам, произнес что-то по-японски, а затем ушел, не удерживая и не контролируя его. «Цзяньму 2417» по-прежнему болтался на ученом, но спасатели даже не взглянули на растение.

Он совсем запутался.

Подергал ручки нескольких машин, все они оказались заперты, их водители находились непонятно где, возможно, это были члены спасательной команды.

Разве они охотились не за ним и гибридом?

Ли Шили немного расслабился. Он огляделся вокруг и увидел группу людей, собравшихся метрах в ста от него. В темноте он не мог разобрать, что они делают.

Подошел туда, и когда оставалось метров тридцать-сорок, перед ним внезапно вспыхнул свет.

Белоснежные и яркие светодиодные фонари осветили площадку, люди сновали туда-сюда, перемещая оборудование из машин в центр площадки, а кто-то разбивал палатки. Помимо рабочих здесь было много военных в разной форме, видимо, полицейские и солдаты.

Чуть поодаль стояло несколько высоких людей в камуфляже. У их командира были светлые волосы и рельефные мускулы. Наверное, он был из вооруженных сил США.

Похоже, все эти люди создавали здесь временный штаб, и у них был какой-то план борьбы с симбионтом. То есть они собрались здесь не для того, чтобы охотиться за Ли Шили.

Он немного подумал и решил не вмешиваться. Скользнул обратно в темноту, намереваясь сбежать, пока его никто не заметил.

Чуть дальше в поле стояли с десяток больших грузовиков. Тех, на парковке, достаточно, чтобы развернуть штаб, а вот что перевозят на этих больших машинах?

Ли Шили захотел узнать, что придумали в штабе по чрезвычайным ситуациям, и решил взглянуть, что внутри. Но даже этого было не нужно, так как до него донесся знакомый запах, и он догадался, что в них.

Ученый три года работал в лаборатории рядом с мусорной свалкой и вдыхал этот запах каждый день. Прошло всего два или три месяца с тех пор, как оползень, вызванный «Цзяньму 2417», разрушил ее, и он даже начал скучать по этой кисловатой вони. Ли Шили глубоко вздохнул и почувствовал себя не в своей тарелке.

Зачем сюда перевезли такую кучу мусора?

Он уже хотел подойти, но из темноты вынырнула пара рук: одна прикрыла ему рот, а другая крепко схватила за шею.

— Тихо! — шепнул Ральф.

Ли Шили перестал рыпаться, и Ральф отпустил его. Он обернулся и увидел американца и инуита

за своей спиной.

— Они здесь не для того, чтобы найти меня, — сказал Ли Шили.

— Да, я неправильно понял. — Ральф пожал плечами.

— Что они собираются делать?

— Я позвонил Энди, и он раздобыл кое-какую информацию.

Ученый спросил:

— Но ведь Энди не может влезть в сеть японского правительства?

— Теперь у власти американские военные.

— Что они хотят сделать?

— Они хотят использовать пластиковые отходы для привлечения симбионтов.

— Привлечь? Сюда? — удивился Ли Шили.

— Ага, — кивнул Ральф, — большая часть симбионта находится под водой, а мощность бомб ограничена. Если мы сможем выманить его на землю, то зададим ему жару…

— Выманить на сушу? — Ли Шили нахмурился. — Они что, не имеют представления о размерах симбионта? Пока он плавает в воде, то сохраняет сферическую форму. Если же выберется на сушу, то распластается под силой тяжести, и тогда его площадь увеличится в несколько раз.

Ральф потер подбородок:

— Может, они и не подумали об этом, но сейчас уже ничего не поделать.

— Почему бы нам не покормить этим пластиком наши маленькие деревца? — внезапно подал голос Кована.

— Что? — не понял Ли Шили.

— Мы же попросили корабль перетащить пластиковый остров, чтобы дать саженцам вырасти и справиться с симбионтами? — Кована указал на грузовики. — Теперь у нас есть готовый пластик!

— Точно! — громко воскликнул Ли Шили и тут же прикрыл рот рукой. К счастью, все были заняты обустройством временного штаба и не обратили на него внимания.

Они втроем тихо подошли к стоянке. Кузов грузовика был набит до отказа и накрыт брезентом, чтобы мусор не развалился.

Растение на шее Ли Шили зашевелилось, как котенок, унюхавший рыбу, а мягкие корешки защекотали кожу.

Ральф развязал веревку и открыл брезент. За ним лежал спрессованный блок пластика. Грузоподъемность каждого автомобиля составляла более десяти тонн, то есть десять с лишним грузовиков могли перевезти более двухсот тонн

мусора.

Ну, не Циндао, конечно, но этого должно хватить.

«Цзяньму 2417» не мог больше сдерживаться, и корешки беспокойно потянулись вперед, желая немедленно схватить пластик и устроить пир.

Все готово.

— А где симбионт? — Теперь, когда вопрос сырья решился, Ли Шили переполнял энтузиазм. Он верил в «Цзяньму 2417». Его детище определенно сможет отвоевать пластик у симбионта. В битве еще можно победить.

— Наверное, в море, — сказал Ральф. — Судя по всему, военные намерены подождать до завтрашнего рассвета, прежде чем официально начнут действовать. А мы пока воплотим в жизнь наш план.

Ральф примерно помнил топографию Цуруямы. Он повел Ли Шили и Кована к скале, откуда было видно море.

Яркий лунный свет придавал всему туманный оттенок. Они стояли на краю скалы, наблюдая за волнами, поднимающимися вдалеке.

Симбионт куда-то исчез.

— Ну и где он? — Ральф оглядел морскую гладь, опасаясь, что пропустит его следы. — Если он

уйдет на глубину, это будет очень и очень плохо.

— Скорее всего нет… — рассудил Ли Шили. — Плотность пластика очень мала, и он в основном плавает на поверхности. И не уйдет от его запасов…

— Вдруг он уплыл в Тихий океан? — зевнул Ральф.

— Лично мне кажется…

Прежде чем Ли Шили успел договорить, во временном штабе возникла внезапная суматоха. Строители и военная полиция действовали организовано, а тут вдруг забегали, как безголовые мухи.

— Что там происходит? — спросил Кована.

— Я не знаю, — Ральф пожал плечами и посмотрел в сторону штаба, но они отошли слишком далеко, чтобы что-то разглядеть.

Внезапно по спине Ральфа пробежал холодок, словно гигантская многоножка свернулась на позвоночнике, каждая ее конечность щекотала ему нервы.

Он часто балансировал на грани жизни и смерти, и это чувство много раз спасало его в критические минуты.

— Внимание! — одернул американец своих спутников, затем присел и осмотрелся.

— Что случилось? — растерялся Ли Шили.

— Тихо! — рявкнул Ральф.

Они услышали звук, который распространялся не по воздуху, а исходил из-под подошв их ботинок. Вибрации передавались по всему телу, создавая постоянный шум в сознании.

Кована затряс головой, но не смог избавиться от странного звука.

Вибрации становились все более и более отчетливыми, как будто под ними мчался поезд метро.

— Бегите! — Ли Шили рванул первым.

Ральф схватил Кована за одежду и ринулся со скалы.

Земля за их спинами затрещала, этот треск напоминал раскаты грома.

Они мчались вперед, с трудом различая препятствия при лунном свете. Шум становился все громче и громче, камни падали и ударялись друг о друга, как будто там стеной шел дождь.

Все трое пробежали несколько десятков метров, и свет вдруг погас, как будто темная туча накрыла луну.

Ральф замедлил бег и оглянулся. Место, где они только что стояли, исчезло, уступив огромной тени. Она вытянула свои конечности и задрала

их, закрывая половину неба.

Симбионт действительно почувствовал запасы пластика с такого большого расстояния, переплыл море, взобрался на скалу и двигался к цели.

Неудивительно, что на временном командном пункте царил полный хаос: никто не ожидал, что монстр сможет развить такую подвижность за столь короткий период времени, и все предыдущие планы пришлось отменить.

Симбионт или его часть лез на скалу в поисках «пищи». Похожие на щупальца конечности тянулись вперед, полагаясь на обоняние или какую-то другую сенсорную способность, чтобы найти залежи пластика, собранного в грузовиках.

Ли Шили махнул рукой и обернулся. Все трое сделали крюк, чтобы убраться с пути симбионта, который двигался вперед.

В следующий момент ракета взметнулась в ночное небо, а затем влетела в монстра. Она не принесла ему особого вреда, зато послужила сигналом для начала атаки. Сразу после этого военные открыли огонь из артиллерийских орудий, пули посыпались на симбионта проливным дождем, взрывы напоминали фейерверк на празднике, а свет пожаров освещал грубую

темно-фиолетовую кожу.

Но на чудовище это никак не влияло, вызывая не более чем легкий зуд. У него были дела поважнее, и он медленно, но неумолимо двигался к парковке.

Ли Шили хлопнул себя по лбу и сказал:

— Мы должны первыми добраться до грузовиков, чтобы подкормить «Цзяньму».

Ральф немедленно последовал за ним, и Кована ринулся следом.

Американец пробежал несколько шагов, остановился и сказал инуиту:

— Ты туда не пойдешь!

Прежде чем тот успел возразить, Ральф продолжил:

— У тебя есть еще один росток. Если мы потерпим неудачу, то ты — последняя надежда.

В критические моменты Ральф всегда обретал спокойствие. Он показал в противоположную от Цуруямы сторону:

— Это далеко от симбионта и других людей. Спрячься там и защити растение.

Кована посмотрел на Ральфа, затем на «Цзяньму» и кивнул:

— Я позабочусь о нем.

(43) Погоня

Ли Шили никогда не думал, что однажды на собственной шкуре испытает, что такое град пуль.

Очередная прошила воздух и просвистела у виска.

Симбионт выглядел раздутым и громоздким, но двигался довольно проворно. Ли Шили побежал, чтобы добраться до парковки раньше монстра, иначе мог не успеть.

Он тяжело дышал, но все равно чувствовал нехватку кислорода, чтобы обеспечить необходимую энергию. Ноги начали слабеть, а в глазах потемнело.

В последний раз Ли Шили так отчаянно бежал от оползня на мусорной свалке. На этот раз его преследовало нечто похуже.

Мимо промелькнула чья-то фигура, это Ральф с легкостью обогнал ученого.

— Быстрее давай! — У бывшего спецназовца даже хватило дыхания бросить пару слов на бегу.

Он подбежал к грузовику, начал развязывать веревки, удерживающие брезент, и как раз закон-

чил, когда подоспел Ли Шили.

— Быстрее, помоги мне поднять брезент, — приказал Ральф.

Ли Шили мчался так быстро, что перед глазами у него замельтешили звездочки, и он запыхался. Но сейчас явно не время отдыхать, и ученый из последних сил помог американцу.

«Цзяньму 2417» ожил и заерзал на плечах ученого, один из корней начал расти, чтобы добраться до пластика.

Ли Шили уперся руками в колени, отчаянно пытаясь отдышаться. Ральф обошел грузовик, снял растение с его плеч и бросил в машину. Затем потянул напарника за руку со словами:

— Нам пора сматываться!

Симбионт выдержал обстрел и уверенно двигался к ним. Огромное раздутое тело медленно ползло в сторону парковки, а вместе с ним обваливалась скала, и грохот крошащейся породы заглушал выстрелы и взрывы.

Нельзя сейчас уходить, хотелось крикнуть Ли Шили. Казалось, что-то пошло не так, но он не мог понять, что именно, а после чрезмерной физической нагрузки мышление у него притупилось.

— Мы не можем уйти! — Он сделал еще несколь-

ко вдохов, прежде чем крикнуть: — Мы не можем уйти! Слишком быстро! «Цзяньму» еще не успел вырасти!

Ли Шили показал пальцем себе за спину. Похожие на щупальца конечности симбионта находились всего в ста метрах от парковки.

У Ральфа было меньше секунды, чтобы обдумать дальнейшие действия. Он развернулся, забрался в кабину грузовика, разбив окно локтем, и заорал:

— Запрыгивай!

— Ты хочешь, чтоб я сел за руль? — пролепетал Ли Шили, глядя на дверь с левой стороны грузо-вика.

— В Японии праворульные автомобили, дубина! — Ральф уже возился с замком зажигания.

Монстр добрался до стоянки и протянул щупальца к первому грузовику, мгновенно раздавил машину весом более шестисот тонн. Главный вал сломался, искореженный металл издавал звук, от которого сводило скулы. Десятки щупалец погрузились в груду пластика, дрожа, наслаждаясь пиршеством, словно стадо диких кабанов, которым неведомы правила этикета.

— Скорее! — крикнул Ли Шили. Десятки грузовиков могли задержать симбионта лишь на

несколько минут. В это время к следующему грузовику прицепилась еще одна огромная конечность.

Ли Шили увидел, что у изогнутого тела гиганта появилась приподнятая, постепенно истончавшаяся часть, очевидно, это была еще одна конечность, которую монстр использовал для охоты.

Он эволюционировал до такой стадии, что мог разделяться по своему желанию и по мере необходимости.

— Быстрее! — взревел Ли Шили.

— Хорошо! — Ральфу наконец удалось включить зажигание, он выглянул в окно, включил нужную передачу, зажег фары и выехал со стоянки.

Артиллерийский огонь в какой-то момент прекратился, вероятно, у военных кончились боеприпасы или они начали отступать.

Непонятно, то ли сыграл свою роль свет фар, то ли рев грузовика, то ли симбионт действительно реагировал на движущиеся объекты, но Ральф увидел в зеркале заднего вида, как чудовище оторвалось от своей трапезы, развернуло конечности и погналось за ними.

Он чертыхнулся и вдавил педаль газа в пол.

Кована быстро шел по темному лесу. Ральф поручил ему защитить «Цзяньму», и он должен выполнить приказ.

Сзади доносились громкие звуки, напоминающие выстрелы. Похоже, завязался ожесточенный бой.

Я воин, подумал Кована, и мне нужно сражаться. А я сбегаю как последний трус, чтобы защитить какое-то растение.

Он покачал головой, отгоняя неприятные мысли, так как согласился с Ральфом, что защита этого ростка важнее всего остального. Сдержать обещание — истинная добродетель воина.

Между деревьями что-то мерцало. В темном лесу этот свет казался совершенно нереальным.

Кована пошел туда и выбрался на полянку, где кто-то зажег костер. Рядом с ним стояла палатка. Видимо, кто-то был здесь буквально только что.

Юный инуит называл себя воином, но от предков слышал лишь истории о борьбе с природой, холодом, тюленями и китами. У него не было опыта прогулок по темному лесу.

Он огляделся, но никого не заметил.

Вдруг кто-то за его спиной хрипло приказал:

— Не двигайся!

Кована резко обернулся, напугав обладателя

хриплого голоса. Обычно люди, услышав что-то подобное, не смеют и шелохнуться.

Кована увидел нож, направленный на него. Он на мгновение растерялся, а затем поднял глаза. Мужчина, стоявший напротив, выглядел знакомым. Это был один из немногих, чье имя он мог вспомнить.

— Ватанабэ! — с жаром воскликнул Кована, не обращая внимания на лезвие.

Ватанабэ Ю тоже узнал юного инуита:

— Кована?

Он в смущении убрал нож и встал, опустив руки.

— Ты что здесь делаешь?

— Мы пошли искать тебя, но в деревне никого не оказалось. Потом пришли какие-то люди. Мы думали, что они хотят нас арестовать, поэтому сбежали. Кстати, Ли сказал, что эта штука может справиться с симбионтом… — Кована указал на «Цзянму 2417» на своем плече. — Но он еще слишком маленький, чтоб справиться с таким великаном. Как только гора рухнула, симбионт вскарабкался наверх. Он больше, чем гора. Я не знаю, какого размера должно быть это растение, чтобы сразиться с новым симбионтом.

Кована пересказал Ватанабэ Ю последние изве-

стия. Японец спрятался в лесу и понятия не имел, что происходит снаружи.

Жители Унадзавы и Цуруямы погибли или убежали. Ватанабэ Ю не ожидал, что кто-то придет сюда. Первоначально он планировал жить в лесу вдали от толпы и умереть в одиночестве, решив, что таким образом искупит свою вину.

Кто же знал, что всего за несколько дней тут произойдет столько событий, сколько не происходило за все предыдущие десятилетия вместе взятые?

У юного инуита было азиатское лицо, а серьезные раскосые глаза сияли, когда он рассказывал Ватанабэ Ю о случившемся. Японец с улыбкой посмотрел на паренька. Он был ненамного старше его, но успел повзрослеть после всех превратностей судьбы. Свет в глазах Кованы вызывал у него зависть, ему уже таким никогда не стать.

Юноша тараторил и пританцовывал, а затем внезапно остановился.

— Кстати, одолжи свой нож.

— Зачем тебе? — спросил Ватанабэ Ю, протягивая оружие.

Кована взял его и взвесил в руке:

— Я хочу воевать.

Прежде чем Ватанабэ Ю успел понять, что имел

в виду молодой инуит, он увидел перед глазами вспышку зеленого света.

Кована сунул «Цзянму 2417» в руки японцу и строго наказал:

— Я доверяю тебе, ты должен защитить его. Если Ли и Ральф умрут, ты единственный, кто сможет спасти мир!

— Что? Что ты сказал? Погоди!

Эти слова привели Ватанабэ Ю в замешательство. Он хотел разобраться, что к чему, но инуит уже развернулся и нырнул в темноту.

Ватанабэ Ю опустил голову и посмотрел на странное растение, которое буквально силой впихнул ему Кована. Похоже на заурядную лиану с тигриными отметинами на листьях.

Что в нем такого особенного? Прямо-таки сможет спасти мир?

Он с большим интересом разглядывал «Цзяньму 2417». Потом заметил, что эта «лиана» как будто слегка дрожит и растет со скоростью, видимой невооруженным глазом, а затем почувствовал холод и зуд в груди. Там образовался комок жира, вызванный вторжением симбионта. После нескольких дней наблюдения Ватанабэ Ю пришел к выводу, что пока он держится подальше от пластика, эта опухоль не растет. Но он так

решил исключительно по внешнему виду, ведь было совершенно непонятно, могут ли раковые клетки симбионта, происходящие от белого медведя, распространяться и расти в организме человека.

Теперь жировой нарост вел себя странно.

Ватанабэ Ю протянул руку, коснулся его и обнаружил, что на груди растут какие-то нитевидные штуки, и когда он прикасался к ним, возникало тянущее чувство. Он быстро подошел к костру и посмотрел на свою грудь при свете огня. Оказалось, нити — это корни растения, которое он держал в руках.

Ощущение холода в груди становилось все сильнее. Жировой комок медленно сокращался, а корни «Цзяньму» набирали силу.

Этот сорняк поглощает меня, промелькнуло в голове Ватанабэ Ю.

Жир уменьшился вдвое. Он вспомнил, как в комиксах, которые когда-то читал, частенько обыгрывалась эта тема. Человека поглощало сверхъестественное существо, оставляя только сморщенную кожу или просто мокрое место.

Что если и с ним такое случится?

Ватанабэ Ю заорал от ужаса.

Как только Кована убежал в лес, выстрелы

прекратились, зато раздался лязг искореженного металла и, судя по звукам, начался хаос. В этот момент за его спиной раздался вопль.

Кована оглянулся и понял, что кричит японец.

Ему нужна помощь?

Кована крепче сжал нож, поколебался несколько секунд, а затем рванул обратно.

Грузовик мчался по ухабистой горной дороге, и тусклый свет фар освещал лишь небольшое расстояние перед ним.

— Не гони так! А то «Цзяньму» улетит! — крикнул Ли Шили.

— Оглянись и посмотри, можем ли мы притормозить!

Симбионт преследовал их. Ли Шили сначала думал, что монстр хоть ненадолго замешкается, пожирая остальные грузовики, но не ожидал, что тот окажется настолько жаден, что не захочет выпускать из щупалец ни капли пластика. Он тянул к ним странные конечности, а его тело закрыло всю стоянку, возвышаясь, как гора мяса. Своим брюхом — если, конечно, у симбионта имелось брюхо — он проглотил пластик из грузовиков и все полимерные детали.

— «Цзяньму» вырос? — снова спросил Ли Шили.

— Откуда я знаю? — Ральф взглянул в зеркало заднего вида и резко крутанул руль, объезжая большой камень.

Горная дорога становилась все уже и уже. Вероятно, ее протоптали жители близлежащих деревень. Такая тропка совершенно не годилась для машин. Но сейчас им не оставалось ничего иного, кроме как пробиваться вперед, стиснув зубы.

Симбионт не снижал скорости, когда грузовик въехал в лес. Гигантские размеры и особенности строения чудовища помогали сокрушить все, что препятствовало перемещению.

Казалось, дорога извивается петлей. По обе стороны простирался однообразный лес. Но пути назад не было, поскольку там их ждал симбионт.

Когда Ральф и Ли Шили подумали, что время застыло навсегда, дорога перед ними наконец изменилась.

Их ждал крутой поворот.

У Ральфа оставалось два варианта: продолжить ехать, развернуться и встретиться лицом к лицу с преследователем. Или проложить новую тропу среди деревьев.

Второй был вполне в духе американца.

Он нажал на педаль газа, и грузовик с ревом

съехал с дороги и покатился в чащу.

Окружающая действительность перестала быть монотонной. Машина принесла в этот вековой лес дикий шум и разрушение.

Ральфу пришлось сконцентрироваться на маневрировании, чтобы не въехать в какое-нибудь дерево, но проскочить, не касаясь их, ему, к сожалению, не удалось. В итоге грузовик потерял оба зеркала заднего вида, а симбионт подобрался совсем близко.

Если так дальше пойдет, то монстр их поймает, и Ральфу придется придумать что-то еще.

Ли Шили высунулся из окна и оглянулся.

— Ты почувствовал запах?

— О чем ты?

— Пахнет алкоголем!

— Можно остановиться?

Ученый тут же представил, как конечность симбионта раздавит грузовик, и громко крикнул:

— Пока нет!

Но мир не оставил им выбора. Впереди показался небольшой подъем. Ральф не стал медлить, прибавил газ и помчался вперед. Дальше местность еще круче уходила вверх, а впереди простиралось бескрайнее море.

Но падать до него метров сорок-пятьдесят.

— Тормози! — Ли Шили держался за ручку, готовясь к резкому торможению.

— Не могу остановиться! — прокричал в ответ Ральф. Он крепко вцепился в руль и посмотрел налево. Зеркала заднего вида они давно лишились, и он мог судить о местоположении симбионта только по треску деревьев позади.

— Мы упадем!

— А если остановимся, нам точно крышка!

Они летели к краю, и Ральф внезапно протянул руку и нажал на пряжку ремня безопасности Ли Шили.

— Удачи! — крикнул он, выбросив его из машины.

Дверь со стороны ученого уже давно исчезла, но удар был настолько сильным, что он выпал бы наружу, если бы заранее не вцепился в ручку на крыше.

Грузовик слетел со скалы.

— Ты… — Ли Шили сердито посмотрел на Ральфа, но тот состроил трагическую гримасу.

Они больше не падали, поскольку грузовик схватили гигантские щупальца симбионта.

Машина болталась кабиной вниз, а Ли Шили, держась обеими руками, висел снаружи.

Из кузова послышался хруст — монстр насла-

ждался свежей добычей.

Но вдобавок сильно пахло алкоголем.

— Подожди, я тебя затащу обратно. — Ральф отстегнул ремень безопасности и попытался переместиться в перевернутой кабине.

— Нет, давай сначала посмотрим, как поживает «Цзяньму», — с трудом прохрипел Ли Шили.

Он проявил решительность, так что Ральфу пришлось согласиться.

Американец развернулся в промежутке между сиденьями и пробрался в кузов.

Воздух наполнился приятным запахом алкоголя. Стебель «Цзяньму 2417» был уже толщиной с запястье Ральфа, и его ветви также увеличились, а широкие листья стали пышными и сочными. Корни вылезли наружу и оплели почти весь грузовик.

Щупальца симбионта изо всех сил пытались пробиться через сеть, сплетенную растением, жадно поглощая спрессованные блоки, которые не успел переварить соперник.

«Цзяньму 2417» обнаружил большое количество пластика в теле незваного гостя, и отдельные корни незаметно подобрались к щупальцам и медленно проникли в них.

Судя по всему, сейчас преимущество нахо-

дилось на стороне растения. Опутанные им щупальца сжались и потеряли жизненную силу.

Но ведь это лишь стотысячная часть огромного симбионта. Сможет ли «Цзяньму 2417» победить монстра?

Ральф, затаив дыхание, наблюдал за неестественной битвой.

Кована побежал обратно к костру и увидел, как Ватанабэ Ю оторвал гибрида от груди, швырнул его на землю и принялся топтать.

— Стой! — закричал Кована, подбегая. — Ты что делаешь?

— Это… что? — Японец попятился подальше от стеблей.

— Это «Цзяньму», синтетическое растение, изобретенное Ли. Оно может разлагать пластик. Оно также может производить спирт, разлагая пластик. Спирт может убить бактерии в симбионте, а затем победить большого монстра, — серьезно объяснил Кована.

— Он просто… хотел… сожрать меня, — сказал Ватанабэ Ю. Он посмотрел на свою грудь, опухоль уменьшилась до трети своего первоначального размера. Некоторые корни все еще оставались на поверхности кожи и слегка подрагивали. Ватанабэ Ю с чувством омерзения потянулся, чтобы

выдернуть их.

— Он же спасает тебя, — сказал Кована, поднял «Цзяньму» с земли и протянул Ватанабэ Ю.

— В смысле спасает?

— Он поглощает пластик в твоем теле, при этом выделяется алкоголь, который убивает бактерии, остаются только раковые клетки. Именно так сказал Ли.

Только раковые клетки — звучит как хорошая новость.

— Ты уверен? — спросил Ватанабэ Ю.

— Я думаю, это весьма эффективно, — Кована указал на грудь японца.

Ватанабэ Ю опустил глаза и увидел, что опухоль на его груди все еще есть, но больше похожа на сдувшийся шарик. Он вздохнул, взял побег из рук Кованы и прижал к себе.

«Цзяньму 2417» одержал уверенную победу в бою. Растение поглотило щупальца, дотянувшиеся до кузова, и они сжались, превратившись в морщинистую кожу. Однако от симбионта отделились новые, которые поползли в их сторону.

Гибрид продолжал вгрызаться в монстра, и щупальца, обвившие грузовик, постепенно теряли силу. Ральф обнаружил, что машина трясется, и попытался вернуться, чтобы спасти Ли Шили.

— Ли, подожди минутку, я сейчас!

Тело ученого болталось в воздухе, его руки побелели, он терял сознание. В отчаянии он поднял голову и посмотрел вверх. Пышные ветви и листья «Цзяньму» торчали во все стороны, и даже отсюда было видно, как сильно они разрослись. Ли Шили остался доволен.

Гибрид высосал щупальца. Грузовик внезапно скользнул вниз, а затем остановился, повиснув в воздухе на тонких корнях «Цзяньму 2417».

— Ли, держись!

Ли Шили посмотрел на свое детище, которое цеплялось за симбионта, и понял, что его план удался. Он глубоко вздохнул и крикнул:

— Не подходи! Надо отделить корни «Цзяньму»! Не дай ему упасть вместе с грузовиком!

— Но тогда ты… — Ральф знал, что Ли Шили прав. На поле боя Ральф частенько балансировал на грани жизни и смерти, но некоторые его товарищи погибли и сделали это достойно.

Но тут другое дело. Ли Шили был всего лишь обычным ученым. Это Ральф втянул его в эту странную битву, и Ватанабэ Ю…

Американец буквально на полсекунды почувствовал укол вины, но сейчас оставались дела поважнее.

— Было приятно иметь с тобой дело, ты столько раз меня спасал… — тихо сказал он, развернулся и забрался обратно в кузов.

Корневая система «Цзяньму» оказалась сильнее, чем ожидалось, иначе не выдержала бы веса грузовика. У Ральфа не было подходящих инструментов, поэтому приходилось полагаться на свои руки и зубы, чтобы вырвать как можно больше корешков.

«Цзяньму» незаметно вторгся в симбионта. Огромный монстр пока что не развил сознание, а потому не понял, что приближается опасность, так как весь близлежащий пластик теперь находился под его контролем, и он, кажется, регенерировал, как и раньше.

После перестрелки и погони казалось, что все замерло. Ветра не было, даже море словно оцепенело, а симбионт и «Цзяньму» вели свой незримый бой.

Только Ральф метался, изо всех сил пытаясь освободить растение.

С каждым оторванным корнем грузовик соскальзывал все дальше вниз, а ученый приближался к смерти. Но Ральф не мог остановиться, потому что корни и стебли над его головой угрожающе потрескивали. Нужно торопиться, чтобы

удержать растение на симбионте и позволить ему развиваться дальше, иначе оно не уничтожит полностью это уродливое чудовище.

— Ли, ты как?

Оставшиеся корни наконец не выдержали веса грузовика. Раздалась череда щелчков, и машина вырвалась из оков «Цзяньму» и упала во тьму.

В последний момент Ральф подпрыгнул и ухватился за толстый стебель. Он изо всех сил старался разглядеть, что там внизу, но от Ли Шили не осталось и следа.

Руки ученого полностью потеряли чувствительность, а силы почти закончились. В этот момент давление внезапно ослабло, грузовик оторвался от волокнистых корней и полетел вниз.

«Если бы я упал раньше, то машина раздавила бы меня».

Внезапно в голове Ли Шили мелькнула идея. В полете он уперся ногами в грузовик, чтобы оттолкнуться от кабины.

Затем раскинул руки, готовый принять свою судьбу.

«Жаль, что не удалось увидеть, как „Цзяньму“ побеждает симбионта».

Он думал, что это его последняя мысль.

Он думал, что внизу его ждет бурное море и

скалы.

Внизу действительно был каменистый пляж, Ли Шили упал бы с высоты в десятки метров, и раньше у него не осталось бы никаких шансов.

Но теперь все вокруг полностью скрыл симбионт, и Ли Шили тяжело приземлился на его поверхность.

В голове жужжало, как будто кто-то сильно ударил его по затылку. В глазах потемнело, и когда он очнулся, то обнаружил, что все его тело болит.

Но он все еще не умер.

Из-за боли и изнеможения ученый не мог пошевелить даже пальцем, и просто лежал плашмя. Поверхность монстра на ощупь напоминала человеческую кожу, только холодную и маслянистую.

Он вспомнил об умершем младенце своей одноклассницы.

Ли Шили лежал на спине, а грузовик приземлился рядом с ним.

В руках появились странные ощущения онемения, холода и покалывания, как будто в него вонзились бесчисленные иглы. Ученый попытался поднять руку, но его словно бы засасывала трясина. Краем глаза он увидел, что его кожа

слиплась с прохладным эпидермисом симбионта.

Чудовище начало его поедать.

Оказывается, его судьба — стать частью раковой опухоли.

У Ли Шили даже не было сил бороться, он лежал спокойно, а симбионт медленно поглощал его кожу и плоть.

Перед глазами вспыхнуло несколько ярких пятен, пронесшихся по небу, как падающие звезды. Пролетая над головой Ли Шили, они распались на дюжину ярких точек.

Вдалеке раздался взрыв. Оказалось, монстра снова бомбят истребители.

Где-то наверху бушевало пламя от взрывов. Но вскоре его форма изменилась: оно стало не красным, а бледно-голубым.

Оно собралось над симбионтом, словно огромный факел.

Голубой?

Это цвет горящего спирта!

Голубое пламя медленно распространилось от скалы к морю. Повсюду загорались новые и новые огни.

Это были пары спирта, появлявшиеся, когда «Цзяньму 2417» разлагал пластик в теле сим-

бионта. Если они где-то загорались, значит там растение отвоевывало территорию.

Хотя по сравнению с симбионтом, занимающим всю поверхность воды, эта область была пока очень мала, но никто не мог остановить ее распространение. Так единственная искра может вызвать пожар в прериях.

Голубое пламя напоминало неземное сияние, танцующее в воздухе.

Это пламя победы.

«Мы выиграли…»

Ли Шили закрыл глаза и лишился чувств.

Эпилог

Ли Шили очнулся и какое-то время не мог понять, где находится. Он уставился на молочно-белую штуковину над головой. Почти пять минут ушло на то, чтобы понять, что это люминесцентная лампа.

— Где… я? — пробормотал он низким и хриплым, словно бы чужим голосом.

— О, очнулся! — В поле его зрения появилась медсестра. Ученый не мог разглядеть ее лица, но чувствовал исходящую от нее сердечность. Он уже давно не контактировал с людьми…

Ли Шили заплакал. Он сам толком не понимал почему, но что-то затронуло глубокие струны его души.

— Где я?

Лицо исчезло, и стук высоких каблуков постепенно затих.

— Не уходите…

Спустя какое-то время он вернулся, а вместе с ним множество других звуков. Ли Шили попытался повернуть голову, но словно потерял собственное тело. «Что со мной?» Мысли пута-

лись, и он снова заплакал.

Сквозь слезы он увидел человека в маске, который посветил ему в глаза ярким фонариком. И целая толпа других людей проводила какие-то тесты…

— Где я? — снова спросил Ли Шили, но никто не ответил. Он глубоко вздохнул и хотел задать вопрос в третий раз, погромче, но сердце вдруг зашлось, в глазах потемнело, и он снова лишился чувств.

В течение следующих нескольких дней Ли Шили балансировал на грани забытья и бодрствования. Рядом постоянно кто-то находился. Симпатичная медсестра периодически болтала с ним. Но когда ученый спрашивал, где он и что произошло, никто не давал ответа.

По мере того, как он выздоравливал, фрагменты воспоминаний собирались воедино, и он вспомнил, что случилось в Японии, а также небольшой союз, который заключил с Ральфом, Кованой и Ватанабэ Ю. Как они? Как вообще мир?

Эти вопросы он задавал себе еще какое-то время. Погода за окном была отличная, ни холодная, ни жаркая, иногда накрапывал дождь, но в основном в комнату проникали солнечные лучи, и воздух был очень свежий, без смога, свой-

ственного северным городам. Он догадался, что находится в санатории на юге и конец света еще не наступил.

Постепенно к нему вернулась подвижность, он мог самостоятельно гулять по двору и греться на солнышке. По его просьбе медсестра приносила книги, но у него не было гаджетов и возможности выхода в Интернет.

На руках и спине остались следы операций. Медсестра пояснила, что это были кожные трансплантаты. Ли Шили вспомнил, как симбионт частично поглотил его. Вероятно, потом кто-то все-таки отрезал ученого от большого куска фиолетовой кожи.

Самое отвратительное, что симбионт переработал и часть его черепа. На затылке отсутствовали волосы, и медсестра сказала, что нужно еще немного подождать, прежде чем можно будет сделать пересадку.

В тот день Ли Шили расхаживал туда-сюда по двору, и тут в дверях появилась медсестра и попросила вернуться в палату.

Он вошел и увидел на кровати одежду, но не больничный халат, а повседневный костюм и пару кроссовок.

Ли Шили посмотрел на медсестру:

— Наконец-то ко мне пришли.

Медсестра кивнула и вышла из палаты, подождав, пока пациент переоденется, прежде чем отвести его в соседнее помещение.

Люди, сидевшие там, были ему хорошо знакомы. Всего трое, но зато самые близкие.

Ся Цян, Чэнь Янь и Ральф Гейбл.

Он кивнул профессору и Чэнь Яню, а затем обнял Ральфа, похлопал по плечу и спросил:

— Где Кована?

— Я отвез его обратно.

— А Ватанабэ Ю?

Американец покачал головой:

— Он в тюрьме. Я нашел для него хорошего адвоката, но он отказался. Он совершил несколько очень неблаговидных поступков и хочет понести наказание.

— Твое лицо… — Ли Шили заметил, что на лице американца от скулы до основания уха тянется шрам, а на лбу остались следы ожогов.

Ральф пожал плечами:

— Да так, фигня. С того дня…

— А сколько времени прошло?

— Полтора года, — Чэнь Янь опередил Ральфа.

— Я был в коме?

— Ну, порой ты приходил в себя, дружище,

но большую часть времени сознание было спутанным, — подмигнул он. — Сколько ты мне секретов разболтал!

Ли Шили попытался что-нибудь вспомнить, но тщетно.

— Ладно, хватит его дразнить, — серьезно сказал профессор.

Чэнь Янь улыбнулся Ли Шили и замолчал.

— И?..

— Мы победили симбионта, — Ся Цян поправил очки. — Правда, тем самым создали новые проблемы…

«Цзяньму 2417» действительно стал волшебным оружием для сдерживания симбионтов, и полностью уничтожил монстров, оказавшихся на суше. Японское правительство десятки раз прочесывало окрестности Цуруямы, чтобы убедиться, что никаких раковых опухолей там не осталось.

Но никто не знал, насколько велик симбионт и погибла ли та его часть, что скрыта под водой.

После этого Ся Цян и Ральф отвезли «Цзяньму» в США и Нидерланды. Гибрид успешно разрешил биологические кризисы и в этих странах.

Ся Цян остановился, но Ли Шили ясно видел, что он что-то не договаривает, а потому вопросительно посмотрел на Ральфа.

Тот усмехнулся:

— Этот твой росток слишком быстро разрастается. После победы над симбионтом он начал распространяться повсюду, лихорадочно ища пластик. Нам наконец удалось взять его под контроль. По подсчетам ущерб, нанесенный «Цзяньму» меньше, чем от симбионта, но все равно это достаточно внушительная цифра.

Ся Цян и Чэнь Янь неловко улыбнулись.

— Вы могли бы стать героями, спасшими мир, но в итоге заслуги окупили промахи, и никто не несет ответственности за потери, причиненные «Цзяньму», — Ральф пожал плечами. — Конечно, сыграли свою роль некоторые политические факторы, я не буду вдаваться в подробности.

Профессор указал на несколько зеленых растений, расставленных в помещении, и сказал:

— Это новые сорта, которые мы вывели.

— Что? — Ли Шили тут же встал, подошел к горшкам и внимательно их изучил.

Он уже долгое время лежал в палате, каждый день смотрел на эту зелень, но даже не заподозрил, что это собратья «Цзяньму».

— Есть новости поприятнее, — сказал Ральф, вынимая из сумки бутылку. — Это первая бутылка вина, произведенная на нашем винзаводе.

Мы договорились подождать, пока ты очнешься, чтобы ее откупорить.

— Я ничего подобного не говорил, — заворчал Ся Цян, — он только что пришел в себя, куда ему пить?

— Да плевать я хотел! Я слишком долго ждал, чтоб попробовать этот напиток, не считаете? — Ральф открыл бутылку и протянул руку к Чэнь Яню.

Тот уже достал несколько бокалов. Они явно договорились заранее.

Профессор вздохнул и выбрал бокал побольше:

— Это чтобы Сяо Ли досталось поменьше.

Непонятно, когда эта троица так спелась. Ли Шили улыбнулся. Они чокнулись, он сделал глоток.

Вино оказалось простецкое, от него саднило горло.

Ральф поставил бокал:

— Это продукт «Цзяньму».

Ся Цян сказал:

— Мы открыли экспериментальный завод в Шэньси, который работает на спирте, получаемом путем разложения древесного пластика. Это первая бутылка, и на вкус не очень. У более поздних партий букет чудесный. Вино отлично

продается.

— По крайней мере, нам больше не придется беспокоиться о финансировании экспериментов, — добавил Чэнь Янь.

Оказывается, столько всего произошло.

Ли Шили не знал, что сказать, но продолжал улыбаться и чокаться со своими гостями. Вино было таким крепким, что у него выступили слезы.

Они молча допили содержимое своих бокалов. Профессор встал и сказал:

— Мне нужно присутствовать на собрании, так что я пошел.

— Я вынужден откланяться, жду, когда ты вернешься на работу, брат, — Чэнь Янь тоже встал.

— А ты? — спросил Ли Шили у Ральфа.

— А я побуду твоей сиделкой! — ответил тот.

— Сиделкой?

— Нам тоже пора идти. Я возьму тебя на прогулку. — Ральф обнял Ли Шили за плечи. — Посмотрим на мир. Благодаря тебе он сильно изменился!

На улице ярко светило солнце, легкий ветерок гнал по небу облака.

Их первой остановкой стали Гавайи. После приезда Ли Шили всерьез задумался, не руковод-

ствовался ли Ральф эгоистичными интересами, когда сначала поехал именно туда.

Их встретила Маша.

— Ты спас нам жизнь, Ли! — она с энтузиазмом обняла Ли Шили, от чего ему стало не по себе.

— Я тебя чуть не угробил, — извиняющимся тоном сказал он.

В тот день «Карл Рейн» едва не затонул, и Ральф предложил экипажу сдаться японской береговой охране. Та приняла волонтеров, но поскольку они были заражены симбионтом, военным пришлось оставить их в море.

После победы над симбионтом Ральф выполнил свое обещание, данное Маше. Он нашел Кована, привез «Цзяньму» на борт корабля и всех вылечил. Наросты на лице Маши исчезли, разросшуюся кожу удалили хирургическим путем, на подбородке остался неглубокий шрам, который не бросался в глаза.

— А раковые клетки? — спросил Ли Шили.

— А ты не знаешь? — спросила Маша. — Растение впитало пластик и ушло, оставив несколько корней в теле. Их расположение маркировало местонахождение раковых клеток. Потребовалось всего лишь несколько раундов облучения. И все! — Маша подняла раскрытую ладонь и

подула на нее, как будто именно так избавилась от рака, а не проходила неприятную лучевую терапию.

— Вы все еще занимаетесь борьбой с китобойным промыслом?

— Нет необходимости после произошедшего на «Хаякагэ мару». Кроме того, Япония в настоящее время восстанавливается, у японцев нет времени выходить в море для охоты на китов. Теперь я обычный ветеринар. Во мне нуждаются многие другие животные… — Маша подмигнула. Ее голубые глаза по-прежнему были очаровательны. Затем она перевела взгляд на Ральфа. — Сейчас я обосновалась на Гавайях. Так что приезжайте в гости.

В следующий раз, когда Ральф заговорит о Гавайях, лучше пусть едет один, подумал Ли Шили.

Они встретились с Хэтчером. Бывший пожарный слишком много пережил на «Карле Рейне», вернулся в Соединенные Штаты, отошел от дел и теперь они с женой просто спокойно жили на пенсии.

В Японии Ральф и Ли Шили заглянули в лес недалеко от Цуруямы. Небольшая группа местных жителей вернулась сюда и занялась выращива-

нием риса и рыбной ловлей.

Наконец Ли Шили вернулся в родную деревню. Новый дом достроили, и двухэтажное здание выглядело высоким и стильным.

«Цзяньму» убрал весь мусор на берегу, и вода вновь обрела прозрачность. Деревенские снова разбили морские плантации. Как оказалось, Чэнь Янь привозил сюда «Цзяньму», чтобы очистить организм местных жителей от пластика. Гибрид сработал исправно, но все ходили навеселе несколько дней.

Однако родители не захотели здесь больше жить. Они решили переехать в город и поселиться рядом с сыном.

За то время, пока он находился в коме, пожилая чета приезжала в больницу бесчисленное количество раз, и постоянно порывалась остаться и заботиться о своем мальчике, но Ся Цян отправлял их обратно. Старый профессор нанял для Ли Шили лучшую медсестру, которая опекала его.

Теперь Ся Цян помог старикам снять дом в городе. Они открыли ларек по продаже завтраков, чтобы подзаработать, и жили вполне комфортно.

Кажется, все вернулось на круги своя.

После долгих прогулок Ли Шили наконец вспомнил:

— А что случилось с «Цзяньму»?

— Ну наконец-то, я думал ты и не спросишь. — Ральф рассказал Ли Шили о том, что произошло за последние полтора года.

«Цзяньму 2417» в Японии после победы над симбионтом разросся больше, чем сам симбионт. Однако оказалось, что у растения есть слабость, оно не могло долго выживать в морской воде, поэтому та его часть, что оказалась в океане, быстро завяла. На суше оно продолжало рыскать повсюду в поисках пластика, но когда смело весь, перестало расти. Из соображений безопасности Япония уничтожила его, сохранив достаточное количество образцов.

Два ростка «Цзяньму», привезенные в Соединенные Штаты и Нидерланды Ральфом и Ся Цяном, по завершении возложенных на них миссий постигла та же участь.

Позже профессор так и не смог воспроизвести «Цзяньму 2417» с аналогичными свойствами в лаборатории, однако благодаря этому кризису его проект прославился, и ему больше не приходилось беспокоиться о средствах, как раньше. В течение года Ся Цян и Чэнь Янь сформировали

команду из более чем пятидесяти человек и вывели несколько растений, способных разлагать пластик. В настоящее время все было стабильно. Как только станет понятно, что с этими новыми гибридами нет никаких проблем, об открытии объявят на весь мир.

Симбионт стал причиной паники, «Цзяньму» спас мир, подарив человечеству еще немного времени, чтобы оно успело одуматься. Но, как сказал Ральф, все вернулось на круги своя, в том числе и человеческая привычка мусорить.

Десять месяцев назад на острове Бали в Индонезии объявился еще один симбионт, который поглотил больше четырех тысяч туристов и захватил весь остров. Только тогда до людей дошло, что пока они будут скидывать отходы в море, не смогут избавиться от этого монстра.

Программа ООН по окружающей среде запустила план в надежде найти альтернативные материалы, позволяющие сократить количество отходов, образующихся в результате жизнедеятельности человека, до пятнадцати процентов от нынешнего уровня и полностью контролировать пластиковое загрязнение.

Однако человечество успело выкинуть в океан не менее одного миллиарда тонн мусора. Причем

крупный, плавающий на поверхности, составлял всего тридцать процентов, а остальные семьдесят — пластиковые частицы на всех уровнях океана.

Китайское глубоководное исследовательское судно даже обнаружило частицы пластика в пробах воды, собранных со дна Марианской впадины.

На белоснежных пляжах Бали теперь никого не было. Во время прошлого кризиса «Цзяньму» вновь победил симбионта. И пусть основой экономики острова являлся туризм, трагедия омрачила сознание каждого, и сюда перестали ездить на отдых.

На краю пляжа через каждые двести метров стоит ряд прозрачных инкубаторов, в которых посажен «Цзяньму 2417», выведенный Ли Шили. Это своего рода оборонительный ров для человечества.

Но это всего лишь защитные меры. Ли Шили посмотрел на голубую воду. Вот он, рай для симбионтов, куда люди не в состоянии добраться.

В океане достаточно пластика, чтобы монстр смог затаиться на долгое время, пока не найдет возможность снова вернуться на сушу.

Конечно, люди не будут глупо ждать. У Ли Ши-

ли появилась новая цель — помочь человечеству и гарантировать, что они смогут победить и в следующий раз, столкнувшись с пластиковым кризисом.

Год спустя

Ватанабэ Ю нетвердой походкой вошел в комнату для свиданий, где его ждал высокий американец.

— Господин Ральф, вы снова здесь, — сказал Ватанабэ Ю и, прежде чем тот успел заговорить, добавил: — Я не передумаю. Я хочу искупить свои грехи здесь.

— Виноват ты или нет, не тебе решать, — ответил Ральф с улыбкой, явно готовый к реакции японца. — Последнее слово за судьей.

Ватанабэ Ю понурился:

— Судья знает, что я натворил.

— Может быть, судье следует знать, почему ты это натворил. — Ральф откинулся на спинку стула. Тот явно не предназначался для людей его роста.

Ватанабэ Ю опустил голову и промолчал.

Ральф подождал некоторое время, а затем изменил тактику. Он сказал:

— Ну, дай мне хоть попробовать, а? Чем черт не шутит, вдруг получится?

— Но… — Ватанабэ Ю колебался. — Даже если я

выйду, что мне делать дальше?

— Да дел невпроворот. — Американец усмехнулся. — Я теперь считаюсь героем, который спас мир. Многие богатеи готовы сделать пожертвования на благое дело, но я нацелен на нечто большее. — Он наклонился вперед, посмотрел на Ватанабэ Ю и медленно проговорил: — Мне нужна твоя помощь, чтобы изменить человечество и весь мир в лучшую сторону.

— Но…

Ральф снова напустил на себя циничный вид.

— Если ты останешься здесь, то ничего не сможешь сделать. А вот если выйдешь, то послужишь человечеству. Ты хочешь искупить грехи. За день на воле сделаешь больше, чем за год тут, арифметика-то простая.

Ватанабэ Ю потянулся и осторожно почесал грудь, шрамы, оставленные там симбионтом, постоянно зудели. Теперь это чувство сменилось другим ощущением — легкой дрожью, перешедшей от груди к кончикам пальцев.

Это было его собственное сердцебиение.

Он еле заметно кивнул.

Ральф засмеялся, встал и постучал по столу указательным пальцем:

— Хорошо, я займусь этим.

Ватанабэ Ю наблюдал, как Ральф исчез за дверью, и теперь с нетерпением ждал будущего.

Вертолет приземлился на снег, и прежде чем его винты полностью остановились, кто-то выскочил из кабины.

Инуиты собрались по двое и по трое и посмотрели на гостя, у которого было такое же желтое лицо, как и у них.

— Ли! — Кована отделился от толпы и бросился к китайцу.

— Привет, братишка!

Два молодых человека, одетые в несколько слоев теплой одежды, неловко обнялись.

— Почему ты здесь? — спросил Кована.

— Сегодня тебе исполнилось восемнадцать. У нас это начало взрослой жизни.

— Поздно же вы взрослеете.

— Слушай, у меня для тебя подарок!

— Какой?

Ли Шили обернулся и свистнул. Из вертолета выпрыгнул пушистый маленький зверь, чья белая шерстка почти сливалась со снегом. Он радостно подбежал к Ли Шили и потерся о его штанины розовым носом.

— Белый медвежонок?

— Не просто медвежонок, а тот самый медве-

жонок, — пояснил Ли Шили. — Он восстановлен с помощью ДНК, которую я извлек из раковых клеток. Это клон Могли.

Кована подхватил медвежонка на руки и сказал:

— Привет, Могли. — Он повернулся к Ли Шили и сказал: — Спасибо за подарок. Завтра я отведу его на льдину.

— На льдину? Но… — Ли Шили удивился.

— Он любит природу, — сказала Кована. — Правда, малыш?

— Ты прав, мы все должны вернуться к природе, — сказал Ли Шили. — К своей природе.

Он огляделся вокруг. Это было самое чистое место, которое он когда-либо видел. В воздухе даже не было запахов.

Инуит взял белого медвежонка на руки и зарылся лицом в его пушистое пузико. Малыш радостно засопел.

Эти двое через многое прошли.

После той битвы Кована стал настоящим воином, тогда его противником был не тюлень, белый медведь или кит, а огромное чудовище, невиданное доселе в истории инуитов.

Ральф хотел отвезти Кована в Соединенные Штаты, чтобы парнишка рос там. Но тот вернулся

домой, теперь уже с новым титулом: «Хранитель Севера».

Юный инуит хотел охранять Северный полюс, чтобы не допустить нападения симбионтов на людей.

Он наконец обрел свою мощь.